

ЛИТЕРАТУРА

В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин

Часть 1

8

Л ИТЕРАТУРА

В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин

8 класс

Учебник

В двух частях

Часть 1

*Допущено Министерством просвещения
Российской Федерации*

12-е издание, переработанное

Москва
«Просвещение»
2023

УДК 373.167.1:821.09+821.09(075.3)

ББК 83.3(0)я721

К68

Учебник допущен к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования организациями, осуществляющими образовательную деятельность, в соответствии с Приказом Министерства просвещения Российской Федерации № 858 от 21.09.2022 г.

На обложке — репродукция картины художника А. К. Саврасова
«Вид на Московский Кремль. Весна». 1873

Условные обозначения:

Проверьте себя

Учимся читать выразительно

Размышляем о прочитанном. Опыт литературоведческого исследования

Проект

Обогащаем свою речь

Фонохрестоматия

Литература и другие виды искусства

Внеклассное чтение

Творческое задание

Коровина, Вера Яновна.

К68 Литература : 8-й класс : учебник : в 2 частях / В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин. — 12-е изд., перераб. — Москва : Просвещение, 2023.

ISBN 978-5-09-102514-9.

Ч. 1. — 415 с. : ил.

ISBN 978-5-09-102515-6.

Учебник подготовлен в соответствии со всеми требованиями ФГОС ООО, утверждённого Приказом Министерства просвещения № 287 от 31.05.2021 г., и Примерной рабочей программой основного общего образования.

Учебник входит в учебно-методический комплект для 5—9 классов завершённой предметной линии под редакцией В. Я. Коровиной, призванной обеспечить достижение личностных, метапредметных и предметных результатов, определённых во ФГОС ООО по предмету «Литература», овладение системой универсальных учебных действий. Учебник способствует развитию творческих и коммуникативных способностей обучающихся.

УДК 373.167.1:821.09+821.09(075.3)
ББК 83.3(0)я721

ISBN 978-5-09-102515-6 (ч. 1)
ISBN 978-5-09-102514-9

© АО «Издательство «Просвещение», 2014, 2023
© Художественное оформление,
АО «Издательство «Просвещение», 2014, 2023
Все права защищены

ВВЕДЕНИЕ

Художественная литература возникла и изменялась в ходе исторического развития человечества. Эта бесспорная истина подтверждает ту мысль, что литература и история прочно связаны. Литература отображает историческую действительность, в которой она существует, а также прошлое и будущее.

Описывая жизнь в прошлом или будущем, писатель исходит в своём понимании из собственных исторических представлений. Для того чтобы передать ушедшую эпоху, он должен хорошо представлять её исторический дух. Он обязан знать, как люди думали, говорили, какими были их быт, семейные и общественные отношения.

Например, если, изображая баснописца Эзопа, писатель представит его поэтом, то допустит непростительный промах, потому что в то время басни стихотворной ещё не было, а была лишь басня прозаическая. Точно так же если писатель изобразит летописца в виде современного автора, создающего произведение о Древней Руси в духе современной литературы, то он совершит ошибку, ибо литература Древней Руси — это произведения, в которых исторические события осмыслены в религиозном духе и имеют символическое значение. Эти особенности были в полной мере учтены и соблюдены Пушкиным в «Песни о вещем Олеге» и в «Борисе Годунове».

В последующее время в исторических произведениях главную роль стал играть художественный вымысел. От писателя требовалась историческая похожесть изображения действующих лиц во времени и пространстве. Воспроизводимая эпоха стала пониматься как определённая культурная общность. Так в науке о литературе возникло новое понятие — **хронотоп** (от греческих слов *chronos* — время и *topos* — место). Оно стало обозначать единство временных и пространственных связей, важных для уяснения смысла художественного произведения. Это понятие применительно к литературе развил русский философ М. М. Бахтин.

Теперь при изучении художественных произведений на историческую тему («Война и мир» Л. Толстого, «Пётр I» А. Толстого, «Тихий Дон» М. Шолохова, романы о Великой Отечественной войне и др.) учитывается точка зрения М. М. Бахтина.

В ходе наблюдения за русской литературой было замечено её своеобразие в изображении чужих стран, иностранных культур. В знаменитой речи об А. С. Пушкине Ф. М. Достоевский высказал глубокую мысль о восприимчивости русского народа и его умении усвоить лучшие стороны жизни и культуры других народов. Благодаря этому русский человек, оставаясь русским, хорошо по-

нимал дух чужой культуры. Эта особенность, названная писателем «всемирной отзывчивостью» и свойственная Пушкину, стала художественно-историческим достоянием всей русской литературы.

Из этого краткого рассуждения на тему «Русская литература и история» можно сделать главный вывод: история и литература неразлучны.

Задача искусства — изображать жизнь в свете художественного идеала. Это не значит, что художник обязан рисовать идеальные картины. Историческая жизнь людей, в том числе жизнь современная, далеко не идеальна.

В данном случае под словом «идеал» понимается представление о прекрасном, гармоничном, совершенном состоянии человечества, которое в той или иной степени есть у каждого писателя.

Писатель может воплощать в своём творчестве самые отвратительные картины жизни, но их изображение должно быть подчинено законам искусства, т. е. законам красоты — прекрасного, гармоничного и совершенного. Если искусство писателя окажется неумелым, то картины жизни никого не убедят. При этом хорошие намерения будут подвергнуты сомнению, а дурные идеи не вызовут никаких чувств, кроме раздражения.

Значит, под словами «художественный идеал» подразумеваются те мысли о счастливом будущем человечества, которые писатель выражает по законам прекрасного и гармоничного.

Какие возможности есть у писателя, чтобы передать читателям своё представление об идеале прекрасного?

Во-первых, такие картины писатель может найти в современной ему жизни, в прошлом или в будущем. Точно так же он способен в своих современниках увидеть прообразы будущих положительных персонажей. Но если какие-то стороны действительности не удовлетворяют писателя и даже вызывают у него негодование, то, помимо этого, в его арсенале найдётся острое и очень эффективное, действенное оружие — смех — в его разнообразных видах, от юмористического до сатирического. Смех в словесном искусстве — это не только обличение, ирония и насмешка. Это способ духовного и душевного «лечения» всех недостатков человека и несовершенства мира. Высмеять тот или иной предмет, то или иное общественное явление, того или иного человека — значит указать на их уродливость, на искажения и досадные отступления от общественных и личных идеалов. Писатели часто прибегают к смеху, чтобы побудить общество или людей исправить, изжить пороки. Даже если общество и люди не поддаются «лечению» смехом, то в здоровом обществе в умах людей всё-таки возникает непримиримое отрицательное отношение к недостойным явлениям, страстям и поступкам. Как бы ни были малы взятки чиновников в «Ревизоре» Гоголя, они остаются «грешками» и не могут быть оправданы. Следовательно, если смех Крылова, Гоголя или Салтыкова-Щедрина не унич-

тожил взятки, то он вывел их за границы норм общественного поведения, признав их преступными деяниями. Если раньше писатели были твёрдо уверены, что достаточно высмеять пороки общества и человека, чтобы общество и человек ужаснулись самим себе, то в истории случилось иначе: пороки ушли в подполье, стали тайнами, им уже не место при свете совести.

Проверьте себя

1. С какими выдающимися деятелями русской истории вы встречались в литературных произведениях, изученных в школе или прочитанных самостоятельно?
2. Какие важные исторические события были изображены писателями в литературных произведениях, прочитанных вами? Назовите эти произведения и их авторов.

Обогащаем свою речь

Используя материалы вступительной статьи и Интернета, расскажите о писателях, отразивших в своём творчестве события мировой истории, сопроводив свой рассказ примерами из прочитанных вами произведений.

В своём рассказе используйте слова и словосочетания: *судьба страны, общество, публицистика, летописные своды, несомненные художественные достоинства, творец, исторические судьбы, многие века, национальное самосознание, достижения науки, гордиться русской литературой, героические страницы русской истории, европейская жизнь, большое историческое полотно.*

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Каждая победа русских воинов в тяжкие годы привлекала к себе восхищённое внимание современников. Был провозглашён святым новгородский, а затем и великий владимирский князь Александр Ярославич, одержавший две славные победы на западных рубежах Новгородской земли. «Повесть о житии... Александра Невского», строго говоря, лишь отдалённо напоминает традиционное житие святого: на первый план в ней выступают воинские подвиги, а не христианские добродетели князя, хотя он предстаёт перед читателем как благородный христианин, с горячими молитвами обращавшийся к Богу, хотя на помощь ему и его воинам приходят небесные силы, предводительствуемые святыми воителями, князьями Борисом и Глебом. Особенно подробно описано в «Повести...» сражение на Ижоре, притоке Невы; в память об этой победе над шведами Александр и получил почётное прозвание Невский.

О. Творогов

Проверьте себя

1. Какие произведения древнерусской литературы вы прочитали в предыдущих классах? Какие из них вам запомнились? Расскажите, о чём эти произведения.
2. **Дискуссия.** Какие темы привлекали внимание авторов древнерусской литературы?

«Повесть о житии и о храбрости благородного и великого князя Александра Невского»¹. Деяния и подвиги Александра Ярославича Невского, князя Новгородского, великого князя Киевского, великого князя Владимирского, в монашестве — Алексия, хорошо известны и по памятникам истории, и по знаменитому кинофильму С. Эйзенштейна, и по историко-художественным книгам. Его жизни посвящена «Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра, или Повесть о житии Александра Невского», написанная в XIII веке, уже после кончины героя повести, неизвестным книжником, принадлежавшим, как предполагают историки, к окружению владимирского митрополита Кирилла.

О личности Александра Невского у историков нет однозначного мнения, как в отношении Сергия Радонежского. Одни историки видят серьёзные ошибки и просчёты в деятельности князя. Они полагают, что Александр Невский напрасно уступил ордынцам Новгород, куда их нашествие не доходило, и вообще

¹ Александр Невский (1220—1263) — русский князь новгородский, затем владимирский.

слишком подобострастно относился к восточным врагам Руси. Другие считают, что у князя не было выбора: ему непременно надо было помириться с татаро-монголами, чтобы отстоять Русскую землю от западных захватчиков. Третьи целиком оправдывают князя, помня его заслуги в победах над шведами, тевтонами — немецкими рыцарями и литовцами, покусившимися на русские земли.

Александр Невский действительно был великим полководцем. Он, как и впоследствии А. В. Суворов, не проиграл ни одной битвы, как и впоследствии Пётр I, дал отпор шведам в битве на Неве. Недаром в годы правления Петра Великого мощи Александра Ярославича были перенесены в Санкт-Петербург. Но главная битва князя, получившая название «Ледовое побоище», состоялась на Чудском озере. Там 5 апреля 1242 года были разгромлены тевтоны, у которых надолго была отбита охота нападать на русские земли. Так или иначе, но заслуги князя Александра перед Русью огромны. Поэтому и народ, и православная церковь почитают его как героя-полководца и святого.

Александр Невский был канонизирован в 1547 году Московским собором в лике святых благоверных.

О князе создано множество книг. Вот некоторые из них:

Югов А. Ратоборцы.

Ян В. Юность полководца.

Васильев Б. Александр Невский.

Повесть о житии и о храбрости благородного и великого князя Александра Невского¹

«Повесть о житии... Александра Невского» была написана, как считают учёные, вскоре после смерти великого князя, в 80-х годах XIII века, книжником монастыря Рождества Богородицы во Владимире. Здесь было погребено тело князя, здесь же в конце XIII века началось его почитание как святого. Автор жития называет себя современником князя, «самовидцем», свидетелем его жизни; по своим воспоминаниям и рассказам соратников Александра он и создаёт его жизнеописание.

Автор «Повести о житии... Александра Невского» был человеком начитанным и писал в соответствии с лучшими образцами мировой литературы. Он последовательно рассказывает о трёх подвигах Александра: о битве на Неве, о Ледовом побоище и о поездке в Орду. Два первых подвига — бранные, последний — подвиг самопожертвования. Александр поехал к хану «отмолить людей от беды», чтобы ордынцы не заставляли русских людей нести военную

¹ В рукописях житие Александра Невского не имеет устойчивого заголовка и называется «Повесть о житии и о храбрости...», «Слово о великом князе...», «Житие блаженного великого князя...».

«Александр Невский».
Центральная часть триптиха¹
«Александр Невский».
Художник П. Корин. 1943 г.
Государственная Третьяковская
галерея, Москва

службу. Существует предположение, что смерть Александра на обратном пути из Орды вызвана тем, что он был отравлен в ханской ставке...

«Повести о житии... Александра Невского» подражали, её цитировали, ей следовали как литературному образцу. Она оставила заметный след в развитии древнерусской литературы, её влияние сказывается во многих других княжеских житиях и воинских повестях.

¹ *Триптих* — произведение искусства из трёх картин, рисунков и т. п., объединённых общей идеей.

Я, ничтожный, многогрешный и неразумный, решаюсь писать житие святого князя Александра, сына Ярослава, внука Всеволода. Слышал я о нём от отцов своих и был самовидец деяний его, потому и рад поведать о честной и славной жизни его.

Сей князь Александр родился от князя великого Ярослава и от матери Феодосии. Рост его был больше других людей, а голос его как труба в народе, лицо же его как лицо Иосифа¹, которого поставил египетский царь вторым царём в Египте. Сила же его была частью силы Самсона. И дал ему Бог премудрость Соломонову, а храбрость царя римского Веспасиана², который пленил всю землю Иудейскую. Так и князь Александр побеждал, но был непобедим.

Потому и пришёл из западных стран некий знатный человек по имени Андреяш³, из тех, кто называют себя слугами Божьими. Он желал увидеть дивную силу князя Александра. Увидев его, он возвратился к своим и сказал:

— Я прошёл многие страны и народы, но не видел такого ни в царях, ни в князьях князя.

И услышал король полуночной части Римской страны⁴ о таком мужестве князя Александра и подумал про себя: «Пойду и пленю землю Александрову».

И собрал король силу великую⁵, наполнил множество кораблей полками своими и двинулся в силе тяжкой, дыша духом ратным. И когда он пришёл в Неву, шатаясь от безумия, послал он, загородившись, послов своих в Новгород к князю Александру, говоря:

— Я уже здесь, пленяю землю твою. Можешь ли противиться мне?

Александр же, услышав слова эти, разгорелся сердцем, и вошёл в церковь Святой Софии, и пал на колени перед алтарём, и начал молиться со слезами:

— Боже великий и крепкий, основавший землю и положивший пределы народам и повелевший им жить, не преступая в чужую часть!

¹ *И́осиф* — библейский герой, за красоту его прозвали Прекрасным. Братья из зависти продали его в рабство в Египет, где фараон, поражённый его мудростью, назначил его вторым правителем.

² *Веспаси́ан* — главнокомандующий римскими войсками в Иудейскую войну, когда был взят и разрушен Иерусалим.

³ *Андре́яш* — магистр Ливонского ордена. Орден учреждён в 1237 году для покорения Прибалтики, называвшейся тогда Ливонией.

⁴ Римской страной назывались все земли католического Запада.

⁵ Во главе шведского войска стояли князь Биргер и ярл (правитель) Ульф Фаси.

Рассуди меня, Господи, с обидящими меня, побори борющихся со мною, возьми оружие и щит, стань в помощь мне!

Окончив молитву, Александр встал и поклонился архиепископу. Архиепископ же благословил его и отпустил. Он же вышел из церкви, утёр слёзы и начал укреплять дух дружины своей, говоря:

— Не в силе Бог, но в правде.

И пошёл на врагов в малой дружине июля 15-го, не дожидаясь, когда соберётся вся сила его, но крепко веря в помощь святых мучеников Бориса и Глеба¹.

Был некий муж, старейшина в земле Ижорской, по имени Пелгусий. Ему была поручена ночная стража морская. Пелгусий принял святое крещение и жил среди своего рода, остававшегося в язычестве. И жил он богоугодно, в среду и в пятницу соблюдая пост. Потому и сподобил его Бог увидеть видение страшное в тот день. Скажем о том вкратце.

Увидел он силу ратную, идущую против князя Александра, и решил рассказать князю о станах их. Стоял он у края моря и следил за путём их и был всю ночь в бдении. И когда начало всходить солнце, услышал он шум страшный на море и увидел насад², плывущий по морю. Посреди насада стояли святые мученики Борис и Глеб в одеждах червлёных, положив руки друг другу на плечи. Гребцы же сидели, словно одетые мглюю. Сказал Борис:

— Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему князю Александру.

Видя такое видение и слыша такие слова мученика, Пелгусий стоял в трепете, пока насад не скрылся от очей его.

После этого вскоре приехал князь Александр, и Пелгусий с радостью в очах рассказал ему одному о видении. Князь же сказал ему:

— Никому не рассказывай сего.

И решил Александр напасть на врагов в шестом часу дня³. И была сеча велика над римлянами, и избил их Александр бесчисленное множество, и самому королю возложил печать на лицо острым своим копьём.

Здесь же в полку Александровом явилось шесть мужей храбрых, которые вместе с ним крепко сражались.

¹ *Борис и Глеб* — сыновья киевского князя Владимира Святославича, убитые своим старшим братом Святополком, впоследствии прозванным за это Окаянным.

² *Насад* — вид судна с высокими набитыми бортами, имеющего одну мачту и парус.

³ Часы считались от восхода солнца.

Один — Гаврила Алексич. Он на коне въехал по доске до самого корабля. И побежали враги перед ним на корабль, а затем обернулись и сбросили его с доски вместе с конём в Неву. Божьею милостью он вышел из реки невредим и снова бросился на врагов и бился с самим воеводой среди полка их.

Другой — новгородец, по имени Збыслав Якунович. Он много раз нападал на полк их и бился с ними одним топором, не зная страха в сердце своём. И пало несколько человек от руки его. И подивился Александр силе и храбрости его.

Третий — Яков, полочанин, был ловчим¹ у князя. Он наехал на полк с мечом и мужествовал, и похвалил его князь.

Четвёртый — новгородец, по имени Миша. Он пешим бросился на корабли и погубил три корабля с дружиной своей.

Пятый, по имени Савва, был из младшей дружины. Он наехал на великий шатёр короля златоверхий и подсёк столп его. Полки же Александровы обрадовались, увидев падение шатра.

Шестой был одним из слуг князя Александра, по имени Ратмир. Он бился пешим, и много врагов окружили его. Он же упал от многих ран и так скончался.

Всё это я слышал от господина своего великого князя Александра и от других, кто был тогда в той сече.

И победил Александр короля, а остальные побежали и покидали убитых на корабли и потопили их в море. Князь же Александр возвратился с победою, хваля и славя имя своего Творца.

На третий год после победы над королём князь Александр в зимнее время пошёл в великой силе на землю Немецкую, дабы не похвалялись, говоря: «Посрадим народ славянский».

Уже был тогда град Псков взят² и наместники немецкие посажены там. Князь же Александр вскоре взял город Псков и немцев иссек, а иных в плен взял и город освободил от безбожных немцев. А землю их повоевал и пожёг и полона взял без числа. Другие же города немецкие собрались и сказали: «Пойдём и победим Александра и возьмём его руками».

Когда они приблизились, заметила их стража. Князь же Александр ополчился и пошёл против них, и сошлись они на Чудском озере. И покрылось озеро Чудское множеством воинов.

Отец же его, Ярослав, прислал ему брата меньшего Андрея на помощь со множеством дружины. Также и у князя Александра было

¹ Лѡвчий — охотник.

² Был тогда град Псков взят — Псков был взят ливонскими рыцарями в 1240 году.

множество храбрых, как в древности у Давида царя, сильных и крепких. Так и мужи Александровы исполнились духом ратным, ибо были сердца их как сердца львов, и сказали они:

— О княже наш честный! Ныне пришло нам время сложить головы свои за тебя.

Князь же Александр, воздев руки к небу, сказал:

— Суди меня, Боже, и рассуди распрю мою с народом высокомерным и помоги мне, Господи, как в древности помог Моисею на Амалика¹ и прадеду нашему Ярославу на окаянного Святополка.

Была тогда суббота. Когда всходило солнце, сошлись обе стороны. И была сеча злая, и треск от ломления копий, и звук от сечения мечей, словно замёрзшее озеро двинулось. И не было видно льда, ибо покрылся кровью.

Слышал же я от самовидца, который говорил мне:

— Видел я в воздухе полк Божий, пришедший на помощь Александру.

И так победил он врагов с помощью Божией. Показали они плечи свои. Он сёк и гнал их, словно летел по воздуху, и некуда было им бежать. И прославил Бог Александра перед всеми полками, как Иисуса Навина² у Иерихона. И тех, кто говорил: «Возьмём Александра руками», — предал Бог в руки его. И не было ему равного в брани. И возвратился князь Александр с победою славною. И было множество пленных в полку его, и вели босыми подле коней тех, кто называет себя Божьими рыцарями.

И когда приблизился князь к граду Пскову, игумены, и попы, и весь народ встретили его перед городом с крестами, и воздали хвалу Богу, и пели славу господину князю Александру.

И было прославлено имя его по всем странам до моря Египетского и до гор Араратских, по ту сторону моря Варяжского³ и до великого Рима.

В то время был царь сильный в стране Восточной⁴. Ему покори́л Бог многие народы от востока и до запада. Тот царь, услышав, что Александр так славен и храбр, послал к нему послов и сказал:

¹ *Моисей* — ветхозаветный пророк, *Амалик* — вождь племени амаликитян, оказавший сопротивление израильтянам на их пути из Египта.

² *Иисус Навин* — ветхозаветный пророк и полководец.

³ *Море Египетское* — часть Средиземного моря, *море Варяжское* — Балтийское море.

⁴ *Царь в стране Восточной* — хан Батый.

— Знаешь ли ты, Александр, что Бог покорил мне многие народы? Неужто ты один не покоришься мне? Если хочешь уберечь землю свою, то приезжай скорей ко мне и увидишь честь царства моего.

Князь же Александр по смерти отца своего приехал во Владимир в силе великой. И был грозен приезд его. Промчалась весть о нём до устья Волги. И начали жёны моавитянские¹ пугать детей своих, говоря:

— Александр едет!

Подумал князь Александр с дружиной своей, и благословил его епископ Кирилл, и поехал он к царю в Орду.

Увидев его, царь Батый подивился и сказал вельможам своим:

— Истину мне сказали: нет подобного этому князю.

Почтил его царь и с честью отпустил.

Позже разгневался царь Батый на брата его меньшего, Андрея, и послал воеводу своего Невруя разорять землю Суздальскую. После Невруева разорения князь великий Александр церкви поставил, города восстановил, людей разбежавшихся собрал в дома свои. И наполнил Бог землю его богатством и славою.

Было тогда великое притеснение от иноплеменников, и сгоняли они христиан, веля им воевать вместе с ними².

Князь же великий Александр пошёл к царю, дабы отмолить людей от беды той. И возвратился он из Орды от царя, и остановился в Нижнем Новгороде, а дойдя до Городца³, разболелся.

О, горе тебе, бедный человек! Как можешь ты описать кончину господина своего! Как не выпадут зеницы⁴ твои вместе со слезами! Как не разорвётся сердце твоё от печали! Отца человек может оставить, а доброго господина не может. Если бы мог, в гроб лёг бы с ним.

И так Богу дух свой предал с миром в лето 1263, месяца ноября в 14-й день. Митрополит же Кирилл сказал:

— Чада мои! Разумейте, зашло солнце земли Суздальской.

Иереи и диаконы, черноризцы, нищие и богатые и все люди говорили:

— Уже погибаем!

¹ *Моавитяне* — библейское племя. Автор повести называет жёнами моавитянскими татарских женщин.

² Русские должны были платить дань Орде, но они не участвовали в войнах монголо-татар. Требование «воевать вместе» так и не было удовлетворено.

³ *Городец* — город на Волге.

⁴ *Зеницы* — глаза.

Святое же тело его понесли к городу Владимиру. Митрополит, князя и бояре и весь народ, малые и великие, встречали его в Боголюбове со свечами и кадилами. И были вопль, и кричание, и тоска, как никогда не бывало, и земля сотрясалась. Положено же тело его в церкви Рождества Святой Богородицы ноября в 24-й день.

Воинская повесть — произведение древнерусской литературы о военных походах, сражениях, нашествиях, осаде городов, подвигах воинов.

Житие — описание жизни святого, совершившего подвиги во имя христианской православной веры. Среди святых были и полководцы, например Александр Невский, причисленный церковью к лику святых за его заслуги перед православием, которое он защищал в стане ордынцев и других захватчиков. Если в произведении рассказывается о святом полководце, то переплетаются элементы жития и воинской повести.

Попробуйте вычленить эти элементы. Прочитайте избранные фрагменты. Обоснуйте свой выбор.

Размышляем о прочитанном

1. Какой теме посвящена повесть и какие чувства вызывает при чтении? Как называет себя рассказчик и что хочет подчеркнуть этим? Как он говорит о том, что был современником Александра?
2. Каким героям уподобляет рассказчик князя? О каких его подвигах ведёт речь? Какими словами Александр укрепляет дух своей дружины? С помощью каких средств создаётся образ героя?
3. Обратите внимание на особенности описаний, поэтические образы, постарайтесь вникнуть в их суть. Например, опишите, какая картина изображена рассказчиком в предложении: *Словно замёрзшее озеро двинулось*.

Литература и другие виды искусства

Опишите устно центральную часть триптиха П. Корина «Александр Невский». Что подчёркивает в портрете героя художник?

Обогащаем свою речь

1. Как вы понимаете слова Александра Невского, которыми он укреплял «дух дружины своей»: «Не в силе Бог, но в правде»? Как звали шестерых мужей храбрых, которые «вместе с ним крепко сражались»? С чем сравнивает автор сердца «мужей Алек-

сандровых»? Кого Александр Невский называет народом «высокомерным» и кто похвалялся: «Посралим народ славянский», «Возьмём Александра руками»?

2. Каков последний подвиг Александра? Зачем он пошёл к хану? Как об этом говорится в повести? Расскажите об этом, сохранив особенности языка жития.
3. Какими словами и от чьего лица автор описывает горе от утраты, понесённой землёй Суздальской со смертью Александра? Произнесите эти слова вслух и объясните их смысл.
4. Составьте небольшой словарик характерных для этого текста слов, которые могут использоваться сегодня и которые ушли в прошлое, например: *самовидец, деяния, разгорелся сердцем, сеча, распря, отмолотить от беды* и т. д.
5. Подготовьте устную или письменную характеристику князя Александра, используя художественные средства повести.

Учимся читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение по ролям отдельных фрагментов повести.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ В КАРТИНАХ

Победа на Неве принесла великую славу Руси и среди иноземцев. Важное значение она имела потому, что в случае победы шведов большая опасность грозила и вере православной.

Вскоре после торжества русского оружия на Неве князю Александру Невскому пришлось уехать из Новгорода. Горожане признавали Александра как военачальника, но не нравилось им, что он хотел править по своей воле, мало обращая внимания на вечевые порядки, заведённые в городе. Рассорившись с новгородцами, Александр Невский с семьёй уехал к отцу в Переславль-Залесский. За время его отсутствия произошло немало бед. Ливонские немцы перешли в наступление на Балтийском побережье, покорили эстов и латышей, взяли Изборск, сожгли его и перебили всё население — уничтожали всех, кто отказывался принять католическую религию. Псковская рать, направленная против рыцарей-меченосцев (крестоносцев), была разбита, вскоре пал и сам Псков. Продвигаясь к Новгороду, рыцари взяли городок Тесов и основали недалеко от побережья Финского залива крепость Копорье. Новгородцы, чувствуя смертельную опасность, обратились за помощью к прежнему своему защитнику, Александру Невскому. Видя Русскую землю в опасности, Александр забыл прежние обиды, вернулся в Новгород и скоро освободил Новгородскую землю от немецких рыцарей. Особенно сильное поражение нанёс он им около Пскова, на льду Чудского озера, 5 апреля 1242 года. Битва эта известна под названием Ледовое побоище...

Слава о подвигах Александра не только распространилась по всей Руси, но и дошла до отдалённого Запада. Несмотря на неудачи крестоносцев в борьбе с русскими, папа римский Иннокентий IV не оставил мысли подчинить их себе, только обратился к другим средствам. Видя, что силой не навязать русским католичество, папа отправил к Александру Невскому в Новгород посольство с богатыми дарами и льстивым собственноручным письмом. Во главе этого посольства стояли два хитрейших кардинала (высшие духовные лица в католической церкви, избиравшие папу), которые должны были вручить Александру послание от папы с требованием принять ему и всему русскому народу католическую веру, лживо утверждая, что покойный его отец Ярослав обещал это перед смертью папскому послу...

Прибыв в Новгород в 1251 году, кардиналы в красных мантиях, с блестящей свитой были приняты Александром Невским и митрополитом Киевским и всея Руси Кириллом на торжественной аудиенции.

Эскиз картины «Александр Невский
принимает папских легатов».

Художник Г. Семирадский.

Государственный исторический музей, Москва

«Въезд Александра Невского в Псков после Ледового побоища».

Художник В. Серов. 1945 г.

Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

Хитрые кардиналы вручили Александру папское послание, стали уговаривать князя выслушать их учение и утвердить католичество, уверяя, что, только отрѣкшись от православия, он найдёт помощь у западных государей и тем спасёт себя и свой народ от татар. Возмущённый Александр в ответ на их льстивые речи разорвал послание папы и велел передать ему, что сам знает, какое вероисповедание лучше, и что он ни в чьей помощи не нуждается. Сообщив этот же ответ папе в письме, Александр отправил кардиналов в Рим. Ещё не раз поднимались против непокорного русского князя шведы и рыцари. Но и эти новые походы были безуспешны.

Александр Невский пользовался большой любовью на Руси. Глубока была скорбь после его смерти (1263). Церковь причислила князя к лику святых.

В. Шевченко, заслуженный художник Российской Федерации

Литература и другие виды искусства

1. Рассмотрите репродукции картин художников П. Корина, Г. Семирадского, В. Серова. В чём своеобразие портретов героя на каждой из картин? Таким ли вы представляли себе Александра Невского, когда читали повесть о нём? Совпадает ли ваше представление с видением художников?
2. Что вы знаете об исторических событиях, изображённых на картинах этих художников?

ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА

**Денис Иванович
ФОНВИЗИН**

1745—1792

Фамилию его писали по-разному: Фон-Визин, Фон-Висин, Фон-Визен и т. д. Только к концу XIX века утвердилось принятое сейчас написание. Но А. С. Пушкин ещё в начале века внушал брату Льву: «Не забудь Фон-Визина писать Фонвизин... Он русский, из перерусских русский».

Род писателя по отцу действительно давно обрусел. Фонвизин родился в Москве, рос в семье, о которой сам сказал: «В доме нашем дурных людей не было». Грамоте начали учить мальчика с четырёх лет, потом он продолжил своё образование в гимназии при Московском университете. План преподавания в ней составил Ломоносов, сказавший: «Университет без гимназии как пашня без семян».

Десятилетний Денис учился очень хорошо. И в 1760 году среди лучших студентов Фонвизин был привезён в Петербург, где встретился с самим Ломоносовым, о чём вспоминал всю жизнь. Не менее сильное впечатление на будущего драматурга произвёл и театр. Через 30 лет после посещения Северной столицы Фонвизин писал: «Действия, произведённого во мне театром, почти описать невозможно».

За годы учения в университете Фонвизин овладел латинским, немецким и французским языками настолько, что переводы его не раз появлялись в печати. Литературную деятельность Фонвизин начал с переводов басен и пьес. Сам Денис Иванович сказал: «Весьма рано появилась во мне склонность к сатире». Острые слова его носились по Москве, из-за чего он нажил много врагов и приобрёл много друзей.

После коронации Екатерины II, состоявшейся летом 1762 года в Москве, один из её придворных устроил Дениса переводчиком в Коллегию иностранных дел, с которой затем Фонвизин переезжает в Петербург. Первая оригинальная комедия Фонвизина «Бригадир» была закончена в особое время: готовились реформы, от которых Фонвизин ожидал ограничений крепостного права при полной вольности дворянства, а это значило и ограничение власти царя. Граф Н. И. Панин разделил четыре тысячи душ из подаренных ему девяти между своими сотрудниками, среди которых был и Фонвизин, преданный соратник.

Панин, как и Екатерина II, народа не знал, но хотел ему добра, потому что видел в этом благо для государства.

Всё это выразилось в комедии Фонвизина «Бригадир», в которой автор казнил дикое невежество старого поколения и поверхностный лоск европейского полуобразования нового поколения, говорящего о себе: «Тело моё родилось в России... однако дух мой принадлежит короне французской».

Конфликт несколько иного плана лежит в основе замечательной комедии «Недоросль». В отличие от «Бригадира», где крепостное право напрямую не затрагивалось, новая комедия выступала против таких порядков, когда одни люди являются собственностью других. Сильно прозвучали в ту эпоху слова, произнесённые одним из героев «Недоросля»: «Угнетать рабством себе подобных — незаконно».

Первое представление «Недоросля» состоялось 24 сентября 1782 года — это и есть день рождения великой русской комедии. И в те дни о ней было сказано: «Сия комедия... заслужила внимание от публики. Для сего и принята с отменным удовольствием».

Но не все приняли комедию с одобрением. «Плохо приходится мне жить! — сказала Екатерина II. — Уж и господин Фонвизин хочет учить меня царствовать». И Фонвизину весной 1783 года пришлось выйти в отставку.

Однако и в отставке он продолжал литературную деятельность, решив задать ряд острых вопросов будто бы неизвестному автору, хотя все знали, что им была Екатерина II. Вот некоторые из вопросов:

— Отчего в век законодательный никто в сей части не промышляет отличиться?

(Царица ответила резко: «Оттого, что сие не есть дело каждого».)

— Как истребить два сопротивные и оба вреднейшие предрассудка: будто у нас всё дурно, а в чужих краях всё хорошо; второй, будто в чужих краях всё дурно, а у нас всё хорошо?

— Отчего у нас не стыдно не делать ничего?

Конечно, такие вопросы не могли понравиться императрице, как и фонвизинская сатира «Всеобщая придворная грамматика». В результате писателю был закрыт путь в печать, а вскоре он заболел тяжело и надолго. На тот

момент ему было всего 40 лет, но он уже с трудом мог передвигаться и даже говорить.

Сохранилась легенда, будто князь Г. А. Потёмкин-Таврический, выходя из театра и увидя Фонвизина, сказал ему о «Недоросле»: «Умри, Денис, — „Недоросль“ тебя увенчал». Правда, слова Потёмкина передаются по-разному, но одно ясно — современники понимали значение Фонвизина. «Недоросль» — комедия о воспитании. Воспитание тогда, как и сейчас, — злободневная политическая тема. Отсюда так много сходного в высказываниях Фонвизина о своём веке и мыслях нашего современника, россиянина начала XXI столетия.

Читаем самостоятельно

Прочитайте самостоятельно всю комедию «Недоросль», выберите себе роль, которую хотели бы исполнить, подготовьте с товарищами одну из сцен для чтения. При подготовке к чтению используйте материал статьи о комедии Фонвизина.

«САТИРЫ СМЕЛЫЙ ВЛАСТЕЛИН»¹

Фонвизин — это «Недоросль». Он стал собою, Фонвизиным, написав «Недоросля», как Грибоедов стал Грибоедовым, написав «Горе от ума»... Не комедия состояла при сочинителе, а он при ней. Сегодня «Недоросль» совсем не то, чем был в пору, когда его разыгрывали на нынешнем Марсовом поле и публика «аплодировала пиесу метанием кошельков» (был такой обычай). Ныне часто говорят: «Это спектакль для школьников». В этом нет ничего обидного: стать книгой для детей — удел наипочётнейший, выпавший на долю сказок Пушкина, «Робинзона» и «Гулливера», романов Вальтера Скотта, Дюма, Гюго, отчасти даже «Дон Кихота»... Но всё же «Недоросль», воспринимаемый как учебная пьеса, многое теряет. Иногда — почти всё: педагогическая притча, наглядное пособие, дразнилка для второгодников: «не хочу учиться, хочу жениться».

«Всё в этой комедии кажется чудовищной карикатурой на всё русское. А между тем нет в ней ничего карикатурного: всё взято живьём с природы...» (Н. В. Гоголь.)

На многих персонажах от древности кора выросла, они обросли предрассудками, вот пример простейший.

Сколько лет Простаковой?.. Зритель почти наверняка скажет: старуха... А ей чуть более тридцати. И уж никак не более сорока.

И Митрофан невежда, но не дурак, нет: ни в умении подластиться к матери, ни в сцене похищения Софьи... Он мог бы сказать о себе словами Петруши

¹ Высказывание принадлежит А. С. Пушкину и упоминается в его романе в стихах «Евгений Онегин».

Гринёва: «Я жил недорослем, гонял голубей и играл в чехарду с дворовыми мальчишками. Между тем мне минуло шестнадцать лет. Тут судьба моя пере-менилась».

Всё, решительно всё совпадает: голубятня, возраст, перемена судьбы и характер перемены. «Пошёл-ка служить...» — говорит Митрофану Правдин. «Пора его в службу», — решает старик Гринёв. И учителя у них одинаковые. «По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман» (кучер); парикмахер Бопре «обязан был учить... по-французски, по-немецки и всем наукам». Пушкин даже *подчеркнул эти слова* не потому ли, что они прямая цитата из «Недоросля»?

Рождение писателя Фонвизина — это рождение русской литературы.

Юность Фонвизина совпала с младенчеством нашей литературы... «Недоросль» стал их общим детищем, общей победой. Фонвизин как писатель — в гоголевской эпохе... с «Женитьбой» и «Ревизором» Митрофан и Скотинин ничего, уживутся. Между ними расстояние и большое, но не пропасть.

Умрёт Денис Иванович, и всего через два года родится его преемник в комедии Грибоедов. Началась непрерывная цепь, и начальное звено — Державин и Фонвизин, первые гении русской словесности.

По Ст. Рассадину

Недоросль¹

Комедия в пяти действиях
(В сокращении)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Простаков.

Г-жа Простакова, жена его.

Митрофан, сын их, недоросль.

Еремеевна, мама² Митрофанова.

Правдин.

Стародум.

Софья, племянница Стародума.

Милон.

¹ Так официально назывались дворяне, преимущественно молодые, не получившие документа об образовании и не поступившие на службу. Вместе с тем слово «недоросль» обозначало любого дворянина, не достигшего совершеннолетия.

² Мама — здесь: кормилица.

Скотинин, брат г-жи Простаковой.
 Кутейкин, семинарист.
 Цыфиркин, отставной сержант.
 Вральман, учитель.
 Тришка, портной.
 Слуга Простакова.
 Камердинер Стародума.
 Действие в деревне Простаковых.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Г-жа Простакова, Митрофан, Еремеевна.

Г-жа Простакова (*осматривая кафтан на Митрофане*). Кафтан весь испорчен. Еремеевна, введи сюда мошенника Тришку. (*Еремеевна отходит.*) Он, вор, везде его обузил. Митрофанушка, друг мой! Я чаю, тебя жмёт до смерти. Позови сюда отца.

Митрофан отходит.

ЯВЛЕНИЕ II

Г-жа Простакова, Еремеевна, Тришка.

«Недоросль». Тришка.
 Художник Н. Калита

Г-жа Простакова (*Тришке*). А ты, скот, подойди поближе. Не говорила ль я тебе, воровская харя, чтоб ты кафтан пустил шире. Дитя, первое, растёт; другое, дитя и без узкого кафтана деликатного сложения. Скажи, болван, чем ты оправдаешься?

Тришка. Да вить¹ я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вам докладывал: ну, да извольте отдавать портному.

Г-жа Простакова. Так разве необходимо надобно быть портным, чтобы уметь сшить кафтан хорошенько. Экое скотское рассуждение!

Тришка. Да вить портной-то учился, сударыня, а я нет.

¹ Вить (простореч.) — ведь.

Г-жа Простакова. Ища¹ он же и спорит. Портной учился у другого, другой у третьего, да первоёт² портной у кого же учился? Говори, скот.

Тришка. Да первоёт портной, может быть, шил хуже и моего.

Митрофан (*вбегают*). Звал батюшку. Изволил сказать: тотчас.

Г-жа Простакова. Так поди же вытщи его, коли добром не дозовёшься.

Митрофан. Да вот и батюшка.

«Недоросль». Простакова.
Художник Н. Калита

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Простаков.

Г-жа Простакова. Что, что ты от меня прятаться изволишь? Вот, сударь, до чего я дожила с твоим потворством. Какова сыну обновка к дядину сговору? Каков кафтанец Тришка сшить изволил?

Простаков (*от робости запинаясь*). Ме... мешковат немного.

Г-жа Простакова. Сам ты мешковат, умная голова.

Простаков. Да я думал, матушка, что тебе так кажется.

Г-жа Простакова. А ты сам разве ослеп?

Простаков. При твоих глазах мои ничего не видят.

Г-жа Простакова. Вот каким муженьком наградил меня Господь: не смыслит сам разобрать, что широко, что узко.

Простаков. В этом я тебе, матушка, и верил и верю.

Г-жа Простакова. Так верь же и тому, что я холопам потакать не намерена. Поди, сударь, и теперь же накажи...

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Скотинин.

Скотинин. Кого? За что? В день моего сговора! Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказание до завтра; а завтра, коль изволишь, я и сам охотно помогу. Не будь я Тарас Скотинин, если у меня не всякая вина виновата. У меня в этом, сестрица, один обычай с тобою. Да за что ж ты так прогневалась?

¹ Ища (простореч.) — ещё.

² Первоёт (народное выражение) — вместо «первый-то».

«Недоросль». Простаков.
Художник Н. Калита

Г-жа Простакова. Да вот, братец, на твои глаза пошлюсь. Митрофанушка, подойди сюда. Мешковат ли этот кафтан?

Скотинин. Нет.

Простаков. Да я и сам уже вижу, матушка, что он узок.

Скотинин. Я и этого не вижу. Кафтанец, брат, сшит изряднёхонько.

Г-жа Простакова (*Тришке*). Выйди вон, скот. (*Еремеевне.*) Поди ж, Еремеевна, дай позавтракать ребёнку. Вить, я чаю, скоро и учителя придут.

Еремеевна. Он уже и так, матушка, пять булочек скушать изволил.

Г-жа Простакова. Так тебе жаль шестой, bestия? Вот какое усердие! Изволь смотреть.

Еремеевна. Да во здравие, матушка. Я вить сказала это для Митрофана же Терентьевича. Протосковал¹ до самого утра.

Г-жа Простакова. Ах, Мати Божия! Что с тобою сделалось, Митрофанушка?

Митрофан. Так, матушка. Вчера после ужина схватило.

Скотинин. Да, видно, брат, поужинал ты плотно.

Митрофан. А я, дядюшка, почти и вовсе не ужинал.

Простаков. Помнится, друг мой, ты что-то скушать изволил.

Митрофан. Да что! Солонины ломтика три, да подовых², не помню, пять, не помню, шесть.

Еремеевна. Ночью то и дело испить просил. Квасу целый кувшинец выкушать изволил.

Митрофан. И теперь как шальной хожу. Ночь всю така дрянь в глаза лезла.

Г-жа Простакова. Какая ж дрянь, Митрофанушка?

Митрофан. Да то ты, матушка, то батюшка.

Г-жа Простакова. Как же это?

Митрофан. Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

¹ *Протосковал* — здесь: плохо себя чувствовал.

² *Подовые пироги* — пироги из кислого теста, которые пекутся на поду, т. е. на кирпичной настилке внутри печи.

«Недоросль». Митрофан. Художник Н. Калита

Простаков *(в сторону)*. Ну, беда моя! Сон в руку!

Митрофан *(разнежась)*. Так мне и жаль стало.

Г-жа Простакова *(с досадою)*. Кого, Митрофанушка?

Митрофан. Тебя, матушка: ты так устала, колотя батюшку.

Г-жа Простакова. Обойми меня, друг мой сердечный! Вот сынок, одно моё утешение.

Скотинин. Ну, Митрофанушка, ты, я вижу, матушкин сынок, а не батюшкин!

Простаков. По крайней мере я люблю его, как надлежит родителю, то-то умное дитя, то-то разумное, забавник, затейник; иногда я от него вне себя и от радости сам истинно не верю, что он мой сын.

Скотинин. Только теперь забавник наш стоит что-то нахмурился.

Г-жа Простакова. Уж не послать ли за доктором в город?

Митрофан. Нет, нет, матушка. Я уж лучше сам выздоровлю. Побегутка теперь на голубятню, так авось-либо...

Г-жа Простакова. Так авось-либо Господь милостив. Поди, порезвись, Митрофанушка.

Митрофан с Еремеевною отходят.

ЯВЛЕНИЕ V

Г-жа Простакова, Простаков, Скотинин.

Скотинин. Что ж я не вижу моей невесты? Где она? Вечеру быть уже сговору, так не пора ли ей сказать, что выдают её за муж?

Г-жа Простакова. Успеет, братец. Если ей это сказать прежде времени, то она может ещё подумать, что мы ей докладываемся. Хотя по муже, однако я ей свойственница; а я люблю, чтоб и чужие меня слушали.

Простаков (*Скотинину*). Правду сказать, мы поступили с Софьюшкой, как с сущою сироткой. После отца осталась она младенцем. Тому с полгода, как её матушке, а моей сватьяшке, сделался удар...

Г-жа Простакова (*показывая, будто крестит сердце*). С нами сила крестная.

Простаков. От которого она и на тот свет пошла. Дядюшка её, господин Стародум, поехал в Сибирь; а как несколько уже лет не было о нём ни слуху, ни вести, то мы и считаем его покойником. Мы, видя, что она осталась одна, взяли её в нашу деревеньку и надзираем над её имением, как над своим.

Г-жа Простакова. Что, что ты сегодня так разоврался, мой батюшка? Ища братец может подумать, что мы для интересу её к себе взяли.

Простаков. Ну как, матушка, ему это подумать? Ведь Софьюшкино недвижимое имение нам к себе придвинуть не можно.

Скотинин. А движимое хотя и выдвинуто, я не челобитчик.хлопотать я не люблю, да и боюсь. Сколько меня соседи ни обижали, сколько убытку ни делали, я ни на кого не бил челом, а всякий убыток, чем за ним ходить, сдеру с своих же крестьян, так и концы в воду.

Простаков. То правда, братец: весь околоток говорит, что ты мастерски оброк собираешь.

Г-жа Простакова. Хотя бы ты нас поучил, братец батюшка; а мы никак не умеем. С тех пор как всё, что у крестьян ни было, мы отобрали, ничего уже содрать не можем. Такая беда!

Скотинин. Изволь, сестрица, поучу вас, поучу, лишь жените меня на Софьюшке.

Г-жа Простакова. Неужели тебе эта девчонка так понравилась?

Скотинин. Нет, мне нравится не девчонка.

Простаков. Так по соседству её деревеньки?

Скотинин. И не деревеньки, а то, что в деревеньках-то её водится и до чего моя смертная охота.

Г-жа Простакова. До чего же, братец?

Скотинин. Люблю свиней, сестрица, а у нас в околотке такие крупные свиньи, что нет из них ни одной, которая, став на задни ноги, не была бы выше каждого из нас целой головою.

Простаков. Странное дело, братец, как родня на родню походить может. Митрофанушка наш весь в дядю. И он до свиней сизмала такой же охотник, как и ты. Как был ещё трёх лет, так, бывало, увидя свинку, задрожит от радости.

Скотинин. Это подлинно диковинка! Ну пусть, братец, Митрофан любит свиней для того, что он мой племянник. Тут есть какое-нибудь сходство; да отчего же я к свиньям-то так сильно пристрастился?

Простаков. И тут есть же какое-нибудь сходство, я так рассуждаю.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и Софья.

Софья вошла, держа письмо в руке и имея весёлый вид.

Г-жа Простакова (Софье). Что так весела, матушка? Чему обрадовалась?

Софья. Я получила сейчас радостное известие. Дядюшка, о котором столь долго мы ничего не знали, которого я люблю и почитаю, как отца моего, на сих днях в Москву приехал. Вот письмо, которое я от него теперь получила.

Г-жа Простакова (испугавшись, с злобою). Как! Стародум, твой дядюшка, жив! И ты изволишь затевать, что он воскрес! Вот изрядный вымысел!

Софья. Да он никогда не умирал.

Г-жа Простакова. Не умирал! А разве ему и умереть нельзя? Нет, сударыня, это твои вымыслы, чтоб дядюшкою своим нас застрашать, чтоб мы дали тебе волю. Дядюшка-де человек умный; он, увидя меня в чужих руках, найдёт способ меня выручить. Вот чему ты

«Недоросль». Скотинин.
Художник Н. Калита

рада, сударыня; однако, пожалуй, не очень веселись: дядюшка твой, конечно, не воскресал.

Скотинин. Сестра, ну да коли он не умирал?

Простаков. Избави Боже, коли он не умирал!

Г-жа Простакова (*к мужу*). Как не умирал! Что ты бабушку путаешь? Разве ты не знаешь, что уж несколько лет от меня его и в памятцах за упокой поминали? Неужто-таки и грешные-то мои молитвы не доходили! (*К Софье.*) Письмецо-то мне пожалуй. (*Почти вырывает.*) Я об заклад бьюсь, что оно какое-нибудь амурное. И догадываюсь, от кого. Это от того офицера, который искал на тебе жениться и за которого ты сама идти хотела. Да которая бестия без моего спросу отдаёт тебе письма! Я доберусь. Вот до чего дожили. К деушкам письма пишут! деушки грамоте умеют!

Софья. Прочтите его сами, сударыня. Вы увидите, что ничего невиннее быть не может.

Г-жа Простакова. Прочтите его сами! Нет, сударыня, я, благодаря Бога, не так воспитана. Я могу письма получать, а читать их всегда велю другому. (*К мужу.*) Читай.

Простаков (*долго смотря*). Мудрёно.

Г-жа Простакова. И тебя, мой батюшка, видно, воспитывали, как красную девицу. Братец, прочти, потрудись.

Скотинин. Я? Я отроду ничего не читывал, сестрица! Бог меня избавил этой скуки.

Софья. Позвольте мне прочесть.

Г-жа Простакова. О матушка! Знаю, что ты мастерица, да лих не очень тебе верю. Вот, я чаю, учитель Митрофанушкин скоро придёт. Ему велю...

Скотинин. А уж зачали молодца учить грамоте?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка братец! Уж года четыре как учится. Нечего, грех сказать, чтоб мы не старались воспитывать Митрофанушку. Троим учителям денежки платим. Для грамоты ходит к нему дьячок от Покрова, Кутейкин. Арихметике учит его, батюшка, один отставной сержант, Цыфиркин. Оба они приходят сюда из города. Вить от нас и город в трёх верстах, батюшка. По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман. Этому по триста рубликов на год. Сажаем за стол с собою. Бельё его наши бабы моют. Куда надобно — лошадь. За столом стакан вина. На ночь сальная свеча, и парик направляет наш же Фомка даром. Правду сказать, и мы им довольны, батюшка братец. Он робёнка не неволит. Вить,

мой батюшка, пока Митрофанушка ещё в недорослях, пота¹ его и по-нежить; а там лет через десяток, как войдёт, избави Боже, в службу, всего натерпится. Как кому счастье на роду написано, братец. Из нашей же фамилии Простаковых, смотри-тка, на боку лёжа, летят себе в чины². Чем же плоше их Митрофанушка? Ба! да вот пожаловал кстати дорогой наш постоялец.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Правдин.

Г-жа Простакова. Братец, друг мой! Рекомендую вам дорогого гостя нашего, господина Правдина; а вам, государь мой, рекомендую брата моего.

Правдин. Радуюсь, сделав ваше знакомство.

Скотинин. Хорошо, государь мой! А как по фамилии, я не дослышал.

Правдин. Я называюсь Правдин, чтоб вы дослышали.

Скотинин. Какой уроженец, государь мой? Где деревеньки?

Правдин. Я родился в Москве, ежели вам то знать надобно, а деревни мои в здешнем наместничестве.

Скотинин. А смею ли спросить, государь мой, — имени и отчества не знаю, — в деревеньках ваших водятся ли свинки?

Г-жа Простакова. Полно, братец, о свиньях-то начинать. Поговорим-ка лучше о нашем горе. (*К Правдину.*) Вот, батюшка! Бог велел нам взять на свои руки девицу. Она изволит получать грамотки от дядюшек. К ней с того света дядюшки пишут. Сделай милость, мой батюшка, потрудись, прочти всем нам вслух.

Правдин. Извините меня, сударыня. Я никогда не читаю писем без позволения тех, к кому они писаны.

Софья. Я вас о том прошу. Вы меня тем очень одолжите.

«Недоросль». Правдин.
Художник Н. Калита

¹ *Пота́* — до тех пор.

² Дворяне в XVIII веке могли получать чины и звания не служа, числясь в многолетнем отпуске.

«Недоросль». Художник Н. Калита

Правдин. Если вы приказываете. (*Читает.*) «Любезная племянница! Дела мои принудили меня жить несколько лет в разлуке с моими ближними; а дальность лишила меня удовольствия иметь о вас известие. Я теперь в Москве, прожив несколько лет в Сибири. Я могу служить примером, что трудами и честностию состояние своё сделать можно. Сими средствами, с помощью счастья, нажил я десять тысяч рублей доходу...»

Скотинин и оба Простаковы. Десять тысяч!

Правдин (*читает*). «...которым тебя, моя любезная племянница, тебя делаю наследницею...»

Г-жа Простакова. Тебя наследницею!

Простаков. Софью наследницею!

Скотинин. Её наследницею!

} (*Вместе.*)

Г-жа Простакова (*бросаясь обнимать Софью*). Поздравляю, Софьюшка! Поздравляю, душа моя! Я вне себя от радости! Теперь тебе надобен жених. Я, я лучшей невесты и Митрофанушке не желаю. То-то дядюшка! То-то отец родной! Я и сама всё-таки думала, что Бог его хранит, что он ещё здравствует.

Скотинин (*протянув руку*). Ну, сестрица, скорей же по рукам.

Г-жа Простакова (*тихо Скотинину*). Пстой, братец. Сперва надобно спросить её, хочет ли ещё она за тебя вытти?

Скотинин. Как! Что за вопрос! Неужто ты ей докладываться станешь?

Правдин. Позволите ли письмо дочитать?

Скотинин. А на что? Да хоть пять лет читай, лучше десяти тысяч не дочитаешься.

Г-жа Простакова (*к Софье*). Софьюшка, душа моя! пойдём ко мне в спальню. Мне крайняя нужда с тобой поговорить. (*Увела Софью.*)

Скотинин. Ба! так я вижу, что сегодня сговору-то вряд и быть ли. <...>

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Правдин, Милон.

Милон. Как я рад, мой любезный друг, что нечаянно увиделся с тобою! Скажи, каким случаем...

Правдин. Как друг, открою тебе причину моего здесь пребывания. Я определён членом в здешнем наместничестве. Имею повеление объехать здешний округ; а притом, из собственного подвига¹ сердца моего, не оставляю замечать тех злонравных невежд, которые, имея над людьми своими полную власть, употребляют её во зло бесчеловечно. Ты знаешь образ мыслей нашего наместника². С какою ревностью помогает он страждущему человечеству! С каким усердием исполняет он тем самым человеколюбивые виды вышней власти! Мы в нашем краю сами испытали, что где наместник таков, каковым изображён

¹ Подвиг — здесь: побуждение.

² Россия в 1775 году была разделена на пятьдесят губерний. В отдельных случаях две-три губернии объединялись в руках представителя верховной власти — наместника, при котором создавалось правление. Правдин был членом правления наместничества.

наместник в Учреждении¹, там благосостояние обитателей верно и надёжно. Я живу здесь уже три дни. Нашёл помещика дурака бессчётного, а жену презлую фурию, которой адский нрав делает несчастье целого их дома. Ты что задумался, мой друг, скажи мне, долго ль здесь останешься?

Милон. Через несколько часов иду отсюда.

Правдин. Что так скоро? Отдохни.

Милон. Не могу. Мне велено и солдат вести без замедления... да, сверх того, я сам горю нетерпением быть в Москве.

Правдин. Что причиною?

Милон. Открою тебе тайну сердца моего, любезный друг! Я влюблён и имею счастье быть любим. Больше полугода, как я в разлуке с тою, которая мне дороже всего на свете, и, что ещё горестнее, ничего не слыхал я о ней во всё это время. Часто, приписывая молчание её холодности, терзался я горестию; но вдруг получил известие, которое меня поразило. Пишут ко мне, что, по смерти её матери, какая-то дальняя родня увезла её в свои деревни. Я не знаю: ни кто, ни куда. Может быть, она теперь в руках каких-нибудь корыстолюбцев, которые, пользуясь сиротством её, содержат её в тиранстве. От одной этой мысли я вне себя.

Правдин. Подобное бесчеловечие вижу и в здешнем доме. Ласкаюсь², однако, положить скоро границы злобе жены и глупости мужа. Я уведомил уже о всех здешних варварствах нашего начальника и не сомневаюсь, что унять их возьмутся меры.

Милон. Счастлив ты, мой друг, будучи в состоянии облегчать судьбу несчастных. Не знаю, что мне делать в горестном моём положении.

Правдин. Позволь мне спросить об её имени.

Милон (*в восторге*). А! вот она сама.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Софья.

Софья (*в восхищении*). Милон! тебя ли я вижу?

Правдин. Какое счастье!

Милон. Вот та, которая владеет моим сердцем. Любезная Софья! Скажи мне, каким случаем здесь нахожу тебя?

¹ Закон о губерниях назывался «Учреждение для управления губерний Российской империи». Он был издан в 1775 году.

² Ласкаюсь — здесь: ласкаю себя мыслью, падеюсь.

Софья. Сколько горестей терпела я со дня нашей разлуки! Бессовестные мои свойственники...

Правдин. Мой друг! не спрашивай о том, что столько ей прискорбно... Ты узнаешь от меня, какие грубости...

Милон. Недостойные люди!

Софья. Сегодня, однако же, в первый раз здешняя хозяйка переменяла со мною свой поступок. Услыша, что дядюшка мой делает меня наследницею, вдруг из грубой и бранчивой сделалась ласковою до самой низкости, и я по всем её обинякам вижу, что прочит меня в невесты своему сыну.

Милон *(с нетерпением)*. И ты не изъяснила ей тот же час совершенного презрения?..

Софья. Нет...

Милон. И не сказала ей, что ты имеешь сердечные обязательства, что...

Софья. Нет...

Милон. А! теперь я вижу мою погибель. Соперник мой счастлив! Я не отрицаю в нём всех достоинств. Он, может быть, разумен, просвещён, любезен; но чтоб мог со мною сравниться в моей к тебе любви, чтоб...

Софья *(усмехаясь)*. Боже мой! Если б ты его увидел, ревность твоя довела б тебя до крайности!

Милон *(с негодованием)*. Я воображаю все его достоинства.

Софья. Всех и вообразить не можешь. Он хотя и шестнадцати лет, а достиг уже до последней степени своего совершенства и дале не пойдёт.

Правдин. Как дале не пойдёт, сударыня? Он доучивает часослов; а там, думать надобно, примутся и за псалтырь¹.

Милон. Как! Таков-то мой соперник! А, любезная Софья, на что ты и шуткою меня терзаешь? Ты знаешь, как легко страстный человек огорчается и малейшим подозрением.

Софья. Подумай же, как несчастно моё состояние! Я не могла и на это глупое предложение отвечать решительно. Чтоб избавиться от их грубости, чтоб иметь некоторую свободу, принуждена была я скрыть моё чувство.

«Недоросль».
Милон.
Художник
Н. Калита

¹ Часослов и псалтырь — церковные книги, по которым обучали грамоте, заставляя заучивать текст наизусть.

Милон. Что ж ты ей отвечала?

Здесь Скотинин идёт по театру, задумавшись, и никто его не видит.

Софья. Я сказала, что судьба моя зависит от воли дядюшкиной, что он сам сюда приехать обещал в письме своём, которого (*к Правдину*) не позволил вам дочитать господин Скотинин.

Милон. Скотинин!

Скотинин. Я!

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Скотинин.

Правдин. Как вы подкрались, господин Скотинин! Этого бы я от вас и не чаял.

Скотинин. Я проходил мимо вас. Услышал, что меня кличут, я и откликнулся. У меня такой обычай: кто вскрикнет — Скотинин! А я ему: я! Что вы, братцы, и заправду? Я сам служивал в гвардии и отставлен капралом. Бывало, на съезжей в перекличке как закричат: Тарас Скотинин! А я во всё горло: я!

Правдин. Мы вас теперь не кликали, и вы можете идти, куда шли.

Скотинин. Я никуда не шёл, а брожу, задумавшись. У меня такой обычай, как что заберу в голову, то из неё гвоздём не выколотишь. У меня, слышь ты, что вошло в ум, тут и засело. О том вся и дума, то только и вижу во сне, как наяву, а наяву, как во сне.

Правдин. Что ж бы вас так теперь занимало?

Скотинин. Ох, братец, друг ты мой сердешный! Со мною чудеса творятся. Сестрица моя вывезла меня скоро-наскоро из моей деревни в свою, а коли так же проворно вывезет меня из своей деревни в мою, то могу пред целым светом по чистой совести сказать: ездил я ни по что, привёз ничего.

Правдин. Какая жалость, господин Скотинин! Сестрица ваша играет вами, как мячиком.

Скотинин (*озлобясь*). Как мячиком? Оборони Бог! Да я и сам зашвырну её так, что целой деревней в неделю не отыщут.

Софья. Ах, как вы рассердились!

Милон. Что с вами сделалось?

Скотинин. Сам ты, умный человек, порассуди. Привезла меня сестра сюда жениться. Теперь сама же подъехала с отводом: «Что-де тебе, братец, в жене; была бы-де у тебя, братец, хорошая свинья». Нет, сестра! Я и своих поросят завести хочу. Меня не проведёшь.

Правдин. Мне самому кажется, господин Скотинин, что сестрица ваша помышляет о свадьбе, только не о вашей.

Скотинин. Эка притча! Я другому не помеха. Всякий женись на своей невесте. Я чужу не трону, и мою чужой не тронь же. *(Софье.)* Ты не боись, душенька. Тебя у меня никто не перебьёт.

Софья. Это что значит? Вот ещё новое!

Милон *(вскричал)*. Какая дерзость!

Скотинин *(к Софье)*. Чего ж ты испугалась?

Правдин *(к Милону)*. Как ты можешь осердиться на Скотинина!

Софья *(Скотинину)*. Неужели суждено мне быть вашею женою?

Милон. Я насилу могу удержаться!

Скотинин. Суженого конём не объедешь, душенька! Тебе на своё счастье грех пенять. Ты будешь жить со мною припеваючи. Десять тысяч твоего доходу! Эко счастье привалило; да я столько родясь и не видывал; да я на них всех свиней со бела света выкуплю; да я, слышь ты, то сделаю, что все затрубят: в здешнем-де околотке и житьё одним свиньям.

Правдин. Когда же у вас могут быть счастливы одни только скоты, то жене вашей от них и от вас будет худой покой.

Скотинин. Худой покой! ба! ба! ба! да разве светлиц у меня мало? Для неё одной отдам угольную с лежанкой. Друг ты мой сердешный! коли у меня теперь, ничего не видя, для каждой свинки клевок¹ особый, то жене найду светёлку.

Милон. Какое скотское сравнение!

Правдин *(Скотинину)*. Ничему не бывать, господин Скотинин! Я скажу вам, что сестрица ваша прочит её за сына своего.

Скотинин. Как! Племяннику перебивать у дяди! Да я его на первой встрече, как чёрта, изломаю. Ну, будь я свиной сын, если я не буду её мужем или Митрофан уродом. <...>

ЯВЛЕНИЕ VI

Г-жа Простакова, Еремеевна, Митрофан,
Кутейкин и Цыфиркин.

Г-жа Простакова. Ну, так теперь хотя по-русски прочти зады, Митрофанушка.

Митрофан. Да, зады, как не так.

Г-жа Простакова. Век живи, век учись, друг мой сердешный! Такое дело.

¹ Клев — хлев, помещение для скотины.

«Недоросль». Еремеевна.
Художник Н. Калита

Митрофан. Как не такое! Пойдёт на ум ученье. Ты б ещё навезла сюда дядюшек!

Г-жа Простакова. Что? Что такое?

Митрофан. Да! того и смотри, что от дядюшки таска; а там с его кулаков да за часослов. Нет, так я, спасибо, уж один конец с собою!

Г-жа Простакова (*испугавшись*). Что, что ты хочешь делать? Опомнись, душенька!

Митрофан. Вить здесь и река близко. Нырну, так поминай как звали.

Г-жа Простакова (*вне себя*). Уморил! Уморил! Бог с тобой!

Еремеевна. Всё дядюшка напугал. Чуть было в волосы ему не вцепился. А ни за что... ни про что...

Г-жа Простакова (*в злобе*). Ну...

Еремеевна. Пристал к нему: хочешь ли жениться?..

Г-жа Простакова. Ну...

Еремеевна. Дитя не потаил, уж давно-де, дядюшка, охота берёт. Как он остервенится, моя матушка, как вскинется!..

Г-жа Простакова (*дрожа*). Ну... а ты, бестия, остолбенела, а ты не впилась братцу в харю, а ты не раздёрнула ему рыла по уши...

Еремеевна. Приняла было! Ох, приняла, да...

Г-жа Простакова. Да... да что... не твоё дитя, бестия! По тебе ребёнка хоть убей до смерти.

Еремеевна. Ах, Создатель, спаси и помилуй! Да кабы братец в ту ж минуту отойти не изволил, то б я с ним поломалась. Вот что б Бог не поставил. Притупились бы эти (*указывая на ногти*), я б и клыков беречь не стала.

Г-жа Простакова. Все вы, бестии, усердны на одних словах, а не на деле...

Еремеевна (*заплавав*). Я не усердна вам, матушка! Уж как больше служить, не знаешь... рада бы не токмо что... живота¹ не жалеешь... а всё не угодно.

Кутейкин. Нам восвояси повелите?

Цыфиркин. Нам куда поход, ваше благородие? } (*Вместе.*)

¹ Живот (слав.) — жизнь.

Г-жа Простакова. Ты ж ещё, старая ведьма, и разревелась. Поди, накорми их с собою, а после обеда тотчас опять сюда. (*К Митрофану.*) Пойдём со мною, Митрофанушка. Я тебя из глаз теперь не выпущу. Как скажу я тебе нещичко¹, так пожить на свете слюбится. Не век тебе, моему другу, не век тебе учиться. Ты, благодаря Бога, столько уже смыслишь, что и сам взведёшь деточек. (*К Еремеевне.*) С братцем переведаюсь не по-твоему. Пусть же все добрые люди увидят, что мама и что мать родная. (*Отходит с Митрофаном.*)

Кутейкин. Житьё твоё, Еремеевна, яко тьма крошечная. Пойдёмка за трапезу, да с горя выпей сперва чарку...

Цыфиркин. А там другую, вот те и умножение.

Еремеевна (*в слезах*). Нелёгкая меня не приберёт! Сорок лет служу, а милость всё та же...

Кутейкин. А велика ль благостыня?

Еремеевна. По пяти рублей на год, да по пяти пощёчин на день.

Кутейкин и Цыфиркин отводят её под руки.

Цыфиркин. Смекнём же за столом, что тебе доходу в круглый год.

Конец второго действия.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Софья.

Софья (*к Правдину*). Сил моих не стало от их шуму.

Стародум (*в сторону*). Вот черты лица её матери. Вот моя Софья.

Софья (*смотря на Стародума*). Боже мой! Он меня назвал. Сердце моё меня не обманывает...

Стародум (*обняв её*). Нет. Ты дочь моей сестры, дочь сердца моего!

Софья (*бросаясь в его объятия*). Дядюшка! Я вне себя с радости.

Стародум. Любезная Софья! Я узнал в Москве, что ты живёшь здесь против воли. Мне на свете шестьдесят лет. Случалось быть часто раздражённым, иногда быть собой довольным. Ничто так не терзало моё сердце, как невинность в сетях коварства. Никогда не бывал я так собой доволен, как если случалось из рук вырвать добычу от порока.

¹ Нещичко — нечто, тайну.

«Недоросль». Стародум
и Софья.
Художник Н. Калита

Правдин. Сколь приятно быть тому и свидетелем!

Софья. Дядюшка! ваши ко мне милости...

Стародум. Ты знаешь, что я одной тобой привязан к жизни. Ты должна делать утешение моей старости, а мои попечения твоё счастье. Пошед в отставку, положил я основание твоему воспитанию, но не мог иначе основать твоего состояния, как разлучась с твоей матерью и с тобою.

Софья. Отсутствие ваше огорчало нас несказанно.

Стародум (к Правдину). Чтоб оградить её жизнь от недостатку в нужном, решился я удалиться на несколько лет в ту землю, где

достают деньги, не променивая их на совесть, без подлой выслуги, не грабя отечества; где требуют денег от самой земли, которая поправосуднее людей, лицепрятия не знает, а платит одни труды верно и щедро.

Правдин. Вы могли б обогатиться, как я слышал, несравненно больше.

Стародум. А на что?

Правдин. Чтоб быть богату, как другие.

Стародум. Богату! А кто богат? Да ведаешь ли ты, что для прихотей одного человека всей Сибири мало! Друг мой! Всё состоит в воображении. Последуй природе, никогда не будешь беден. Последуй людским мнениям, никогда богат не будешь.

Софья. Дядюшка! Какую правду вы говорите!

Стародум. Я нажил столько, чтоб при твоём замужестве не останавлила нас бедность жениха достойного.

Софья. Во всю жизнь мою ваша воля будет мой закон.

Правдин. Но, выдав её, не лишнее было бы оставить и детям...

Стародум. Детям? Оставлять богатство детям? В голове нет. Умны будут — без него обойдутся; а глупому сыну не в помощь богатство. Видал я молодцов в золотых кафтанах, да с свинцовой головою. Нет, мой друг! Наличные деньги — не наличные достоинства. Золотой болван¹ — всё болван.

Правдин. Со всем тем мы видим, что деньги нередко ведут к чинам, чины обыкновенно к знатности, а знатым оказывается почтение.

¹ Золотой болван — статуя.

Стародум. Почтение! Одно почтение должно быть лестно человеку — душевное; а душевного почтения достоин только тот, кто в чинах не по деньгам, а в знати не по чинам.

Правдин. Заключение ваше неоспоримо.

Стародум. Ба! Это что за шум! <...>

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и камердинер.

Камердинер подаёт письмо Стародуму.

Стародум. Откуда?

Камердинер. Из Москвы, с нарочным. *(Отходит.)*

Стародум *(распечатав и смотря на подпись)*. Граф Честан. А! *(Начиная читать, показывает вид, что глаза разобрать не могут.)* Софьюшка! Очки мои на столе, в книге.

Софья *(отходя)*. Тотчас, дядюшка.

ЯВЛЕНИЕ IV

Стародум.

Стародум *(один)*. Он, конечно, пишет ко мне о том же, о чём в Москве сделал предложение. Я не знаю Милона; но когда дядя его, мой истинный друг, когда вся публика считает его честным и достойным человеком... Если свободно её сердце....

ЯВЛЕНИЕ V

Стародум и Софья.

Софья *(подавая очки)*. Нашла, дядюшка.

Стародум *(читает)*. «...Я теперь только узнал... ведёт в Москву свою команду... Он с вами должен встретиться... Сердечно буду рад, если он увидится с вами... Возьмите труд узнать образ мыслей его». *(В сторону.)* Конечно. Без того её не выдам... «Вы найдёте... Ваш истинный друг...» Хорошо. Это письмо до тебя принадлежит. Я сказывал тебе, что молодой человек, похвальных свойств, представлен... Слова мои тебя смущают, друг мой сердечный. Я это и давеча приметил и теперь вижу. Доверенность твоя ко мне...

Софья. Могу ли я иметь на сердце что-нибудь от вас скрытое? Нет, дядюшка. Я чистосердечно скажу вам...

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же, Правдин и Милон.

Правдин. Позвольте представить вам господина Милона, моего истинного друга.

Стародум (*в сторону*). Милон!

Милон. Я почту за истинное счастье, если удостоюсь вашего доброго мнения, ваших ко мне милостей...

Стародум. Граф Честан не свойственник ли ваш?

Милон. Он мне дядя.

Стародум. Мне очень приятно быть знакому с человеком ваших качеств. Дядя ваш мне о вас говорил. Он отдаёт вам всю справедливость. Особливые достоинства...

Милон. Это его ко мне милость. В мои лета и в моём положении было бы непростительное высокомерие считать всё то заслуженным, чем молодого человека ободряют достойные люди.

Правдин. Я наперёд уверен, что друг мой приобретёт вашу благосклонность, если вы его узнаете короче. Он бывал часто в доме покойной сестрицы вашей...

Стародум оглядывается на Софью.

Софья (*тихо Стародуму и в большой робости*). И матушка любила его, как сына.

Стародум (*Софье*). Мне это очень приятно. (*Милону*.) Я слышал, что вы были в армии. Неустрашимость ваша...

Милон. Я делал мою должность. Ни леты мои, ни чин, ни положение ещё не позволили мне показать прямой неустрашимости, буде есть во мне она.

Стародум. Как! Будучи в сражениях и подвергая жизнь свою...

Милон. Я подвергал её, как прочие. Тут храбрость была такое качество сердца, какое солдату велит иметь начальник, а офицеру честь. Признаюсь вам искренно, что показать прямой неустрашимости не имел я ещё никакого случая, испытать же себя сердечно желаю.

Стародум. Я крайне любопытен знать, в чём же полагаете вы прямую неустрашимость?

Милон. Если позволите мне сказать мысль мою, я полагаю истинную неустрашимость в душе, а не в сердце. У кого она в душе, у того, без всякого сомнения, и храброе сердце. В нашем военном ремесле храбр должен быть воин, неустрашим военачальник. Он с холодною

кровью усматривает все степени опасности, принимает нужные меры, славу свою предпочитает жизни; но что всего более — он для пользы и славы отечества не устрашает забыть свою собственную славу. Неустрашимость его состоит, следственно, не в том, чтоб презирать жизнь свою. Он её никогда и не отваживает. Он умеет ею жертвовать.

Стародум. Справедливо. Вы прямую неустрашимость полагаете в военачальнике. Свойственна ли же она и другим состояниям?

Милон. Она добродетель; следственно, нет состояния, которое ею не могло бы отличиться. Мне кажется, храбрость сердца доказывается в час сражения, а неустрашимость души во всех испытаниях, во всех положениях жизни. И какая разница между бесстрашием солдата, который на приступе отваживает жизнь свою наряду с прочими, и между неустрашимостью человека государственного, который говорит правду государю, отваживаясь его прогневать. Судья, который, не убоясь ни мщенья, ни угроз сильного, отдал справедливость беспомощному, в моих глазах герой. Как мала душа того, кто за безделью вызовет на дуэль, перед тем, кто вступится за отсутствующего, которого честь при нём клеветники терзают! Я понимаю неустрашимость так...

Стародум. Как понимать должно тому, у кого она в душе. Обойми меня, друг мой! Извини моё простосердечие. Я друг честных людей. Это чувство вкоренено в моё воспитание. В твоём вижу и почитаю добродетель, украшенную рассудком просвещённым.

Милон. Душа благородная!.. Нет... не могу скрывать более моего сердечного чувства... Нет. Добродетель твоя извлекает силою своею всё таинство души моей. Если моё сердце добродетельно, если стоит оно быть счастливым, от тебя зависит сделать его счастье. Я полагаю его в том, чтоб иметь женою любезную племянницу вашу. Взаимная наша склонность...

Стародум (*к Софье, с радостью*). Как! Сердце твоё умело отличить того, кого я сам предлагал тебе? Вот мой тебе жених...

Софья. И я люблю его сердечно.

Стародум. Вы оба друг друга достойны. (*В восхищении соединяя их руки.*) От всей души моей даю вам моё согласие.

Милон (*обнимая Стародума*). Моё счастье несравненно!

Софья (*целуя руки Стародумовы*). Кто может быть счастливее меня! } (*Вместе.*)

Правдин. Как искренно я рад!

Стародум. Моё удовольствие неизреченно!
 Милон (*целуя руку Софьи*). Вот минута нашего благополучия!
 Софья. Сердце моё вечно любить тебя будет. <...>

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ III

Милон, Правдин, г-жа Простакова,
 Простаков и Митрофан.

Г-жа Простакова. Какая я госпожа в доме! (*Указывая на Милона.*) Чужой погрозит, приказ мой ни вот что!

Простаков. Я ли виноват?

Митрофан. За людей приниматься! } (*Вместе.*)

Г-жа Простакова. Жива быть не хочу! }

Правдин. Злодеяние, которому я сам свидетель, даёт право вам, как дяде, а вам, как жениху...

Г-жа Простакова. Жениху! }

Простаков. Хороши мы! } (*Вместе.*)

Митрофан. Всё к чёрту! }

Правдин. Требовать от правительства, чтобы сделанная ей обида наказана была всею строгостью законов. Сейчас представляю её перед суд, как нарушительницу гражданского спокойствия.

Г-жа Простакова (*бросаясь на колени*). Батюшка! Виновата! <...>

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Скотинин.

Скотинин. Ну, сестра, хорошу было шутку... Ба! что это? Все наши на коленях!

Г-жа Простакова (*стоя на коленях*). Ах, мои батюшки! Повинную голову меч не сечёт. Мой грех! Не погубите меня. (*К Софье.*) Мать ты моя родная, прости меня. Умилосердись надо мною (*указывая на мужа и сына*) и над бедными сиротами.

Скотинин. Сестра! О своём ли ты уме!

Правдин. Молчи, Скотинин.

Г-жа Простакова. Бог даст тебе благополучие и с дорогим женихом твоим. Что тебе в голове моей?

Софья (*Стародуму*). Дядюшка, я моё оскорбление забываю.

Г-жа Простакова (*подняв руки к Стародуму*). Батюшка! Прости и ты меня, грешную. Ведь я человек, не ангел.

Стародум. Знаю, знаю, что человеку нельзя быть ангелом, да и не надобно быть чёртом.

М и л о н. И преступление, и раскаяние в ней презрения достойны.

Правдин (*Стародуму*). Ваша малейшая жалоба, ваше одно слово перед правительством... и уж спасти её нельзя.

Стародум. Не хочу ничьей гибели. Я её прощаю.

Все вскочили с колен.

Г-жа Простакова. Простил! Ах, батюшка! Ну, теперь-то дам я зорю¹ канальям, своим людям! Теперь-то я всех переберу поодиночке! Теперь-то допытаюсь, кто из рук её выпустил! Нет, мошенники! Нет, воры! Век не прощу этой насмешки!

Правдин. А за что вы хотите наказать людей ваших?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка! Это что за вопрос? Разве я не властна и в своих людях?

Правдин. А вы считаете себя вправе драться тогда, когда вам вздумается?

Скотинин. Да разве дворянин не волен поколотить слугу, когда захочет?

Правдин. Когда захочет! Да что за охота? Прямой ты Скотинин! (*Г-же Простаковой.*) Нет, сударыня, тиранствовать никто не волен.

Г-жа Простакова. Не волен! Дворянин, когда захочет, и слуги высечь не волен! Да на что ж дан нам указ-то о вольности дворянства².

Стародум. Мастерца толковать указы.

Г-жа Простакова. Изволь насмехаться; а я теперь же всех с головы на голову... (*Порывается идти.*)

Правдин (*останавливая её*). Поостановитесь, сударыня. (*Вынув бумагу и важным голосом Простакову.*) Именем правительства вам приказываю сей же час собрать людей и крестьян ваших для объявления им указа, что за бесчеловечие жены вашей, до которого допустило её ваше крайнее слабомыслие, повелевает мне правительство принять в опеку³ дом ваш и деревни. <...>

¹ Дать зорю (простореч.) — наказать, избить.

² «Указ о вольности дворянской», изданный в 1762 году Петром III, предоставлял дворянству ряд преимуществ, в том числе освобождал дворян от обязательной государственной службы. Простакова же понимает указ как разрешение дворянам делать всё, что им захочется.

³ Опека — наблюдение за лицами, которые не имеют юридических прав.

ЯВЛЕНИЕ V

Г-жа Простакова, Стародум, Правдин,
Митрофан, Софья, Еремеевна.

Г-жа Простакова (*Правдину*). Батюшка, не погуби ты меня, что тебе прибыли? Не возможно ль как-нибудь указ поотменить? Все ли указы исполняются?

Правдин. Я от должности никак не отступлю.

Г-жа Простакова. Дай мне сроку хотя на три дни. (*В сторону.*) Я дала бы себя знать...

Правдин. Ни на три часа.

Стародум. Да, друг мой! Она и в три часа напроказить может столько, что веком не пособишь.

Г-жа Простакова. Да как вам, батюшка, самому входить в мелочи?

Правдин. Это моё дело. Чужое возвращено будет хозяевам, а...

Г-жа Простакова. А с долгами-то разделаться?.. Недоплачено учителям...

Правдин. Учителям? (*Еремеевне.*) Здесь ли они? Введи их сюда.

Еремеевна. Чай, что прибрели. А немца-то, мой батюшка?..

Правдин. Всех позови.

Еремеевна отходит.

Правдин. Не заботься ни о чём, сударыня, я всех удовольствую.

Стародум (*видя в тоске г-жу Простакову*). Сударыня! Ты сама себя почувствуешь лучше, потеряв силу делать другим дурно.

Г-жа Простакова. Благодарна за милость! Куда я гожусь, когда в моём доме моим же рукам и воли нет!

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же, Еремеевна, Вральман, Кутейкин и Цыфиркин.

Еремеевна (*введя учителей, к Правдину*). Вот тебе и вся наша сволочь, мой батюшка.

Вральман (*к Правдину*). Фаше фысоко-и-плахоротие. Исфолили меня к сепе прасить?..

Кутейкин (*к Правдину*). Зван бых и приидох.

Цыфиркин (*к Правдину*). Что приказу будет, ваше благородие?

Стародум (*с приходу Вральмана в него вглядывается*). Ба! Это ты, Вральман?

Вральман (*узнав Стародума*). Ай! ай! ай! ай! ай! Это ты, мой милостивый господин! (*Целует полу Стародума.*) Старофенька ли, мой отес, пошифать исфолишь?

Правдин. Как? Он вам знаком?

Стародум. Как не знаком? Он три года у меня был кучером.

Все показывают удивление.

Правдин. Изрядный учитель!

Стародум. А ты здесь в учителях? Вральман! Я думал, право, что ты человек добрый и не за своё не возьмёшься.

Вральман. Та што телать, мой патюшка? Не я перфый, не я по-слетний. Три месеса ф Москфе шатался пез мест, кутшер нихте не ната. Пришло мне липо с голот мереть, липо ушить...

Правдин (*к учителям*). По воле правительства став опекуном над здешним домом, я вас отпускаю.

Цыфиркин. Лучше не надо.

Кутейкин. Отпускать благоволите? Да прежде разочтёмся...

Правдин. А что тебе надобно?

Кутейкин. Нет, милосливый господин, мой счётец зело не мал. За полгода за ученье, за обувь, что истаскал в три года, за простой, что сюда прибрёдёшь, бывало, по-пустому, за...

Г-жа Простакова. Ненасытная душа! Кутейкин! За что это?

Правдин. Не мешайтесь, сударыня, я вас прошу.

Г-жа Простакова. Да коль пошло на правду, чему ты выучил Митрофанушку?

Кутейкин. Это его дело. Не моё.

Правдин (*Кутейкину*). Хорошо, хорошо. (*Цыфиркину.*) Тебе много ль заплатить?

Цыфиркин. Мне? Ничего.

Г-жа Простакова. Ему, батюшка, за один год дано десять рублей, а ещё за год ни полушки не заплачено.

Цыфиркин. Так: на те десять рублей я износил сапогов в два года. Мы и квиты.

Правдин. А за ученье?

Цыфиркин. Ничего.

Стародум. Как ничего?

Цыфиркин. Не возьму ничего. Он ничего не перенял.

Стародум. Да тем не меньше тебе заплатить надобно.

Цыфиркин. Не за что. Я государю служил с лишком двадцать лет. За службу деньги брал, по-пустому не брал и не возьму.

Стародум. Вот прямо добрый человек!

Стародум и Милон вынимают из кошельков деньги.

Правдин. Тебе не стыдно, Кутейкин?

Кутейкин (*потупя голову*). Посрамихся, окаянный.

Стародум (*Цыфиркину*). Вот тебе, друг мой, за добрую душу.

Цыфиркин. Спасибо, ваше высокородие. Благодарен. Дарить меня ты волен. Сам, не заслужа, век не потребую.

Милон (*давая ему деньги*). Вот ещё тебе, друг мой!

Цыфиркин. И ещё спасибо.

Правдин даёт также ему деньги.

Цыфиркин. Да за что, ваше благородие, жалуете?

Правдин. За то, что ты не походишь на Кутейкина.

Цыфиркин. И! Ваше благородие. Я солдат.

Правдин (*Цыфиркину*). Поди ж, мой друг, с Богом.

Цыфиркин отходит.

Правдин. А ты, Кутейкин, пожалуй-ка сюда завтра да потрудись расчесться с самой госпожою.

Кутейкин (*выбегая*). С самою! Ото всего отступаюсь.

Вральман (*Стародуму*). Старофа слуха не остафте, фаше фысокортие. Фосмите меня апять к сепе.

Стародум. Да ты, Вральман, я чаю, отстал и от лошадей?

Вральман. Эй, нет, мой патюшка! Шиучи с стешним хоспотам, касалось мне, што я фсё с лошатками.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и камердинер.

Камердинер (*Стародуму*). Карета ваша готова.

Вральман. Прикашишь мне дофести сепя?

Стародум. Поди садись на козлы.

Вральман отходит.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Г-жа Простакова, Стародум, Милон, Софья, Правдин,
Митрофан, Еремеевна.

Стародум (*к Правдину, держа руки Софьи и Милона*). Ну, мой друг! Мы едем. Пожелай нам...

Правдин. Всего счастья, на которое имеют право честные сердца.

Г-жа Простакова (*бросаясь обнимать сына*). Один ты остался у меня, мой сердечный друг, Митрофанушка!

Митрофан. Да отвяжись, матушка, как навязалась...

Г-жа Простакова. И ты! И ты меня бросаешь! А! неблагодарный! (*Упала в обморок.*)

Софья (*подбежав к ней*). Боже мой! Она без памяти.

Стародум (*Софье*). Помоги ей, помоги.

Софья и Еремеевна помогают.

Правдин (*Митрофану*). Негодник! Тебе ли грубить матери? К тебе её безумная любовь и довела её всего больше до несчастья.

Митрофан. Ды она как будто неведомо...

Правдин. Грубиян!

Стародум (*Еремеевне*). Что она теперь? Что?

Еремеевна (*посмотрев пристально на г-жу Простакову и всплеснув руками*). Очнётся, мой батюшка, очнётся.

Правдин (*Митрофану*). С тобой, дружок, знаю что делать. Пошёл-ко служить...

Митрофан (*махнув рукою*). По мне, куда велят.

Г-жа Простакова (*очнувшись в отчаянии*). Погибла я совсем! Отнята у меня власть! От стыда никуды глаз показать нельзя! Нет у меня сына!

Стародум (*указав на г-жу Простакову*). Вот злонравия достойные плоды!

КОНЕЦ КОМЕДИИ.

Размышляем о прочитанном

1. Как вы думаете, почему комедия начинается сценой с портным Тришкой? Что мы узнаём о жизни в доме Простаковых при внимательном прочтении первого действия?
2. Каковы отношения между людьми в этом доме? Как характеризуются персонажи комедии в явлении VIII четвёртого действия? Какими средствами пользуется автор для создания этой характеристики? Про «экзамен» Митрофана сказано, что в этой сцене происходит столкновение истинного просвещения и воинствующего невежества. Согласны ли вы с этим? Почему?
3. В афише с перечислением действующих лиц указано: Простакова, жена его (господина Простакова). Между тем в комедии персонажи характеризуют себя иначе: «Это я, сестрин брат», «Я женин муж», «А я матушкин сын». Как вы это объясняете? Как вы думаете, почему полной хозяйкой поместья у Фонвизина оказывается помещица, а не помещик? Связано ли это со временем, когда создана комедия «Недоросль»?

4. Проследите, как развивается конфликт между положительными и отрицательными персонажами. Как в этом конфликте раскрывается идея комедии («Угнетать рабством себе подобных — незаконно»)?
5. **Дискуссия.** Каковы трудности при чтении этой старой комедии? Чем сегодня нам интересен «Недоросль»?
6. Прочитайте самостоятельно явление VIII четвёртого действия и ответьте на вопросы. Что высмеивает Фонвизин? Как «выучен» Митрофан? Почему комедия называется «Недоросль»?

ФОНВИЗИН И КЛАССИЦИЗМ

Творчество Фонвизина, в том числе знаменитая комедия «Недоросль», теснейшим образом связано с особым направлением в литературе и в искусстве (живописи, архитектуре), зародившимся в ряде европейских стран в пору подъёма абсолютизма (личной власти монархов, олицетворявших единство, целостность, суверенитет (независимость) государств) в начале XVII века и получившим название **классицизм** (от лат. *classicus* — образцовый). Влияние классицизма на художественную жизнь Европы XVII—XVIII веков было широким, долговременным и в целом плодотворным.

В литературе классицизм наиболее полно проявился в лирике и в драматургии.

Классицисты считали, что нужно опереться на нормы прекрасного в античном искусстве, т. е. в искусстве Древней Греции и Древнего Рима, которые были изложены в трудах Аристотеля, Горация и других мыслителей и поэтов древности, и строго их соблюдать, не отступая от творческих правил. Эти нормы и правила требовали ясности изложения, точности выражения мыслей, порядка в построении произведений. Классицисты были убеждены в том, что природа и жизнь, преобразованные человеком, выше природы и жизни естественной, не подверженной ещё благородным усилиям человеческого ума, чувств, воли и рук.

Перед взором классицистов всегда стоял идеал прекрасной и возвышенной жизни, преображённой искусством человека, и противостоящий ему хаос дикой естественной жизни, управляемой непонятными и казавшимися дурными законами.

Наибольшего расцвета в литературе классицизма первоначально достигла драма как род словесного и сценического искусства.

Драма (от греч. *drama* — действие), как известно, один из трёх родов литературы, наряду с эпосом и лирикой. Основу драмы, согласно изначальному смыслу слова, составляет действие. В драме перед зрителем или читателем развёртываются явления, составляющие внешний мир.

События предстают в качестве живого, развёртывающегося в настоящем времени (на глазах зрителя!) действия, показанного через конфликты и в форме диалога. Драматург исключён из непосредственного действия и не может говорить от своего лица, за исключением ремарок, поясняющих действие или поведение персонажей (например, когда то или иное действующее лицо произносит реплику в ответ на слова другого лица, драматург может пометить: «в сторону», т. е. желая скрыть своё мнение).

Классицистическая драма обладает рядом особенностей. Для того чтобы действие сохраняло логическую стройность, классицисты выдвинули требование «трёх единств» — **единства места, единства времени и единства действия.**

Первые два единства очень просты и носили формальный характер, из-за чего впоследствии не удержались в драматических произведениях.

Единство места требует, чтобы действие происходило в одном помещении и не выходило за его пределы, например в одном доме, но в разных комнатах. Так, действие комедии «Горе от ума» совершается то в кабинете Фамусова, то в спальне Софии, то в гостиной, то на лестнице и т. д.

Единство времени предполагает, что действие должно начаться и закончиться в течение одних суток. Например, действие начинается с приезда Чацкого в дом Фамусовых утром, а завершается его отъездом ночью.

Единство действия — наиболее принципиальное и глубокое требование теории классицизма. Законы драмы требуют напряжённости и сосредоточенности действия, обусловленного, как правило, характерами героев, особой строгости в ведении сюжета: действие в драме и поведение героев должны быть направлены к одной цели, сохранять связь и стройность композиции во всех сценах и деталях и быть едиными, сопряжёнными с основным противоборством действующих лиц.

Такое требование к драматическому сюжету и получило название «единство действия». «Действие драмы, — писал В. Г. Белинский, — должно быть сосредоточено на одном интересе и быть чуждо побочных интересов...» Это означает, что в драме «всё должно быть направлено к одной цели, к одному намерению».

Благодаря единству действия в драме особенно чётко и последовательно прослеживается трёхчленное развитие сюжета: **завязка — развитие действия** (включая кульминацию) — **развязка**. В комедии классицизма счастливая развязка происходит за счёт внешних сил: внезапное появление Стародума приводит к «наказанию» отрицательных персонажей и «счастью» Софии и Милона.

Внешнее выражение последовательности течения драматического действия — членение драмы на акты, каждый из которых является завершённой ступенью развёртывающегося конфликта.

Классицизм строго придерживался так называемой иерархии жанров. **Трагедия, ода, эпopeя** относились к «высоким жанрам». **Комедия, басня, сатира** — к «низким».

В жанре трагедии работали два крупнейших французских драматурга — Пьер Корнель и Жан Расин. В основе их произведений лежит столкновение личных интересов и гражданского долга. В жанре басни прославился Лафонтен, а в жанре комедии — Мольер. Они смеялись над пороками людей, разоблачали несправедливые социальные и общественные условия и отношения.

В России классицизм возник в 1730—1750-е годы. Для русского классицизма свойственна национально-патриотическая тематика, гражданский пафос, который основывался на крепнущей мощи Русского государства и был связан с преобразованиями Петровской эпохи.

Размышляем о прочитанном

1. В чём заключались основные правила, законы классицизма?
- 2★¹. Можете ли вы определить, какие свойства классицизма наследует Фонвизин и какие он отвергает или преобразует?
3. Согласны ли вы со следующим высказыванием П. А. Вяземского? «В комедии „Недоросль“ автор имел уже цель важнейшую: гибельные плоды невежества, худое воспитание и злоупотребления домашней власти выставлены им рукою смелою и раскрашены красками самыми ненавистными. В „Бригадире“ автор дурачит порочных и глупцов, язвит их стрелами насмешки; в „Недоросле“ он уже не шутит, не смеётся, а негодует на порок и клеймит его без пощады... Невежество... в котором рос Митрофанушка, и примеры домашние должны были готовить в нём изверга, какова мать его, Простакова. Роли Милона и Софьи бледны... Правдин чиновник; он разрезывает мечом закона сплетение действия, которое должно б быть развязано соображениями автора, а не полицейскими мерами наместника. Кутейкин, Цыфиркин и Вральман забавные карикатуры; последний и слишком карикатурен, хотя, к сожалению, и не совсем несбыточное дело, что в старину немец кучер попал в учителя в дом Простаковых... Успех комедии „Недоросль“ был решительный. Нравственное действие её несомненно. Некоторые из имён действующих лиц сделались нарицательными и употребляются донныне в народном обращении. В сей комедии так много действительности, что провинциальные предания именуют ещё и ныне несколько лиц, будто служивших подлинниками автору. Мне самому случалось встретиться в провинциях с двумя или тремя живыми экземплярами Митрофанушки, то есть будто служившими образцом Фонвизину... Если правда, что князь Потёмкин после первого представления „Недоросля“ сказал автору: „Умри, Денис, или больше ничего уже не пиши!“, то жаль, что эти слова оказались пророческими и что Фон-

¹ Здесь и далее звёздочкой обозначены задания повышенной сложности.

визин не писал уже более для театра» (Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. — М., 1984. — С. 197—198, 214—222).

4. Почему, с точки зрения Вяземского, положительные герои получились у Фонвизина менее художественно убедительными, чем отрицательные?
5. Прокомментируйте мнение русского историка В. О. Ключевского из его размышления «*Недоросль* Фонвизина (Опыт исторического объяснения учебной пьесы)»: «Можно без риска сказать, что *Недоросль* доселе не утратил значительной доли своей былой художественной власти ни над читателем, ни над зрителем, несмотря ни на свою наивную драматическую постройку, на каждом шагу обнаруживающую нитки, которыми сшита пьеса, ни на устарелый язык, ни на обветшавшие сценические условности екатерининского театра, несмотря даже на разлитую в пьесе душистую мораль оптимистов прошлого века. ...Надобно осторожно смеяться над Митрофаном, потому что Митрофаны мало смешны и притом очень мстительны, и мстят они неудержимой размножаемостью и неуловимой пронизательностью своей природы, родственной насекомым или микробам. Да я и не знаю, кто смешон в *Недоросле*. Г-н Простаков? Он только неумный, совершенно беспомощный бедняга, не без совестливой чуткости и прямоты юродивого, но без капли воли и с жалким до слёз избытком трусости, заставляющей его подличать даже перед своим сыном. Тарас Скотинин тоже мало комичен: в человеке... для которого свиной хлев заменяет и храм науки, и домашний очаг, — что комичного в этом благородном российском дворянине, который из просветительского соревнования с любимыми животными доцивилизовался до четверенек? Не комична ли сама хозяйка дома, госпожа Простакова, урождённая Скотинина? Это лицо в комедии, необыкновенно удачно задуманное психологически и превосходно выдержанное драматически... она глупа и труслива, т. е. жалка — по мужу, как Простакова, безбожна и бесчеловечна, т. е. отвратительна — по брату, как Скотинина. *Недоросль* — комедия не лиц, а положений. Её лица комичны, но не смешны, комичны как роли и вовсе не смешны как люди. Они могут забавлять, когда видишь их на сцене, но тревожат и огорчают, когда встретишь вне театра, дома или в обществе. Фонвизин заставил печально-дурных и глупых людей играть забавно-весёлые и часто умные роли. Сила впечатления в том, что оно составляется из двух противоположных элементов: смех в театре сменяется тяжёлым раздумьем по выходе из него» (Ключевский В. О. Исторические портреты: Деятели исторической мысли. — М., 1990. — С. 342—349).
6. По каким признакам можно определить, что комедия «*Недоросль*» относится к классицистическим произведениям?

Опыт литературоведческого исследования

В чём разница между суждениями П. А. Вяземского и В. О. Ключевского? Их взгляды на комедию противоположны или дополняют и уточняют единую позицию? Дайте развёрнутый аргументированный ответ на этот вопрос в сочинении-исследовании.

Обогащаем свою речь

Объясните значение слов, подберите к ним синонимы: *мошенник, кафтан, потакать, сговор, прогневалась, шальной, порезвись, сиротка, надзирать, хлопотать, оброк.*

Учимся читать выразительно

Подготовьте чтение по ролям сцен комедии, включённых в учебник. Особое внимание обратите на речевую характеристику героев.

ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

XIX век — золотой век отечественной словесности

Триумфальное шествие русской литературы в XIX столетии началось на волне национально-патриотического подъёма, вызванного войнами против Наполеона и в особенности Отечественной войной 1812 года. В это время в России складывался русский романтизм. Многие русские поэты-романтики были непосредственными участниками Отечественной войны. В их творчестве отразились бурные события русской и европейской истории. Им раскрылась душа народа, его высокая нравственность, его патриотизм, самоотверженность и доблесть.

Зачинателями русского романтизма выступили В. А. Жуковский и К. Н. Батюшков. Пафос поэзии Жуковского — суверенность внутренней, духовной жизни, самостоятельной и независимой. Герой Жуковского не удовлетворён официальной, казённой моралью, его отталкивают равнодушие, корысть, властолюбие, суетные, земные заботы. Ему по душе человечность в отношениях между людьми. Великая заслуга Жуковского заключается в том, что он, по словам В. Г. Белинского, обогатил русскую поэзию глубоко нравственным, истинно человеческим содержанием.

Рядом с Жуковским в истории русской поэзии стоит К. Н. Батюшков. Ведущими жанрами его поэзии были элегии, послания, а позже — исторические элегии. Девизом творчества Батюшкова стали слова: «И жил так точно, как писал...» А жил поэт мечтой о простом, скромном и вместе с тем изящном, грациозном и гармоничном мире, в котором обитал открытый природе, искусству, земным радостям и наслаждениям душевно здоровый человек.

В ту же пору далёкий от романтизма И. А. Крылов обновил жанр басни. В его творчестве совершился существенный сдвиг в понимании народа, его морали, особенностей характера. Он открыл нам наши национальные нравственные принципы и выразил их просто, метко и афористично.

После Жуковского, Батюшкова, Крылова все основные слагаемые литературного языка — книжный, разговорный и просторечный, все стили — «высокий», «средний» и «низкий» — уже стремились к объединению в органическое целое. Дорога А. С. Пушкину и всем дарованиям XIX века была открыта.

Вся первая треть XIX века прошла для русской литературы под знаком Пушкина, поэтов его круга (Е. А. Баратынского, П. А. Вяземского, А. А. Дельвига, Н. М. Языкова), декабристов (поэтов и прозаиков), А. С. Грибоедова и многих других литераторов.

«Пушкин, — писал Н. В. Гоголь, — был дан миру на то, чтобы доказать собою, что такое сам поэт». И, размышляя о смысле слов «сам поэт», Гоголь

пояснял: это «независимое существо, звонкое эхо, откликающееся на всякий отдельный звук». Поэт отзывается на все проявления жизни. Многообразие жизни выливается в поэтическое многоголосие.

«Что ж было предметом его поэзии?» — спрашивал Гоголь в упомянутой статье «В чём же, наконец, существо русской поэзии?..» и отвечал: «Всё стало её предметом, и ничто в особенности. Немеет мысль перед бесчисленностью его предметов». То же относится и к внутренней стороне человеческого бытия. Жизнь сердца и жизнь ума, великие движения души и её ничтожность — всё нашло выражение в лирике Пушкина. Слово становилось эквивалентом разнообразного, многосложного, но цельного в этом разнообразии и в этой многосложности мира. Оно обнимало собою историю и современность, культуру старую и новую, предметный, вещественный мир и мир личный, внутренний. И наконец, слово вследствие своей «историчности» было словом народным. Оно стало пониматься как часть исторической жизни народа. Все эти значения и оттенки слова приведены в поэзии Пушкина в гармоническое согласие.

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво...

В жизни Пушкин был притягательным центром, к которому стремились поэты золотого века. Обаяние его необыкновенной личности, постоянный и глубокий интерес к истории человеческих знаний и культуры, всеобъемлющий интеллект, тонкость и глубина восприятия делали его первым среди равных.

Русская поэзия создавалась людьми энциклопедически образованными, усвоившими благородную привычку к напряжённому интеллектуальному труду.

В лирике А. А. Дельвига ожила романтическая мечта о большом идеальном мире человеческого счастья. Его прообраз поэт нашёл в Античности.

Романтическое вольнолюбие, ставшее отличительным свойством «внутреннего человека» того времени, одухотворило поэзию Н. М. Языкова. Пафос поэзии Языкова критик И. В. Киреевский определил как «стремление к душевному простору».

Своим путём к слиянию в лирике гражданской и личной тем шёл П. А. Вяземский. Он объяснил элегические чувства («уныние») общественными причинами.

Самым крупным поэтом в пушкинском кругу был Е. А. Баратынский. Он наиболее последовательно выразил философско-элегический взгляд на жизнь, на судьбу человека и тем обогатил русскую поэзию философско-психологическим содержанием.

В это же время «зазвучал из самых глубин нации» голос А. В. Кольцова, открыв русской читающей публике могучие духовные силы народа.

Наивысших взлётов романтическая поэзия послепушкинской поры достигла в произведениях М. Ю. Лермонтова и Ф. И. Тютчева. Их поэзия подводила итог золотому веку поэзии и открывала новую страницу в её истории.

Лермонтов стал продолжателем поэзии декабристов, Пушкина и поэтов пушкинского времени. Он с детства поверил возвышенным мечтам романтиков и горел желанием построить свою судьбу в согласии с их гуманными и гражданско-героическими заветами. Свойствами его лирики становятся углублённый самоанализ, едкая ироническая и горькая усмешка, адресованная себе. Попытки найти родную душу, обрести единство с природой или Вселенной, как правило, кончаются крахом. Тяжёлый опыт порождает бунт личности, смело заявляющей о своих правах, бунт, направленный и против общества, и против роковых внешних сил, повинных в несовершенстве земного мира. При этом светлые надежды не покидают поэта: он сохраняет веру и в конечную гармонию, и в полноту счастья, и в деятельную, творческую жизнь.

В эти же годы расцветает творчество Тютчева. Жизнь мира предстала Тютчеву-романтику в непрестанном боренье таинственных и загадочных противоположных начал. Всемирность, всеобщность тютчевских идей роднили поэта с Пушкиным, с Достоевским и Львом Толстым. Они прямо сближали Тютчева с мыслями, настроениями и художественными прозрениями великих поэтов XX века.

Продолжателями традиций Пушкина и Лермонтова, поэтов золотого века отечественной словесности стали Некрасов и Фет. Они раздвинули границы нашей поэзии. Фет выразил в лирике мимолётные, ускользающие, самые тонкие движения души, неподвластные рассудку. Некрасов стал заступником народа, передав его заветные мечты о счастливой жизни и рассказав о тяжких страданиях, выпавших на его долю.

Если в первой половине XIX века в литературе господствовали поэзия и проза, то во второй половине на первое место вышли проза и драматургия. Их победа была подготовлена лиро-эпическим романом «Евгений Онегин» Пушкина, его повестями, трагедиями («Повести Белкина», «Маленькие трагедии»), романом «Капитанская дочка», прозой и драматургией Лермонтова («Маскарад», «Герой нашего времени») и Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород», «Петербургские повести», «Ревизор», «Мёртвые души»).

Гоголь развил и углубил традиции Пушкина в прозе и в драматургии. Писатель был воодушевлён идеалом возвышенного. Он мечтал видеть Россию и русского человека свободными от всех нравственных искажений. Изживание пороков через смех и торжественная устремлённость к духовному совершенству — таковы слагаемые творчества Гоголя, в котором соединились писатель и пророк.

Пушкинское и гоголевское начала царили в русской прозе до конца XIX века. Их подхватил и расширил Тургенев, автор многочисленных романов о русских интеллигентах и молодом поколении, повестей и рассказов, впервые изобразивший русского мужика не снисходительно, с высоты сознания просвещённого привилегированного сословия, а полным достоинства, ума и таланта. Тогда же в литературу вошли Гончаров, автор знаменитой трилогии («Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв»), создавший тип Обломова, хорошего человека, которого сломала русская жизнь, Салтыков-Щедрин, чьё творчество соединило в себе острейшую политическую злободневность и вечные проблемы.

В те же годы, по существу, одним драматургом — А. Н. Островским был создан национальный театр. Л. Н. Толстой назвал писателя «отцом русской драматургии», а критик Аполлон Григорьев писал, что драматург обладал «коренным русским мирозерцанием». В круг этих писателей входили А. Ф. Писемский, К. С. Аксаков. Так сложилось, что Н. С. Лескову суждено было стать одинокой звездой на небосводе русской литературы второй половины XIX века. Среди тех, кто испытал влияние писателя, — Ф. Сологуб, А. Ремизов, Е. Замятин, Б. Зайцев, И. Бабель, И. Шмелёв...

Весь мир потрясли творения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова.

Л. Н. Толстой — классик мировой литературы, открывший в искусстве слова «диалектику души». Своими произведениями он определил многие направления развития прозы в XX веке.

Ф. М. Достоевский обогатил мировую литературу философской и психологической глубиной. Его творчество, как и творчество Л. Н. Толстого, явилось воплощением самых напряжённых духовных, религиозно-нравственных и собственно эстетических исканий русской интеллигенции XIX века.

В мировой читательской аудитории рядом с именами Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского стоит имя А. П. Чехова — последнего русского классика XIX века и первого классика нового столетия. Чехов по-новому посмотрел на соотношение обстоятельств и человека. До него в русской литературе считалось, что обстоятельства формируют человека и он становится их рабом. Чехов, не отрицая влияния обстоятельств на человека, увидел и обратное влияние — человека на обстоятельства: каков духовный мир человека, такое окружение он создаёт. Творчество Чехова завершило традиции русского классического реализма и предвосхитило духовное и стилистическое открытия литературы Новейшего времени.

О богатстве русской литературы XIX века здесь рассказано далеко не полно. Здесь даже не прозвучали имена А. К. Толстого, Я. П. Полонского и множества других поэтов и прозаиков. Но и то, что сказано, говорит о величии

русской литературы, о её своеобразии и почётном месте в кругу литератур мира. Русская литература постоянно расширяла освоение тех пластов жизни, из которых черпала темы и сюжеты своих произведений, и всё глубже проникала во внутренний мир человека, в тайны его души. История русской литературы — это многообразие тем, мотивов, образов, история смены жанров и стилей. От почти безусловного господства поэзии русская литература неуклонно двигалась к прозе. Торжество повествовательных форм отмечена вторая половина XIX столетия. Это не значит, что поэзия прекращает своё существование. Она лишь уступает первое место на литературной арене прозе.

Русская литература в ходе своего движения переходит к господству индивидуально-авторских стилей. Это хорошо видно на примерах произведений И. С. Тургенева и И. А. Гончарова, Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. С. Лескова и А. П. Чехова. При этом жанры никуда не исчезают, но стиль не находится в жёсткой зависимости от жанра, а освобождается от строгой жанровой нормативности. В русской литературе особенное распространение получают гибридные жанровые формы, спаянные из различных жанров. Например, «Евгений Онегин» — роман в стихах, «Мёртвые души» — поэма, «Записки охотника» — рассказ и очерк. То же самое можно сказать о романах Л. Н. Толстого (роман-эпопея «Война и мир»), Достоевского (философско-идеологический роман) и т. д. Изучив процессы в литературе XIX века, можно лучше понять изменения, произошедшие в художественном мышлении XX—XXI веков.

Александр Сергеевич ПУШКИН

1799—1837

История была неотъемлемой частью жизни и творчества поэта. Пушкину органически присущ историзм, включающий память его собственных предков, прошлое народа, место и роль России в мировой цивилизации и раздумья о её будущем.

Пушкина интересовали важнейшие проблемы истории: народные движения, историческая роль царей, трагизм столкновения государственного и личного начал в истории. Его привлекали переломные моменты российской истории, яркие исторические личности, исторические события, насыщенные глубоким содержанием. Пушкинское отношение к истории было лишено однозначных чёрно-белых оценок и подходов.

Большое значение он придаёт силе народного мнения. В «Борисе Годунове» даже измученные голодом и поборами люди из народа способны не только на скорую расправу с ненавистными боярами, но и на сочувствие погибшим родственникам Годунова. Пушкин симпатизирует руководителям народных восстаний (Разин, Пугачёв), но отрицает бунт, «бессмысленный и беспощадный». Он показывает Петра I как гениального реформатора, гениального полководца, основателя Петербурга, радетеля о науке и культуре, но... сочувствует «маленькому человеку», незащищённому и страдающему («Медный всадник»). Понимая величие Петровских реформ и их историческую необходимость, Пушкин не мог смириться с подавлением личности и свободы простого человека. Пушкин выступает не только автором художественных произведений на историческую тему («Капитанская дочка», «Медный всадник» и др.), но также историком («История Пугачёвского бунта», «История Петра» и др.). По сути, он был первым историком крестьянской войны под предводительством Пугачёва.

Пушкин внимательно изучал исторические документы (летописи, исторические повести и т. д.), над которыми трудился «ревностно и добросовестно». Источником его исторических взглядов были и устные исторические предания.

В то же время А. С. Пушкин следил за современной ему исторической наукой, откликаясь на труды русских историков. Он обращался к античной и всемирной истории. Всё это помогло ему осознать место России в мировом историческом процессе.

Проверьте себя

1. Какие проблемы истории интересовали Пушкина? Как поэт относился к истории? Какие произведения на исторические темы, созданные Пушкиным, вам известны? Каким событиям они посвящены?
- 2★. Как вы понимаете высказывание поэта: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие»?
- 3★. «В творчестве Шекспира, Гёте, Скотта Пушкина привлекало, — пишет литературовед Л. Фризман, — умение передать историческую действительность как подлинно жизненную правду». Как вы понимаете эти слова?
4. **Публичное выступление.** В каком произведении, изученном вами в шестом классе, Пушкин рассказывает об одном из событий истории Древней Руси и отталкивается при этом от летописного источника? Расскажите об этом.

СТИХОТВОРЕНИЯ

«К Чаадаеву»¹ (1818). В ряду стихотворений, в которых личная тема сочетается с гражданской и теряет отвлечённость, почётное место занимает дружеское послание «К Чаадаеву».

К Чаадаеву

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит ещё желанье,
Под гнётом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждём с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждёт любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдёт она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

В этом стихотворении пушкинское вольнолюбие проявилось с особой силой. Пушкин разделяет убеждение друзей-либералов² в том, что радость жизни и счастье человек может постичь лишь в свободном обществе. На первый план выдвигается мысль об Отчизне, служение которой становится потребностью души поэта. В стихотворении чувства Чаадаева и Пушкина объединяются («Недолго нежил *нас* обман...», «Но *в нас* горит ещё желанье...», «Мы ждём с томленьем упованья...», «Напишут *наши* имена!»).

¹ Чаада́ев Пётр Яковлевич (1794—1856) — русский офицер, мыслитель, общественный деятель.

² Либе́рал — здесь: свободолюбец.

Послание начинается с традиционного элегического зачина, с грустной ноты: упоение жизнью оказалось всего лишь «обманом». При столкновении с реальностью мечты о славе, любви, свободе часто оборачиваются неверием, сомнением. Героические и честлюбивые мечты не угасают, а вновь овладевают поэтом. Печальный тон сменяется бодрым, жизнерадостным:

...Но в нас горит ещё желанье...

Стихотворение превращается в вольный порыв к свободе. Страстную жажду «вольности святой» не могут победить ни трудности борьбы, ни грозящие преграды, ни «гнёт власти роковой».

В послании «К Чаадаеву» сохранилось именно такое понимание слова «свобода». Однако романтический порыв выражен с такой всеобъемлющей мощью, которая раздвигает и расширяет значения слов. При этом гражданский порыв сливается с любовным порывом, и они объединяются в едином чувстве. Вся душа оказывается им объята. Индивидуальное содержание душевного порыва перерастает в сверхличное — речь идёт о свободе Отечества, о России («Россия вспрянет ото сна...»).

Для сопряжения личной и гражданской тем Пушкин использует устойчивые поэтические сращения, которые способны нести и разный, и одинаковый смысл. Например, он употребляет сочетание «горит желанье». Оно может заключать в себе гражданскую страсть (ср.: «Пока свободой горим...»), но может означать и любовную страсть (ср.: «В крови горит огонь желанья»). Выражение «горит желанье» в послании включает в себя оба значения. Так, в порыве вольности участвуют все силы души. Следовательно, можно сказать, что элегический словарь поэзии получил под пером Пушкина возможность выражать и сугубо интимные тайны сердца, и гражданские чувства, придавая им глубоко личный характер.

Послание — жанр лирической поэзии монологического характера, в котором автор-поэт обращается к адресату и высказывает ему свои мысли, суждения, чувства, переживания по какому-либо предмету, волнующему его. Послания бывают любовные (пушкинское послание А. П. Керн), дружеские (его же послания П. Я. Чаадаеву, И. И. Пущину и др.), послания-памфлеты («Послание цензору»), наставительные (послание митрополита Филарета Пушкину), благодарственные (послание Пушкина митрополиту Филарету) и пр.

Размышляем о прочитанном

1. Какая мысль выдвигается в стихотворении на первый план и почему?
2. Какие значения включает в себя строка «Пока свободой горим...»?
3. С чем сравнивает поэт ожидание вольности для своей Отчизны?
4. Как вы понимаете концовку стихотворения?

Учимся читать выразительно

Подготовьте чтение наизусть стихотворения «К Чаадаеву», подчеркнув его свободолюбивый пафос.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

«К Чаадаеву»

1. В этом стихотворении пушкинское вольнолюбие проявилось с особой силой. При столкновении с реальностью мечта о славе, любви и свободе оборачивается сомнением. Как это звучит в актёрском чтении?
2. В финале стихотворения печальный тон сменяется бодрым, жизнерадостным. Какие интонации, паузы, логические ударения использует актёр? Как они помогают нам почувствовать эти перемены?

«Анчар» (1828). После возвращения из Михайловской ссылки Пушкин всё чаще задумывается о трагических противоречиях бытия и современного ему общества. Почётное место в кругу этих раздумий занимает стихотворение «Анчар», обладающее удивительной художественной силой.

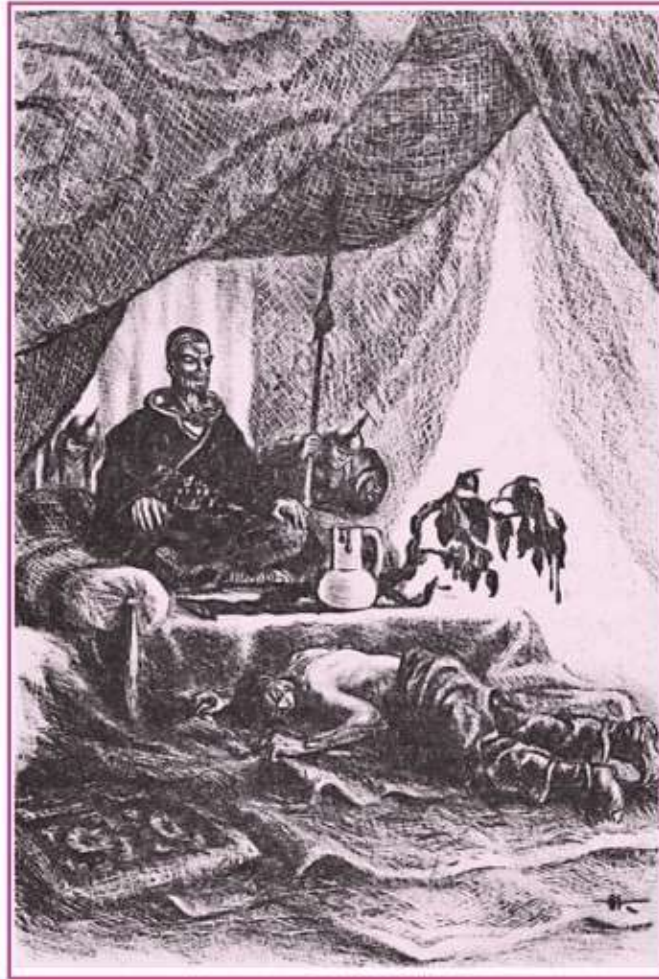
Анчар¹

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит — один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила,
И зелень мёртвую ветвей
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой прозрачною смолою.

¹ *Анча́р* — «дерево яда»; тропическое южноазиатское дерево с ядовитым соком.

«Анчар». Художник Н. Кочергин

К нему и птица не летит,
И тигр нейдёт — лишь вихорь чёрный
На древо смерти набежит
И мчится прочь, уже тлетворный¹.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей, уж ядовит,
Стекает дождь в песок горячий.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

¹ Тлетворный — гибельный, вредоносный.

Принёс он смертную смолу
 Да ветвь с увядшими листьями,
 И пот по бледному челу
 Струился хладными ручьями;

Принёс — и ослабел и лёг
 Под сводом шалаша на лыки,
 И умер бедный раб у ног
 Непобедимого владыки.

А князь тем ядом напитал
 Свои послушливые стрелы
 И с ними гибель разослал
 К соседям в чуждые пределы.

Легенда о «древе яда» под пером Пушкина вырастает в суровое обвинение деспотизма.

Своеобразие «Анчара» состоит в том, что мысль Пушкина выражается в рассказе, в сюжете, а не от лица автора. В стихотворении философски обобщена трагедия современного Пушкину человека.

Поэт стремился к предельно обобщённому изображению притчеобразной ситуации. Природа, где вырос анчар (воплощение зла, «грозный часовой»), — «чахлая и скупая». Анчар несёт гибель всему живому. Злое начало, заключённое в естественном мире, замкнуто и отгорожено. Анчар как природное зло «стоит — один во всей вселенной». Он одинок, окружён пустыней и не проявляет активности. Живые существа — птица, тигр — могут избежать гибели, если не будут приближаться к анчару. Только тот, кто сам, по своей или чужой воле, приближается к нему, поражается его смертоносным ядом. Границу царства смерти переступает человек, «раб», но не по своей воле, а по приказу «владыки», который выступает социальным аналогом анчара. Он, получив яд, доставленный «рабом», разослал смерть «к соседям в чуждые пределы». Ценой смерти других «князь» утверждает свою власть. Ужас изображённой ситуации состоит в том, что и «владыка», и «бедный раб» считают такой порядок нормальным.

Пушкин иносказательно осуждает самодержавную тиранию. Но едва ли символом деспотизма выступает анчар. Он скрыт от людей, удалён от них. В стихотворении активное злое начало свойственно князю, который не только получил «смертную смолу» с помощью раба, но и «ядом напитал» стрелы, посланные «соседам». Князь вносит природное зло в человеческий мир, освобождая его из плена пустыни и превращая в зло социальное. Пушкин создал впечатление антиприродности тирании, её неестественности.

Если в 1826—1827 годах поэт надеялся на то, что Николаю I можно внушить гуманные идеи, в частности проявить милость к декабристам, то в 1828 году

он сомневается в своих надеждах и отходит от иллюзий. По мнению Пушкина, режим царя становится деспотическим. Стихотворение обратило на себя внимание правительственных кругов, и Бенкендорф в 1832 году потребовал от Пушкина разъяснений.

Мощь рассеянного в мире зла не выглядит абсолютной. Пластически выразительно изображая смерть «раба», Пушкин отдаёт ему дань сострадания и сочувствия, поскольку раб — жертва самовластья и тирании. Перед его самоотверженностью и самоотречением бледнеет власть и слава «непобедимого владыки». Так проявляется пушкинский гуманизм, осуждающий деспотизм, бесчеловечный к судьбам обыкновенных подданных.

Поэт в небольшом лирическом стихотворении раскрыл суть отношений между людьми. Общество осуждено им, потому что в нём правят антигуманные законы, потому что социальные отношения превращают одного человека во владыку, действующего сознательно во вред такому же человеку, а другого — в послушного раба. В обоих всё человеческое искажено.

Осуждение античеловечности выступило в стихотворении в совершенной художественной форме. Пушкин неоднократно повторяет опорные слова, возвращается к ним. Таковы, например, слова «яд», «смола» и другие («И корни ядом напоила», «Яд каплет сквозь его кору...»).

Вторая часть стихотворения тоже содержит повторяющиеся слова. Антитеза «владыка — раб» поддержана выразительными эпитетами: «властный взгляд» — «послушно», «бедный раб» — «непобедимый владыка». Глаголы тоже подчёркивают власть и принуждение: «послал» — «потек». Действия князя получают одинаковое выражение: «послал» — «разослал», «послушно» — «послушливые» (стрелы). Столь же одинаков результат: «умер бедный раб» — «И с ними гибель разослал...». Пушкин использует и композиционный приём единоначатия стиха — анафоры, повторяя и усиливая эмоциональное напряжение:

Принёс он смертную смолу...
Принёс — и ослабел и лёг...

Всё это придаёт стихотворению исключительную цельность.

Размышляем о прочитанном

- 1. Дискуссия.** Можно ли считать, что стихотворение «Анчар» — суровое обличение деспотизма? Подтвердите свою позицию примерами из текста.
- 2.** Кому сочувствует и кого осуждает поэт?
- 3.** Какие лексические и синтаксические средства использует поэт для усиления выразительности изображаемого?

4. Выучите стихотворение «Анчар» наизусть, подчеркнув при чтении своё отношение к деяниям, совершаемым владыкой.

Обогащаем свою речь

Объясните значения слов и словосочетаний:

В пустыне чахлой, жаждающих степей, зелень мёртвую ветвей, растопясь от зною, тлетворный, властным взглядом, ветвь с увядшими листьями, бледное чело, непобедимый владыка, гибель разослал, послушливые стрелы, чуждые пределы.

Найдите к ним синонимы. Обоснуйте выбор поэтом именно этих слов и словосочетаний.

«МАЛЕНЬКИЕ ТРАГЕДИИ»

Познакомьтесь ещё с одним жанром пушкинского творчества — с одной из «маленьких трагедий».

Моцарт и Сальери

СЦЕНА I

(Комната.)

Сальери

Все говорят: нет правды на земле.
 Но правды нет — и выше. Для меня
 Так это ясно, как простая гамма.
 Родился я с любовью к искусству;
 Ребёнком будучи, когда высоко
 Звучал орган в старинной церкви нашей,
 Я слушал и заслушивался — слёзы
 Невольные и сладкие текли.
 Отверг я рано праздные забавы;
 Науки, чуждые музыке, были
 Постылы мне; упрямо и надменно
 От них отрёкся я и предался
 Одной музыке. Труден первый шаг
 И скучен первый путь. Преодолею
 Я ранние невзгоды. Ремесло
 Поставил я подножием искусству;
 Я сделался ремесленник: перстам
 Придал послушную, сухую беглость
 И верность уху. Звуки умертвив,

Музыку я разъял, как труп. Поверил
 Я алгеброй гармонию. Тогда
 Уже дерзнул, в науке искущённый,
 Предаться неге творческой мечты.
 Я стал творить, но в тишине, но в тайне,
 Не смея помышлять ещё о славе.
 Нередко, просидев в безмолвной келье
 Два, три дня, позабыв и сон и пищу,
 Вкусив восторг и слёзы вдохновенья,
 Я жёг мой труд и холодно смотрел,
 Как мысль моя и звуки, мной рождённые,
 пылая, с лёгким дымом исчезали.
 Что говорю? Когда великий Глюк¹
 Явился и открыл нам новы тайны
 (Глубокие, пленительные тайны),
 Не бросил ли я всё, что прежде знал,
 Что так любил, чему так жарко верил,
 И не пошёл ли бодро вслед за ним
 Безропотно, как тот, кто заблуждался
 И встречным послан в сторону иную?
 Усильным, напряжённым постоянством
 Я наконец в искусстве безграничном
 Достигнул степени высокой. Слава
 Мне улыбнулась; я в сердцах людей
 Нашёл созвучия своим созданьям.
 Я счастлив был: я наслаждался мирно
 Своим трудом, успехом, славой; также
 Трудами и успехами друзей,
 Товарищей моих в искусстве дивном.
 Нет! никогда я зависти не знал,
 О, никогда! — ниже, когда Пиччини²
 Пленить умел слух диких парижан,
 Ниже, когда слышал в первый раз
 Я Ифигении³ начальны звуки.

¹ *Глюк Кристоф Виллибальд* (1714—1787) — немецкий композитор, реформатор оперы, работал в Вене.

² *Пиччини Никколо* (1728—1800) — итальянский композитор; с 1776 по 1789 год работал в Париже.

³ *«Ифигения»* — опера Глюка.

Кто скажет, чтоб Сальери гордый был
 Когда-нибудь завистником презренным,
 Змеёй, людьми растоптанною, вживе
 Песок и пыль грызущею бессильно?
 Никто!.. А ныне — сам скажу — я ныне
 Завистник. Я завидую; глубоко,
 Мучительно завидую. — О небо!
 Где ж правота, когда священный дар,
 Когда бессмертный гений — не в награду
 Любви горящей, самоотверженья,
 Трудов, усердия, молений послан —
 А озаряет голову безумца,
 Гуляки праздного?.. О Моцарт, Моцарт!

(Входит Моцарт.)

Моцарт

Ага! увидел ты! а мне хотелось
 Тебя неожиданной шуткой угостить.

Сальери

Ты здесь! — Давно ль?

Моцарт

Сейчас. Я шёл к тебе,

Нёс кое-что тебе я показать;
 Но, проходя перед трактиром, вдруг
 Услышал скрипку... Нет, мой друг Сальери!
 Смешнее отроду ты ничего
 Не слыхивал... Слепой скрипач в трактире
 Разыгрывал *voi che sapete*¹. Чудо!
 Не вытерпел, привёл я скрипача,
 Чтоб угостить тебя его искусством.
 Войди!

(Входит слепой старик со скрипкой.)

Из Моцарта нам что-нибудь!

(Старик играет арию из Дон-Жуана; Моцарт хохочет.)

¹ «*Voi che sapete*» — ария Керубино из оперы Моцарта «Женитьба Фигаро» на сюжет Бомарше.

Сальери

И ты смеяться можешь?

Моцарт

Ах, Сальери!

Ужель и сам ты не смеешься?

Сальери

Нет.

Мне не смешно, когда маляр негодный

Мне пачкает Мадонну Рафаэля¹;

Мне не смешно, когда фигляр презренный

Пародией бесчестит Алигьери².

Пошёл, старик.

Моцарт

Постой же: вот тебе,

Пей за моё здоровье.

(Старик уходит.)

Ты, Сальери,

Не в духе нынче. Я приду к тебе

В другое время.

Сальери

Что ты мне принёс?

Моцарт

Нет — так; безделицу. Намедни ночью

Бессонница моя меня томила,

И в голову пришли мне две, три мысли.

Сегодня их я набросал. Хотелось

Твоё мне слышать мнение; но теперь

Тебе не до меня.

¹ *Рафаэль Санти* (1483—1520) — итальянский живописец и архитектор эпохи Высокого Возрождения.

² *Алигьери* — Данте Алигьери (1265—1321), итальянский поэт, создатель итальянского литературного языка.

Сальери

Ах! Моцарт, Моцарт!

Когда же мне не до тебя? Садись;
Я слушаю.

Моцарт

(за фортепиано)

Представь себе... кого бы?

Ну, хоть меня — немного помоложе;
Влюблённого — не слишком, а слегка —
С красоткой, или с другом — хоть с тобой,
Я весел... Вдруг: виденье гробовое,
Незапный мрак иль что-нибудь такое...
Ну, слушай же.

(Играет.)

Сальери

Ты с этим шёл ко мне

И мог остановиться у трактира
И слушать скрипача слепого! — Боже!
Ты, Моцарт, недостойн сам себя.

Моцарт

Что ж, хорошо?

Сальери

Какая глубина!

Какая смелость и какая стройность!
Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь.
Я знаю, я.

Моцарт

Ба! право? может быть...
Но божество моё проголодалось.

Сальери

Послушай: отобедаем мы вместе
В трактире Золотого Льва.

Моцарт

Пожалуй;

Я рад. Но дай схожу домой сказать
Жене, чтобы меня она к обеду
Не дожидалась.

(Уходит.)

Сальери

Жду тебя; смотри ж.
Нет! не могу противиться я доле
Судьбе моей: я избран, чтоб его
Остановить — не то мы все погибли,
Мы все, жрецы, служители музыки,
Не я один с моей глухою славой...
Что пользы, если Моцарт будет жив
И новой высоты ещё достигнет?
Подымет ли он тем искусство? Нет;
Оно падёт опять, как он исчезнет:
Наследника нам не оставит он.
Что пользы в нём? Как некий херувим¹,
Он несколько занёс нам песен райских,
Чтоб, возмутив бескрылое желанье
В нас, чадах праха, после улететь!
Так улетай же! чем скорей, тем лучше.

Вот яд, последний дар моей Изоры².
Осьмнадцать лет ношу его с собою —
И часто жизнь казалась мне с тех пор
Несносной раной, и сидел я часто
С врагом беспечным за одной трапезой
И никогда на шёпот искушенья
Не преклонился я, хоть я не трус,
Хоть обиду чувствую глубоко,
Хоть мало жизнь люблю. Всё медлил я.
Как жажда смерти мучила меня,

¹ *Херувим* — ангелоподобное существо; один из высших ангелов.

² *Изра* — вымышленное имя.

Что умирать? я мнил: быть может, жизнь
 Мне принесёт незапные дары;
 Быть может, посетит меня восторг
 И творческая ночь и вдохновенье;
 Быть может, новый Гайден¹ сотворит
 Великое — и наслажуся им...
 Как пировал я с гостем ненавистным,
 Быть может, мнил я, злейшего врага
 Найду; быть может, злейшая обида
 В меня с надменной грянет высоты —
 Тогда не пропадёшь ты, дар Изоры.
 И я был прав! и наконец нашёл
 Я моего врага, и новый Гайден²
 Меня восторгом дивно упоил!
 Теперь — пора! заветный дар любви,
 Переходи сегодня в чашу дружбы.

СЦЕНА II

*(Особая комната в трактире; фортепиано.
 Моцарт и Сальери за столом.)*

Сальери

Что ты сегодня пасмурен?

Моцарт

Я? Нет!

Сальери

Ты, верно, Моцарт, чем-нибудь расстроен?
 Обед хороший, славное вино,
 А ты молчишь и хмуришься.

¹ *Га́йден (Гайдн) Франц Йозеф* (1732—1809) — австрийский композитор, один из основоположников венской классической школы; *новый Гайден* — употреблено в значении *новый гений*.

² *Новый Гайден* — здесь имеется в виду Моцарт.

Моцарт

Признаться,
Мой Requiem¹ меня тревожит.

Сальери

А!

Ты сочиняешь Requiem? Давно ли?

Моцарт

Давно, недели три. Но странный случай...
Не сказывал тебе я?

Сальери

Нет.

Моцарт

Так слушай.

Недели три тому пришёл я поздно
Домой. Сказали мне, что заходил
За мною кто-то. Отчего — не знаю,
Всю ночь я думал: кто бы это был?
И что ему во мне? На завтра тот же
Зашёл и не застал опять меня.
На третий день играл я на полу
С моим мальчишкой. Кликнули меня;
Я вышел. Человек, одетый в чёрном,
Учтиво поклонившись, заказал
Мне Requiem и скрылся. Сел я тотчас
И стал писать — и с той поры за мною
Не приходил мой чёрный человек²;
А я и рад: мне было б жаль расстаться
С моей работой, хоть совсем готов
Уж Requiem. Но между тем я...

¹ *Requiem* (лат.) — музыка для заупокойной церковной службы; крупное музыкальное произведение для хора и оркестра, носящее скорбно-элегический и торжественно-героический характер. Моцарт писал реквием летом и осенью 1791 года.

² *Мой чёрный человек* — Моцарт писал реквием по заказу некоего Лейтгаба, управляющего графа Вальзегг; граф решил тайно заказать Моцарту реквием, чтобы выдать его за своё сочинение; «чёрный человек» — олицетворение жизненного уклада, враждебного натурам, подобным Моцарту.

Сальери

Что?

Моцарт

Мне совестно признаться в этом...

Сальери

В чём же?

Моцарт

Мне день и ночь покоя не даёт
Мой чёрный человек. За мною всюду
Как тень он гонится. Вот и теперь
Мне кажется, он с нами сам-третей
Сидит.

Сальери

И, полно! что за страх ребячий?
Рассей пустую думу. Бомарше¹
Говаривал мне: «Слушай, брат Сальери,
Как мысли чёрные к тебе придут,
Откупори шампанского бутылку
Иль перечти „Женитьбу Фигаро“».

Моцарт

Да! Бомарше ведь был тебе приятель;
Ты для него «Тарара» сочинил,
Вещь славную. Там есть один мотив...
Я всё твержу его, когда я счастлив...
Ла ла ла ла... Ах, правда ли, Сальери,
Что Бомарше кого-то отравил²?

¹ *Бомарше́ Пьер Каро́н Огюсте́н* (1732—1799) — французский драматург, автор комедий «Севильский цирюльник» и «Женитьба Фигаро»; на сюжеты его пьес написаны оперы Вольфганга Амадея Моцарта и Джузеппе Россини.

² *Бомарше́ кого-то отравил* — в Париже был широко распространён слух, что Бомарше отравил двух жён.

Сальери

Не думаю: он слишком был смешон
Для ремесла такого¹.

Моцарт

Он же гений,
Как ты да я. А гений и злодейство —
Две вещи несовместные. Не правда ль?

Сальери

Ты думаешь?

(Бросает яд в стакан Моцарта.)

Ну, пей же.

Моцарт

За твоё
Здоровье, друг, за искренний союз,
Связующий Моцарта и Сальери,
Двух сыновей гармонии.

(Пьёт.)

Сальери

Постой,
Постой, постой!.. Ты выпил!.. без меня?

Моцарт

(Бросает салфетку на стол.)

Довольно, сыт я.

(Идёт к фортепиано.)

Слушай же, Сальери,

Мой Requiem.

(Играет.)

Ты плачешь?

¹ ...он слишком был смешон / Для ремесла такого — Пушкин цитирует Вольтера в передаче французского философа Лагарпа: «Этот Бомарше не отравитель, он слишком смешон». Пушкин вслед за Лагарпом услышал в лестном отзыве Вольтера тайное недоброжелательство.

«Моцарт и Сальери». Художник В. Бехтеев

Сальери

Эти слёзы

Впервые лью: и больно и приятно,
Как будто тяжкий совершил я долг,
Как будто нож целебный мне отсёк
Страдавший член! Друг Моцарт, эти слёзы...
Не замечай их. Продолжай, спеши
Ещё наполнить звуками мне душу...

Моцарт

Когда бы все так чувствовали силу
Гармонии! Но нет: тогда б не мог
И мир существовать; никто б не стал
Заботиться о нуждах низкой жизни;
Все предались бы вольному искусству.

Нас мало избранных, счастливых праздных,
 Пренебрегающих презренной пользой,
 Единого прекрасного жрецов.
 Не правда ль? Но я нынче нездоров,
 Мне что-то тяжело; пойду, засну.
 Прощай же!

Сальери

До свиданья.

(Один.)

Ты заснёшь

Надолго, Моцарт! Но ужель он прав,
 И я не гений? Гений и злодейство
 Две вещи несовместные. Неправда:
 А Бонаротти? или это сказка
 Тупой, бессмысленной толпы — и не был
 Убийцею создатель Ватикана¹?

ПОРАЗМЫШЛЯЕМ ВМЕСТЕ

В трагедии «Моцарт и Сальери» (1830) в конфликте участвуют всего два персонажа — Моцарт и его антагонист Сальери. Оба образа художественно вымышлены и лишь условно совпадают со своими историческими прототипами — австрийским композитором Вольфгангом Амадеем Моцартом и итальянским композитором Антонио Сальери, жившим в Вене с 1766 по 1825 год.

¹ А Бонаротти?... / и не был / Убийцею создатель Ватикана? — имеется в виду Микеланджело Буонарроти (1475—1564), итальянский скульптор, живописец, архитектор и поэт Высокого Возрождения. Французский поэт Лемьер в предисловии к поэме «Живопись» писал: «Часто повторяли, что для того, чтобы усилить правдоподобность изображённого распятия, Микеланджело заколол распятого на кресте натурщика. Никогда элемент энтузиазма не совпадает с преступлением; я даже не могу поверить в то, что преступление и гений могут быть совместимы». Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника» (письмо XXIII, Дрезден, 12 июля) сообщал: «Показывая Микель-Анджелову картину Распятия Христова, рассказывают, будто бы он, желая естественнее представить умирающего Спасителя, умертвил человека, который служил ему моделью, но анекдот сей (т. е. история, — В. К.) совсем невероятен». Относящиеся к Микеланджело слова «создатель Ватикана» означают, что в росписи Ватикана (местопребывание папы — главы католической церкви в Риме с 1377 года) он принял деятельное участие (роспись Сикстинской капеллы, создание собора Св. Петра).

Хотя Моцарт и Сальери принадлежат к «избранныкам небес», к людям искусства, они противоположны по своему отношению к миру, к Божественному миропорядку. Бытие устроено, уверен Моцарт, справедливо и в принципе гармонично: земля и небо находятся в подвижном равновесии. Земная жизнь разделена на «прозу» и «поэзию», в ней есть жизнь низкая и жизнь высокая. Высокая жизнь содержит черты и признаки небесной, давая представление об идеале и райском блаженстве. Лишь немногим избранным даётся счастье ощутить идеал и передать гармонию бытия, остальные люди пребывают в низкой жизни, погружены в заботы дня, и гармония бытия от них скрыта. Но и без таких людей, понимает Моцарт, не мог бы «мир существовать».

Высшее предназначение «избранных», которых «мало», — чувствовать и воплощать мировую гармонию, являть в искусстве (в поэзии, в музыке) образ совершенства. Искусство остаётся искусством лишь в том случае, когда оно отказывается от «презренной пользы» — наставлять, поучать, когда оно создается не ради корысти, а ради самого искусства. Так смотрит и должен смотреть художник на своё творчество. Тут Пушкин передал своё творческое самоощущение, известное нам по другим его произведениям.

Не ради нужд «презренной жизни» композитор сочиняет музыку. Но это не значит, что он презирает людей, погружённых в житейскую прозу, или избегает изображения картин низкой жизни. Для Моцарта низкая жизнь составляет часть всего бытия, но отмеченность Божьим даром налагает на него как на художника особую предназначенность, не возвышающую над людьми, а отличающую от них. Ощущая свою избранность, он следует «велению Божию», и это веление предугадывает композитору оставить «нужды низкой жизни», презреть её «пользу, её выгоды, её корысть». Искусство требует полной самоотдачи, ничего не обещая взамен — ни наград, ни славы.

Пушкин не отвергает идею «служенья муз», и это сближает Моцарта и Сальери. Однако Сальери расходится с Моцартом в том, что ждёт от своего труда «презренной пользы» — славы, благодарности толпы («...я в сердцах людей / Нашёл созвучия своим созданьям»), наград. Он чувствует, что не отмечен «избранностью», и добивается её «в награду / Любви горячей, самоотверженья, / Трудов, усердия, молений...» Таким путём он хочет войти в круг избранных, «жрецов». Но как бы Сальери ни стремился стать «жрецом», в глубине души он ощущает себя всё-таки не среди избранных, а среди «чад праха». Моцарта же воспринимает как «херувима», т. е. посланца Небес, который «занёс нам песен райских».

Между тем Моцарт чувствует, что, несмотря на снизошедшую на него Божью благодать, он обычный смертный:

Сальери. Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь.
Я знаю, я.

Моцарт. Ба! право? может быть...
Но божество моё проголодалось.

Если для Моцарта «жизнь» и «музыка» — два созвучия бытия, обеспеченные соразмерностью счастья и горя, радости и грусти, веселья и печали, то для Сальери «жизни» как бы не существует. К одному из созвучий бытия Сальери глух. С рокового осознания крушения мира, Божественного миропорядка в уме и в душе Сальери начинается трагедия. Чувствуя и остро переживая гармонию в музыке, Сальери потерял дар слышать гармонию бытия. Отсюда проистекает демонический бунт Сальери против миропорядка. Сальери любит одиночество. Он изображён Пушкиным то мальчиком в церкви, то в «безмолвной келье», то наедине с собой, отгороженный от жизни. Рисуя духовный облик Сальери, Пушкин не однажды сопровождает его образами смерти. Даже занятия Сальери музыкой наполнены холодом, умерщвляющим чувствительность, бездушным ремеслом, доведённым до автоматизма.

В отличие от Моцарта, Сальери действительно презирает «низкую жизнь» и жизнь вообще. «Мало жизнь люблю», — признаётся он. Обособившись от жизни, Сальери принёс себя в жертву искусству, сотворив кумира, которому стал поклоняться. Самоотверженность Сальери превратила его в «аскета», лишила полноты живых ощущений. У него нет того разнообразия настроений, какие испытывает Моцарт, в его переживаниях преобладает один тон — подчёркнуто суровая серьёзность. Музыка становится для Сальери подвигом священнодействия. Он «жрец» не в переносном, а в прямом смысле. Как «жрец», он совершает таинство и возносится над людьми непосвящёнными. Дар музыканта не столько отличает Сальери от людей, сколько, в противовес Моцарту, возвышает над ними, позволяя композитору стать вне обычной жизни. Дурное исполнение скрипача, вызывающее у Моцарта смех, но никак не презрение к человеку, Сальери воспринимает как оскорбление искусства, Моцарта и лично нанесённую обиду, дающую ему право презирать слепого старика.

Поскольку отношение Сальери к искусству серьёзное, а у Моцарта, напротив, беспечное, то Моцарт кажется Сальери загадкой природы, несправедливостью неба, воплощением «божественной ошибки». Гений дан Моцарту не в награду за труды и отказ от «праздных забав», а просто так, ни за что, по роковой случайности. Пушкин передал Моцарту часть своей души. В своих произведениях он и себя постоянно называл беспечным и праздным певцом. Моцарт для Пушкина — «идеальный образ» художника-творца, не имеющий аналогий с образами художников, созданными европейской литературой,

и в известной мере порывающий с типичными представлениями. Моцарт у Пушкина — избранник, отмеченный судьбой, осенённый свыше.

Пушкин по-новому понял связь между гениальностью и трудом: труд не делает человека одарённым, но талант побуждает к труду. Поэт лишь намекнул, что Моцарта «тревожат» музыкальные идеи, что он постоянно думает о реквиеме, который не даёт ему покоя. Неутомимым и самоотверженным тружеником Пушкин вывел Сальери. Гениальность не следствие труда и не награда за труд. Ни любовь к искусству, ни усердие не сообщают художнику гениальности, если он не наделён ею свыше. Конечно, Пушкина нельзя заподозрить в недооценке труда, но ему важно обнажить мысль: беспечный Моцарт «избран» небом, труженик Сальери не «избран». Моцарт сочиняет музыку, он наполнен музыкальными темами. О творчестве Сальери упоминается в прошедшем времени. Он лишь рассуждает о музыке, вдохновляется чужой гармонией, но ничего не создаёт.

Сальери не может смириться не с гениальностью Моцарта, а с тем, что гений достался даром ничтожному, по его мнению, человеку, этой гениальности недостойному.

И не только от себя, но и от лица всех жрецов музыки, служителей искусства Сальери берёт обязанность, священный долг восстановить справедливость, исправить «ошибку» Небес.

Избранность Моцарта — искусство, гармония, «единое прекрасное». Избранность Сальери — убийство ради искусства.

Трагедия Сальери не только в том, что он отделил «жизнь» от «музыки» и «музыку» от «жизни». Сальери не «избран», не отмечен милостью Бога. Он думает, что преданность музыке должна быть вознаграждена, и хочет получить награду — стать гениальным — от самой музыки. Но награждает гениальностью не музыка. Награждает Бог. Таков естественный закон бытия, лежащий в его основе. Сальери отрицает закон Бога и вместо него выдвигает свой, личный закон, оказываясь в нравственной ловушке. Оставаясь последовательным, он должен убить и Моцарта-человека, и Моцарта-композитора. Утешительная идея о бессмертии вдохновенной музыки Моцарта после его смерти не спасает. Сальери приходится считаться с тем, что по его вине гибнет гений. Это сознание для Сальери трагично, оно проникает в его душу. Он хочет продлить наслаждение музыкой Моцарта и одновременно страдает, не в силах противиться «тяжкому долгу», будто бы выпавшему на него свыше. Однако убийство Моцарта возвращает Сальери к новой трагической ситуации — он уже навсегда выпадает из числа гениев: замаскированное оправданиями отравление Моцарта получает точное и прямое название — «злодейство».

Размышляем о прочитанном

1. Что сближает Моцарта и Сальери и что их разъединяет?
2. Почему Сальери презирает жизнь, презирает слепого старика?
3. Постарайтесь дать характеристику каждому герою, цитируя пушкинский текст.
4. Какой герой произнёс слова: «...Гений и злодейство — / Две вещи несовместные»? Как характер и поступки персонажей произведения «Моцарт и Сальери» в той или иной степени связаны с этой фразой?

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

«Моцарт и Сальери»

1. В трагедии «Моцарт и Сальери» два музыканта, «избранники небес». Они противоположны по отношению к миру: Моцарт уверен, что бытие устроено гармонично, Сальери презирает «низкую жизнь», возвышая себя над людьми. Как средствами художественного чтения актёры передают сходство и различия взглядов и характеров Моцарта и Сальери?
2. Чем заканчивается диалог музыкантов? Почему так взволнованно и трагически звучит концовка? Какова роль музыки в усилении эмоционального напряжения в финале этой сцены?
3. **Работаем в парах.** Подготовьте выразительное чтение сцены из трагедии «Моцарт и Сальери», подчеркнув разное отношение героев к жизни и к творчеству, различие характеров двух композиторов.

История Пугачёвского бунта (Отрывки)

ГЛАВА ВТОРАЯ

Появление Пугачёва. — Бегство его из Казани. — Показания Кожевникова. — Первые успехи Самозванца. — Измена илецких казаков. — Взятие крепости Рассыпной. — Нурали-Хан. — Распоряжение Рейнсдорпа. — Взятие Нижне-Озёрной. — Взятие Татищевой. — Совет в Оренбурге. — Взятие Чернореченской. — Пугачёв в Сакмарске.

В смутное сие время по казацким дворам шатался неизвестный бродяга, нанимаясь в работники то к одному хозяину, то к другому и принимаясь за всякие ремёсла. Он был свидетелем усмирения мятежа и казни зачинщиков, уходил на время в Иргизские скиты; оттуда, в конце 1772 года, послан был для закупки рыбы в Яицкий городок, где и стоял у казака Дениса Пьянова. Он отличался дерзостью своих речей, поносил начальство и подговаривал казаков бежать в области турецкого султана; он уверял, что и донские казаки не замедлят за ними последовать, что у него на границе заготовлено двести тысяч рублей и товару на семьдесят тысяч и что какой-то паша, тотчас по приходу казаков, должен им выдать до пяти миллионов; покамест обещал он каждому по двенадцати рублей в месяц жалованья. Сверх того, сказывал он, будто бы противу яицких казаков из Москвы идут два полка и что около Рождества или Крещения непременно будет бунт. Некоторые из послушных хотели его поймать и представить как возмутителя в комендантскую канцелярию; но он скрылся вместе с Денисом Пьяновым и был пойман уже в селе Малыковке (что ныне Волгск) по указанию крестьянина, ехавшего с ним одною дорогою. Сей бродяга был Емельян Пугачёв, донской казак и раскольник, пришедший с ложным письменным видом из-за польской границы, с намерением поселиться на реке Иргизе посреди тамошних раскольников. Он был отослан под стражею в Симбирск, а оттуда в Казань; и как всё, относящееся к делам Яицкого войска, по тогдашним обстоятельствам могло казаться важным, то оренбургский губернатор и почёл за нужное уведомить о том государственную Военную коллегия до-несением от 18 января 1773 года.

Яицкие бунтовщики были тогда не редки, и казанское начальство не обратило большого внимания на присланного преступника. Пугачёв содержался в тюрьме не строже прочих невольников. Между тем со-общники его не дремали.

<Внешность Пугачёва. Его жизнь до восстания>

...**Е**мельян Пугачёв, Зимовейской станицы служилый казак, был сын Ивана Михайлова, умершего в давних годах. Он был сорока лет от роду, росту среднего, смугл и худощав; волосы имел тёмно-русые, бороду чёрную, небольшую и клином. Верхний зуб был вышибен ещё в ребячестве, в кулачном бою. На левом виску имел он белое пятно, а на обеих грудях знаки, оставшиеся после болезни, называемой чёрною немочью. Он не знал грамоты и крестился по-раскольничьи. Лет тому десять женился он на казачке Софье Недюжиной, от которой имел пятеро детей. В 1770 году был он на службе во второй армии, находился при взятии Бендер и через год отпущен на Дон по причине болезни. Он ездил для излечения в Черкасск. По его возвращении на родину зимовейский атаман спрашивал его на станичном сбору, откуда взял он карюю лошадь, на которой приехал домой? Пугачёв отвечал, что купил её в Таганроге; но казаки, зная его беспутную жизнь, не поверили и послали его взять тому письменное свидетельство. Пугачёв уехал. Между тем узнали, что он подговаривал некоторых казаков, поселённых под Таганрогом, бежать за Кубань. Положено было отдать Пугачёва в руки правительству. Возвратясь в декабре месяце, он скрывался на своём хуторе, где и был пойман, но успел убежать; скитался месяца три неведомо где; наконец, в Великом посту, однажды

Емельян Пугачёв.
Портрет, приложенный
А. С. Пушкиным к изданию
«Истории Пугачёвского бунта».
1834 г.

вечером пришёл тайно к своему дому и постучался в окошко. Женапустила его и дала знать о нём казакам. Пугачёв был снова пойман и отправлен под караулом к сыщику, старшине Макарову, в Нижнюю Чирскую станицу, а оттуда в Черкасск. С дороги он бежал опять и с тех пор уже на Дону не являлся. Из показаний самого Пугачёва, в конце 1772 года приведённого в Канцелярию дворцовых дел, известно уже было, что после своего побега скрывался он за польской границей, в раскольниковой слободе Ветке; потом взял паспорт с Добрянского форпоста, сказавшись выходцем из Польши, и пробрался на Яик, питаясь милостыней. — Все сии известия были обнародованы; между тем правительство запретило народу толковать о Пугачёве, коего имя волновало чернь. Сия временная полицейская мера имела силу закона до самого восшествия на престол покойного государя, когда разрешено было писать и печатать о Пугачёве. Доныне престарелые свидетели тогдашнего смятения неохотно отвечают на вопросы любопытных.

<Пугачёв под Курмышем>

...**20** июля Пугачёв под Курмышем переправился вплавь через Суру. Дворяне и чиновники бежали. Чернь встретила его на берегу с образами и хлебом. Ей прочтён возмутительный манифест. Инвалидная команда приведена была к Пугачёву. Майор Юрлов, начальник оной, и унтер-офицер, коего имя, к сожалению, не сохранилось, одни не захотели присягнуть и в глаза обличали самозванца. Их повесили и мёртвых били нагайками. Вдова Юрлова спасена была её дворовыми людьми. Пугачёв велел раздать чувашам казнённое вино; повесил несколько дворян, приведённых к нему крестьянами их, и пошёл к Ядринску, оставя город под начальством четырёх яицких казаков и дав им в распоряжение шестьдесят приставших к нему холопов. Он оставил за собою малую шайку для задержания графа Меллина. Михельсон, шедший к Арзамасу, отрядил Харина к Ядринску, куда спешил и граф Меллин. Пугачёв, узнав о том, обратился к Алатырю; но, прикрывая своё движение, послал к Ядринску шайку, которая и была отбита воеводою и жителями, а после сего встречена графом Меллиным и совсем рассеяна. Меллин поспешил к Алатырю, мимоходом освободил Курмыш, где повесил несколько мятежников, а казака, назвавшегося воеводою, взял с собою, как языка. Офицеры инвалидной команды, присягнувшие самозванцу, оправдывались тем, что присяга дана была ими *не от искреннего сердца, но для наблюдения интереса её императорского величества.*

<Пугачёв пойман...>

...**П**угачёв скитался по той же степи. Войска отовсюду окружали его; Меллин и Муфель, также перешедшие через Волгу, отрезывали ему дорогу к северу; лёгкий полевой отряд шёл ему навстречу из Астрахани; князь Голицын и Мансуров преграждали его от Яика; Дундуков с своими калмыками рыскал по степи; разъезды учреждены были от Гурьева до Саратова и от Чёрного до Красного Яра. Пугачёв не имел средств выбраться из сетей, его стесняющих. Его сообщники, с одной стороны, видя неминуемую гибель, а с другой — надежду на прощение, стали сговариваться и решились выдать его правительству.

Пугачёв хотел идти к Каспийскому морю, надеясь как-нибудь пробраться в киргиз-кайсацкие степи. Казаки на то притворно согласились; но, сказав, что хотят взять с собою жён и детей, повезли его на Узени, обыкновенное убежище тамошних преступников и беглецов. 14 сентября они прибыли в селения тамошних староверов. Тут произошло последнее совещание. Казаки, не согласившиеся отдаться в руки правительства, рассеялись. Прочие пошли ко ставке Пугачёва.

Пугачёв сидел один в задумчивости. Оружие его висело в стороне. Услыша вошедших казаков, он поднял голову и спросил, чего им надобно. Они стали говорить о своём отчаянном положении и между тем, тихо подвигаясь, старались загородить его от висевшего оружия. Пугачёв начал опять их уговаривать идти к Гурьеву городку. Казаки отвечали, что они долго ездили за ним и что уже ему пора ехать за ними. «Что же? — сказал Пугачёв, — вы хотите изменить своему государю?» — «Что делать!» — отвечали казаки и вдруг на него кинулись. Пугачёв успел от них отбиться. Они отступили на несколько шагов. «Я давно видел вашу измену», — сказал Пугачёв и, подозревая своего любимца, илецкого казака Творогова, протянул ему свои руки и сказал: «вяжи!» Творогов хотел ему скрутить локти назад. Пугачёв не дался. «Разве я разбойник?» — говорил он гневно. Казаки посадили его верхом и повезли к Яицкому городку. Во всю дорогу Пугачёв им угрожал мстью великого князя. Однажды нашёл он способ высвободить руки, выхватил саблю и пистолет, ранил выстрелом одного из казаков и закричал, чтобы вязали изменников. Но никто уже его не слушал. Казаки, подъехав к Яицкому городку, послали уведомить о том коменданта. Казак Харчев и сержант Бардовский высланы были к ним навстречу, приняли Пугачёва, посадили его в колодку и привезли в город, прямо к гвардии капитан-поручику Маврину, члену следственной комиссии.

Маврин допросил самозванца. Пугачёв с первого слова открылся ему. «Богу было угодно, — сказал он, — наказать Россию через моё окаянство». — Велено было жителям собраться на городскую площадь; туда приведены были и бунтовщики, содержащиеся в оковах. Маврин вывел Пугачёва и показал его народу. Все узнали его; бунтовщики потупили головы. Пугачёв громко стал их уличать и сказал: «Вы погубили меня; вы несколько дней сряду меня упрашивали принять на себя имя покойного великого государя; я долго отрицался, а когда и согласился, то всё, что ни делал, было с вашей воли и согласия; вы же поступали часто без ведома моего и даже вопреки моей воле». Бунтовщики не отвечали ни слова.

Суворов между тем прибыл на Узени и узнал от пустынников, что Пугачёв был связан его сообщниками и что они повезли его к Яицкому городку. Суворов поспешил туда же. Ночью сбился он с дороги и нашёл на огни, раскладенные в степи воруемыми киргизами. Суворов на них напал и прогнал, потеряв несколько человек и между ими своего адъютанта Максимовича. Через несколько дней прибыл он в Яицкий городок. Симонов сдал ему Пугачёва. Суворов с любопытством расспрашивал славного мятежника о его военных действиях и намерениях и повёз его в Симбирск, куда должен был приехать и граф Панин.

Пугачёв сидел в деревянной клетке на двухколёсной телеге. Сильный отряд при двух пушках окружал его. Суворов от него не отлучался.

...Народ живо ещё помнит кровавую пору, которую — так выразительно — прозвал он пугачёвщиною.

Прочитайте вслух в классе отрывок из «Истории Пугачёвского бунта», постарайтесь пересказать прочитанное, сохранив характерную для этого текста лексику.

Капитанская дочка

Береги честь смолоду.
Пословица.

Глава I Сержант гвардии¹

— Был бы гвардии он завтра ж капитан.
— Того не надобно; пусть в армии послужит.
— Изрядно сказано! Пускай его потужит...

.....
Да кто его отец?

Княжнин².

Отец мой, Андрей Петрович Гринёв, в молодости своей служил при графе Минихе³ и вышел в отставку премьер-майором⁴ в 17.. году. С тех пор жил он в своей симбирской деревне, где и женился на девице Авдотье Васильевне Ю., дочери бедного тамошнего дворянина. Нас было девять человек детей. Все мои братья и сёстры умерли во младенчестве. Матушка была ещё мною брюхата, как уже я был записан в Семёновский полк сержантом⁵, по милости майора гвардии князя Б., близкого нашего родственника. Если б паче всякого чаяния матушка родила дочь, то батюшка объявил бы куда следовало о смерти неявившегося сержанта, и дело тем бы и кончилось. Я считался в отпуску до окончания наук. В то время воспитывались мы не по нынешнему. С пятилетнего возраста отдан я был на руки стремянному⁶ Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки⁷. Под его надзором на двенадцатом году выучился я русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого⁸ кобеля. В это время

¹ *Гвардия* — специальные отборные войска. Первые гвардейские полки (Преображенский, Семёновский) появились в России при Петре I. В отличие от остального состава армии, пользовались особыми преимуществами.

² *Княжнин* Яков Борисович (1742—1791) — русский писатель, драматург.

³ *Миних* Бурхард Кристоф (1683—1767) — военачальник и политический деятель XVIII века, командовал русскими войсками в войне с Турцией в 1735—1739 годах.

⁴ *Премьер-майор* — старинный офицерский чин (приблизительно соответствует должности помощника командира полка).

⁵ В XVIII веке дворянские дети с малых лет приписывались к какому-либо полку. Пока они росли, их повышали в чинах.

⁶ *Стремянный* — слуга, ухаживавший за верховой лошастью своего господина.

⁷ *Дядька* — слуга, приставленный к мальчику в дворянской семье.

⁸ *Борзая* — охотничья собака особой породы.

батюшка нанял для меня француза¹, мосье² Бопре, которого выписали из Москвы вместе с годовым запасом вина и прованского масла. Приезд его сильно не понравился Савельичу. «Слава Богу, — ворчал он про себя, — кажется, дитя умыт, причёсан, накормлен. Куда как нужно тратить лишние деньги и нанимать мусье, как будто и своих людей не стало!»

Бопре в отечестве своём был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию pour être outchitel³, не очень понимая значение этого слова. Он был добрый малый, но ветрен и беспутен до крайности. Главною его слабостию была страсть к прекрасному полу; нередко за свои нежности получал он толчки, от которых охал по целым суткам. К тому же не был он (по его выражению) и *врагом бутылки*, то есть (говоря по-русски) любил хлебнуть лишнее. Но как вино подавалось у нас только за обедом, и то по рюмочке, причём учителя обыкновенно и обносили⁴, то мой Бопре очень скоро привык к русской настойке и даже стал предпочитать её винам своего отечества, как не в пример более полезную для желудка. Мы тотчас поладили, и хотя по контракту⁵ обязан он был учить меня *по-французски, по-немецки и всем наукам*, но он предпочёл наскоро выучиться от меня кое-как болтать по-русски, — и потом каждый из нас занимался уже своим делом. Мы жили душа в душу. Другого ментора⁶ я и не желал. Но вскоре судьба нас разлучила, и вот по какому случаю.

Прачка Палашка, толстая и рябая девка, и кривая коровница Акулька как-то согласились в одно время кинуться матушке в ноги, винясь в преступной слабости и с плачем жалуясь на мусье, обольстившего их неопытностью. Матушка шутить этим не любила и пожаловалась батюшке. У него расправа была коротка. Он тотчас потребовал каналью француза. Доложили, что мусье давал мне свой урок. Батюшка пошёл в мою комнату. В это время Бопре спал на кровати сном невинности. Я был занят делом. Надобно знать, что для меня

¹ Обычай приглашать иностранцев для воспитания детей широко распространился среди дворян в XVIII веке. Гонясь за модой, некультурные помещики часто нанимали воспитателями невежественных иностранцев.

² *Мосье* (в просторечии *мусье*; фр. *monsieur*) — господин.

³ Чтобы стать учителем, Русское слово *учитель* дано во французском написании для придания ему комического оттенка.

⁴ *Обносить* — здесь: проносить угощение мимо.

⁵ *Контракт* — договор, письменное соглашение.

⁶ *Ментор* — наставник, воспитатель (от собственного имени героя древнегреческой поэмы «Одиссея», воспитателя сына мифического царя Одиссея).

выписана была из Москвы географическая карта. Она висела на стене безо всякого употребления и давно соблазняла меня шириною и добро-тою бумаги. Я решился сделать из неё змей и, пользуясь сном Бопре, принялся за работу. Батюшка вошёл в то самое время, как я прилаживал мочальный хвост к Мысу Доброй Надежды. Увидя мои упражнения в географии, батюшка дёрнул меня за ухо, потом подбежал к Бопре, разбудил его очень неосторожно и стал осыпать укоризнами. Бопре в смятении хотел было привстать и не мог: несчастный француз был мёртво пьян. Семь бед, один ответ. Батюшка за ворот приподнял его с кровати, вытолкал из дверей и в тот же день прогнал со двора, к неописанной радости Савельича.

Тем и кончилось моё воспитание.

Я жил недорослем, гоняя голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками. Между тем минуло мне шестнадцать лет. Тут судьба моя переменялась.

Однажды осенью матушка варила в гостиной медовое варенье, а я, облизываясь, смотрел на кипучие пенки. Батюшка у окна читал Придворный календарь¹, ежегодно им получаемый. Эта книга имела всегда сильное на него влияние: никогда не перечитывал он её без особенного участия, и чтение это производило в нём всегда удивительное волнение желчи². Матушка, знавшая наизусть все его свычай и обычай³, всегда старалась засунуть несчастную книгу как можно подалее, и таким образом Придворный календарь не попадался ему на глаза иногда по целым месяцам. Зато, когда он случайно его находил, то, бывало, по целым часам не выпускал из своих рук. Итак, батюшка читал Придворный календарь, изредка пожимая плечами и повторяя вполголоса: «Генерал-поручик⁴!.. Он у меня в роте был сержантом!.. Обоих российских орденов кавалер⁵!.. А давно ли мы?..» Наконец батюшка швырнул календарь на диван и погрузился в задумчивость, не предвещавшую ничего доброго.

Вдруг он обратился к матушке: «Авдотья Васильевна, а сколько лет Петруше?»

¹ *Придворный календарь* (годы издания 1735—1917), помимо календарных и других сведений, содержал списки высших военных и гражданских чинов, роспись дворцовых приёмов и др.

² Т. е. вызывало раздражение, злобу.

³ *Свычай и обычай* (устар.) — привычки.

⁴ *Генерал-поручик* — один из высших военных чинов царской армии.

⁵ *Кавалёр* — лицо, награждённое орденом. Имеются в виду два высших российских ордена — Андрея Первозванного и Александра Невского.

— Да вот пошёл семнадцатый годок, — отвечала матушка. — Петруша родился в тот самый год, как окривела тётушка Настасья Герасимовна, и когда ещё...

— Добро, — прервал батюшка, — пора его в службу. Полно ему бегать по девичьим да лазить на голубятни.

Мысль о скорой разлуке со мною так поразила матушку, что она уронила ложку в кастрюльку, и слёзы потекли по её лицу.

Напротив того, трудно описать моё восхищение. Мысль о службе сливалась во мне с мыслями о свободе, об удовольствиях петербургской жизни. Я воображал себя офицером гвардии, что, по мнению моему, было верхом благополучия человеческого.

Батюшка не любил ни переменять свои намерения, ни откладывать их исполнение. День отъезду моему был назначен. Накануне батюшка объявил, что намерен писать со мною к будущему моему начальнику, и потребовал пера и бумаги.

— Не забудь, Андрей Петрович, — сказала матушка, — поклониться и от меня князю Б.; я, дескать, надеюсь, что он не оставит Петрушу своими милостями.

— Что за вздор! — отвечал батюшка нахмуясь. — К какой стати стану я писать к князю Б.?

— Да ведь ты сказал, что изволишь писать к начальнику Петруши.

— Ну, а там что?

— Да ведь начальник Петрушин — князь Б. Ведь Петруша записан в Семёновский полк.

— Записан! А мне какое дело, что он записан? Петруша в Петербург не поедет. Чему научится он, служа в Петербурге? Мотать¹ да повесничать? Нет, пускай послужит он в армии, да потянет лямку, да понюхает пороху, да будет солдат, а не шаматон². Записан в гвардии! Где его пашпорт? Подай его сюда.

Матушка отыскала мой паспорт, хранившийся в её шкатулке вместе с сорочкою, в которой меня крестили, и вручила его батюшке дрожащею рукою. Батюшка прочёл его со вниманием, положил перед собой на стол и начал своё письмо.

Любопытство меня мучило: куда же отправляют меня, если уж не в Петербург? Я не сводил глаз с пера батюшкина, которое двигалось довольно медленно. Наконец он кончил, запечатал письмо в одном

¹ *Мотать* — безрассудно тратить деньги на развлечения и удовольствия.

² *Шаматон* (разг., устар.) — гуляка, шалошай, бездельник.

пакете с паспортом, снял очки и, подозвав меня, сказал: «Вот тебе письмо к Андрею Карловичу Р., моему старинному товарищу и другу. Ты едешь в Оренбург служить под его начальством».

Итак, все мои блестящие надежды рушились! Вместо весёлой петербургской жизни ожидала меня гарнизонная скука в стороне глухой и отдалённой. Служба, о которой за минуту думал я с таким восторгом, показалась мне тяжёлым несчастьем. Но спорить было нечего! На другой день поутру подвезена была к крыльцу дорожная кибитка¹; уложили в неё чемодан, погребец² с чайным прибором и узлы с булками и пирогами, последними знаками домашнего баловства. Родители мои благословили меня. Батюшка сказал мне: «Прощай, Пётр. Служи верно, кому присягнёшь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду». Матушка в слезах наказывала мне беречь моё здоровье, а Савельичу смотреть за дитятей. Надели на меня заячий тулуп, а сверху лисью шубу. Я сел в кибитку с Савельичем и отправился в дорогу, обливаясь слезами.

В ту же ночь приехал я в Симбирск, где должен был пробыть сутки для закупки нужных вещей, что и было поручено Савельичу. Я остановился в трактире. Савельич с утра отправился по лавкам. Соскуча глядеть из окна на грязный переулок, я пошёл бродить по всем комнатам. Вошед в биллиардную, увидел я высокого барина, лет тридцати пяти, с длинными чёрными усами, в халате, с кием³ в руке и с трубкой в зубах. Он играл с маркёром⁴, который при выигрыше выпивал рюмку водки, а при проигрыше должен был лезть под биллиард на четверинках. Я стал смотреть на их игру. Чем далее она продолжалась, тем прогулки на четверинках становились чаще, пока, наконец, маркёр остался под биллиардом. Барин произнёс над ним несколько сильных выражений в виде надгробного слова и предложил мне сыграть партию. Я отказался по неумению. Это показалось ему, по-видимому, странным. Он поглядел на меня как бы с сожалением; однако мы разговорились. Я узнал, что его зовут Иваном Ивановичем Зуриным, что он ротмистр⁵ гусарского полка и находится в Симбирске

¹ *Кибитка* — крытая повозка.

² *Погребёц* (устар.) — дорожный сундучок для посуды и съестных припасов.

³ *Кий* — палка, употребляемая в бильярдной игре.

⁴ *Маркёр* (фр.) — лицо, прислуживающее при бильярде.

⁵ *Ротмистр* — офицерский чин в кавалерии (соответствовал чину капитана в пехоте).

при приёме рекрут¹, а стоит в трактире. Зурин пригласил меня отобедать с ним вместе чем Бог послал, по-солдатски. Я с охотою согласился. Мы сели за стол. Зурин пил много и потчевал и меня, говоря, что надобно привыкать ко службе; он рассказывал мне армейские анекдоты, от которых я со смеху чуть не валялся, и мы встали из-за стола совершенными приятелями. Тут вызвался он выучить меня играть на бильярде. «Это, — говорил он, — необходимо для нашего брата служивого. В походе, например, придёшь в местечко — чем прикажешь заняться?.. Поневоле пойдёшь в трактир и станешь играть на бильярде; а для того надобно уметь играть!» Я совершенно был убеждён и с большим прилежанием принялся за учение. Зурин громко ободрял меня, дивился моим быстрым успехам и, после нескольких уроков, предложил мне играть в деньги, по одному грошу², не для выигрыша, а так, чтобы только не играть даром, что, по его словам, самая скверная привычка. Я согласился и на то, а Зурин велел подать пуншу³ и уговорил меня попробовать, повторяя, что к службе надобно мне привыкать; а без пуншу что и служба! Я послушался его. Между тем игра наша продолжалась. Чем чаще прихлёбывал я от моего стакана, тем становился отважнее. Шары поминутно летали у меня через борт; я горячился, бранил маркёра, который считал Бог ведаёт как, час от часу умножал игру, словом, — вёл себя как мальчишка, вырвавшийся на волю. Между тем время прошло незаметно. Зурин взглянул на часы, положил кий и объявил мне, что я проиграл сто рублей. Это меня немножко смутило. Деньги мои были у Савельича. Я стал извиняться. Зурин меня прервал: «Помилуй! Не изволь и беспокоиться. Я могу и подождать, а покамест поедem к Аринушке».

Что прикажете? День я кончил так же беспутно, как и начал. Мы отужинали у Аринушки. Зурин поминутно мне подливал, повторяя, что надобно к службе привыкать. Встав из-за стола, я чуть держался на ногах; в полночь Зурин отвёз меня в трактир.

Савельич встретил нас на крыльце. Он ахнул, увидя несомненные признаки моего усердия к службе. «Что это, сударь, с тобою сделалось? — сказал он жалким голосом, — где ты это нагрузился? Ахти,

¹ *Рекрут* (устар.) — солдат-новобранец, лицо, только что призванное на военную службу. Здесь употреблена устаревшая форма родительного падежа множественного числа (вместо «рекрутов»).

² *Грош* — в XVIII веке монета в две копейки.

³ *Пунш* — напиток из рома, вскипячённого с сахаром, водой и фруктовыми приправами.

Господи! отроду такого греха не бывало!» — «Молчи, хрыч! — отвечал я ему, запинаясь, — ты, верно, пьян, пошёл спать... и уложи меня».

На другой день я проснулся с головной болью, смутно припоминая себе вчерашние происшествия. Размышления мои прерваны были Савельичем, вошедшим ко мне с чашкою чая. «Рано, Пётр Андреич, — сказал он мне, качая головою, — рано начинаешь гулять. И в кого ты пошёл? Кажется, ни батюшка, ни дедушка пьяницами не бывали; о матушке и говорить нечего: отроду, кроме квасу, в рот ничего не изволила брать. А кто всему виноват? проклятый мусьё. То и дело, бывало, к Антипьевне забежит: „Мадам, же ву при¹ водкю!“ Вот тебе и же ву при! Нечего сказать: добру наставил, собачий сын. И нужно было нанимать в дядьки басурмана, как будто у барина не стало и своих людей!»

Мне было стыдно. Я отвернулся и сказал ему: «Поди вон, Савельич; я чаю не хочу». Но Савельича мудрено было унять, когда, бывало, примется за проповедь. «Вот видишь ли, Пётр Андреич, каково подгуливать. И голове-то тяжело, и кушать-то не хочется. Человек пьющий ни на что не годен... Выпей-ка огуречного рассолу с мёдом, а всего лучше опохмелиться полстаканчиком настойки. Не прикажешь ли?»

В это время мальчик вошёл и подал мне записку от И. И. Зурина. Я развернул её и прочёл следующие строки:

«Любезный Пётр Андреевич, пожалуйста, пришли мне с моим мальчиком сто рублей, которые ты мне вчера проиграл. Мне крайняя нужда в деньгах.

Готовый к услугам
Иван Зурин».

Делать было нечего. Я взял на себя вид равнодушный и, обратясь к Савельичу, который был *и денег, и белья, и дел моих рачитель*², приказал отдать мальчику сто рублей. «Как! зачем?» — спросил изумлённый Савельич. — «Я их ему должен», — отвечал я со всевозможной холодностью. «Должен! — возразил Савельич, час от часу приведённый в большее изумление, — да когда же, сударь, успел ты ему задолжать? Дело что-то неладно. Воля твоя, сударь, а денег я не выдам».

¹ Сударыня, я вас прошу (фр.).

² «*И денег, и белья, и дел моих рачитель*» — цитата из стихотворного «Послания к слугам моим» Д. И. Фонвизина. *Рачитель* (книжн., устар.) — человек, заботящийся о чём-либо, ведающий чем-либо.

Я подумал, что если в сию¹ решительную минуту не переспорю упрямого старика, то уж в последствии времени трудно будет мне освободиться от его опеки, и, взглянув на него гордо, сказал: «Я твой господин, а ты мой слуга. Деньги мои. Я их проиграл, потому что так мне вздумалось. А тебе советую не умничать и делать то, что тебе приказывают».

Савельич так был поражён моими словами, что сплеснул руками и остолбенел. «Что же ты стоишь!» — закричал я сердито. Савельич заплакал. «Батюшка Пётр Андреич, — произнёс он дрожащим голосом, — не умери меня с печали. Свет ты мой! послушай меня, старика: напиши этому разбойнику, что ты пошутил, что у нас и денег-то таких не водится. Сто рублей! Боже ты милостивый! Скажи, что тебе родители крепко-накрепко заказали не играть, кроме как в орехи...» — «Полно врать², — прервал я строго, — подавай сюда деньги, или я тебя взащеи прогоню».

Савельич поглядел на меня с глубокой горестью и пошёл за моим долгом. Мне было жаль бедного старика; но я хотел вырваться на волю и доказать, что уж я не ребёнок. Деньги были доставлены Зурину. Савельич поспешил вывезти меня из проклятого трактира. Он явился с известием, что лошади готовы. С беспокойной совестью и с безмолвным раскаянием выехал я из Симбирска, не простясь с моим учителем и не думая с ним уже когда-нибудь увидеться.

Глава II Вожатый

Сторона ль моя, сторонushка,
Сторона незнакомая!
Что не сам ли я на тебя зашёл,
Что не добрый ли да меня конь завёз:
Завезла меня, доброго молодца,
Прытость, бодрость молодецкая
И хмелинушка кабацкая.

Старинная песня.

Дорожные размышления мои были не очень приятны. Проигрыш мой, по тогдашним ценам, был немаловажен. Я не мог не признать в душе, что поведение моё в симбирском трактире было глупо, и чувствовал себя виноватым перед Савельичем. Всё это меня мучило.

¹ Сей, сия, сие (устар.) — этот, эта, это.

² Врать — здесь (устар.): болтать.

Старик угрюмо сидел на облучке¹, отворотясь от меня, и молчал, изредка только побрякивая. Я непременно хотел с ним помириться и не знал, с чего начать. Наконец я сказал ему:

— Ну, ну, Савельич! полно, помиримся, виноват, вижу сам, что виноват. Я вчера напроказил, а тебя напрасно обидел. Обещаюсь впредь вести себя умнее и слушаться тебя. Ну, не сердись; помиримся.

— Эх, батюшка Пётр Андреич! — отвечал он с глубоким вздохом. — Сержусь-то я на самого себя; сам я кругом виноват. Как мне было оставлять тебя одного в трактире! Что делать? Грех попутал: вздумал забрести к дьячихе, повидаться с кумою. Так-то: зашёл к куме, да зашел в тюрьму. Беда да и только! Как покажусь я на глаза господам? Что скажут они, как узнают, что дитя пьёт и играет.

Чтобы утешить бедного Савельича, я дал ему слово впредь без его согласия не располагать ни одною копейкою. Он мало-помалу успокоился, хотя всё ещё изредка ворчал про себя, качая головою: «Сто рублей! легко ли дело!»

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересечённые холмами и оврагами. Всё покрыто было снегом. Солнце садилось. Кибитка ехала по узкой дороге, или точнее по следу, проложенному крестьянскими санями. Вдруг ямщик стал посматривать в сторону и наконец, сняв шапку, оборотился ко мне и сказал:

— Барин, не прикажешь ли воротиться?

— Это зачем?

— Время ненадёжно: ветер слегка подымается; вишь, как он сметает порошу².

— Что ж за беда!

— А видишь там что? (Ямщик указал кнутом на восток.)

— Я ничего не вижу, кроме белой степи да ясного неба.

— А вон — вон: это облачко.

Я увидел в самом деле на краю неба белое облачко, которое принял было сперва за отдалённый холмик. Ямщик изъяснил мне, что облачко предвещало бурю.

Я слышал о тамошних метелях и знал, что целые обозы бывали ими занесены. Савельич, согласно с мнением ямщика, советовал воротиться. Но ветер показался мне не силен; я понадеялся добраться заблаговременно до следующей станции³ и велел ехать скорее.

¹ Облучок — сиденье для кучера в повозке.

² Пороша — только что выпавший снег.

³ Станция — пункт остановки и смены лошадей на больших дорогах, почтовых трактах.

Ямщик поскакал; но всё поглядывал на восток. Лошади бежали дружно. Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облежала небо. Пошёл мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение тёмное небо смешалось с снежным морем. Всё исчезло. «Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: буран!»...

Я выглянул из кибитки: всё было мрак и вихрь. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевлённым; снег засыпал меня и Савельича; лошади шли шагом — и скоро стали.

— Что же ты не едешь? — спросил я ямщика с нетерпением.

— Да что ехать? — отвечал он, слезая с облучка, — невесть и так куда заехали: дороги нет, и мгла кругом.

Я стал было его бранить. Савельич за него заступился.

— И охота было не слушаться, — говорил он сердито, — воротился бы на постоянный двор, накушался бы чаю, почивал бы себе до утра, буря б утихла, отправились бы далее. И куда спешим? Добро бы на свадьбу! — Савельич был прав. Делать было нечего. Снег так и валил. Около кибитки подымался сугроб. Лошади стояли, понуря голову и изредка вздрагивая. Ямщик ходил кругом, от нечего делать улаживая упряжь. Савельич ворчал; я глядел во все стороны, надеясь увидеть хоть признак жила¹ или дороги, но ничего не мог различить, кроме мутного кружения метели... Вдруг увидел я что-то чёрное.

— Эй, ямщик! — закричал я, — смотри: что там такое чернеется?

Ямщик стал всматриваться.

— А Бог знает, барин, — сказал он, садясь на своё место, — воз не воз, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волк, или человек.

Я приказал ехать на незнакомый предмет, который тотчас стал подвигаться нам навстречу. Через две минуты мы поравнялись с человеком.

— Гей, добрый человек! — закричал ему ямщик. — Скажи, не знаешь ли, где дорога?

— Дорога-то здесь; я стою на твёрдой полосе, — отвечал дорожный, — да что толку?

— Послушай, мужичок, — сказал я ему, — знаешь ли ты эту сторону? Возьмёшься ли ты довести меня до ночлега?

¹ Жилó (устар.) — жильё.

— Сторона мне знакомая, — отвечал дорожный, — слава Богу, исхожена и изъезжена вдоль и поперёк. Да, вишь, какая погода: как раз собьёшься с дороги. Лучше здесь остановиться да переждать, авось буран утихнет да небо прояснится: тогда найдём дорогу по звёздам.

Его хладнокровие ободрило меня. Я уже решился, предав себя Божией воле, ночевать посреди степи, как вдруг дорожный сел проворно на облучок и сказал ямщику: «Ну, слава Богу, жило недалеко; сворачивай вправо да поезжай».

— А почему ехать мне вправо? — спросил ямщик с неудовольствием. — Где ты видишь дорогу? Небось: лошади чужие, хомут не свой, погоняй не стой. — Ямщик казался мне прав.

«В самом деле, — сказал я, — почему думаешь ты, что жило недалеко?» — «А потому, что ветер оттоле потянул, — отвечал дорожный, — и я слышу, дымом пахнуло; знать, деревня близко». Сметливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велел ямщику ехать. Лошади тяжело ступали по глубокому снегу. Кибитка тихо подвигалась, то въезжая на сугроб, то обрушаясь в овраг и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плавание судна по бурному морю. Савельич охал, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустил циновку¹, закутался в шубу и задремал, убаюканный пением бури и качкою тихой езды.

Мне приснился сон, которого никогда не мог я позабыть и в котором до сих пор вижу нечто пророческое, когда соображаю² с ним странные обстоятельства моей жизни. Читатель извинит меня: ибо, вероятно, знает по опыту, как сродно человеку предаваться суеверию, несмотря на всевозможное презрение к предрассудкам.

Я находился в том состоянии чувств и души, когда сущность³, уступая мечтаньям, сливается с ними в неясных видениях первосония. Мне казалось, буран ещё свирепствовал и мы ещё блуждали по снежной пустыне... Вдруг увидел я ворота и въехал на барский двор нашей усадьбы. Первою мыслию моею было опасение, чтоб батюшка не прогневался на меня за невольное возвращение под кровлю родительскую и не почёл бы его умышленным ослушанием. С беспокойством я выпрыгнул из кибитки и вижу: матушка встречает меня на крыльце с видом глубокого огорчения. «Тише, — говорит она мне, — отец болен при смерти и желает с тобою проститься». Поражённый страхом, я иду за нею в спальню. Вижу, комната слабо освещена;

¹ *Циновка* — здесь: занавеска из плетёной рогожи.

² *Соображаю* — здесь: сопоставляю, согласую.

³ *Сущность* (устар.) — действительность, окружающий мир, явь.

у постели стоят люди с печальными лицами. Я тихонько подхожу к постели, матушка приподнимает полог и говорит: «Андрей Петрович, Петруша приехал: он воротился, узнав о твоей болезни; благослови его». Я стал на колени и устремил глаза мои на больного. Что ж?.. Вместо отца моего вижу в постели лежит мужик с чёрной бородою, весело на меня поглядывая. Я в недоумении оборотился к матушке, говоря ей: «Что это значит? Это не батюшка. И к какой мне стати просить благословения у мужика?» — «Всё равно, Петруша, — отвечала мне матушка, — это твой посажённый отец; поцелуй у него ручку, и пусть он тебя благословит...» Я не соглашался. Тогда мужик вскочил с постели, выхватил топор из-за спины и стал махать во все стороны.

Я хотел бежать... и не мог; комната наполнилась мёртвыми телами; я спотыкался о тела и скользил в кровавых лужах... Страшный мужик ласково меня окликал, говоря: «Не бойсь, подойди под моё благословение...» Ужас и недоумение овладели мною... И в эту минуту я проснулся; лошади стояли; Савельич держал меня за руку, говоря: «Выходи, сударь: приехали».

— Куда приехали? — спросил я, протирая глаза.

— На постоялый двор. Господь помог, наткнулись прямо на забор. Выходи, сударь, скорее да обогрейся.

Я вышел из кибитки. Буран ещё продолжался, хотя с меньшею силою. Было так темно, что хоть глаз выколи. Хозяин встретил нас у ворот, держа фонарь под полою, и ввёл меня в горницу, тесную, но довольно чистую; лучина освещала её. На стене висела винтовка и высокая казацкая шапка.

Хозяин, родом яицкий¹ казак, казался мужик лет шестидесяти, ещё свежий и бодрый. Савельич внёс за мною погребец, потребовал огня, чтобы готовить чай, который никогда так не казался мне нужен. Хозяин пошёл хлопотать.

— Где же вожатый? — спросил я у Савельича.

— Здесь, ваше благородие, — отвечал мне голос сверху.

Я взглянул на полати и увидел чёрную бороду и два сверкающих глаза.

— Что, брат, прозяб?

— Как не прозябнуть в одном худеньком армяке! Был тулуп, да что греха таить? заложил вечор у целовальника², мороз показался не велик.

¹ *Яицкий* — живущий на реке Яик (после Пугачёвского восстания Яик был переименован Екатериной II в Урал, чтобы само название реки не напоминало о Пугачёве).

² *Целовальник* (устар.) — продавец вина в питейных домах, кабаках.

В эту минуту хозяин вошёл с кипящим самоваром; я предложил вожатому нашему чашку чаю; мужик слез с полатей. Наружность его показалась мне замечательна. Он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч. В чёрной бороде его показывалась проседь; живые большие глаза так и бегали. Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское. Волоса были обстрижены в кружок; на нём был оборванный армяк и татарские шаровары. Я поднёс ему чашку чаю; он отведал и поморщился. «Ваше благородие, сделайте мне такую милость — прикажите поднести стакан вина; чай не наше казацкое питьё». Я с охотой исполнил его желание. Хозяин вынул из ставца¹ штоф² и стакан, подошёл к нему и, взглянув ему в лицо: «Эхе, — сказал он, — опять ты в нашем краю! Отколе Бог принёс?» Вожатый мой мигнул значительно и ответил поговоркою: «В огороде летал, конопля клевал; швырнула бабушка камушком — да мимо. Ну, а что ваши?»

— Да что наши! — отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. — Стали было к вечерне³ звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте⁴.

— Молчи, дядя, — возразил мой бродяга, — будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит. Ваше благородие! за ваше здоровье! — При сих словах он взял стакан, перекрестился и выпил одним духом. Потом поклонился мне и воротился на полати.

Я ничего не мог тогда понять из этого воровского разговора, но после уж догадался, что дело шло о делах Яицкого войска, в то время только что усмирённого после бунта 1772 года. Савельич слушал с видом большого неудовольствия. Он посматривал с подозрением то на хозяина, то на вожатого. Постоялый двор, или, по-тамошнему, умёт, находился в стороне, в степи, далече от всякого селения, и очень походил на разбойническую пристань⁵. Но делать было нечего. Нельзя было и подумать о продолжении пути. Беспокойство Савельича очень меня забавляло. Между тем я расположился ночевать и лёг на лавку. Савельич решил убраться на печь; хозяин лёг на полу. Скоро вся изба захрапела, и я заснул как убитый.

¹ *Ставец* (устар.) — невысокий шкаф для посуды.

² *Штоф* — бутыл (объёмом 1/10 ведра).

³ *Вечёрня* — вечернее церковное богослужение.

⁴ *Погост* — кладбище.

⁵ *Пристань* — здесь: пристанище, приют, убежище.

Проснувшись поутру довольно поздно, я увидел, что буря утихла. Солнце сияло. Снег лежал ослепительной пеленою на необозримой степи. Лошади были запряжены. Я расплатился с хозяином, который взял с нас такую умеренную плату, что Савельич с ним не заспорил и не стал торговаться по своему обыкновению, и вчерашние подозрения изгладились совершенно из головы его. Я позвал вожатого, благодарил за оказанную помощь и велел Савельичу дать ему полтину на водку. Савельич нахмурился.

— Полтину на водку! — сказал он, — за что это? За то, что ты же изволил подвезти его к постоялому двору? Воля твоя, сударь: нет у нас лишних полтин. Всякому давать на водку, так самому скоро придётся голодать.

Я не мог спорить с Савельичем. Деньги, по моему обещанию, находились в полном его распоряжении. Мне было досадно однако ж, что не мог отблагодарить человека, выручившего меня если не из беды, то по крайней мере из очень неприятного положения.

— Хорошо, — сказал я хладнокровно, — если не хочешь дать полтину, то вынь ему что-нибудь из моего платья. Он одет слишком легко. Дай ему мой заячий тулуп.

— Помилуй, батюшка Пётр Андреич! — сказал Савельич. — Зачем ему твой заячий тулуп? Он его пропьёт, собака, в первом кабаке.

— Это, старинушка, уж не твоя печаль, — сказал мой бродяга, — пропью ли я или нет. Его благородие мне жалует¹ шубу с своего плеча: его на то барская воля, а твоё холопье дело не спорить и слушаться.

— Бога ты не боишься, разбойник! — отвечал ему Савельич сердитым голосом. — Ты видишь, что дитя ещё не смыслит, а ты и рад его обобрать, простоты его ради. Зачем тебе барский тулупчик? Ты и не напаялишь его на свои окаянные плечища.

— Прошу не умничать, — сказал я своему дядьке, — сейчас неси сюда тулуп.

— Господи Владыко! — простонал мой Савельич. — Заячий тулуп почти новёшенький! И добро бы кому, а то пьянице оголелому!

Однако заячий тулуп явился. Мужичок тут же стал его примеривать. В самом деле, тулуп, из которого успел и я вырасти, был немножко для него узок. Однако он кое-как умудрился и надел его, распоров по швам. Савельич чуть не завыл, услышав, как нитки затрещали. Бродяга был чрезвычайно доволен моим подарком. Он про-

¹ Жаловать (устар.) — награждать, дарить.

водил меня до кибитки и сказал с низким поклоном: «Спасибо, ваше благородие! Награди вас Господь за вашу добродетель. Век не забуду ваших милостей». Он пошёл в свою сторону, а я отправился далее, не обращая внимания на досаду Савельича, и скоро позабыл о вчерашней вьюге, своём вожатом и о заячьем тулупе.

Приехав в Оренбург, я прямо явился к генералу. Я увидел мужчину роста высокого, но уже сгорбленного старостию. Длинные волосы его были совсем белы. Старый полинялый мундир напоминал воина времён Анны Иоанновны¹, а в его речи сильно отзывался немецкий выговор. Я подал ему письмо от батюшки. При имени его он взглянул на меня быстро. «Поже мой! — сказал он. — Тавно ли, кажется, Андрей Петрович был ещё твоих лет; а теперь вот уж какой у него молотец! Ах, фремя, фремя!» Он распечатал письмо и стал читать его вполголоса, делая свои замечания: «Милостивый государь Андрей Карлович, надеюсь, что ваше превосходительство»... Это что за серемонии? Фу! как ему не софестно! Конечно: дисциплина перво дело, но так ли пишут к старому камрад²?.. «ваше превосходительство не забыло»... гм... «и... когда... покойным фельдмаршалом³ Мин... походе... также и... Каролинку»... Эхе, брудер⁴! так он ещё помнит стары наши проказ? «Теперь о деле... К вам моего повесу»... гм... «держат в ежовых рукавицах»... Что такое ешovy рукавиц? Это, должно быть, русска поговорк... Что такое «дершать в ешovy рукавицах»? — повторил он, обращаясь ко мне.

— Это значит, — отвечал я ему с видом как можно более невинным, — обходиться ласково, не слишком строго, давать побольше воли, держать в ежовых рукавицах.

— Гм, понимаю... «и не давать ему воли»... нет, видно ешovy рукавицы значит не то... «При сём... его паспорт»... Где ж он? А, вот... «отписать в Семёновский»... Хорошо, хорошо: всё будет сделано... «Позволишь без чинов обнять тебя и... старым товарищем и другом» — а! наконец догадался... и прочая и прочая... Ну, батюшка, — сказал он, прочитав письмо и отложив в сторону мой паспорт, — всё будет сделано: ты будешь офицером переведён в *** полк, и чтоб тебе времени не терять, то завтра же поезжай в Белогорскую крепость, где ты будешь в команде капитана Миронова, доброго и честного чело-

¹ Анна Иоанновна (1693—1740) — русская императрица.

² Друг, товарищ (нем.).

³ Фельдмáршал — высший воинский чин в царской армии.

⁴ Брат (нем.).

века. Там ты будешь на службе настоящей, научишься дисциплине. В Оренбурге делать тебе нечего; рассеяние¹ вредно молодому человеку. А сегодня милости просим отобедать у меня.

«Час от часу не легче! — подумал я про себя, — к чему послужило мне то, что почти в утробе матери я был уже гвардии сержантом! Куда это меня завело? В *** полк и в глухую крепость на границу киргиз-кайсацких степей!..» Я отобедал у Андрея Карловича, втроём с его старым адъютантом. Строгая немецкая экономия царствовала за его столом, и я думаю, что страх видеть иногда лишнего гостя за своею холостою трапезою был отчасти причиною поспешного удаления моего в гарнизон. На другой день я простился с генералом и отправился к месту моего назначения.

Глава III Крепость

Мы в фортеции² живём,
Хлеб едим и воду пьём;
А как лютые враги
Придут к нам на пироги,
Зададим гостям пирушку:
Зарядим картечью пушку.

Солдатская песня.

Старинные люди, мой батюшка.

«Недоросль».

Белогорская крепость находилась в сорока верстах от Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика. Река ещё не замёрзла, и её свинцовые волны грустно чернели в однообразных берегах, покрытых белым снегом. За ними простирались киргизские степи. Я погрузился в размышления, большею частью печальные. Гарнизонная жизнь мало имела для меня привлекательности. Я старался вообразить себе капитана Миронова, моего будущего начальника, и представлял его строгим, сердитым стариком, не знающим ничего, кроме своей службы, и готовым за всякую безделицу сажать меня под арест на хлеб и на воду. Между тем начало смеркаться. Мы ехали довольно скоро.

— Далече ли до крепости? — спросил я у своего ямщика.

— Недалече, — отвечал он. — Вон уж видна.

¹ *Рассеяние* — здесь: развлечения, приятное времяпрепровождение.

² *Фортэция* (устар.) — крепость.

Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастионы¹, башни и вал; но ничего не видел, кроме деревушки, окружённой бревенчатым забором. С одной стороны стояли три или четыре скирды сена, полузанесённые снегом; с другой — скривившаяся мельница, с лубочными² крыльями, лениво опущенными.

— Где же крепость? — спросил я с удивлением.

— Да вот она, — отвечал ямщик, указывая на деревушку, и с этим словом мы в неё въехали. У ворот увидел я старую чугунную пушку; улицы были тесны и кривы; избы низки и большею частью покрыты соломой. Я велел ехать к коменданту, и через минуту кибитка остановилась перед деревянным домиком, выстроенным на высоком месте, близ деревянной же церкви.

Никто не встретил меня. Я пошёл в сени и отворил дверь в переднюю. Старый инвалид³, сидя на столе, нашивал синюю заплату на локоть зелёного мундира. Я велел ему доложить обо мне. «Войди, батюшка, — отвечал инвалид, — наши дома». Я вошёл в чистенькую комнатку, убранную по-старинному. В углу стоял шкаф с посудой, на стене висел диплом офицерский⁴ за стеклом и в рамке; около него красовались лубочные картинки⁵, представляющие взятие Кистрина и Очакова⁶, также выбор невесты и погребение кота. У окна сидела старушка в телогрейке и с платком на голове. Она разматывала нитки, которые держал, распялив на руках, кривой старичок в офицерском мундире.

— Что вам угодно, батюшка? — спросила она, продолжая своё занятие. Я отвечал, что приехал на службу и явился по долгу своему к господину капитану, и с этим словом обратился было к кривому старичку, принимая его за коменданта; но хозяйка перебила затверженную мою речь. «Ивана Кузмича дома нет, — сказала она, — он пошёл в гости к отцу⁷ Герасиму; да всё равно, батюшка, я его хозяйка. Прошу любить и жаловать. Садись, батюшка». Она кликнула девку и велела ей позвать урядника⁸. Старичок своим одиноким глазом погля-

¹ *Бастион* — один из видов крепостных укреплений.

² *Лубочный* — здесь: лубяной, сделанный из липового лубка, т. е. подкорья.

³ *Инвалид* — здесь (устар.): военнослужащий, состарившийся на службе.

⁴ *Диплом офицерский* — свидетельство о присвоении офицерского звания.

⁵ *Лубочные картинки* — дешёвые картинки, отпечатанные с гравировальных липовых досок, лубков.

⁶ *Кистрин (Кюстрин)* — прусская крепость, осаждённая русскими войсками в 1758 году. *Очаков* — турецкая крепость, взятая русскими в 1737 году.

⁷ *Отец* — так называют священников.

⁸ *Урядник* — лицо младшего командного состава в казачьих войсках царской армии.

дывал на меня с любопытством. «Смею спросить, — сказал он, — вы в каком полку изволили служить?» Я удовлетворил его любопытству. «А смею спросить, — продолжал он, — зачем изволили вы перейти из гвардии в гарнизон?» Я отвечал, что такова воля начальства. «Чаятельно¹, за неприличные гвардии офицеру поступки», — продолжал неумолимый вопрошатель². «Полно врать пустяки, — сказала ему капитанша, — ты видишь, молодой человек с дороги устал; ему не до тебя... (держи-ка руки прямее...). А ты, мой батюшка, — продолжала она, обращаясь ко мне, — не печалься, что тебя упекли в наше захолустье. Не ты первый, не ты последний. Стерпится, слюбится. Швабрин Алексей Иванович вот уж пятый год как к нам переведён за смертоубийство. Бог знает, какой грех его попутал; он, изволишь видеть, поехал в город с одним поручиком, да взяли с собой шпаги, да и ну друг в друга пырять; а Алексей Иванович и заколол поручика, да ещё при двух свидетелях! Что прикажешь делать? На грех мастера нет».

В эту минуту вошёл урядник, молодой и статный казак. «Максимиыч! — сказала ему капитанша. — Отведи господину офицеру квартиру, да почище». — «Слушаю, Василиса Егоровна, — отвечал урядник. — Не поместить ли его благородие к Ивану Полежаеву?» — «Врёшь, Максимиыч, — сказала капитанша, — у Полежаева и так тесно; он же мне кум и помнит, что мы его начальники. Отведи господина офицера... как ваше имя и отчество, мой батюшка?» — «Пётр Андреич». — «Отведи Петра Андреича к Семёну Кузову. Он, мошенник, лошадь свою пустил ко мне в огород. Ну что, Максимиыч, всё ли благополучно?»

— Всё, слава Богу, тихо, — отвечал казак, — только капрал³ Прохоров подрался в бане с Устиньей Негулиной за шайку горячей воды.

— Иван Игнатьич! — сказала капитанша кривому старичку. — Разбери Прохорова с Устиньей, кто прав, кто виноват. Да обоих и накажи. Ну, Максимиыч, ступай себе с Богом. Пётр Андреич, Максимиыч отведёт вас на вашу квартиру.

Я откланялся. Урядник привёл меня в избу, стоявшую на высоком берегу реки, на самом краю крепости. Половина избы занята была семьёю Семёна Кузова, другую отвели мне. Она состояла из одной горницы, довольно опрятной, разделённой надвое перегородкой. Савельич стал в ней распоряжаться; я стал глядеть в узенькое окошко. Передо мною простиралась печальная степь. Наискось стояло несколько из-

¹ Чаятельно (устар.) — вероятно, по-видимому.

² Вопрошатель (устар.) — спрашивающий, задающий вопрос.

³ Капрал — первый после рядового чин в армии XVIII века.

бушек; по улице бродило несколько куриц. Старуха, стоя на крыльце с корытом, кликала свиней, которые отвечали ей дружелюбным хрюканьем. И вот в какой стороне осуждён я был проводить мою молодость! Тоска взяла меня; я отошёл от окошка и лёг спать без ужина, несмотря на увещания Савельича, который повторял с сокрушением: «Господи Владыко! Ничего кушать не изволит! Что скажет барыня, коли дитя занеможет?»

На другой день поутру я только что стал одеваться, как дверь отворилась и ко мне вошёл молодой офицер невысокого роста, с лицом смуглым и отменно некрасивым, но чрезвычайно живым. «Извините меня, — сказал он мне по-французски, — что я без церемонии прихожу с вами познакомиться. Вчера узнал я о вашем приезде; желание увидеть наконец человеческое лицо так овладело мною, что я не вытерпел. Вы это поймёте, когда проживёте здесь ещё несколько времени». Я догадался, что это был офицер, выписанный¹ из гвардии за поединок. Мы тотчас познакомились. Швабрин был очень не глуп. Разговор его был остёр и занимателен. Он с большой весёлостью описал мне семейство коменданта, его общество и край, куда завела меня судьба. Я смеялся от чистого сердца, как вошёл ко мне тот самый инвалид, который чинил мундир в передней коменданта, и от имени Василисы Егоровны позвал меня к ним обедать. Швабрин вызвался идти со мною вместе.

Подходя к комендантскому дому, мы увидели на площадке человек двадцать стареньких инвалидов с длинными косами и в треугольных шляпах. Они выстроены были во фронт. Впереди стоял комендант, старик бодрый и высокого роста, в колпаке и китайчатом² халате. Увидя нас, он к нам подошёл, сказал мне несколько ласковых слов и стал опять командовать. Мы остановились было смотреть на учение; но он попросил нас идти к Василисе Егоровне, обещаясь быть вслед за нами.

— А здесь, — прибавил он, — нечего вам смотреть.

Василиса Егоровна приняла нас запросто и радушно и обошлась со мною, как бы век была знакома. Инвалид и Палашка накрывали на стол. «Что это мой Иван Кузмич сегодня так заучился! — сказала комендантша. — Палашка, позови барина обедать. Да где же Маша?» Тут вошла девушка лет осьмнадцати, круглолицая, румяная, с светло-русыми волосами, гладко зачёсанными за уши, которые у ней так

¹ *Выписанный* — здесь: исключённый, вычеркнутый из списков.

² *Китайчатый* — сделанный из китайки — плотной гладкой набивной хлопчатобумажной ткани.

и горели. С первого взгляда она не очень мне понравилась. Я смотрел на неё с предубеждением: Швабрин описал мне Машу, капитанскую дочь, совершенную дурочкою. Марья Ивановна села в угол и стала шить. Между тем подали щи. Василиса Егоровна, не видя мужа, вторично послала за ним Палашку. «Скажи барину: гости-де ждут, щи простынут; слава Богу, ученье не уйдёт; успеет накричаться». Капитан вскоре явился, сопровождаемый кривым старичком. «Что это, мой батюшка? — сказала ему жена. — Кушанье давным-давно подано, а тебя не дозовёшься». — «А слышь ты, Василиса Егоровна, — отвечал Иван Кузмич, — я был занят службой: солдатушек учил». — «И, полно! — возразила капитанша. — Только слава, что солдат учишь: ни им служба не даётся, ни ты в ней толку не ведаешь. Сидел бы дома да Богу молился, так было бы лучше. Дорогие гости, милости просим за стол».

Мы сели обедать. Василиса Егоровна не умолкала ни на минуту и осыпала меня вопросами: кто мои родители, живы ли они, где живут и каково их состояние? Услыша, что у батюшки триста душ крестьян, «легко ли! — сказала она, — ведь есть же на свете богатые люди! А у нас, мой батюшка, всего-то душ одна девка Палашка; да слава Богу, живём помаленьку. Одна беда: Маша; девка на выданье, а какое у ней приданое¹? частый гребень, да веник, да алтын² денег (прости Бог!), с чем в баню сходить. Хорошо, коли найдётся добрый человек; а то сиди себе в девках вековой невестой». Я взглянул на Марью Ивановну: она вся покраснела, и даже слёзы капнули на её тарелку. Мне стало жаль её, и я спешил переменить разговор. «Я слышал, — сказал я довольно некстати, — что на вашу крепость собираются напасть башкирцы». — «От кого, батюшка, ты изволил это слышать?» — спросил Иван Кузмич. «Мне так сказывали в Оренбурге», — отвечал я. «Пустяки! — сказал комендант. — У нас давно ничего не слыхать. Башкирцы — народ напуганный, да и киргизцы проучены. Небось на нас не сунутся; а насунутся, так я такую задам острастку, что лет на десять уgomоню». — «И вам не страшно, — продолжал я, обращаясь к капитанше, — оставаться в крепости, подверженной таким опасностям?» — «Привычка, мой батюшка, — отвечала она. — Тому лет двадцать как нас из полка перевели сюда, и не приведи Господи, как я боялась проклятых этих нехристей! Как завижу, бывало, рысьи шапки, да как заслышу их визг, веришь, отец мой, сердце так и за-

¹ *Приданое* — имущество, даваемое родными невесты при выдаче её замуж.

² *Алтын* — старинная русская монета (равна трём копейкам).

мрёт! А теперь так привыкла, что и с места не тронусь, как придут нам сказать, что злодеи около крепости рыщут».

— Василиса Егоровна прехрабрая дама, — заметил важно Швабрин. — Иван Кузмич может это засвидетельствовать.

— Да, слышь ты, — сказал Иван Кузмич, — баба-то не робкого десятка.

— А Марья Ивановна? — спросил я, — так же ли смела, как и вы?

— Смела ли Маша? — отвечала её мать. — Нет, Маша трусиха. До сих пор не может слышать выстрела из ружья: так и затрепещется. А как тому два года Иван Кузмич выдумал в мои именины палить из нашей пушки, так она, моя голубушка, чуть со страху на тот свет не отправилась. С тех пор уже и не палим из проклятой пушки.

Мы встали из-за стола. Капитан с капитаншею отправились спать; а я пошёл к Швабрину, с которым и провёл целый вечер.

Глава IV Поединок

— Ин изволь, и стань же
в позитуру¹.
Посмотришь, проколю как я
твою фигуру!

Княжнин.

Прошло несколько недель, и жизнь моя в Белогорской крепости сделалась для меня не только сносною, но даже и приятною. В доме коменданта был я принят как родной. Муж и жена были люди самые почтенные. Иван Кузмич, вышедший в офицеры из солдатских детей, был человек необразованный и простой, но самый честный и добрый. Жена его им управляла, что согласовалось с его беспечною. Василиса Егоровна и на дела службы смотрела, как на свои хозяйские, и управляла крепостию так точно, как и своим домком. Марья Ивановна скоро перестала со мною дичиться. Мы познакомились. Я в ней нашёл благоразумную и чувствительную девушку. Незаметным образом я привязался к доброму семейству, даже к Ивану Игнатьевичу, кривому гарнизонному поручику, о котором Швабрин выдумал, будто бы он был в непозволительной связи с Василисой Егоровной, что не имело и тени правдоподобия; но Швабрин о том не беспокоился.

¹ *Позиту́ра* — поза, положение, принимаемое при дуэли на шпагах.

Я был произведён в офицеры. Служба меня не отягощала. В богоспасаемой крепости не было ни смотров, ни учений, ни караулов. Комендант по собственной охоте учил иногда своих солдат; но ещё не мог добиться, чтобы все они знали, которая сторона правая, которая левая. У Швабрина было несколько французских книг. Я стал читать, и во мне пробудилась охота к литературе. По утрам я читал, упражнялся в переводах, а иногда и в сочинении стихов. Обедал почти всегда у коменданта, где обыкновенно проводил остаток дня и куда вечером иногда являлся отец Герасим с женою Акулиной Памфиловной, первою вестовщицею¹ во всём околотке. С А. И. Швабриным, разумеется, виделся я каждый день; но час от часу беседа его становилась для меня менее приятною. Всегдашние шутки его насчёт семьи коменданта мне очень не нравились, особенно колкие замечания о Марье Ивановне. Другого общества в крепости не было; но я другого и не желал.

Несмотря на предсказания, башкирцы не возмущались. Спокойствие царствовало вокруг нашей крепости. Но мир был прерван внезапным междоусобием.

Я уже сказывал, что я занимался литературою. Опыты мои, для тогдашнего времени, были изрядны, а Александр Петрович Сумароков², несколько лет после, очень их похвалял. Однажды удалось мне написать песенку, которой был я доволен. Известно, что сочинители иногда, под видом требования советов, ищут благосклонного слушателя. Итак, переписав мою песенку, я понёс её к Швабрину, который один во всей крепости мог оценить произведение стихотворца. После маленького предисловия вынул я из кармана свою тетрадку и прочёл ему следующие стишки:

Мысль любовну истребляя,
Тщусь³ прекрасную забыть,
И ах, Машу избегая,
Мышлю⁴ вольность получить!

Но глаза, что мя⁵ пленили,
Всемигнута предо мной;
Они дух во мне смутили,
Сокрушили мой покой.

¹ Вестовщица (устар.) — любительница рассказывать новости.

² Сумароков Александр Петрович (1717—1777) — русский поэт и драматург.

³ Тщусь (устар.) — напрасно стараюсь.

⁴ Мышлю — мыслю, думаю.

⁵ Мя (устар.) — меня.

Ты, узнав мои напасти¹,
 Сжался, Маша, надо мной,
 Зря² меня в сей лютой части³,
 И что я пленён тобой.

— Как ты это находишь? — спросил я Швабрина, ожидая похвалы, как дани, мне непременно следующей. Но, к великой моей досаде, Швабрин, обыкновенно снисходительный, решительно объявил, что песня моя нехороша.

— Почему так? — спросил я его, скрывая свою досаду.

— Потому, — отвечал он, — что такие стихи достойны учителя моего, Василия Кирилыча Тредьяковского⁴, и очень напоминают мне его любовные куплеты⁵.

Тут он взял от меня тетрадку и начал немилосердно разбирать каждый стих и каждое слово, издеваясь надо мной самым колким образом. Я не вытерпел, вырвал из рук его мою тетрадку и сказал, что уж отроду не покажу ему своих сочинений. Швабрин посмеялся и над этой угрозой. «Посмотрим, — сказал он, — сдержишь ли ты своё слово: стихотворцам нужен слушатель, как Ивану Кузмичу графинчик водки перед обедом. А кто эта Маша, перед которой изъясняешься в нежной страсти и в любовной напасти? Уж не Марья ль Ивановна?»

— Не твоё дело, — отвечал я нахмуясь, — кто бы ни была эта Маша. Не требую ни твоего мнения, ни твоих догадок.

— Ого! Самолюбивый стихотворец и скромный любовник! — продолжал Швабрин, час от часу более раздражая меня, — но послушай дружеского совета: коли ты хочешь успеть, то советую действовать не песенками.

— Что это, сударь, значит? Изволь объясниться.

— С охотою. Это значит, что ежели хочешь, чтоб Маша Миронова ходила к тебе в сумерки, то вместо нежных стишков подари ей пару серёг.

Кровь моя закипела.

— А почему ты об ней такого мнения? — спросил я, с трудом удерживая своё негодование.

¹ *Напасти* (разг.) — беды, горе, страдания.

² *Зря* (устар.) — зря.

³ *Часть* (устар.) — здесь: участь, судьба.

⁴ *Тредьяковский Василий Кириллович* (1703—1769) — русский поэт, переводчик, теоретик литературы. Нередко подвергался несправедливым обвинениям в бездарности и нападкам со стороны литературных противников.

⁵ *Куплет* — строфа, часть песни.

— А потому, — отвечал он с адскою усмешкою, — что знаю по опыту её нрав и обычай.

— Ты лжёшь, мерзавец! — вскричал я в бешенстве, — ты лжёшь самым бесстыдным образом.

Швабрин переменялся в лице.

— Это тебе так не пройдёт, — сказал он, стиснув мне руку. — Вы мне дадите сатисфакцию¹.

— Изволь; когда хочешь! — отвечал я, обрадовавшись. В эту минуту я готов был растерзать его.

Я тотчас отправился к Ивану Игнатьичу и застал его с иголкою в руках: по препоручению комендантши он нанизывал грибы для сушения на зиму. «А, Пётр Андреич! — сказал он, увидя меня, — добро пожаловать! Как это вас Бог принёс? по какому делу, смею спросить?» Я в коротких словах объяснил ему, что поссорился с Алексеем Иванычем, а его, Ивана Игнатьича, прошу быть моим секундантом. Иван Игнатьич выслушал меня со вниманием, вытараща на меня свой единственный глаз. «Вы изволите говорить, — сказал он мне, — что хотите Алексея Иваныча заколоть и желаете, чтоб я при том был свидетелем? Так ли? смею спросить».

— Точно так.

— Помилуйте, Пётр Андреич! Что это вы затеяли! Вы с Алексеем Иванычем побрались? Велика беда! Брань на вороту не виснет. Он вас побранил, а вы его выругайте; он вас в рыло, а вы его в ухо, в другое, в третье — и разойдитесь; а мы вас уж помирим. А то: доброе ли дело заколоть своего ближнего, смею спросить? И добро б уж закололи вы его: Бог с ним, с Алексеем Иванычем; я и сам до него не охотник. Ну, а если он вас просверлит? На что это будет похоже? Кто будет в дураках, смею спросить?

Рассуждения благоразумного поручика не поколебали меня. Я остался при своём намерении. «Как вам угодно, — сказал Иван Игнатьич, — делайте как разумеете. Да зачем же мне тут быть свидетелем? К какой стати? Люди дерутся; что за невидальщина, смею спросить? Слава Богу, ходил я под шведа и под турку²: всего на-смотрелся».

Я кое-как стал изъяснять ему должность секунданта, но Иван Игнатьич никак не мог меня понять. «Воля ваша, — сказал он. — Коли уж мне и вмешаться в это дело, то разве пойти к Ивану Кузмичу да

¹ *Сатисфакция* — удовлетворение (в данном случае это означает вызов на дуэль).

² Т. е. участвовал в войнах со шведами и с турками.

донести ему по долгу службы, что в фортеции умышляется злодейство, противное казённому интересу: не благоугодно ли будет господину коменданту принять надлежащие меры...»

Я испугался и стал просить Ивана Игнатьича ничего не сказывать коменданту; насилу его уговорил; он дал мне слово, и я решился от него отступиться.

Вечер провёл я, по обыкновению своему, у коменданта. Я старался казаться весёлым и равнодушным, дабы¹ не подать никакого подозрения и избежать докучных вопросов; но, признаюсь, я не имел того хладнокровия, которым хвалятся почти всегда те, которые находились в моём положении. В этот вечер я расположен был к нежности и умилению. Марья Ивановна нравилась мне более обыкновенного. Мысль, что, может быть, вижу её в последний раз, придавала ей в моих глазах что-то трогательное. Швабрин явился тут же. Я отвёл его в сторону и уведомил его о своём разговоре с Иваном Игнатьичем. «Зачем нам секунданты, — сказал он мне сухо, — без них обойдёмся». Мы условились драться за скирдами, что находились подле крепости, и явиться туда на другой день в седьмом часу утра. Мы разговаривали, по-видимому, так дружелюбно, что Иван Игнатьич от радости проболтался. «Давно бы так, — сказал он мне с довольным видом, — худой мир лучше доброй ссоры, а и нечестен, так здоров».

— Что, что, Иван Игнатьич? — сказала комендантша, которая в углу гадала в карты, — я не вслушалась.

Иван Игнатьич, заметив во мне знаки неудовольствия и вспомня своё обещание, смутился и не знал, что ответить. Швабрин подоспел к нему на помощь.

— Иван Игнатьич, — сказал он, — одобряет нашу мировую.

— А с кем это, мой батюшка, ты ссорился?

— Мы было поспорили довольно крупно с Петром Андреичем.

— За что так?

— За сущую безделицу: за песенку, Василиса Егоровна.

— Нашли за что ссориться! за песенку!.. да как же это случилось?

— Да вот так: Пётр Андреич сочинил недавно песню и сегодня запел её при мне, а я затянул мою любимую:

Капитанская дочь,
Не ходи гулять в полночь.

¹ Дáбы (устар.) — чтобы.

Вышла разладица. Пётр Андреич было и рассердился; но потом рассудил, что всяк волен петь, что кому угодно. Тем дело и кончилось.

Бесстыдство Швабрина чуть меня не взбесило; но никто, кроме меня, не понял грубых его обиняков¹; по крайней мере, никто не обратил на них внимания. От песенок разговор обратился к стихотворцам, и комендант заметил, что все они люди беспутные и горькие пьяницы, и дружески советовал мне оставить стихотворство, как дело службе противное и ни к чему доброму не доводящее.

Присутствие Швабрина было мне несносно. Я скоро простился с комендантом и его семейством; пришед домой, осмотрел свою шпагу, попробовал её конец и лёг спать, приказав Савельичу разбудить меня в седьмом часу.

На другой день в назначенное время я стоял уже за скирдами, ожидая моего противника. Вскоре и он явился. «Нас могут застать, — сказал он мне, — надобно поспешить». Мы сняли мундиры, остались в одних камзолах² и обнажили шпаги. В эту минуту из-за скирды вдруг появился Иван Игнатьич и человек пять инвалидов. Он потребовал нас к коменданту. Мы повиновались с досадою; солдаты нас окружили, и мы отправились в крепость вслед за Иваном Игнатьичем, который вёл нас в торжестве, шагая с удивительной важностию.

Мы вошли в комендантский дом. Иван Игнатьич отворил двери, провозгласив торжественно: «Привёл!» Нас встретила Василиса Егоровна. «Ах, мои батюшки! На что это похоже? как? что? в нашей крепости заводить смертоубийство! Иван Кузмич, сейчас их под арест! Пётр Андреич! Алексей Иваныч! Подавайте сюда ваши шпаги, подавайте, подавайте. Палашка, отнеси эти шпаги в чулан. Пётр Андреич! Этого я от тебя не ожидала. Как тебе не совестно? Добро Алексей Иваныч: он за душегубство и из гвардии выписан, он и в Господа Бога не верует; а ты-то что? туда же лезешь?»

Иван Кузмич вполне соглашался с своею супругою и приговаривал: «А слышь ты, Василиса Егоровна правду говорит. Поединки формально запрещены в воинском артикуле³. Между тем Палашка взяла у нас наши шпаги и отнесла в чулан. Я не мог не засмеяться. Швабрин сохранил свою важность. «При всём моём уважении к вам, — сказал он ей хладнокровно, — не могу не заметить, что напрасно вы

¹ Обиняки — намёки.

² Камзёл — короткая мужская одежда без рукавов, вроде жилета.

³ Воинский артикул — сборник законов о воинских обязанностях, преступлениях и наказаниях, действовавший в XVIII — начале XIX века.

изволите беспокоиться, подвергая нас вашему суду. Предоставьте это Ивану Кузмичу: это его дело». — «Ах, мой батюшка! — возразила комендантша, — да разве муж и жена не один дух и единая плоть? Иван Кузмич! Что ты зеваешь? Сейчас рассадь их по разным углам на хлеб да на воду, чтоб у них дурь-то прошла; да пусть отец Герасим наложит на них эпитимию¹, чтоб молили у Бога прощения да каялись перед людьми».

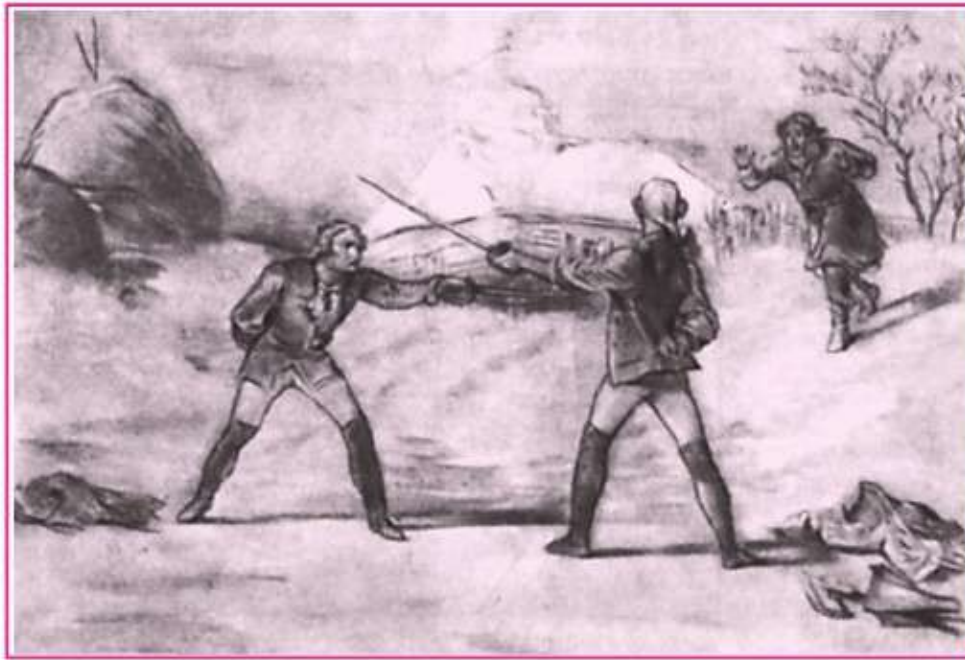
Иван Кузмич не знал, на что решиться. Марья Ивановна была чрезвычайно бледна. Мало-помалу буря утихла; комендантша успокоилась и заставила нас друг друга поцеловать. Палашка принесла нам наши шпаги. Мы вышли от коменданта, по-видимому, примирённые. Иван Игнатъич нас сопровождал. «Как вам не стыдно было, — сказал я ему сердито, — доносить на нас коменданту после того, как дали мне слово того не делать?» — «Как Бог свят, я Ивану Кузмичу того не говорил, — отвечал он. — Василиса Егоровна выведала всё от меня. Она всем и распорядилась без ведома коменданта. Впрочем, слава Богу, что всё так кончилось». С этим словом он повернул домой, а Швабрин и я остались наедине. «Наше дело этим кончиться не может», — сказал я ему. «Конечно, — отвечал Швабрин, — вы своею кровью будете отвечать мне за вашу дерзость; но за нами, вероятно, станут присматривать. Несколько дней нам должно будет притворяться. До свидания!» — И мы расстались как ни в чём не бывало.

Возвратясь к коменданту, я, по обыкновению своему, подсел к Марье Ивановне. Ивана Кузмича не было дома; Василиса Егоровна занята была хозяйством. Мы разговаривали вполголоса, Марья Ивановна с нежностью выговаривала мне за беспокойство, причинённое всем моею ссорою с Швабриным. «Я так и обмерла, — сказала она, — когда сказали нам, что вы намерены биться на шпагах. Как мужчины странны! За одно слово, о котором через неделю, верно б, они позабыли, они готовы резаться и жертвовать не только жизнью, но и совестью и благополучием тех, которые... Но я уверена, что не вы зачинщик ссоры. Верно, виноват Алексей Иванович».

— А почему же вы так думаете, Марья Ивановна?

— Да так... он такой насмешник! Я не люблю Алексея Ивановича. Он очень мне противен; а странно: ни за что б я не хотела, чтоб и я ему так же не нравилась. Это меня беспокоило бы страшно.

¹ *Эпитимия* (*епитимия*) — церковное наказание (поклоны, пост, длительные молитвы).

«Капитанская дочка». Савельич останавливает дуэль.
Художник П. Соколов. 1891 г.

— А как вы думаете, Марья Ивановна? Нравитесь ли вы ему или нет?

Марья Ивановна заикнулась и покраснела.

— Мне кажется, — сказала она, — я думаю, что нравлюсь.

— Почему же вам так кажется?

— Потому что он за меня сватался.

— Сватался! Он за вас сватался? Когда же?

— В прошлом году. Месяца два до вашего приезда.

— И вы не пошли?

— Как изволите видеть. Алексей Иваныч, конечно, человек умный, и хорошей фамилии, и имеет состояние; но как подумаю, что надобно будет под венцом при всех с ним поцеловаться... Ни за что! ни за какие благополучия!

Слова Марьи Ивановны открыли мне глаза и объяснили мне многое. Я понял упорное злоречие, которым Швабрин её преследовал. Вероятно, замечал он нашу взаимную склонность и старался отвлечь нас друг от друга. Слова, подавшие повод к нашей ссоре, показались мне ещё более гнусными, когда, вместо грубой и непристойной насмешки, увидел я в них обдуманную клевету. Желание наказать дерзкого злоязычника сделалось во мне ещё сильнее, и я с нетерпением стал ожидать удобного случая.

«Капитанская дочка».
Художник А. Бенца. 1918 г.

скрыпнула дверь. «Что? каков?» — произнёс пошепту голос, от которого я затрепетал. «Всё в одном положении, — отвечал Савельич со вздохом, — всё без памяти, вот уже пятые сутки». Я хотел оборотиться, но не мог. «Где я? кто здесь?» — сказал я с усилием. Марья Ивановна подошла к моей кровати и наклонилась ко мне. «Что? как вы себя чувствуете?» — сказала она. «Слава Богу, — отвечал я слабым голосом. — Это вы, Марья Ивановна? скажите мне...» — я не в силах был продолжать и замолчал. Савельич ахнул. Радость изобразилась на его лице. «Опомнися! опомнися! — повторял он. — Слава Тебе, Владыко! Ну, батюшка Пётр Андреич! напугал ты меня! легко ли? пятые сутки!..» Марья Ивановна прервала его речь. «Не говори с ним много, Савельич, — сказала она. — Он ещё слаб». Она вышла и тихонько притворила дверь. Мысли мои волновались. Итак, я был в доме коменданта, Марья Ивановна входила ко мне. Я хотел сделать Савельичу некоторые вопросы, но старик замотал головою и заткнул себе уши. Я с досадою закрыл глаза и вскоре забылся сном.

Проснувшись, подозревал я Савельича и вместо его увидел перед собою Марью Ивановну; ангельский голос её меня приветствовал. Не могу выразить сладостного чувства, овладевшего мною в эту минуту. Я схватил её руку и прильнул к ней, обливаясь слезами умиления. Маша не отрывала её... и вдруг её губки коснулись моей щеки, и я почувствовал их жаркий и свежий поцелуй. Огонь пробежал по мне. «Милая, добрая Марья Ивановна, — сказал я ей, — будь моею женой, согласись на моё счастье». Она опомнилась. «Ради Бога, успокойтесь, — сказала она, отняв у меня свою руку. — Вы ещё в опасности: рана может открыться. Поберегите себя хоть для меня». С этим словом она ушла, оставя меня в упоении восторга. Счастье воскресило меня. Она будет моя! она меня любит! Эта мысль наполняла всё моё существование.

С той поры мне час от часу становилось лучше. Меня лечил полковой цирюльник, ибо в крепости другого лекаря не было, и, слава Богу, не умничал. Молодость и природа ускорили моё выздоровление. Всё семейство коменданта за мною ухаживало. Марья Ивановна от меня не отходила. Разумеется, при первом удобном случае я принялся за прерванное объяснение, и Марья Ивановна выслушала меня терпеливее. Она без всякого жеманства¹ призналась мне в сердечной склонности и сказала, что её родители, конечно, рады будут её счастью. «Но подумай хорошенько, — прибавила она, — со стороны твоих родных не будет ли препятствия?»

Я задумался. В нежности матушкиной я не сомневался; но, зная нрав и образ мыслей отца, я чувствовал, что любовь моя не слишком его тронет и что он будет на неё смотреть как на блажь молодого человека. Я чистосердечно признался в том Марье Ивановне и решился, однако, писать к батюшке как можно красноречивее, прося родительского благословения. Я показал письмо Марье Ивановне, которая нашла его столь убедительным и трогательным, что не сомневалась в успехе его, и предалась чувствам нежного своего сердца со всею доверчивостью молодости и любви.

С Швабриным я помирился в первые дни моего выздоровления. Иван Кузмич, выговаривая мне за поединок, сказал мне: «Эх, Пётр Андреич! надлежало бы мне посадить тебя под арест, да ты уж и без того наказан. А Алексей Иваныч у меня таки сидит в хлебном магазине под караулом, и шпага его под замком у Василисы Егоровны. Пускай он себе надумается да раскается». Я слишком был счастлив,

¹ *Жеманство* — слащавая изысканность, манерность в обращении.

чтобы хранить в сердце чувство неприязненное. Я стал просить за Швабрина, и добрый комендант, с согласия своей супруги, решился его освободить. Швабрин пришёл ко мне; он изъявил глубокое сожаление о том, что случилось между нами; признался, что был кругом виноват, и просил меня забыть о прошедшем. Будучи от природы незлопамятен, я искренно простил ему и нашу ссору и рану, мною от него полученную. В клевете его видел я досаду оскорблённого самолюбия и отвергнутой любви и великодушно извинял своего несчастного соперника.

Вскоре я выздоровел и мог перебраться на мою квартиру. С нетерпением ожидал я ответа на посланное письмо, не смея надеяться и стараясь заглушить печальные предчувствия. С Василисой Егоровной и с её мужем я ещё не объяснялся; но предложение моё не должно было их удивить. Ни я, ни Марья Ивановна не старались скрывать от них своих чувств, и мы заранее были уже уверены в их согласии.

Наконец однажды утром Савельич вошёл ко мне, держа в руках письмо. Я схватил его с трепетом. Адрес был написан рукою батюшки. Это приуготовило меня к чему-то важному, ибо обыкновенно письма писала ко мне матушка, а он в конце приписывал несколько строк. Долго не распечатывал я пакета и перечитывал торжественную надпись: «Сыну моему Петру Андреевичу Гринёву, в Оренбургскую губернию, в Белогорскую крепость». Я старался по почерку угадать расположение духа, в котором писано было письмо; наконец решился его распечатать и с первых строк увидел, что всё дело пошло к чёрту. Содержание письма было следующее:

«Сын мой Пётр! Письмо твоё, в котором просишь ты нас о родительском нашем благословении и согласии на брак с Марьей Ивановой дочерью Мироновой, мы получили 15 сего месяца, и не только ни моего благословения, ни моего согласия дать я тебе не намерен, но ещё и собираюсь до тебя добраться да за проказы твои проучить тебя путём, как мальчишку, несмотря на твой офицерский чин: ибо ты доказал, что шпагу носить ещё не достоин, которая пожалована тебе на защиту отечества, а не для дуэлей с такими же сорванцами, каков ты сам. Немедленно буду писать к Андрею Карловичу, прося его перевести тебя из Белогорской крепости куда-нибудь подальше, где бы дурь у тебя прошла. Матушка твоя, узнав о твоём поединке и о том, что ты ранен, с горести занемогла и теперь лежит. Что из тебя будет? Молю Бога, чтоб ты исправился, хоть и не смею надеяться на Его великую милость.

Отец твой А. Г.».

Чтение сего письма возбудило во мне разные чувствования. Жестокое выражения, на которые батюшка не поскупился, глубоко оскорбили меня. Пренебрежение, с каким он упоминал о Марье Ивановне, казалось мне столь же непристойным, как и несправедливым. Мысль о перевождении моём из Белогорской крепости меня ужасала, но всего более огорчило меня известие о болезни матери. Я негодовал на Савельича, не сомневаясь, что поединок мой стал известен родителям через него. Шагая взад и вперёд по тесной моей комнате, я остановился перед ним и сказал, взглянув на него грозно: «Видно, тебе не довольно, что я, благодаря тебя, ранен и целый месяц был на краю гроба; ты и мать мою хочешь уморить». Савельич был поражён как громом. «Помилуй, сударь, — сказал он, чуть не зарыдав, — что это изволишь говорить? Я причина, что ты был ранен! Бог видит, бежал я заслонить тебя своей грудью от шпаги Алексея Ивановича! Старость проклятая помешала. Да что ж я сделал матушке-то твоей?» — «Что ты сделал? — отвечал я. — Кто просил тебя писать на меня доносы? разве ты приставлен ко мне в шпионы?» — «Я? писал на тебя доносы? — отвечал Савельич со слезами. — Господи Царю Небесный! Так изволь-ка прочитать, что пишет ко мне барин: увидишь, как я доносил на тебя». Тут он вынул из кармана письмо, и я прочёл следующее:

«Стыдно тебе, старый пёс, что ты, невзирая на мои строгие приказания, мне не донёс о сыне моём Петре Андреевиче и что посторонние принуждены уведомлять меня о его проказах. Так ли исполняешь ты свою должность и господскую волю? Я тебя, старого пса! пошлю свиней пасти за утайку правды и потворство¹ к молодому человеку. С получением сего приказываю тебе немедленно отписать ко мне, каково теперь его здоровье, о котором пишут мне, что поправилось; да в какое именно место он ранен и хорошо ли его залечили».

Очевидно было, что Савельич передо мною был прав и что я напрасно оскорбил его упрёком и подозрением. Я просил у него прощения; но старик был неутешен. «Вот до чего я дожил, — повторял он, — вот каких милостей дослужился от своих господ! Я и старый пёс, и свинопас, да я ж и причина твоей раны? Нет, батюшка Пётр Андреич! не я, проклятый мусьё всему виноват: он научил тебя тыкаться железными вертелами да притопывать, как будто тыканием

¹ *Потворство* — поощрение, содействие в чём-либо предосудительном, неподобающем.

«Капитанская дочка».
Гринёв и Маша Миронова.
Художник С. Герасимов. 1951 г.

да топанием убережешься от злого человека! Нужно было нанимать мусьё да тратить лишние деньги!»

Но кто же брал на себя труд уведомить отца моего о моём поведении? Генерал? Но он, казалось, обо мне не слишком заботился; а Иван Кузмич не почёл за нужное рапортовать о моём поединке. Я терялся в догадках. Подозрения мои остановились на Швабрине. Он один имел выгоду в доносе, коего следствием могло быть удаление моё из крепости и разрыв с комендантским семейством. Я пошёл объявить обо всём Марье Ивановне. Она встретила меня на крыльце. «Что это с вами сделалось? — сказала она, увидев меня. — Как вы бледны!» — «Всё кончено!» — отвечал я и отдал ей батюшкино письмо. Она побледнела в свою очередь. Прочитав, она возвратила мне письмо дрожащею рукою и сказала дрожащим голосом: «Видно, мне не судьба... Родные ваши не хотят меня в свою семью. Буди во всём воля Господня! Бог лучше нашего знает, что нам надобно. Делать нечего, Пётр Андреич; будьте хоть вы счастливы...» — «Этому не бы-

вать! — вскричал я, схватив её за руку, — ты меня любишь; я готов на всё. Пойдём, кинемся в ноги к твоим родителям; они люди простые, не жестокосердые гордецы... Они нас благословят; мы обвенчаемся... а там, со временем, я уверен, мы умолим отца моего; матушка будет за нас; он меня простит...»

— Нет, Пётр Андреич, — отвечала Маша, — я не выйду за тебя без благословения твоих родителей. Без их благословения не будет счастья. Покоримся воле Божией. Коли найдёшь себе суженую¹, коли полюбишь другую — Бог с тобою, Пётр Андреич, а я за вас обоих...

Тут она заплакала и ушла от меня; я хотел было войти за нею в комнату, но чувствовал, что был не в состоянии владеть самим собою, и воротился домой.

Я сидел погружённый в глубокую задумчивость, как вдруг Савельич прервал мои размышления.

— Вот, сударь, — сказал он, подавая мне исписанный лист бумаги, — посмотри, доносчик ли я на своего барина и стараюсь ли я помутить сына с отцом.

Я взял из рук его бумагу: это был ответ Савельича на полученное им письмо. Вот он от слова до слова:

«Государь Андрей Петрович, отец наш милостивый!

Милостивое писание ваше я получил, в котором изволишь гневаться на меня, раба вашего, что-де стыдно мне не исполнять господских приказаний, — а я не старый пёс, а верный ваш слуга, господских приказаний слушаюсь и усердно вам всегда служил и дожил до седых волос. Я ж про рану Петра Андреича ничего к вам не писал, чтоб не испугать понапрасну, и, слышно, барыня, мать наша Авдотья Васильевна и так с испугу слегла, и за её здоровье Бога буду молить. А Пётр Андреич ранен был под правое плечо, в грудь, под самую косточку, в глубину на полтора вершка, и лежал он в доме коменданта, куда принесли мы его с берега, и лечил его здешний цирюльник Степан Парамонов; и теперь Пётр Андреич, слава Богу, здоров, и про него, кроме хорошего, нечего и писать. Командиры, слышно, им довольны, а у Василисы Егоровны он как родной сын. А что с ним случилась такая оказия², то был молодцу не укора: конь и о четырёх ногах, да спотыкается. А изволите вы писать, что сошлёт меня свиней пасти, и на то ваша боярская воля. За сим кланяюсь рабски.

Верный холоп ваш *Архип Савельев*».

¹ *Суженая* — невеста.

² *Ока́зия* — здесь: редкий, из ряда вон выходящий случай.

Я не мог несколько раз не улыбнуться, читая грамоту¹ доброго старика. Отвечать батюшке я был не в состоянии; а чтоб успокоить матушку, письмо Савельича мне показалось достаточным.

С той поры положение моё переменилось. Марья Ивановна почти со мной не говорила и всячески старалась избегать меня. Дом коменданта стал для меня постыл. Мало-помалу приучился я сидеть один у себя дома. Василиса Егоровна сначала за то мне пеняла², но, видя моё упрямство, оставила меня в покое. С Иваном Кузмичом виделся я только, когда того требовала служба. С Швабриным встречался редко и неохотно, тем более что замечал в нём скрытую к себе неприязнь, что и утверждало меня в моих подозрениях. Жизнь моя сделалась мне несносна. Я впал в мрачную задумчивость, которую питали одиночество и бездействие. Любовь моя разгоралась в уединении и час от часу становилась мне тягостнее. Я потерял охоту к чтению и словесности. Дух мой упал. Я боялся или сойти с ума, или удариться в распутство. Неожиданные происшествия, имевшие важное влияние на всю мою жизнь, дали вдруг моей душе сильное и благое потрясение.

Глава VI Пугачёвщина

Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, старые старики, будем
сказывать.

Песня.

Прежде нежели приступлю к описанию странных происшествий, коим я был свидетель, я должен сказать несколько слов о положении, в котором находилась Оренбургская губерния в конце 1773 года.

Сия обширная и богатая губерния обитаема была множеством полудиких народов, признавших ещё недавно владычество российских государей. Их поминутные возмущения, непривычка к законам и гражданской жизни, легкомыслие и жестокость требовали со стороны правительства непрестанного надзора для удержания их в повиновении. Крепости выстроены были в местах, признанных удобными, и заселены по большей части казаками, давнишними обладателями яицких берегов. Но яицкие казаки, долженствовавшие охранять спокойствие и безопасность сего края, с некоторого времени были сами

¹ *Грамота* — здесь: письмо.

² *Пенять* — укорять, выговаривать кому-нибудь.

для правительства беспокойными и опасными подданными. В 1772 году произошло возмущение в их главном городке. Причиной тому были строгие меры, предпринятые генерал-майором Траубенбергом, дабы привести войско к должному повиновению. Следствием было варварское убийство Траубенберга, своевольная перемена в управлении и, наконец, усмирение бунта картечью и жестокими наказаниями.

Это случилось несколько времени перед прибытием моим в Белогорскую крепость. Всё было уже тихо или казалось таковым; начальство слишком легко поверило мнимому раскаянию лукавых мятежников, которые злобствовали втайне и выжидали удобного случая для возобновления беспорядков.

Обращаюсь к своему рассказу.

Однажды вечером (это было в начале октября 1773 года) сидел я дома один, слушая вой осеннего ветра и смотря в окно на тучи, бегущие мимо луны. Пришли меня звать от имени коменданта. Я тотчас отправился. У коменданта нашёл я Швабрина, Ивана Игнатьича и казацкого урядника. В комнате не было ни Василисы Егоровны, ни Марьи Ивановны. Комендант со мною поздоровался с видом озабоченным. Он запер двери, всех усадил, кроме урядника, который стоял у дверей, вынул из кармана бумагу и сказал нам: «Господа офицеры, важная новость! Слушайте, что пишет генерал». Тут он надел очки и прочёл следующее:

*«Господину коменданту
Белогорской крепости капитану Миронову.*

По секрету.

Сим извещаю вас, что убежавший из-под караула донской казак и раскольник¹ Емельян Пугачёв, учиня непростительную дерзость принятием на себя имени покойного императора Петра III, собрал злодейскую шайку, произвёл возмущение в яицких селениях и уже взял и разорил несколько крепостей, производя везде грабежи и смертные убийства. Того ради, с получением сего, имеете вы², господин капитан, немедленно принять надлежащие меры к отражению помянутого злодея и самозванца, а буде можно, и к совершенному уничтожению его³, если он обратится на крепость, вверенную вашему попечению⁴.

¹ Пугачёв, будучи раскольником, в церковь никогда не ходил. (А. С. Пушкин. «История Пугачёва».)

² *Имеете вы* — здесь: должны вы.

³ *Он* (канц.) — вышеупомянутый.

⁴ *Попечение* — здесь: забота, наблюдение.

— Принять надлежащие меры! — сказал комендант, снимая очки и складывая бумагу. — Слышь ты, легко сказать. Злодей-то, видно, силён; а у нас всего сто тридцать человек, не считая казаков, на которых плоха надежда, не в укор буди тебе сказано, Максимыч (урядник усмехнулся). Однако делать нечего, господа офицеры! Будьте исправны, учредите караулы да ночные дозоры; в случае нападения запирайте ворота да выводите солдат. Ты, Максимыч, смотри крепко за своими казаками. Пушку осмотреть да хорошенько вычистить. А пуще всего содержите всё это в тайне, чтоб в крепости никто не мог о том узнать преждевременно.

Раздав сии повеления, Иван Кузмич нас распустил. Я вышел вместе с Швабриным, рассуждая о том, что мы слышали.

«Как ты думаешь, чем это кончится?» — спросил я его. «Бог знает, — отвечал он, — посмотрим. Важного покамест ещё ничего не вижу. Если же...» Тут он задумался и в рассеянии стал насвистывать французскую арию.

Несмотря на все наши предосторожности, весть о появлении Пугачёва разнеслась по крепости. Иван Кузмич хоть и очень уважал свою супругу, но ни за что на свете не открыл бы ей тайны, вверенной ему по службе. Получив письмо от генерала, он довольно искусным образом выпроводил Василису Егоровну, сказав ей, будто бы отец Герасим получил из Оренбурга какие-то чудные известия, которые содержит в великой тайне. Василиса Егоровна тотчас захотела отправиться в гости к попадье и, по совету Ивана Кузмича, взяла с собою и Машу, чтоб ей не было скучно одной.

Иван Кузмич, оставшись полным хозяином, тотчас послал за нами, а Палашку запер в чулан, чтоб она не смогла нас подслушать.

Василиса Егоровна возвратилась домой, не успев ничего выведать от попадьи, и узнала, что во время её отсутствия было у Ивана Кузмича совещание и что Палашка была под замком. Она догадалась, что была обманута мужем, и приступила к нему с допросом. Но Иван Кузмич приготовился к нападению. Он нимало не смутился и бодро отвечал своей любопытной сожительнице: «А слышь ты, матушка, бабы наши вздумали печи топить соломой; а как от того может произойти несчастье, то я и отдал строгий приказ впредь соломою бабам печей не топить, а топить хворостом и валежником». — «А для чего ж было тебе запирать Палашку? — спросила комендантша. — За что бедная девка просидела в чулане, пока мы не воротились?» Иван Кузмич не был приготовлен к таковому вопросу; он запутался и пробормотал что-то очень нескладное. Василиса Егоровна увидела коварство свое-

го мужа; но, зная, что ничего от него не добьётся, прекратила свои вопросы и завела речь о солёных огурцах, которые Акулина Памфиловна приготавливала совершенно особенным образом. Во всю ночь Василиса Егоровна не могла заснуть и никак не могла догадаться, что бы такое было в голове её мужа, о чём бы ей нельзя было знать.

На другой день, возвращаясь от обедни¹, она увидела Ивана Игнатьича, который вытаскивал из пушки тряпочки, камешки, щепки, бабки и сор всякого рода, запиханный в неё ребятишками. «Что бы значили эти военные приготовления? — думала комендантша, — уж не ждут ли нападения от киргизцев? Но неужто Иван Кузмич стал бы от меня таить такие пустяки?» Она кликнула Ивана Игнатьича с твёрдым намерением вывести от него тайну, которая мучила её дамское любопытство.

Василиса Егоровна сделала ему несколько замечаний касательно хозяйства, как судия, начинающий следствие вопросами посторонними, дабы сперва усыпить осторожность ответчика. Потом, помолчав несколько минут, она глубоко вздохнула и сказала, качая головою:

— Господи Боже мой! Вишь какие новости! Что из этого будет?

— И, матушка! — отвечал Иван Игнатьич. — Бог милостив: солдат у нас довольно, пороху много, пушку я вычистил. Авось дадим отпор Пугачёву. Господь не выдаст, свинья не съест!

— А что за человек этот Пугачёв? — спросила комендантша.

Тут Иван Игнатьич заметил, что проговорился, и закусил язык. Но уже было поздно. Василиса Егоровна принудила его во всём признаться, дав ему слово не рассказывать о том никому.

Василиса Егоровна сдержала своё обещание и никому не сказала ни одного слова, кроме как попадье, и то потому только, что корова её ходила ещё в степи и могла быть захвачена злодеями.

Вскоре все заговорили о Пугачёве. Толки были различны. Комендант послал урядника с поручением разведать хорошенько обо всём по соседним селениям и крепостям. Урядник возвратился через два дня и объявил, что в степи вёрст за шестьдесят от крепости видел он множество огней и слышал от башкирцев, что идёт неведомая сила. Впрочем, не мог он сказать ничего положительного, потому что ехать далее побоялся.

В крепости между казаками заметно стало необыкновенное волнение; во всех улицах они толпились в кучки, тихо разговаривали между собою и расходились, увидя драгуна или гарнизонного солдата. Подсланы были к ним лазутчики². Юлай, крещёный калмык, сделал

¹ Обедня — утренняя или ранняя дневная церковная служба.

² Лазутчик — разведчик.

коменданту важное донесение. Показания урядника, по словам Юлая, были ложны; по возвращении своём лукавый казак объявил своим товарищам, что он был у бунтовщиков, представлялся самому их предводителю, который допустил его к своей руке и долго с ним разговаривал. Комендант немедленно посадил урядника под караул, а Юлая назначил на его место. Эта новость принята была казаками с явным неудовольствием. Они громко роптали, и Иван Игнатьич, исполнитель комендантского распоряжения, слышал своими ушами, как они говорили: «Вот уж тебе будет, гарнизонная крыса!» Комендант думал в тот же день допросить своего арестанта; но урядник бежал из-под караула, вероятно, при помощи своих единомышленников.

Новое обстоятельство усилило беспокойство коменданта. Схвачен был башкирец с возмутительными листами. По сему случаю комендант думал опять собрать своих офицеров и для того хотел опять удалить Василису Егоровну под благовидным предлогом. Но как Иван Кузмич был человек самый прямодушный и правдивый, то и не нашёл другого способа, кроме как единожды уже им употреблённого.

«Слышь ты, Василиса Егоровна, — сказал он ей, покашливая. — Отец Герасим получил, говорят, из города...» — «Полно врать, Иван Кузмич, — прервала комендантша, — ты, знать, хочешь собрать совещание да без меня потолковать об Емельяне Пугачёве; да лих¹ не проведёшь!» Иван Кузмич вытаращил глаза. «Ну, матушка, — сказал он, — коли ты уже всё знаешь, так, пожалуй, оставайся; мы потолкуем и при тебе». — «То-то, батька мой, — отвечала она, — не тебе бы хитрить; посылай-ка за офицерами».

Мы собрались опять. Иван Кузмич в присутствии жены прочёл нам воззвание Пугачёва, писанное каким-нибудь полуграмотным казак. Разбойник объявлял о своём намерении немедленно идти на нашу крепость; приглашал казаков и солдат в свою шайку, а командиров увещевал² не сопротивляться, угрожая казнию в противном случае. Воззвание написано было в грубых, но сильных выражениях и должно было произвести опасное впечатление на умы простых людей.

— Каков мошенник! — воскликнула комендантша. — Что смеет ещё нам предлагать! Выйти к нему навстречу и положить к ногам его знамёна! Ах он собачий сын! Да разве не знает он, что мы уже сорок лет в службе и всего, слава Богу, насмотрелись? Неужто нашлись такие командиры, которые послушались разбойника?

¹ *Да лих* (устар.) — да нет уж.

² *Увещевать* — убеждать.

— Кажется, не должно бы, — отвечал Иван Кузмич. — А слышно, злодей завладел уж многими крепостями.

— Видно, он в самом деле силен, — заметил Швабрин.

— А вот сейчас узнаем настоящую его силу, — сказал комендант. — Василиса Егоровна, дай мне ключ от анбара. Иван Игнатьич, приведи-ка башкирца да прикажи Юлаю принести сюда плетей.

— Постой, Иван Кузмич, — сказала комендантша, вставая с места. — Дай уведу Машу куда-нибудь из дому; а то услышит крик, перепугается. Да и я, правду сказать, не охотница до розыска¹. Счастливого оставаться.

Пытка в старину так была укоренена в обычаях судопроизводства, что благодетельный указ², уничтоживший оную, долго оставался безо всякого действия. Думали, что собственное признание преступника необходимо было для его полного обличения, — мысль не только неосновательная, но даже и совершенно противная здравому юридическому смыслу: ибо, если отрицание подсудимого не приемлется в доказательство его невинности, то признание его и того менее должно быть доказательством его виновности. Даже и ныне случается мне слышать старых судей, жалеющих об уничтожении варварского обычая. В наше же время никто не сомневался в необходимости пытки, ни судьи, ни подсудимые. Итак, приказание коменданта никого из нас не удивило и не встревожило. Иван Игнатьич отправился за башкирцем, который сидел в анбаре под ключом у комендантши, и через несколько минут невольника привели в переднюю. Комендант велел его к себе представить.

Башкирец с трудом шагнул через порог (он был в колодке) и, сняв высокую свою шапку, остановился у дверей. Я взглянул на него и содрогнулся. Никогда не забуду этого человека. Ему казалось лет за семьдесят. У него не было ни носа, ни ушей. Голова его была выбрита; вместо бороды торчало несколько седых волос; он был малого роста, тощ и сгорблен; но узенькие глаза его сверкали ещё огнём. «Эхе! — сказал комендант, узнав, по страшным его приметам, одного из бунтовщиков, наказанных в 1741 году³. — Да ты, видно, старый волк, побывал в наших капканах. Ты, знать, не впервой уже бунтуешь, коли у тебя так гладко выстрогана башка. Подойди-ка поближе; говори, кто тебя подослал?»

¹ *Розыск* — дознание, следствие.

² Имеется в виду указ Александра I об отмене пыток, на практике не выполнявшийся.

³ В 1740 году произошло восстание в Башкирии, жестоко подавленное самодержавием. Многим участникам восстания в наказание обреза́ли носы и уши.

Старый башкирец молчал и глядел на коменданта с видом совершенного бессмыслия. «Что же ты молчишь? — продолжал Иван Кузмич, — али бельмес¹ по-русски не разумеешь? Юлай, спроси-ка у него по-вашему, кто его подослал в нашу крепость?»

Юлай повторил на татарском языке вопрос Ивана Кузмича. Но башкирец глядел на него с тем же выражением и не отвечал ни слова.

— Якши², — сказал комендант, — ты у меня заговоришь. Ребята! сымите-ка с него дурацкий полосатый халат да выстрочите ему спину. Смотри ж, Юлай: хорошенько его!

Два инвалида стали башкирца раздевать. Лицо несчастного изобразило беспокойство. Он оглядывался на все стороны, как зверок, пойманный детьми. Когда же один из инвалидов взял его руки и, положив их себе около шеи, поднял старика на свои плечи, а Юлай взял плеть и замахнулся, тогда башкирец застонал слабым, умоляющим голосом и, кивая головою, открыл рот, в котором вместо языка шевелился короткий обрубок.

Когда вспомню, что это случилось на моём веку и что ныне дожил я до кроткого царствования императора Александра, не могу не дивиться быстрым успехам просвещения и распространению правил человеколюбия. Молодой человек! если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений.

Все были поражены.

— Ну, — сказал комендант, — видно, нам от него толку не добиться. Юлай, отведи башкирца в анбар. А мы, господа, кой о чём ещё потолкуем.

Мы стали рассуждать о нашем положении, как вдруг Василиса Егоровна вошла в комнату, задыхаясь и с видом чрезвычайно встревоженным.

— Что это с тобою сделалось? — спросил изумлённый комендант.

— Батюшки, беда! — отвечала Василиса Егоровна. — Нижнеозёрная взята сегодня утром. Работник отца Герасима сейчас оттуда воротился. Он видел, как её брали. Комендант и все офицеры перевешаны. Все солдаты взяты в полон. Того и гляди, злодеи будут сюда.

Неожиданная весть сильно меня поразила. Комендант Нижнеозёрной крепости, тихий и скромный молодой человек, был мне

¹ Бельмес (от татарск. «бильмес» — не знает) — ничего.

² Якши (татарск.) — хорошо.

знаком: месяца за два перед тем проезжал он из Оренбурга с молодой своей женою и останавливался у Ивана Кузмича. Нижнеозёрная находилась от нашей крепости верстах в двадцати пяти. С часу на час должно было и нам ожидать нападения Пугачёва. Участь Марьи Ивановны живо представилась мне, и сердце у меня так и замерло.

— Послушайте, Иван Кузмич! — сказал я коменданту. — Долг наш защищать крепость до последнего нашего издыхания; об этом и говорить нечего. Но надобно подумать о безопасности женщин. Отправьте их в Оренбург, если дорога ещё свободна, или в отдалённую, более надёжную крепость, куда злодеи не успели бы достигнуть.

Иван Кузмич оборотился к жене и сказал ей:

— А слышь ты, матушка, и в самом деле, не отправить ли вас подале, пока не управимся мы с бунтовщиками?

— И, пустое! — сказала комендантша. — Где такая крепость, куда бы пули не залетали? Чем Белогорская ненадёжна? Слава Богу, двадцать второй год в ней проживаем. Видали и башкирцев и киргизцев: авось и от Пугачёва отсидимся!

— Ну, матушка, — возразил Иван Кузмич, — оставайся, пожалуй, коли ты на крепость нашу надеешься. Да с Машей-то что нам делать? Хорошо, коли отсидимся или дождёмся сикурса¹; ну, а коли злодеи возьмут крепость?

— Ну, тогда... — Тут Василиса Егоровна заикнулась и замолчала с видом чрезвычайного волнения.

— Нет, Василиса Егоровна, — продолжал комендант, замечая, что слова его подействовали, может быть, в первый раз в его жизни. — Маше здесь оставаться негоже. Отправим её в Оренбург к её крёстной матери: там и войска, и пушек довольно, и стена каменная. Да и тебе советовал бы с нею туда же отправиться; даром ты старуха, а посмотри, что с тобою будет, коли возьмут фортецию приступом.

— Добро, — сказала комендантша, — так и быть, отправим Машу. А меня и во сне не проси: не поеду. Нечего мне под старость лет расставаться с тобою да искать одинокой могилы на чужой сторонке. Вместе жить, вместе и умирать.

— И то дело, — сказал комендант. — Ну, медлить нечего. Ступай готовить Машу в дорогу. Завтра чем свет её и отправим, да дадим ей и конвой, хоть людей лишних у нас и нет. Да где же Маша?

¹ *Сикурс* (воен., устар.) — помощь.

— У Акулины Памфиловны, — сказала комендантша. — Ей сделалось дурно, как услышала о взятии Нижнеозёрной; боюсь, чтобы не занемогла. Господи Владыко, до чего мы дожили!

Василиса Егоровна ушла хлопотать об отъезде дочери. Разговор у коменданта продолжался, но я уже в него не мешался и ничего не слушал. Марья Ивановна явилась к ужину бледная и заплаканная. Мы отужинали молча и встали из-за стола скорее обыкновенного; простясь со всем семейством, мы отправились по домам. Но я нарочно забыл свою шпагу и воротился за нею: я предчувствовал, что застаю Марью Ивановну одну. В самом деле, она встретила меня в дверях и вручила мне шпагу. «Прощайте, Пётр Андреич! — сказала она мне со слезами. — Меня посылают в Оренбург. Будьте живы и счастливы; может быть, Господь приведёт нас друг с другом увидеться; если же нет...» Тут она зарыдала. Я обнял её. «Прощай, ангел мой, — сказал я, — прощай, моя милая, моя желанная! Что бы со мною ни было, верь, что последняя моя мысль и последняя молитва будет о тебе!» Маша рыдала, прильнув к моей груди. Я с жаром её поцеловал и поспешно вышел из комнаты.

Глава VII Приступ

Голова моя, головушка,
Голова послуживая!
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лет и три года.
Ах, не выслужила головушка
Ни корысти себе, ни радости,
Как ни слова себе доброго
И ни рангу¹ себе высокого;
Только выслужила головушка
Два высокие столбика,
Перекладинку кленовую,
Ещё петельку шелковую.

Народная песня.

В эту ночь я не спал и не раздевался. Я намерен был отправиться на заре к крепостным воротам, откуда Марья Ивановна должна была выехать, и там проститься с нею в последний раз. Я чувствовал в себе великую перемену: волнение души моей было мне гораздо менее

¹ Ранг — здесь: чин, звание.

тягостно, нежели то уныние, в котором ещё недавно был я погружён. С грустью разлуки сливались во мне и неясные, но сладостные надежды, и нетерпеливое ожидание опасностей, и чувства благородного честолюбия. Ночь прошла незаметно. Я хотел уже выйти из дому, как дверь моя отворилась и ко мне явился капрал с донесением, что наши казаки ночью выступили из крепости, взяв насильно с собою Юлая, и что около крепости разъезжают неведомые люди. Мысль, что Марья Ивановна не успеет выехать, ужаснула меня; я поспешно дал капралу несколько наставлений и тотчас бросился к коменданту.

Уже рассветало. Я летел по улице, как услышал, что зовут меня. Я остановился. «Куда вы? — сказал Иван Игнатьич, догоняя меня. — Иван Кузмич на валу и послал меня за вами. Пугач пришёл». — «Уехала ли Марья Ивановна?» — спросил я с сердечным трепетом. «Не успела, — отвечал Иван Игнатьич, — дорога в Оренбург отрезана, крепость окружена. Плохо, Пётр Андреич!»

Мы пошли на вал, возвышение, образованное природой и укреплённое частоколом. Там уже толпились все жители крепости. Гарнизон стоял в ружьё¹. Пушку туда перетасили накануне. Комендант расхаживал перед своим малочисленным строем. Близость опасности одушевляла старого воина бодростью необыкновенной. По степи, не в дальнем расстоянии от крепости, разъезжали человек двадцать верхами. Они, казалось, казаки, но между ими находились и башкирцы, которых легко можно было распознать по их рысьим шапкам и по колчанам. Комендант обошёл всё своё войско, говоря солдатам: «Ну, детушки, постоим сегодня за матушку государыню и докажем всему свету, что мы люди brave и присяжные²!» Солдаты громко изъявили усердие. Швабрин стоял подле меня и пристально глядел на неприятеля. Люди, разъезжающие в степи, заметя движение в крепости, съехались в кучку и стали между собою толковать. Комендант велел Ивану Игнатьичу навести пушку на их толпу и сам приставил фитиль. Ядро зажужжало и пролетело над ними, не сделав никакого вреда. Наездники, рассеясь, тотчас ускакали из виду, и степь опустела.

Тут явилась на валу Василиса Егоровна и с нею Маша, не хотевшая отстать от неё. «Ну, что? — сказала комендантша. — Каково идёт баталия? Где же неприятель?» — «Неприятель недалече, — отвечал Иван Кузмич. — Бог даст, всё будет ладно. Что, Маша, страшно тебе?» — «Нет, папенька, — отвечала Марья Ивановна, — дома одной

¹ Т. е. был в боевой готовности.

² Присяжные — здесь: присягнувшие, принявшие присягу.

страшнее». Тут она взглянула на меня и с усилием улыбнулась. Я невольно стиснул рукоять моей шпаги, вспомя, что накануне получил её из её рук, как бы на защиту моей любезной. Сердце моё горело. Я воображал себя её рыцарем. Я жаждал доказать, что был достоин её доверенности, и с нетерпением стал ожидать решительной минуты.

В это время из-за высоты, находившейся в полверсте от крепости, показались новые конные толпы, и вскоре степь усеялась множеством людей, вооружённых копьями и сайдаками¹. Между ими на белом коне ехал человек в красном кафтане, с обнажённой саблею в руке: это был сам Пугачёв. Он остановился; его окружили, и, как видно, по его повелению, четыре человека отделились и во весь опор подскакали под самую крепость. Мы в них узнали своих изменников. Один из них держал под шапкою лист бумаги; у другого на копье воткнута была голова Юлая, которую, стряхнув, перекинул он к нам через частокол. Голова бедного калмыка упала к ногам коменданта. Изменники кричали: «Не стреляйте; выходите вон к государю. Государь здесь!»

«Вот я вас! — закричал Иван Кузмич. — Ребята! стреляй!» Солдаты наши дали залп. Казак, державший письмо, зашатался и свалился с лошади; другие поскакали назад. Я взглянул на Марью Ивановну. Поражённая видом окровавленной головы Юлая, оглушённая залпом, она казалась без памяти. Комендант подозвал капрала и велел ему взять лист из рук убитого казака. Капрал вышел в поле и возвратился, ведя под уздцы лошадь убитого. Он вручил коменданту письмо. Иван Кузмич прочёл его про себя и разорвал потом в клочки. Между тем мятежники, видимо, приготавливались к действию. Вскоре пули начали свистать около наших ушей, и несколько стрел воткнулись около нас в землю и в частокол. «Василиса Егоровна! — сказал комендант. — Здесь не бабье дело; уведи Машу; видишь: девка ни жива ни мертва».

Василиса Егоровна, присмирившая под пулями, взглянула на степь, на которой заметно было большое движение; потом оборотилась к мужу и сказала ему: «Иван Кузмич, в животе и смерти² Бог волен: благослови Машу. Маша, подойди к отцу».

Маша, бледная и трепещущая, подошла к Ивану Кузмичу, стала на колени и поклонилась ему в землю. Старый комендант перекрестил её трижды; потом поднял и, поцеловав, сказал ей изменившимся голосом: «Ну, Маша, будь счастлива. Молись Богу: Он тебя не оста-

¹ Сайда́к — лук с колчаном и стрелами.

² В животе́ и сме́рти (устар.) — в жизни и смерти.

вит. Коли найдётся добрый человек, дай Бог вам любовь да совет. Живите, как жили мы с Василисой Егоровной. Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же её поскорее». (Маша кинулась ему на шею и зарыдала.) «Поцелуемся ж и мы, — сказала, заплакав, комендантша. — Прощай, мой Иван Кузмич. Отпусти мне¹, коли в чём я тебе досадила!» — «Прощай, прощай, матушка! — сказал комендант, обняв свою старуху. — Ну, довольно! Ступайте, ступайте же домой; да коли успеешь, надень на Машу сарафан». Комендантша с дочерью удалились. Я глядел вослед Марьи Ивановны: она оглянулась и кивнула мне головой. Тут Иван Кузмич оборотился к нам, и всё внимание его устремилось на неприятеля. Мятежники съезжались около своего предводителя и вдруг начали слезать с лошадей. «Теперь стойте крепко, — сказал комендант, — будет приступ...» В эту минуту раздался страшный визг и крики; мятежники бегом бежали к крепости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендант подпустил их на самое близкое расстояние и вдруг выпалил опять. Картечьхватила в самую середину толпы. Мятежники отхлынули в обе стороны и попятись. Предводитель их остался один впереди... Он махал саблею и, казалось, с жаром их уговаривал. Крик и визг, умолкнувшие на минуту, тотчас снова возобновились. «Ну, ребята, — сказал комендант, — теперь отворяй ворота, бей в барабан. Ребята, вперёд, на вылазку, за мною!»

Комендант, Иван Игнатьич и я мигом очутились за крепостным валом; но обробелый гарнизон не тронулся. «Что ж вы, детушки, стоите? — закричал Иван Кузмич. — Умирать так умирать: дело служивое!» В эту минуту мятежники набежали на нас и ворвались в крепость. Барабан умолк; гарнизон бросил ружья; меня сшибли было с ног, но я встал и вместе с мятежниками вошёл в крепость. Комендант, раненный в голову, стоял в кучке злодеев, которые требовали от него ключей. Я бросился было к нему на помощь: несколько дюжих казаков схватили меня и связали кушаками, приговаривая: «Вот уж вам будет, государевым послушникам!» Нас потащили по улицам; жители выходили из домов с хлебом и солью. Раздавался колокольный звон. Вдруг закричали в толпе, что государь на площади ожидает пленных и принимает присягу. Народ повалил на площадь; нас погнали туда же.

Пугачёв сидел в креслах на крыльце комендантского дома. На нём был красивый казацкий кафтан, обшитый галунами. Высокая соболья

¹ *Отпусти мне* (устар.) — прости меня.

шапка с золотыми кистями была надвинута на его сверкающие глаза. Лицо его показалось мне знакомо. Казацкие старшины окружали его. Отец Герасим, бледный и дрожащий, стоял у крыльца, с крестом в руках, и, казалось, молча умолял его за предстоящие жертвы. На площади ставили наскоро виселицу. Когда мы приблизились, башкирцы разогнали народ и нас представили Пугачёву. Колокольный звон утих; настала глубокая тишина. «Который комендант?» — спросил самозванец. Наш урядник выступил из толпы и указал на Ивана Кузмича. Пугачёв грозно взглянул на старика и сказал ему: «Как ты смел противиться мне, своему государю?» Комендант, изнемогая от раны, собрал последние силы и отвечал твёрдым голосом: «Ты мне не государь, ты вор¹ и самозванец, слышь ты!» Пугачёв мрачно нахмурился и махнул белым платком. Несколько казаков подхватили старого капитана и потащили к виселице. На её перекладине очутился верхом изувеченный башкирец, которого допрашивали мы накануне. Он держал в руке верёвку, и через минуту увидел я бедного Ивана Кузмича, вздёргнутого на воздух. Тогда привели к Пугачёву Ивана Игнатьича. «Присягай, — сказал ему Пугачёв, — государю Петру Фёдоровичу!» — «Ты нам не государь, — отвечал Иван Игнатьич, повторяя слова своего капитана. — Ты, дядюшка, вор и самозванец!» Пугачёв махнул опять платком, и добрый поручик повис подле своего старого начальника.

Очередь была за мною. Я глядел смело на Пугачёва, готовясь повторить ответ великодушных² моих товарищей. Тогда, к неописанному моему изумлению, увидел я среди мятежных старшин Швабрина, обстриженного в кружок и в казацком кафтане. Он подошёл к Пугачёву и сказал ему на ухо несколько слов. «Вешать его!» — сказал Пугачёв, не взглянув уже на меня. Мне накинули на шею петлю. Я стал читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяние во всех моих прегрешениях и моля Его о спасении всех близких моему сердцу. Меня притащили под виселицу. «Не бось, не бось», — повторяли мне губители, может быть и вправду желая меня ободрить. Вдруг услышал я крик: «Постойте, окаянные! погодите!..» Палачи остановились. Гляжу: Савельич лежит в ногах у Пугачёва. «Отец родной! — говорил бедный дядька. — Что тебе в смерти барского дитяти? Отпусти его; за него тебе выкуп дадут; а для примера и страха ради вели повесить хоть меня старика!» Пугачёв дал знак, и меня тотчас

¹ *Вор* — здесь: разбойник, изменник.

² *Великодушный* — здесь: человек, обладающий величием души (в отличие от *малодушный*).

развязали и оставили. «Батюшка наш тебя милует», — говорили мне. В эту минуту не могу сказать, чтоб я обрадовался своему избавлению, не скажу, однако ж, чтоб я о нём и сожалел. Чувствования мои были слишком смутны. Меня снова привели к самозванцу и поставили перед ним на колени. Пугачёв протянул мне жилистую свою руку. «Целуй руку, целуй руку!» — говорили около меня. Но я предпочёл бы самую лютую казнь такому подлому унижению. «Батюшка Пётр Андреич! — шептал Савельич, стоя за мною и толкая меня. — Не упрямясь! что тебе стоит? плюнь да поцелуй у злод... (тьфу!) поцелуй у него ручку». Я не шевелился. Пугачёв опустил руку, сказав с усмешкою: «Его благородие, знать, одурел от радости. Подымите его!» Меня подняли и оставили на свободе. Я стал смотреть на продолжение ужасной комедии.

Жители начали присягать. Они подходили один за другим, целуя распятие и потом кланяясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли тут же. Ротный портной, вооружённый тупыми своими ножницами, резал у них косы. Они, отряхиваясь, подходили к руке Пугачёва, который объявлял им прощение и принимал в свою шайку. Всё это продолжалось около трёх часов. Наконец Пугачёв встал с кресел и сошёл с крыльца в сопровождении своих старшин. Ему подвели белого коня, украшенного богатой сбруей. Два казака взяли его под руки и посадили на седло. Он объявил отцу Герасиму, что будет обедать у него. В эту минуту раздался женский крик. Несколько разбойников вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрёпанную и раздетую донага. Один из них успел уже нарядиться в её душегрейку. Другие таскали перины, сундуки, чайную посуду, бельё и всю рухлядь. «Батюшки мои! — кричала бедная старушка. — Отпустите душу на покаяние. Отцы родные, отведите меня к Ивану Кузмичу». Вдруг она взглянула на виселицу и узнала своего мужа. «Злодеи! — закричала она в исступлении. — Что это вы с ним сделали? Свет ты мой, Иван Кузмич, удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие; не в честном бою положил ты свой живот, а сгинул от беглого каторжника!» — «Унять старую ведьму!» — сказал Пугачёв. Тут молодой казак ударил её саблей по голове, и она упала мёртвая на ступени крыльца. Пугачёв уехал; народ бросился за ним.

Глава VIII

Незванный гость

Незванный гость хуже татарина.

*Пословица*¹.

Площадь опустела. Я всё стоял на одном месте и не мог привести в порядок мысли, смущённые столь ужасными впечатлениями.

Неизвестность о судьбе Марьи Ивановны пуще всего меня мучила. Где она? что с нею? успела ли спрятаться? надёжно ли её убежище?.. Полный тревожными мыслями, я вошёл в комендантский дом... Всё было пусто; стулья, столы, сундуки были переломаны; посуда перебита; всё растаскано. Я взбежал по маленькой лестнице, которая вела в светлицу, и в первый раз отроду вошёл в комнату Марьи Ивановны. Я увидел её постелю, перерытую разбойниками; шкаф был разломан и ограблен; лампадка теплилась ещё перед опустелым кивотом². Уцелело и зеркальце, висевшее в простенке... Где ж была хозяйка этой смиренной девической кельи³? Страшная мысль мелькнула в уме моём: я вообразил её в руках у разбойников... Сердце моё сжалось... Я горько, горько заплакал и громко произнёс имя моей любезной... В эту минуту послышался лёгкий шум, и из-за шкафа явилась Палаша, бледная и трепещущая.

— Ах, Пётр Андреич! — сказала она, сплеснув руками. — Какой денёк! какие страсти!

— А Марья Ивановна? — спросил я нетерпеливо. — Что Марья Ивановна?

— Барышня жива, — отвечала Палаша. — Она спрятана у Акулины Памфиловны.

— У попадьи! — вскричал я с ужасом. — Боже мой! да там Пугачёв!..

Я бросился вон из комнаты, мигом очутился на улице и опрометью побежал в дом священника, ничего не видя и не чувствуя. Там раздавались крики, хохот и песни... Пугачёв пировал со своими товарищами. Палаша прибежала туда же за мною. Я подослал её вызвать тихонько Акулину Памфиловну. Через минуту попадьа вышла ко мне в сени с пустым штофом в руках.

¹ Пословица сложилась во времена монгольского нашествия на Русь. По имени одного из племён русские называли монголов татарами.

² *Кивот* (*киот*) — небольшой шкаф, подставка для икон.

³ *Келья* — здесь: небольшая комната уединённо живущего человека.

— Ради Бога! где Марья Ивановна? — спросил я с неизъяснимым волнением.

— Лежит, моя голубушка, у меня на кровати, там за перегородкою, — отвечала попадья. — Ну, Пётр Андреич, чуть было не стряслась беда, да, слава Богу, всё прошло благополучно: злодей только что уселся обедать, как она, моя бедняжка, очнётся да застонет!.. Я так и обмерла. Он услышал: «А кто это у тебя охает, старуха?» Я вору в пояс: «Племянница моя, государь; захворала, лежит, вот уж другая неделя». — «А молода твоя племянница?» — «Молода, государь». — «А покажи-ка мне, старуха, свою племянницу». У меня сердце так и ёкнуло, да нечего делать. «Изволь, государь; только девка-то не может встать и прийти к твоей милости». — «Ничего, старуха, я и сам пойду погляжу». И ведь пошёл окаянный за перегородку; как ты думаешь! ведь отдёрнул занавес, взглянул ястребиными своими глазами — и ничего... Бог вынес! А веришь ли, я и батька мой так уж и приготовились к мученической смерти. К счастью, она, моя голубушка, не узнала его. Господи Владыко, дождались мы праздника! Нечего сказать! бедный Иван Кузмич! кто бы подумал!.. А Василиса-то Егоровна? А Иван-то Игнатьич? Его-то за что?.. Как это вас пощадили? А каков Швабрин, Алексей Иванов? Ведь остригся в кружок и теперь у нас тут же с ними пирует! Проворен, нечего сказать! А как сказала я про больную племянницу, так он, веришь ли, так взглянул на меня, как бы ножом насквозь; однако не выдал, спасибо ему и за это.

В эту минуту раздались пьяные крики гостей и голос отца Герасима. Гости требовали вина, хозяин кликал сожительницу. Попадья расхлопоталась.

— Ступай себе домой, Пётр Андреич, — сказала она, — теперь не до вас; у злодеев попойка идёт. Беда, попадётесь под пьяную руку. Прощайте, Пётр Андреич. Что будет, то будет; авось Бог не оставит!

Попадья ушла. Несколько успокоенный, я отправился к себе на квартиру. Проходя мимо площади, я увидел несколько башкирцев, которые теснились около виселицы и стаскивали сапоги с повешенных; с трудом удержал я порыв негодования, чувствуя бесполезность заступления. По крепости бегали разбойники, грабя офицерские дома. Везде раздавались крики пьянствующих мятежников. Я пришёл домой. Савельич встретил меня у порога.

— Слава Богу! — вскричал он, увидя меня. — Я было думал, что злодеи опять тебя подхватили. Ну, батюшка Пётр Андреич! веришь ли? всё у нас разграбили, мошенники: платье, бельё, вещи, посуду —

ничего не оставили. Да что уж! Слава Богу, что тебя живого отпустили! А узнал ли ты, сударь, атамана?

— Нет, не узнал; а кто ж он такой?

— Как, батюшка? Ты и позабыл того пьяницу, который выманил у тебя тулуп на постоялом дворе? Заячий тулупчик совсем новёшенький; а он, бестия, его так и распорол, напяливая на себя!

Я изумился. В самом деле, сходство Пугачёва с моим вожатым было разительно. Я удостоверился, что Пугачёв и он были одно и то же лицо, и понял тогда причину пощады, мне оказанной. Я не мог не подивиться странному сцеплению обстоятельств: детский тулуп, подаренный бродяге, избавлял меня от петли, и пьяница, шатавшийся по постоялым дворам, осаждал крепости и потрясал государством!

— Не изволишь ли покушать? — спросил Савельич, неизменный в своих привычках. — Дома ничего нет, пойду пошарю да что-нибудь тебе изготовлю.

Оставшись один, я погрузился в размышления. Что мне было делать? Оставаться в крепости, подвластной злодею, или следовать за его шайкою было неприлично офицеру. Долг требовал, чтоб я явился туда, где служба моя могла ещё быть полезна отечеству в настоящих затруднительных обстоятельствах... Но любовь сильно советовала мне оставаться при Марье Ивановне и быть ей защитником и покровителем. Хотя я и предвидел скорую и несомненную перемену в обстоятельствах, но всё же не мог не трепетать, воображая опасность её положения.

Размышления мои были прерваны приходом одного из казаков, который прибежал с объявлением, «что-де великий государь требует тебя к себе».

— Где же он? — спросил я, готовясь повиноваться.

— В комендантском, — отвечал казак. — После обеда батюшка наш отправился в баню, а теперь отдыхает. Ну, ваше благородие, по всему видно, что персона знатная: за обедом скушать изволил двух жареных поросят, а парится так жарко, что и Тарас Курочкин не вытерпел, отдал веник Фомке Бикбаеву да насилу холодной водой откачался. Нечего сказать: все приёмы такие важные... А в бане, слышно, показывал царские свои знаки на грудях: на одной двуглавый орёл, величиною с пятак, а на другой персона его.

Я не почёл нужным оспаривать мнения казака и с ним вместе отправился в комендантский дом, заранее воображая себе свидание с Пугачёвым и стараясь предугадать, чем оно кончится. Читатель легко может себе представить, что я не был совершенно хладнокровен.

Начинало смеркаться, когда пришёл я к комендантскому дому. Виселица с своими жертвами страшно чернела. Тело бедной комендантши всё ещё валялось под крыльцом, у которого два казака стояли на карауле. Казак, приведший меня, отправился про меня доложить и, тотчас же воротившись, ввёл меня в ту комнату, где накануне так нежно прощался я с Марьей Ивановной.

Необыкновенная картина мне представилась. За столом, накрытым скатертью и установленным штофами и стаканами, Пугачёв и человек десять казацких старшин сидели, в шапках и цветных рубашках, разгорячённые вином, с красными рожам и блистающими глазами. Между ими не было ни Швабрина, ни нашего урядника, новобранных изменников. «А, ваше благородие! — сказал Пугачёв, увидя меня. — Добро пожаловать; честь и место, милости просим». Собеседники потеснились. Я молча сел на краю стола. Сосед мой, молодой казак, стройный и красивый, налил мне стакан простого вина, до которого я не коснулся.

С любопытством стал я рассматривать сборище. Пугачёв на первом месте сидел, облокотясь на стол и подпирая чёрную бороду своим широким кулаком. Черты лица его, правильные и довольно приятные, не изъясляли ничего свирепого. Он часто обращался к человеку лет пятидесяти, называя его то графом, то Тимофеичем, а иногда величая его дядюшкою. Все обходились между собою как товарищи и не оказывали никакого особенного предпочтения своему предводителю. Разговор шёл об утреннем приступе, об успехе возмущения и о будущих действиях. Каждый хвастал, предлагал свои мнения и свободно оспаривал Пугачёва.

И на сём странном военном совете решено было идти к Оренбургу: движение дерзкое, и которое чуть было не увенчалось бедственным успехом! Поход был объявлен к завтрашнему дню.

«Ну, братцы, — сказал Пугачёв, — затынем-ка на сон грядущий мою любимую песенку. Чумаков! Начинай!» — Сосед мой затынул тонким голосом заунывную бурлацкую песню, и все подхватили хором:

Не шуми, мати зелёная дубровушка,
Не мешай мне, доброму молодцу, думу думати.
Что завтра мне, доброму молодцу, в допрос идти
Перед грозного судью, самого царя.
Ещё станет государь-царь меня спрашивать:
Ты скажи, скажи, детинушка крестьянский сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал,

Ещё много ли с тобой было товарищей?
 Я скажу тебе, надежда православный царь,
 Всеё правду скажу тебе, всю истину,
 Что товарищей у меня было четверо:
 Ещё первый мой товарищ тёмная ночь,
 А второй мой товарищ булатный нож,
 А как третий-то товарищ, то мой добрый конь,
 А четвёртый мой товарищ, то тугой лук,
 Что рассыльщики мои, то калёны стрелы.
 Что возговорит надежда православный царь:
 Исполать¹ тебе, детинушка крестьянский сын,
 Что умел ты воровать, умел ответ держать!
 Я за то тебя, детинушка, пожалую
 Среди поля хоромами высокими,
 Что двумя ли столбами с перекладиной.

Невозможно рассказать, какое действие произвела на меня эта простонародная песня про виселицу, распеваемая людьми, обречёнными виселице. Их грозные лица, стройные голоса, унылое выражение, которое придавали они словам и без того выразительным, — всё потрясало меня каким-то пиитическим² ужасом.

Гости выпили ещё по стакану, встали из-за стола и простились с Пугачёвым. Я хотел за ними последовать, но Пугачёв сказал мне: «Сиди, я хочу с тобою переговорить». Мы остались глаз на глаз.

Несколько минут продолжалось обоюдное наше молчание. Пугачёв смотрел на меня пристально, изредка прищуривая левый глаз с удивительным выражением плутовства и насмешливости. Наконец он засмеялся, и с такою непритворной веселостью, что и я, глядя на него, стал смеяться, сам не зная чему.

— Что, ваше благородие? — сказал он мне. — Струсил ты, признайся, когда молодцы мои накинули тебе верёвку на шею? Я чаю³, небо с овчинку показалось... А покачался бы на перекладине, если б не твой слуга. Я тотчас узнал старого хрыча. Ну, думал ли ты, ваше благородие, что человек, который вывел тебя к умёту, был сам великий государь? (Тут он взял на себя вид важный и таинственный.) Ты крепко передо мною виноват, — продолжал он, — но я помиловал

¹ *Исполать* (устар.) — хвала, слава.

² *Пиитический* (устар.) — поэтический.

³ *Я чаю* — здесь: я думаю.

тебя за твою добродетель¹, за то, что ты оказал мне услугу, когда принуждён я был скрываться от своих недругов. То ли ещё увидишь! Так ли ещё тебя пожалую, когда получу своё государство! Обещаешься ли служить мне с усердием?

Вопрос мошенника и его дерзость показались мне так забавны, что я не мог не усмехнуться.

— Чему ты усмехаешься? — спросил он меня нахмурясь. — Или ты не веришь, что я великий государь? Отвечай прямо.

Я смутился. Признать бродягу государем был я не в состоянии: это казалось мне малодушием непростительным. Назвать его в глаза обманщиком — было подвергнуть себя погибели; и то, на что был я готов под виселицею в глазах всего народа и в первом пылу негодования, теперь казалось мне бесполезной хвастливостью. Я колебался. Пугачёв мрачно ждал моего ответа. Наконец (и ещё ныне с самодовольствием поминая эту минуту) чувство долга восторжествовало во мне над слабостию человеческою. Я отвечал Пугачёву:

— Слушай; скажу тебе всю правду. Рассуди, могу ли я признать в тебе государя? Ты человек смыслённый; ты сам увидел бы, что я лукавствую.

— Кто же я таков, по твоему разумению?

— Бог тебя знает; но кто бы ты ни был, ты шутишь опасную шутку.

Пугачёв взглянул на меня быстро. «Так ты не веришь, — сказал он, — чтоб я был государь Пётр Фёдорович? Ну, добро. А разве нет удачи удалому? Разве в старину Гришка Отрепьев² не царствовал? Думай про меня что хочешь, а от меня не отставай. Какое тебе дело до иного-прочего? Кто ни поп, тот батька. Послужи мне верой и правдою, и я тебя пожалую и в фельдмаршалы и в князья. Как ты думаешь?»

— Нет, — отвечал я с твёрдостью. — Я природный дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу. Коли ты в самом деле желаешь мне добра, так отпусти меня в Оренбург.

Пугачёв задумался. «А коли отпущу, — сказал он, — так обещаешься ли по крайней мере против меня не служить?»

— Как могу тебе в этом обещаться? — отвечал я. — Сам знаешь, не моя воля: велят идти против тебя — пойду, делать нечего. Ты теперь сам начальник; сам требуешь повиновения от своих. На

¹ *Добродетель* — добро, стремление к добру.

² *Григорий Отрепьев* — самозванец, ставленник польских панов, под именем Дмитрия, сына Ивана IV, захвативший в 1605 году русский престол. Убит в 1606 году во время народного восстания.

что это будет похоже, если я от службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя в твоей власти: отпустишь меня — спасибо; казнишь — Бог тебе судья; а я сказал тебе правду.

Моя искренность поразила Пугачёва. «Так и быть, — сказал он, ударя меня по плечу. — Казнить так казнить, миловать так миловать. Ступай себе на все четыре стороны и делай что хочешь. Завтра приходи со мною проститься, а теперь ступай себе спать, и меня уж дрема клонит».

Я оставил Пугачёва и вышел на улицу. Ночь была тихая и морозная. Месяц и звёзды ярко сияли, освещая площадь и виселицу. В крепости всё было спокойно и темно. Только в кабаке светился огонь и раздавались крики запоздалых гуляк. Я взглянул на дом священника. Ставни и ворота были заперты. Казалось, всё в нём было тихо.

Я пришёл к себе на квартиру и нашёл Савельича, горюющего по моём отсутствию. Весть о свободе моей обрадовала его несказанно. «Слава Тебе, Владыко! — сказал он, перекрестившись. — Чем свет оставим крепость и пойдём куда глаза глядят. Я тебе кое-что заготовил; покушай-ка, батюшка, да и почивай себе до утра, как у Христа за пазушкой».

Я последовал его совету и, поужинав с большим аппетитом, заснул на голом полу, утомлённый душевно и физически.

Глава IX Разлука

Сладко было спознаваться
Мне, прекрасная, с тобой;
Грустно, грустно расставаться,
Грустно, будто бы с душой.

Херасков¹.

Рано утром разбудил меня барабан. Я пошёл на сборное место. Там строились уже толпы пугачёвские около виселицы, где всё ещё висели вчерашние жертвы. Казаки стояли верхами, солдаты под ружьём. Знамёна развевались. Несколько пушек, между коих узнал я и нашу, поставлены были на походные лафеты. Все жители находились тут же, ожидая самозванца. У крыльца комендантского дома казак держал под уздцы прекрасную белую лошадь киргизской породы. Я искал глазами тело комендантши. Оно было отнесено немного в сто-

¹ *Херасков Михаил Матвеевич* (1733—1807) — русский поэт и драматург.

рону и прикрыто рогожею. Наконец Пугачёв вышел из сеней. Народ снял шапки. Пугачёв остановился на крыльце и со всеми поздоровался. Один из старшин подал ему мешок с медными деньгами, и он стал их метать пригоршнями. Народ с криком бросался их подбирать, и дело обошлось не без увечья. Пугачёва окружили главные из его сообщников. Между ими стоял и Швабрин. Взоры наши встретились; в моём он мог прочесть презрение, и он отворотился с выражением искренней злобы и притворной насмешливости. Пугачёв, увидев меня в толпе, кивнул мне головою и подозвал к себе. «Слушай, — сказал он мне. — Ступай сей же час в Оренбург и объяви от меня губернатору и всем генералам, чтоб ожидали меня к себе через неделю. Присоветуй им встретить меня с детскою любовью и послушанием; не то не избежать им лютой казни. Счастливый путь, ваше благородие!» Потом обратился он к народу и сказал, указывая на Швабрина: «Вот вам, детушки, новый командир. Слушайтесь его во всём, а он отвечает мне за вас и за крепость». С ужасом услышал я сии слова: Швабрин делался начальником крепости; Марья Ивановна оставалась в его власти! Боже, что с нею будет! Пугачёв сошёл с крыльца. Ему подвели лошадь. Он проворно вскочил в седло, не дождавшись казаков, которые хотели было посадить его.

В это время из толпы народа, вижу, выступил мой Савельич, подходит к Пугачёву и подаёт ему лист бумаги. Я не мог придумать, что из того выйдет. «Это что?» — спросил важно Пугачёв. «Прочитай, так изволишь увидеть», — отвечал Савельич. Пугачёв принял бумагу и долго рассматривал с видом значительным. «Что ты так мудрёно пишешь? — сказал он наконец. — Наши светлые очи не могут тут ничего разобрать. Где мой обер-секретарь¹?»

Молодой малый в капральском мундире проворно подбежал к Пугачёву. «Читай вслух», — сказал самозванец, отдавая ему бумагу. Я чрезвычайно любопытствовал узнать, о чём дядька мой вздумал писать Пугачёву. Обер-секретарь громогласно стал по складам читать следующее:

— «Два халата, миткалевый² и шёлковый полосатый, на шесть рублей».

— Это что значит? — сказал, нахмурясь, Пугачёв.

— Прикажи читать далее, — отвечал спокойно Савельич.

Обер-секретарь продолжал:

¹ *Обер-секретарь* — главный секретарь.

² *Миткаль* — дешёвая хлопчатобумажная ткань.

— «Мундир из тонкого зелёного сукна, на семь рублей. Штаны белые суконные, на пять рублей.

Двенадцать рубах полотняных голландских с манжетами, на десять рублей.

Погребец с чайною посудой, на два рубля с полтиною...»

— Что за враньё? — прервал Пугачёв. — Какое мне дело до погребцов и до штанов с манжетами?

Савельич крикнул и стал объясняться. «Это, батюшка, изволишь видеть, реестр¹ барскому добру, раскраденному злодеями...»

— Какими злодеями? — спросил грозно Пугачёв.

— Виноват: обмолвился, — отвечал Савельич. — Злодеи не злодеи, а твои ребята таки пошарили да порастаскали. Не гневись: конь и о четырёх ногах да спотыкается. Прикажи уж дочитать.

— Дочитывай, — сказал Пугачёв.

Секретарь продолжал:

— «Одеяло ситцевое, другое тафтяное², на хлопчатой бумаге, чептыре рубля.

Шуба лисья, крытая алым ратином³, 40 рублей.

Ещё заячий тулупчик, пожалованный твоей милости на постоялом дворе, 15 рублей».

— Это что ещё! — вскричал Пугачёв, сверкнув огненными глазами.

Признаюсь, я перепугался за бедного моего дядьку. Он хотел было пуститься опять в объяснения, но Пугачёв его прервал: «Как ты смел лезть ко мне с такими пустяками? — вскричал он, выхватя бумагу из рук секретаря и бросив её в лицо Савельичу. — Глупый старик! Их обобрали: экая беда! Да ты должен, старый хрыч, вечно Бога молить за меня да за моих ребят за то, что ты и с барином-то своим не висите здесь вместе с моими ослушниками... Заячий тулуп! Я-те дам заячий тулуп! Да знаешь ли ты, что я с тебя живого кожу велю содрать на тулупы?»

— Как изволишь, — отвечал Савельич, — а я человек подневольный и за барское добро должен отвечать.

Пугачёв был, видно, в припадке великодушия. Он отворотился и отъехал, не сказав более ни слова. Швабрин и старшины последовали за ним. Шайка выступила из крепости в порядке. Народ пошёл провожать Пугачёва. Я остался на площади один с Савельичем.

¹ *Реэстр* — список, перечень.

² *Тафта* — тонкая глянцеви́тая шёлковая ткань.

³ *Ратин* — шерстяная ткань для верхней одежды.

Дядька мой держал в руках свой реестр и рассматривал его с видом глубокого сожаления.

Видя моё доброе согласие с Пугачёвым, он думал употребить оное в пользу; но мудрое намерение ему не удалось. Я стал было его бранить за неуместное усердие и не мог удержаться от смеха.

— Смейся, сударь, — отвечал Савельич, — смейся; а как придётся нам сызнова заводиться всем хозяйством, так посмотрим, смешно ли будет.

Я спешил в дом священника увидаться с Марьей Ивановной. Попадья встретила меня с печальным известием. Ночью у Марьи Ивановны открылась сильная горячка. Она лежала без памяти и в бреду. Попадья ввела меня в её комнату. Я тихо подошёл к её кровати. Перемена в её лице поразила меня. Больная меня не узнала. Долго стоял я перед нею, не слушая ни отца Герасима, ни доброй жены его, которые, кажется, меня утешали. Мрачные мысли волновали меня. Состояние бедной, незащитной сироты, оставленной посреди злобных мятежников, собственное моё бессилие устрашали меня. Швабрин, Швабрин пуще всего терзал моё воображение. Облечённый властью от самозванца, предводительствуя в крепости, где оставалась несчастная девушка — невинный предмет его ненависти, он мог решиться на всё. Что мне было делать? Как подать ей помощь? Как освободить из рук злодея? Оставалось одно средство: я решился тот же час отправиться в Оренбург, дабы торопить освобождение Белогорской крепости и по возможности тому содействовать. Я простился с священником и с Акулиной Памфиловной, с жаром поручая ей ту, которую почитал уже своею женою. Я взял руку бедной девушки и поцеловал её, орошая слезами. «Прощайте, — говорила мне попадья, провожая меня, — прощайте, Пётр Андреич. Авось увидимся в лучшее время. Не забывайте нас и пишите к нам почаще. Бедная Марья Ивановна, кроме вас, не имеет теперь ни утешения, ни покровителя».

Вышед на площадь, я остановился на минуту, взглянул на виселицу, поклонился ей, вышел из крепости и пошёл по Оренбургской дороге, сопровождаемый Савельичем, который от меня не отставал... Я шёл, занятый своими размышлениями, как вдруг услышал за собою конский топот. Оглянулся; вижу: из крепости скачет казак, держа башкирскую лошадь в поводья и делая издали мне знаки. Я остановился и вскоре узнал нашего урядника. Он, подскакав, слез с своей лошади и сказал, отдавая мне поводья другой:

— Ваше благородие! Отец наш вам жалуёт лошадь и шубу с своего плеча (к седлу привязан был овчинный тулуп). Да ещё, — прибавил, запинаясь, урядник, — жалуёт он вам... полтину денег... да я растерял её дорогою: простите великодушно.

Савельич посмотрел на него косо и проворчал:

— Растерял дорогою! А что же у тебя побрякивает за пазухой? Бессовестный!

— Что у меня за пазухой-то побрякивает? — возразил урядник, нимало не смутясь. — Бог с тобою, старинушка! Это бренчит уздечка, а не полтина.

— Добро, — сказал я, прерывая спор. — Благодарю от меня того, кто тебя прислал; а растерянную полтину постарайся подобрать на возвратном пути и возьми себе на водку.

— Очень благодарен, ваше благородие, — отвечал он, поворачивая свою лошадь, — вечно за вас буду Бога молить.

При сих словах он поскакал назад, держась одной рукою за пазуху, и через минуту скрылся из виду.

Я надел тулуп и сел верхом, посадив за собою Савельича.

— Вот видишь ли, сударь, — сказал старик, — что я недаром подал мошеннику челобитье¹: вору-то стало совестно, хоть башкирская долговязая кляча да овчинный тулуп не стоят и половины того, что они, мошенники, у нас украли, и того, что ты сам изволил пожаловать; да всё же пригодится, а с лихой собаки хоть шерсти клок.

Глава X Осада города

Заняв луга и горы,
С вершины, как орёл, бросал
на град он взоры.
За станом² повелел соорудить раскат³,
в нём перуны⁴ скрыв, в нощи⁵
привесть под град.

Херасков.

Приближаясь к Оренбургу, увидели мы толпу колодников⁶ с обритыми головами, с лицами, обезображенными щипцами палача. Они работали около укреплений под надзором гарнизонных инвалидов.

¹ *Челобитье* (устар.) — прошение (от *бить челом* — кланяться до земли).

² *Стан* — лагерь.

³ *Раскат* — плоская насыпь для установки пушек.

⁴ *Перун* — бог грома в древнеславянской мифологии. Здесь под перунами подразумеваются пушки.

⁵ *В нощи* (устар.) — ночью.

⁶ *Колодник* — арестант, узник в колодках.

Иные вывозили в тележках сор, наполнявший ров; другие лопатками копали землю; на валу каменщики таскали кирпичи и чинили городскую стену. У ворот часовые остановили нас и потребовали наших паспортов. Как скоро сержант услышал, что я еду из Белогорской крепости, то повёл меня прямо в дом генерала.

Я застал его в саду. Он осматривал яблони, обнажённые дыханием осени, и с помощью старого садовника бережно их укутывал тёплой соломой. Лицо его изображало спокойствие, здоровье и добродушие. Он мне обрадовался и стал расспрашивать об ужасных происшествиях, коим¹ я был свидетель. Я рассказал ему всё. Старик слушал меня со вниманием и между тем отрезывал сухие ветви. «Бедный Миронов! — сказал он, когда кончил я свою печальную повесть. — Жаль его: хороший был офицер. И мадам Миронов добрая была дама и какая майстерица грибы солить! А что Маша, капитанская дочка?» Я отвечал, что она осталась в крепости на руках у попадьи. «Ай, ай, ай! — заметил генерал. — Это плохо, очень плохо. На дисциплину разбойников никак нельзя положиться. Что будет с бедной девушкой?» Я отвечал, что до Белогорской крепости недалеко и что, вероятно, его превосходительство не замедлит выслать войско для освобождения бедных её жителей. Генерал покачал головою с видом недоверчивости. «Посмотрим, посмотрим, — сказал он. — Об этом мы ещё успеем потолковать. Прошу ко мне пожаловать на чашку чаю: сегодня у меня будет военный совет. Ты можешь нам дать верные сведения о бездельнике Пугачёве и об его войске. Теперь покамест поди отдохни».

Я пошёл на квартиру, мне отведённую, где Савельич уже хозяйничал, и с нетерпением стал ожидать назначенного времени. Читатель легко себе представит, что я не преминул² явиться на совет, долженствовавший иметь такое влияние на судьбу мою. В назначенный час я уже был у генерала.

Я застал у него одного из городских чиновников, помнится, директора таможи³, толстого и румяного старичка в глазетовом⁴ кафтане. Он стал расспрашивать меня о судьбе Ивана Кузмича, которого называл кумом, и часто прерывал мою речь дополнительными вопросами и нравоучительными замечаниями, которые если и не обличали в нём человека сведущего в военном искусстве, то по крайней мере

¹ *Кѡим* (устар.) — которым.

² *Не преминул* (устар.) — не забыл.

³ *Тамѡжня* — учреждение для контроля за провозом товаров через границу.

⁴ *Глазѣт* — узорчатая шёлковая ткань.

обнаруживали сметливость и природный ум. Между тем собрались и прочие приглашённые. Между ими, кроме самого генерала, не было ни одного военного человека. Когда все уселись и всем разнесли по чашке чаю, генерал изложил весьма ясно и пространно, в чём состояло дело. «Теперь, господа, — продолжал он, — надлежит решить, как нам действовать противу мятежников: *наступательно* или *оборонительно*? Каждый из оных способов имеет свою выгоду и невыгоду. Действие наступательное представляет более надежды на скорейшее истребление неприятеля; действие оборонительное более верно и безопасно... Итак, начнём собирать голоса по законному порядку, то есть начиная с младших по чину. Г-н прапорщик¹! — продолжал он, обращаясь ко мне. — Извольте объяснить нам ваше мнение». Я встал и, в коротких словах описав сперва Пугачёва и шайку его, сказал утвердительно, что самозванцу способа не было устоять противу правильного оружия².

Мнение моё было принято чиновниками с явною неблагосклонностию. Они видели в нём опрометчивость и дерзость молодого человека. Поднялся ропот, и я услышал явственно слово «молокосос», произнесённое кем-то вполголоса. Генерал обратился ко мне и сказал с улыбкою: «Господин прапорщик! Первые голоса на военных советах подаются обыкновенно в пользу движений наступательных: это законный порядок. Теперь станем продолжать соби́рание голосов. Господин коллежский советник³, скажите нам ваше мнение!»

Старичок в глазетовом кафтане поспешно допил третью свою чашку, значительно разбавленную ромом, и отвечал генералу: «Я думаю, ваше превосходительство, что не должно действовать ни наступательно, ни оборонительно».

— Как же так, господин коллежский советник? — возразил изумлённый генерал. — Других способов тактика⁴ не представляет: движение оборонительное или наступательное...

— Ваше превосходительство, двигайтесь подкупательно.

— Эх-хе-хе! мнение ваше весьма благоразумно. Движения подкупательные тактикою допускаются, и мы воспользуемся вашим советом. Можно будет обещать за голову бездельника... рублей семьдесят или даже сто... из секретной суммы...

¹ *Прапорщик* — младший офицерский чин в царской армии.

² *Правильное оружие* — здесь: регулярные войска.

³ *Коллежский советник* — гражданский чин VI класса (по Табели о рангах).

⁴ *Тактика* — наука о ведении боя.

— И тогда, — прервал таможенный директор, — будь я киргизский баран, а не коллежский советник, если эти воры не выдадут нам своего атамана, скованного по рукам и по ногам.

— Мы ещё об этом подумаем и потолкуем, — отвечал генерал. — Однако надлежит во всяком случае предпринять и военные меры. Господа, подайте голоса ваши по законному порядку.

Все мнения оказались противными моему. Все чиновники говорили о ненадёжности войск, о неверности удачи, об осторожности и тому подобном. Все полагали, что благоразумнее оставаться под прикрытием пушек за крепкой каменной стеною, нежели на открытом поле испытывать счастье оружия. Наконец генерал, выслушав все мнения, вытряхнул пепел из трубки и произнёс следующую речь:

— Государи мои! должен я вам объяснить, что с моей стороны я совершенно с мнением господина прапорщика согласен: ибо мнение сие основано на всех правилах здоровой тактики, которая всегда почти наступательные движения оборонительным предпочитает.

Тут он остановился и стал набивать свою трубку. Самолюбие моё торжествовало. Я гордо посмотрел на чиновников, которые между собой перешёптывались с видом неудовольствия и беспокойства.

— Но, государи мои, — продолжал он, выпустив вместе с глубоким вздохом густую струю табачного дыму. — Я не смею взять на себя столь великую ответственность, когда дело идёт о безопасности вверенных мне провинций её императорским величеством, всемилостивейшей моею государыней. Итак, я соглашаюсь с большинством голосов, которое решило, что всего благоразумнее и безопаснее внутри города ожидать осады, а нападения неприятеля силой артиллерии и (буде окажется возможным) вылазками — отражать.

Чиновники, в свою очередь, насмешливо поглядели на меня. Совет разошёлся. Я не мог не сожалеть о слабости почтенного воина, который, наперекор собственному убеждению, решился следовать мнению людей несведущих и неопытных.

Спустя несколько дней после сего знаменитого совета узнали мы, что Пугачёв, верный своему обещанию, приближался к Оренбургу. Я увидел войско мятежников с высоты городской стены. Мне показалось, что число их вдесятеро увеличилось со времени последнего приступа, коему был я свидетель. При них была и артиллерия, взятая Пугачёвым в малых крепостях, им уже покорённых. Вспомня решение совета, я предвидел долговременное заключение в стенах оренбургских и чуть не плакал от досады.

Не стану описывать оренбургскую осаду, которая принадлежит истории, а не семейственным запискам. Скажу вкратце, что осада по неосторожности местного начальства была гибельна для жителей, которые претерпели голод и всевозможные бедствия. Легко можно себе вообразить, что жизнь в Оренбурге была самая несносная. Все с унынием ожидали решения своей участи; все охали от дороговизны, которая в самом деле была ужасна. Жители привыкли к ядрам, залетающим на их дворы; даже приступы Пугачёва уже не привлекали общего любопытства. Я умирал от скуки. Время шло. Писем из Белогорской крепости я не получал. Все дороги были отрезаны. Разлука с Марьей Ивановной становилась мне нестерпима. Неизвестность о её судьбе меня мучила. Единственное развлечение моё состояло в наездничестве. По милости Пугачёва, я имел добрую лошадь, с которой делился скудной пищею и на которой ежедневно выезжал я за город перестреливаться с пугачёвскими наездниками. В этих перестрелках перевес был обыкновенно на стороне злодеев, сытых, пьяных и добродетельных. Тощая городская конница не могла их одолеть. Иногда выходила в поле и наша голодная пехота, но глубина снега мешала ей действовать удачно против рассеянных наездников. Артиллерия тщетно гремела с высоты вала, а в поле вязла и не двигалась по причине изнурения лошадей. Таков был образ наших военных действий! И вот что оренбургские чиновники называли осторожностью и благоразумием!

Однажды, когда удалось нам как-то рассеять и прогнать довольно густую толпу, наехал я на казака, отставшего от своих товарищей; я готов был уже ударить его своею турецкою саблею, как вдруг он снял шапку и закричал: «Здравствуйте, Пётр Андреич! Как вас Бог милует?»

Я взглянул и узнал нашего урядника. Я несказанно ему обрадовался. «Здравствуй, Максимыч, — сказал я ему. — Давно ли из Белогорской?»

— Недавно, батюшка Пётр Андреич; только вчера воротился. У меня есть к вам письмо.

— Где же оно? — вскричал я, весь так и вспыхнув.

— Со мною, — отвечал Максимыч, положив руку за пазуху. — Я обещался Палаше уж как-нибудь да вам доставить. — Тут он подал мне сложенную бумажку и тотчас ускакал. Я развернул её и с трепетом прочёл следующие строки:

«Богу угодно было лишить меня вдруг отца и матери: не имею на земле ни родни, ни покровителей. Прибегаю к вам, зная, что вы всег-

да желали мне добра и что вы всякому человеку готовы помочь. Молю Бога, чтоб это письмо как-нибудь до вас дошло! Максимыч обещал вам его доставить. Палаша слышала также от Максимыча, что вас он часто издали видит на вылазках и что вы совсем себя не бережёте и не думаете о тех, которые за вас со слезами Бога молят. Я долго была больна; а когда выздоровела, Алексей Иванович, который командует у нас на месте покойного батюшки, принудил отца Герасима выдать меня ему, застрадав Пугачёвым. Я живу в нашем доме под караулом. Алексей Иванович принуждает меня выйти за него замуж. Он говорит, что спас мне жизнь, потому что прикрыл обман Акулины Памфиловны, которая сказала злодеям, будто бы я её племянница. А мне легче было бы умереть, нежели сделаться женою такого человека, каков Алексей Иванович. Он обходится со мною очень жестоко и грозитя, коли не одумаюсь и не соглашусь, то привезёт меня в лагерь к злодею, и с вами-де то же будет, что с Лизаветой Харловой¹. Я просила Алексея Ивановича дать мне подумать. Он согласился ждать ещё три дня; а коли через три дня за него не выду, так уж никакой пощады не будет. Батюшка Пётр Андреич! вы один у меня покровитель, заступитесь за меня, бедную. Упросите генерала и всех командиров прислать к нам поскорее сикурсу да приезжайте сами, если можете. Остаюсь вам покорная бедная сирота

Марья Миронова».

Прочитав это письмо, я чуть с ума не сошёл. Я пустился в город, без милосердия прищпоривая бедного моего коня. Дорогою придумывал я и то и другое для избавления бедной девушки и ничего не мог выдумать. Прискакав в город, я отправился прямо к генералу и опрометью к нему вбежал. Генерал ходил взад и вперёд по комнате, куря свою пенковую² трубку. Увидя меня, он остановился. Вероятно, вид мой поразил его; он заботливо осведомился о причине моего поспешного прихода.

— Ваше превосходительство, — сказал я ему, — прибегаю к вам, как к отцу родному; ради Бога, не откажите мне в моей просьбе: дело идёт о счастье всей моей жизни.

— Что такое, батюшка? — спросил изумлённый старик. — Что я могу для тебя сделать? Говори.

¹ *Лизавета Харлова* — жена коменданта Нижнеозёрной крепости, убитая пугачёвцами (историческое лицо).

² *Пенковый* — изготовленный из пенки — лёгкого огнестойкого материала.

— Ваше превосходительство, прикажите взять мне роту солдат и полсотни казаков и пустите меня очистить Белогорскую крепость.

Генерал глядел на меня пристально, полагая, вероятно, что я с ума сошёл (в чём почти не ошибался).

— Как это? Очистить Белогорскую крепость? — сказал он наконец.

— Ручаюсь вам за успех, — отвечал я с жаром. — Только отпустите меня.

— Нет, молодой человек, — сказал он, качая головою. — На таком великом расстоянии неприятелю легко будет отрезать вас от коммуникаций¹ с главным стратегическим пунктом² и получить над вами совершенную победу. Пересечённая коммуникация...

Я испугался, увидя его завлечённого в военные рассуждения, и спешил его прервать.

— Дочь капитана Миронова, — сказал я ему, — пишет ко мне письмо; она просит помощи; Швабрин принуждает её выйти за него замуж.

— Неужто? О, этот Швабрин превеликий Schelm³, и если попадётся ко мне в руки, то я велю его судить в двадцать четыре часа, и мы расстреляем его на парапете⁴ крепости. Но покамест надобно взять терпение...

— Взять терпение! — вскричал я вне себя. — А он между тем женится на Марье Ивановне!..

— О! — возразил генерал. — Это ещё не беда: лучше ей быть покамест женою Швабрина; он теперь может оказать ей протекцию⁵, а когда его расстреляем, тогда, Бог даст, сыщутся ей и женишки. Миленькие вдовушки в девках не сидят, то есть, хотел я сказать, что вдовушка скорее найдёт себе мужа, нежели девица.

— Скорее соглашусь умереть, — сказал я в бешенстве, — нежели уступить её Швабрину!

— Ба, ба, ба, ба! — сказал старик. — Теперь понимаю: ты, видно, в Марью Ивановну влюблён. О, дело другое! Бедный малый! Но всё же я никак не могу дать тебе роту солдат и полсотни казаков. Эта экспедиция была бы неблагоприятна; я не могу взять её на свою ответственность.

Я потупил голову; отчаяние мною овладело. Вдруг мысль мелькнула в голове моей: в чём она состояла, читатель увидит из следующей главы, как говорят старинные романисты.

¹ Коммуникация — сообщение, связь; здесь: пути сообщения.

² Стратегический пункт — место, район, имеющий важное военное значение.

³ Шельма, мошенник (нем.).

⁴ Парапет — здесь: вал, прикрытие от вражеских пуль и ядер.

⁵ Протекция — покровительство, поддержка.

Глава XI

Мятежная слобода

В ту пору лев был сыт, хоть с роду он свиреп.
«Зачем пожаловать изволил в мой вертеп¹?» —
Спросил он ласково.

А. Сумароков².

Я оставил генерала и поспешил на свою квартиру. Савельич встретил меня с обыкновенным своим увещанием. «Охота тебе, сударь, переводываться³ с пьяными разбойниками! Боярское ли это дело? Не ровён час: ни за что пропадёшь. И добро бы уж ходил ты на турку или на шведа, а то грех и сказать на кого».

Я прервал его речь вопросом: «Сколько у меня всего-навсе денег?» — «Будет с тебя, — отвечал он с довольным видом. — Мошенники как там ни шарили, а я всё-таки успел утаить». И с этим словом он вынул из кармана длинный вязаный кошелек, полный серебра. «Ну, Савельич, — сказал я ему, — отдай же мне теперь половину; а остальное возьми себе. Я еду в Белогорскую крепость».

— Батюшка Пётр Андреич! — сказал добрый дядька дрожащим голосом. — Побойся Бога; как тебе пускаться в дорогу в нынешнее время, когда никуда проезду нет от разбойников! Пожалей ты хоть своих родителей, коли сам себя не жалеешь. Куда тебе ехать? Зачем? Погоди маленько: войска придут, переловят мошенников; тогда поезжай себе хоть на все четыре стороны.

Но намерение моё было твёрдо принято.

— Поздно рассуждать, — отвечал я старику. — Я должен ехать, я не могу не ехать. Не тужи, Савельич: Бог милостив; авось увидимся! Смотри же, не совестись и не скупись. Покупай, что тебе будет нужно, хоть втридорога. Деньги эти я тебе дарю. Если через три дня не ворочусь...

— Что ты это, сударь? — прервал меня Савельич. — Чтоб я тебя пустил одного! Да этого и во сне не проси. Коли ты уж решился ехать, то я хоть пешком да пойду за тобой, а тебя не покину. Чтоб я стал без тебя сидеть за каменной стеною! Да разве я с ума сошёл? Воля твоя, сударь, а я от тебя не отстану.

Я знал, что с Савельичем спорить было нечего, и позволил ему приготовляться в дорогу. Через полчаса я сел на своего доброго коня,

¹ *Вертеп* (старослав.) — пещера.

² Этот эпиграф сочинён Пушкиным и приписан Сумарокову.

³ *Переводываться* — здесь: перестреливаться, выходить на посидинки.

а Савельич на тощую и хромую клячу, которую даром отдал ему один из городских жителей, не имея более средств кормить её. Мы приехали к городским воротам; караульные нас пропустили; мы выехали из Оренбурга.

Начинало смеркаться. Путь мой шёл мимо Бердской слободы, пристанища пугачёвского. Прямая дорога занесена была снегом, но по всей степи видны были конские следы, ежедневно обновляемые. Я ехал крупной рысью. Савельич едва мог следовать за мною издали и кричал мне поминутно: «Потише, сударь, ради Бога потише! Проклятая клячка моя не успевает за твоим долгоногим бесом. Куда спешишь? Добро бы на пир, а то под обух, того и гляди... Пётр Андреич... батюшка Пётр Андреич!.. Не погуби!.. Господи Владыко, пропадёт барское дитя!»

Вскоре засверкали бердские огни. Мы подъехали к оврагам, естественным укреплениям слободы. Савельич от меня не отставал, не прерывая жалобных своих молений. Я надеялся объехать слободу благополучно, как вдруг увидел в сумраке прямо перед собой человек пять мужиков, вооружённых дубинами: это был передовой караул пугачёвского пристанища. Нас окликали. Не зная пароля, я хотел молча проехать мимо их; но они меня тотчас окружили, и один из них схватил лошадь мою за узду. Я выхватил саблю и ударил мужика по голове: шапка спасла его, однако он зашатался и выпустил из рук узду. Прочие смутились и отбежали; я воспользовался этой минутой, прищипорил лошадь и поскакал.

Темнота приближающейся ночи могла избавить меня от всякой опасности, как вдруг, оглянувшись, увидел я, что Савельича со мною не было. Бедный старик на своей хромой лошади не мог ускакать от разбойников. Что было делать? Подождав его несколько минут и удостоверясь в том, что он задержан, я повернул лошадь и отправился его выручать.

Подъезжая к оврагу, услышал я издали шум, крики и голос моего Савельича. Я поехал скорее и вскоре очутился снова между караульными мужиками, остановившими меня несколько минут тому назад. Савельич находился между ими. Они стащили старика с его клячи и готовились вязать. Прибытие моё их обрадовало. Они с криком бросились на меня и мигом стащили с лошади. Один из них, по-видимому, главный, объявил нам, что он сейчас поведёт нас к государю. «А наш батюшка, — прибавил он, — волен приказать: сейчас ли вас повесить, али дожидаться свету Божия». Я не противился; Савельич последовал моему примеру, и караульные повели нас с торжеством.

Мы перебрались через овраг и вступили в слободу. Во всех избах горели огни. Шум и крики раздавались везде. На улице я встретил множество народу; но никто в темноте нас не заметил и не узнал во мне оренбургского офицера. Нас привели прямо к избе, стоявшей на углу перекрёстка. У ворот стояло несколько винных бочек и две пушки. «Вот и дворец, — сказал один из мужиков, — сейчас об вас доложим». Он вошёл в избу. Я взглянул на Савельича; старик крестился, читая про себя молитву. Я дожидался долго; наконец мужик воротился и сказал мне: «Ступай; наш батюшка велел впустить офицера».

Я вошёл в избу, или во дворец, как называли её мужики. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотом бумагой; впрочем, лавки, стол, рукомойник на верёвочке, полотенце на гвозде, ухват в углу и широкий шесток¹, уставленный горшками, — всё было как в обыкновенной избе. Пугачёв сидел под образами, в красном кафтане, в высокой шапке и важно подбочась. Около него стояло несколько из главных его товарищей, с видом притворного подобострастия. Видно было, что весть о прибытии офицера из Оренбурга пробудила в бунтовщиках сильное любопытство и что они приготовились встретить меня с торжеством. Пугачёв узнал меня с первого взгляда. Поддельная важность его вдруг исчезла. «А, ваше благородие! — сказал он мне с живостию. — Как поживаешь? Зачем тебя Бог принёс?» Я отвечал, что ехал по своему делу и что люди его меня остановили. «А по какому делу?» — спросил он меня. Я не знал, что отвечать. Пугачёв, полагая, что я не хочу объясняться при свидетелях, обратился к своим товарищам и велел им выйти. Все послушались, кроме двух, которые не тронулись с места. «Говори смело при них, — сказал мне Пугачёв, — от них я ничего не таю». Я взглянул наискосок на наперсников² самозванца. Один из них, тщедушный и сгорбленный старичок с седой бородкой, не имел в себе ничего замечательного, кроме голубой ленты, надетой чрез плечо³ по серому армяку. Но ввек не забуду его товарища. Он был высокого роста, дороден и широкоплеч, и показался мне лет сорока пяти. Густая рыжая борода, серые сверкающие глаза, нос без ноздрей и красноватые пятна на лбу и на щеках придавали его рябому широкому лицу выражение неизъяснимое. Он был в красной рубахе, в киргизском халате и в

¹ *Шесток* — площадка в передней части русской печи.

² *Наперсник* (устар.) — любимец, человек, пользующийся особым доверием.

³ Пугачёв выдавал своих приближённых за царских вельмож. Голубую ленту через плечо носили награждённые высшим орденом — Андреем Первозванного.

казацких шароварах. Первый (как узнал я после) был беглый капрал Белобородов; второй — Афанасий Соколов (прозванный Хлопушей¹), ссыльный преступник, три раза бежавший из сибирских рудников. Несмотря на чувства, исключительно меня волновавшие, общество, в котором я так нечаянно очутился, сильно развлекало моё воображение. Но Пугачёв привёл меня в себя своим вопросом: «Говори, по какому же делу выехал ты из Оренбурга?»

Странная мысль пришла мне в голову: мне показалось, что провидение², вторично приведшее меня к Пугачёву, подавало мне случай привести в действие моё намерение. Я решился им воспользоваться и, не успев обдумать то, на что решался, отвечал на вопрос Пугачёва:

— Я ехал в Белогорскую крепость избавить сироту, которую там обижают.

Глаза у Пугачёва засверкали. «Кто из моих людей смеет обижать сироту? — закричал он. — Будь он семи пядень во лбу, а от суда моего не уйдёт. Говори: кто виноватый?»

— Швабрин виноватый, — отвечал я. — Он держит в неволе ту девушку, которую ты видел, больную, у попадьи, и насильно хочет на ней жениться.

— Я проучу Швабрина, — сказал Пугачёв. — Он узнает, каково у меня своевольничать и обижать народ. Я его повешу.

— Прикажи слово молвить, — сказал Хлопуша хриплым голосом. — Ты поторопился назначить Швабрина в коменданты крепости, а теперь торопишься его вешать. Ты уж оскорбил казаков, посадив дворянина им в начальники; не пугай же дворян, казня их по первому наговору³.

— Нечего их ни жалеть, ни жаловать! — сказал старичок в голубой ленте. — Швабрина сказнить не беда; а не худо и господина офицера допросить порядком: зачем изволил пожаловать. Если он тебя государем не признаёт, так нечего у тебя и управы искать; а коли признаёт, что же он до сегодняшнего дня сидел в Оренбурге с твоими супостатами⁴? Не прикажешь ли свести его в приказную⁵ да запалить там огоньку: мне сдаётся, что его милость подослан к нам от оренбургских командиров.

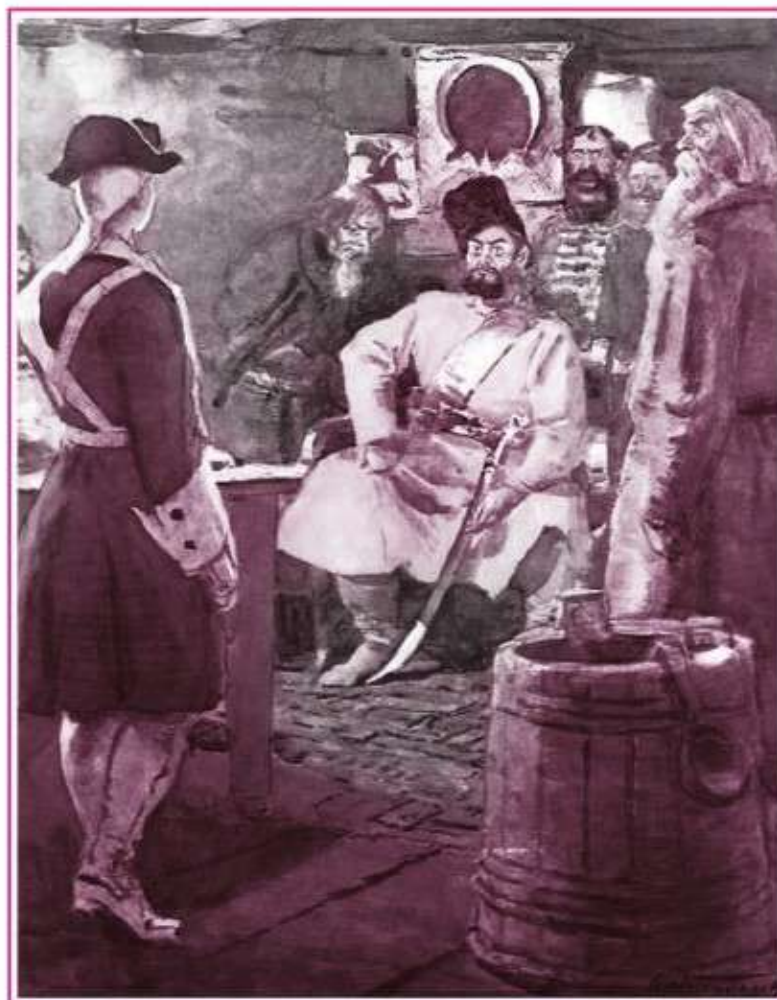
¹ *Белоборóдов* и *Хлопýша* — видные участники Пугачёвского восстания (исторические лица).

² *Прови́дение* — высшая Божественная сила, судьба.

³ *Наговóр* — поклёп, клевета.

⁴ *Супостáт* (устар.) — враг.

⁵ *Приказна́я* (*приказна́я изба́*) — помещение, где допрашивали арестованных.

«Капитанская дочка». Пугачёв в Бердской слободе.
Художник С. Герасимов. 1951 г.

Логика старого злодея показалась мне довольно убедительной. Мороз пробежал по всему моему телу при мысли, в чьих руках я находился. Пугачёв заметил моё смущение. «Ась, ваше благородие? — сказал он мне, подмигивая. — Фельдмаршал мой, кажется, говорит дело. Как ты думаешь?»

Насмешка Пугачёва возвратила мне бодрость. Я спокойно отвечал, что я нахожусь в его власти и что он волен поступать со мною, как ему будет угодно.

— Добро, — сказал Пугачёв. — Теперь скажи, в каком состоянии ваш город.

— Славу Богу, — отвечал я, — всё благополучно.

— Благополучно? — повторил Пугачёв. — А народ мрёт с голоду!

Самозванец говорил правду; но я по долгу присяги стал уверять, что всё это пустые слухи и что в Оренбурге довольно всяких запасов.

— Ты видишь, — подхватил старичок, — что он тебя в глаза обманывает. Все беглецы согласно показывают, что в Оренбурге голод и мор, что там едят мертвечину, и то за честь; а его милость уверяет, что всего вдоволь. Коли ты Швабрина хочешь повесить, то уж на той же виселице повесь и этого молодца, чтоб никому не было завидно.

Слова проклятого старика, казалось, поколебали Пугачёва. К счастью, Хлопуша стал противоречить своему товарищу.

— Полно, Наумыч, — сказал он ему. — Тебе бы всё душить да резать. Что ты за богатырь? Поглядеть, так в чём душа держится. Сам в могилу смотришь, а других губишь. Разве мало крови на твоей совести?

— Да ты что за угодник¹? — возразил Белобородов. — У тебя-то откуда жалость взялась?

— Конечно, — отвечал Хлопуша, — и я грешен, и эта рука (тут он сжал свой костлявый кулак и, засуча рукава, открыл косматую руку), и эта рука повинна в пролитой христианской крови. Но я губил супротивника, а не гостя; на вольном перепутье да в тёмном лесу, не дома, сидя за печью; кистенём² и обухом, а не бабьим наговором.

Старик отворотился и проворчал слова: «Рваные ноздри!..»

— Что ты там шепчешь, старый хрыч? — закричал Хлопуша. — Я тебе дам рваные ноздри; погоди, придёт и твоё время; Бог даст, и ты щипцов понюхаешь... А покамест смотри, чтоб я тебе бородинки не вырвал!

— Господа енаралы! — провозгласил важно Пугачёв. — Полно вам ссориться. Не беда, если б и все оренбургские собаки дрыгали ногами под одной перекладиной: беда, если наши кобели меж собою перегрызутся. Ну, помиритесь.

Хлопуша и Белобородов не сказали ни слова и мрачно смотрели друг на друга. Я увидел необходимость переменить разговор, который мог кончиться для меня очень невыгодным образом, и, обратясь к Пугачёву, сказал ему с весёлым видом: «Ах! я было и забыл благодарить тебя за лошадь и за тулуп. Без тебя я не добрался бы до города и замёрз бы на дороге».

Уловка моя удалась. Пугачёв развеселился. «Долг платежом красен, — сказал он, мигая и прищуриваясь. — Расскажи-ка мне теперь,

¹ *Угóдник* — так верующие называли некоторых святых (буквально: человек, угодивший Богу).

² *Кисте́нь* — старинное ручное оружие (тяжёлый набалдашник на короткой рукоятке).

какое тебе дело до той девушки, которую Швабрин обижает? Уж не зазноба¹ ли сердцу молодецкому? а?»

— Она невеста моя, — отвечал я Пугачёву, видя благоприятную перемену погоды и не находя нужды скрывать истину.

— Твоя невеста! — закричал Пугачёв. — Что ж ты прежде не сказал? Да мы тебя женим и на свадьбе твоей попируем! — Потом, обращаясь к Белобородову: — Слушай, фельдмаршал! Мы с его благородием старые приятели; сядем-ка да поужинаем; утро вечера мудренее. Завтра посмотрим, что с ним сделаем.

Я рад был отказаться от предлагаемой чести; но делать было нечего. Две молодые казачки, дочери хозяина избы, накрыли стол белой скатертью, принесли хлеба, ухи и несколько штофов с вином и пивом, и я вторично очутился за одною трапезою с Пугачёвым и с его страшными товарищами.

Оргия², коей я был невольным свидетелем, продолжалась до глубокой ночи. Наконец хмель начал одолевать собеседников. Пугачёв задремал, сидя на своём месте; товарищи его встали и дали мне знак оставить его. Я вышел вместе с ними. По распоряжению Хлопуши, караульный отвёл меня в приказную избу, где я нашёл и Савельича и где меня оставили с ним взаперти. Дядька был в таком изумлении при виде всего, что происходило, что не сделал мне никакого вопроса. Он улёгся в темноте и долго вздыхал и охал; наконец захрапел, а я предался размышлениям, которые во всю ночь ни на одну минуту не дали мне задремать.

Поутру пришли меня звать от имени Пугачёва. Я пошёл к нему. У ворот его стояла кибитка, запряжённая тройкою татарских лошадей. Народ толпился на улице. В сенях встретил я Пугачёва: он был одет по-дорожному, в шубе и в киргизской шапке. Вчерашние собеседники окружали его, приняв на себя вид подобострастия, который сильно противоречил всему, чему я был свидетелем накануне. Пугачёв весело со мною поздоровался и велел мне садиться с ним в кибитку.

Мы уселись. «В Белогорскую крепость!» — сказал Пугачёв широкоплечему татарину, стоя правящему тройкою. Сердце моё сильно забилось. Лошади тронулись, колокольчик загремел, кибитка полетела...

«Стой! Стой!» — раздался голос, слишком мне знакомый, — и я увидел Савельича, бежавшего нам навстречу. Пугачёв велел остановиться. «Батюшка Пётр Андреич! — кричал дядька. — Не покинь

¹ *Зазноба* (народн.) — любимая, возлюбленная.

² *Оргия* — попойка, шумная пирушка.

меня на старости лет посреди этих мошен...» — «А, старый хрыч! — сказал ему Пугачёв. — Опять Бог дал свидеться. Ну, садись на облучок».

— Спасибо, государь, спасибо, отец родной! — говорил Савельич, усаживаясь. — Дай Бог тебе сто лет здравствовать за то, что меня старика призрил¹ и успокоил. Век за тебя буду Бога молить, а о заячем тулупе и упоминать уж не стану.

Этот заячий тулуп мог наконец не на шутку рассердить Пугачёва. К счастью, самозванец или не расслышал, или пренебрёг неуместным намёком. Лошади поскакали; народ на улице останавливался и кланялся в пояс. Пугачёв кивал головою на обе стороны. Через минуту мы выехали из слободы и помчались по гладкой дороге.

Легко можно себе представить, что чувствовал я в эту минуту. Через несколько часов должен я был увидеться с той, которую почитал уже для меня потерянною. Я воображал себе минуту нашего соединения... Я думал также и о том человеке, в чьих руках находилась моя судьба и который по странному стечению обстоятельств таинственно был со мною связан. Я вспоминал об опрометчивой жестокости, о кровожадных привычках того, кто вызывался быть избавителем моей любезной! Пугачёв не знал, что она была дочь капитана Миронова; озлобленный Швабрин мог открыть ему всё; Пугачёв мог проведать истину и другим образом... Тогда что станет с Марьей Ивановной? Холод пробегал по моему телу, и волосы становились дыбом... Вдруг Пугачёв прервал мои размышления, обратясь ко мне с вопросом:

— О чём, ваше благородие, изволил задуматься?

— Как не задуматься, — отвечал я ему. — Я офицер и дворянин; вчера ещё дрался противу тебя, а сегодня еду с тобой в одной кибитке, и счастье всей моей жизни зависит от тебя.

— Что ж? — спросил Пугачёв. — Страшно тебе?

Я отвечал, что, быв однажды уже им помилован, я надеялся не только на его пощаду, но даже и на помощь.

— И ты прав, ей-богу прав! — сказал самозванец. — Ты видел, что мои ребята смотрели на тебя косо; а старик и сегодня настаивал на том, что ты шпион и что надобно тебя пытать и повесить; но я не согласился, — прибавил он, понизив голос, чтоб Савельич и татарин не могли его слышать, — помня твой стакан вина и заячий тулуп. Ты видишь, что я не такой ещё кровопийца, как говорит обо мне ваша братья.

¹ Призрѣть (устар.) — позаботиться, взять под свою опеку.

Я вспомнил взятие Белогорской крепости, но не почёл нужным его оспаривать и не отвечал ни слова.

— Что говорят обо мне в Оренбурге? — спросил Пугачёв, помолчав немного.

— Да говорят, что с тобою сладить трудновато; нечего сказать: дал ты себя знать.

Лицо самозванца изобразило довольное самолюбие. «Да! — сказал он с весёлым видом. — Я воюю хоть куда. Знают ли у вас в Оренбурге о сражении под Юзеевой? Сорок енаралов убито, четыре армии взято в полон. Как ты думаешь: прусский король мог ли бы со мною потягаться?»

Хвастливость разбойника показалась мне забавна.

— Сам как ты думаешь? — сказал я ему, — управился ли бы ты с Фридериком¹?

— С Фёдором Фёдоровичем? А как же нет? С вашими енаралами ведь я же управляюсь; а они его бивали. Доселе оружие моё было счастливо. Дай срок, то ли ещё будет, как пойду на Москву.

— А ты полагаешь идти на Москву?

Самозванец несколько задумался и сказал вполголоса:

— Бог весть. Улица моя тесна; воли мне мало. Ребята мои умничают. Они воры. Мне должно держать ухо востро; при первой неудаче они свою шею выкупят моею головою.

— То-то! — сказал я Пугачёву. — Не лучше ли тебе отстать от них самому, заблаговременно, да прибегнуть к милосердию государыни?

Пугачёв горько усмехнулся. «Нет, — отвечал он, — поздно мне каяться. Для меня не будет помилования. Буду продолжать, как начал. Как знать? Авось и удастся! Гришка Отрепьев ведь поцарствовал же над Москвою».

— А знаешь ты, чем он кончил? Его выбросили из окна, зарезали, сожгли, зарядили его пеплом пушку и выпалили!

— Слушай, — сказал Пугачёв с каким-то диким вдохновением. — Расскажу тебе сказку, которую в ребячестве мне рассказывала старая калмычка. Однажды орёл спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живёшь ты на белом свете триста лет, а я всего-навсе только тридцать три года? — Оттого, батюшка, отвечал ему ворон, что ты пьёшь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной. Орёл подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орёл да ворон.

¹ *Фридерик* («Фёдор Фёдорович») — Фридрих II (1712—1786), прусский король, армия которого в середине XVIII века была разгромлена русскими войсками.

Вот завидели палую лошадь; спустились и сели. Ворон стал клевать да похваливать. Орёл клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон; чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что Бог даст! — Какова калмыцкая сказка?

— Затейлива, — отвечал я ему. — Но жить убийством и разбоем значит по мне клевать мертвечину.

Пугачёв посмотрел на меня с удивлением и ничего не отвечал. Оба мы замолчали, погружаясь каждый в свои размышления. Татарин затянул унылую песню; Савельич, дремля, качался на облучке. Кибитка летела по гладкому зимнему пути... Вдруг увидел я деревушку на крутом берегу Яика, с частоколом и с колокольней — и через четверть часа въехали мы в Белогорскую крепость.

Глава XII Сирота

Как у нашей у яблоньки
Ни верхушки нет, ни отросточек;
Как у нашей у княгинюшки
Ни отца нету, ни матери.
Снарядить-то её некому,
Благословить-то её некому.

Свадебная песня.

Кибитка подъехала к крыльцу комендантского дома. Народ узнал колокольчик Пугачёва и толпою бежал за нами. Швабрин встретил самозванца на крыльце. Он был одет казаком и отрастил себе бороду. Изменник помог Пугачёву вылезть из кибитки, в подлых выражениях изъясняя свою радость и усердие. Увидя меня, он смутился, но вскоре оправился, протянул мне руку, говоря: «И ты наш? Давно бы так!» — Я отворотился от него и ничего не отвечал.

Сердце моё заныло, когда очутились мы в давно знакомой комнате, где на стене висел ещё диплом покойного коменданта, как печальная эпитафия¹ прошедшему времени. Пугачёв сел на том диване, на котором, бывало, дремал Иван Кузмич, усыплённый ворчанием своей супруги. Швабрин сам поднёс ему водки. Пугачёв выпил рюмку и сказал ему, указав на меня: «Попотчуй и его благородие». Швабрин подошёл ко мне с своим подносом; но я вторично от него отворотил-

¹ *Эпита́фия* — надгробная, надмогильная надпись.

ся. Он казался сам не свой. При обыкновенной своей сметливости он, конечно, догадался, что Пугачёв был им недоволен. Он трусил перед ним, а на меня поглядывал с недоверчивостию. Пугачёв осведомился о состоянии крепости, о слухах про неприятельские войска и тому подобном и вдруг спросил его неожиданно: «Скажи, братец, какую девушку держишь ты у себя под караулом? Покажи-ка мне её».

Швабрин побледнел как мёртвый. «Государь, — сказал он дрожащим голосом... — Государь, она не под караулом... она больна... она в светлице лежит».

«Веди ж меня к ней», — сказал самозванец, вставая с места. Отговориться было невозможно. Швабрин повёл Пугачёва в светлицу Марьи Ивановны. Я за ними последовал.

Швабрин остановился на лестнице. «Государь! — сказал он. — Вы властны требовать от меня, что вам угодно, но не прикажите постороннему входить в спальню к жене моей».

Я затрепетал. «Так ты женат!» — сказал я Швабрину, готовясь его растерзать.

— Тише! — прервал меня Пугачёв. — Это моё дело. А ты, — продолжал он, обращаясь к Швабрину, — не умничай и не ломайся: жена ли она тебе или не жена, а я веду к ней кого хочу. Ваше благородие, ступай за мною.

У дверей светлицы Швабрин опять остановился и сказал прерывающимся голосом: «Государь, предупреждаю вас, что она в белой горячке и третий день как бредит без умолку».

— Отворяй! — сказал Пугачёв.

Швабрин стал искать у себя в карманах и сказал, что не взял с собою ключа. Пугачёв толкнул дверь ногою; замок отскочил; дверь отворилась, и мы вошли.

Я взглянул и обмер. На полу, в крестьянском оборванном платье, сидела Марья Ивановна, бледная, худая, с растрёпанными волосами. Перед нею стоял кувшин воды, накрытый ломтём хлеба. Увидя меня, она вздрогнула и закричала. Что тогда со мною стало — не помню.

Пугачёв посмотрел на Швабрину и сказал с горькой усмешкою: «Хорош у тебя лазарет!» Потом, подошед к Марье Ивановне: «Скажи мне, голубушка, за что твой муж тебя наказывает? в чём ты перед ним провинилась?»

— Мой муж! — повторила она. — Он мне не муж. Я никогда не буду его женою! Я лучше решилась умереть, и умру, если меня не избавят.

Пугачёв взглянул грозно на Швабрина: «И ты смел меня обманывать! — сказал он ему. — Знаешь ли, бездельник, чего ты достоин?»

Швабрин упал на колени... В эту минуту презрение заглушило во мне все чувства ненависти и гнева. С омерзением глядел я на дворянина, валяющегося в ногах беглого казака. Пугачёв смягчился. «Милую тебя на сей раз, — сказал он Швабрину, — но знай, что при первой вине тебе припомнится и эта». Потом обратился он к Марье Ивановне и сказал ей ласково: «Выходи, красная девица; дарую тебе волю. Я государь».

Марья Ивановна быстро взглянула на него и догадалась, что перед нею убийца её родителей. Она закрыла лицо обеими руками и упала без чувств. Я кинулся к ней; но в эту минуту очень смело в комнату втёрлась моя старинная знакомая Палаша и стала ухаживать за своею барышнею. Пугачёв вышел из светлицы, и мы трое сошли в гостиную.

— Что, ваше благородие? — сказал, смеясь, Пугачёв. — Выручили красную девицу! Как думаешь, не послать ли за попом, да не заставить ли его обвенчать племянницу? Пожалуй, я буду посажёным отцом, Швабрин дружкой¹; закутим, запьём — и ворота закрём!

Чего я опасался, то и случилось, Швабрин, услыша предложение Пугачёва, вышел из себя. «Государь! — закричал он в исступлении. — Я виноват, я вам солгал; но и Гринёв вас обманывает. Эта девушка не племянница здешнего попа: она дочь Ивана Миронова, который казнён при взятии здешней крепости».

Пугачёв устремил на меня огненные свои глаза. «Это что ещё?» — спросил он меня с недоумением.

— Швабрин сказал тебе правду, — отвечал я с твёрдостью.

— Ты мне этого не сказал, — заметил Пугачёв, у коего лицо омрачилось.

— Сам ты рассуди, — отвечал я ему, — можно ли было при твоих людях объявить, что дочь Миронова жива. Да они бы её загрызли. Ничто её бы не спасло!

— И то правда, — сказал, смеясь, Пугачёв. — Мои пьяницы не пощадили бы бедную девушку. Хорошо сделала кумушка-попадья, что обманула их.

— Слушай, — продолжал я, видя его доброе расположение. — Как тебя назвать, не знаю, да и знать не хочу... Но Бог видит, что жизнью моей рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал. Только не требуй того, что противно чести моей и христианской совести. Ты

¹ Дружка — распорядитель на свадьбе.

мой благодетель. Доверши как начал: отпусти меня с бедною сиротою, куда нам Бог путь укажет. А мы, где бы ты ни был и что бы с тобою ни случилось, каждый день будем Бога молить о спасении грешной твоей души...

Казалось, суровая душа Пугачёва была тронута. «Ин быть потвоему! — сказал он. — Казнить так казнить, жаловать так жаловать: таков мой обычай. Возьми себе свою красавицу; вези её куда хочешь, и дай вам Бог любовь да совет!»

Тут он оборотился к Швабрину и велел ему выдать мне пропуск во все заставы и крепости, подвластные ему. Швабрин, совсем униженный, стоял как остолбенелый. Пугачёв отправился осматривать крепость. Швабрин его сопровождал; а я остался под предлогом приготовления к отъезду.

Я побежал в светлицу. Двери были закрыты. Я постучался. «Кто там?» — спросила Палаша. Я назвался. Милый голосок Марьи Ивановны раздался из-за дверей. «Погодите, Пётр Андреич. Я переодеваюсь. Ступайте к Акулине Памфиловне; я сейчас туда же буду». Я повиновался и пошёл в дом отца Герасима. И он и попадья выбежали ко мне навстречу. Савельич их уже предупредил. «Здравствуйте, Пётр Андреич, — говорила попадья. — Привёл Бог опять увидеться. Как поживаете? А мы-то про вас каждый день поминали. А Марья-то Ивановна всего натерпелась без вас, моя голубушка!.. Да скажите, мой отец, как это вы с Пугачёвым-то поладили? Как он это вас не уколошил? Добро, спасибо злодею и за это». — «Полно, старуха, — прервал отец Герасим. — Не всё то ври, что знаешь. Несть спасения во многом глаголании¹. Батюшка Пётр Андреич! войдите, милости просим. Давно, давно не видались».

Попадья стала угощать меня чем Бог послал. А между тем говорила без умолку. Она рассказала мне, каким образом Швабрин принудил их выдать ему Марью Ивановну; как Марья Ивановна плакала и не хотела с ними расставаться; как Марья Ивановна имела с нею всегдашние сношения через Палашку (девку бойкую, которая и урядника заставляет плясать по своей дудке); как она присоветовала Марье Ивановне написать ко мне письмо и прочее. Я, в свою очередь, рассказал ей вкратце свою историю. Поп и попадья крестились, услыша, что Пугачёву известен их обман. «С нами сила крестная! — говорила Акулина Памфиловна. — Промчи Бог тучу мимо. Ай да Алексей Иваныч, нечего сказать: хорош гусь!» В самую эту минуту дверь отворилась,

¹ Многословие не даёт спасения (старослав.).

и Марья Ивановна вошла с улыбкою на бледном лице. Она оставила своё крестьянское платье и одета была по-прежнему просто и мило.

Я схватил её руку и долго не мог вымолвить ни одного слова. Мы оба молчали от полноты сердца. Хозяева наши почувствовали, что нам было не до них, и оставили нас. Мы остались одни. Всё было забыто. Мы говорили и не могли наговориться. Марья Ивановна рассказала мне всё, что с нею ни случилось с самого взятия крепости; описала мне весь ужас её положения, все испытания, которым подвергал её гнусный Швабрин. Мы вспомнили и прежнее счастливое время. Оба мы плакали... Наконец я стал объяснять ей мои предположения. Оставаться ей в крепости, подвластной Пугачёву и управляемой Швабриным, было невозможно. Нельзя было думать и об Оренбурге, претерпевавшем все бедствия осады. У ней не было на свете ни одного родного человека. Я предложил ей ехать в деревню к моим родителям. Она сначала колебалась: известное ей неблагоприятное положение отца моего её пугало. Я её успокоил. Я знал, что отец почтёт за счастье и вменит себе в обязанность принять дочь заслуженного воина, погибшего за отечество. «Милая Марья Ивановна! — сказал я наконец. — Я почитаю тебя своею женою. Чудные обстоятельства соединили нас неразрывно: ничто на свете не может нас разлучить». Марья Ивановна выслушала меня просто, без притворной застенчивости, без затейливых отговорок. Она чувствовала, что судьба её соединена была с моею. Но она повторила, что не иначе будет моею женою, как с согласия моих родителей. Я ей и не противоречил. Мы поцеловались горячо, искренно — и таким образом всё было между нами решено.

Через час урядник принёс мне пропуск, подписанный каракулями Пугачёва, и позвал меня к нему от его имени. Я нашёл его готового пуститься в дорогу. Не могу изъяснить то, что я чувствовал, расставаясь с этим ужасным человеком, извергом, злодеем для всех, кроме одного меня. Зачем не сказать истины? В эту минуту сильное сочувствие влекло меня к нему. Я пламенно желал вырвать его из среды злодеев, которыми он предводительствовал, и спасти его голову, пока ещё было время. Швабрин и народ, толпящийся около нас, мешали мне высказать всё, чем исполнено было моё сердце.

Мы расстались дружески. Пугачёв, увидя в толпе Акулину Памфиловну, погрозил пальцем и мигнул значительно; потом сел в кибитку, велел ехать в Берду, и когда лошади тронулись, то он ещё раз высунулся из кибитки и закричал мне: «Прощай, ваше благородие! Авось увидимся когда-нибудь». — Мы точно с ним увиделись, но в каких обстоятельствах!..

Пугачёв уехал. Я долго смотрел на белую степь, по которой неслась его тройка. Народ разошёлся. Швабрин скрылся. Я воротился в дом священника. Всё было готово к нашему отъезду; я не хотел более медлить. Добро наше всё было уложено в старую комендантскую повозку. Ямщики мигом заложили лошадей.

Марья Ивановна пошла проститься с могилами своих родителей, похороненных за церковью. Я хотел её проводить, но она просила меня оставить её одну. Через несколько минут она воротилась, обливаясь молча тихими слезами. Повозка была подана. Отец Герасим и жена его вышли на крыльцо. Мы сели в кибитку втроём: Марья Ивановна с Палашей и я. Савельич забрался на облучок. «Прощай, Марья Ивановна, моя голубушка! Прощайте, Пётр Андреич, сокол наш ясный! — говорила добрая попадья. — Счастливый путь, и дай Бог вам обоим счастья!» Мы поехали. У окошка комендантского дома я увидел стоящего Швабрина. Лицо его изображало мрачную злобу. Я не хотел торжествовать над уничтоженным врагом и обратил глаза в другую сторону. Наконец мы выехали из крепостных ворот и навек оставили Белогорскую крепость.

Глава XIII

Арест

— Не гневайтесь, сударь:
по долгу моему
Я должен сей же час отправить
вас в тюрьму.
— Извольте, я готов; но я в
такой надежде,
Что дело объяснить дозволите
мне прежде.
Княжнин.

Соединённый так нечаянно с милой девушкою, о которой ещё утром я так мучительно беспокоился, я не верил самому себе и воображал, что всё со мною случившееся было пустое сновидение. Марья Ивановна глядела с задумчивостию то на меня, то на дорогу и, казалось, не успела ещё опомниться и прийти в себя. Мы молчали. Сердца наши слишком были утомлены.

Неприметным образом часа через два очутились мы в ближней крепости, также подвластной Пугачёву. Здесь мы переменили лошадей. По скорости, с какой их запрягали, по торопливой услужливости

бородатого казака, поставленного Пугачёвым в коменданты, я увидел, что, благодаря болтливости ямщика, нас привёзшего, меня принимали как придворного временщика¹.

Мы отправились далее. Стало смеркаться. Мы приближались к городку, где, по словам бородатого коменданта, находился сильный отряд, идущий на соединение к самозванцу. Мы были остановлены караульными. На вопрос: «Кто едет?» — ямщик отвечал громогласно: «Государев кум со своею хозяйскою». Вдруг толпа гусаров окружила нас с ужасною бранью. «Выходи, бесов кум! — сказал мне усатый вахмистр². — Вот уж тебе будет баня, и с твоею хозяйскою!»

Я вышел из кибитки и требовал, чтоб отвели меня к их начальнику. Увидя офицера, солдаты прекратили брань. Вахмистр повёл меня к майору. Савельич от меня не отставал, поговаривая про себя: «Вот тебе и государев кум! Из огня да в полымя... Господи Владыко! чем это всё кончится?» Кибитка шагом поехала за нами.

Через пять минут мы пришли к домику, ярко освещённому. Вахмистр оставил меня при карауле и пошёл обо мне доложить. Он тотчас же воротился, объявив мне, что его высокоблагородию некогда меня принять, а что он велел отвести меня в острог, а хозяйшку к себе привести.

— Что это значит? — закричал я в бешенстве. — Да разве он с ума сошёл?

— Не могу знать, ваше благородие, — отвечал вахмистр. — Только его высокоблагородие приказал ваше благородие отвести в острог, а её благородие приказано привести к его высокоблагородию, ваше благородие!

Я бросился на крыльцо. Караульные не думали меня удерживать, и я прямо вбежал в комнату, где человек шесть гусарских офицеров играли в банк³. Майор метал⁴. Каково было моё изумление, когда, взглянув на него, узнал я Ивана Ивановича Зурина, некогда обыгравшего меня в симбирском трактире!

— Возможно ли? — вскричал я. — Иван Иваныч! ты ли?

— Ба, ба, ба, Пётр Андреич! Какими судьбами? Откуда ты? Здорово, брат. Не хочешь ли поставить карточку?⁵

¹ *Временщик* — человек, достигший большой власти вследствие близости к царю или царице.

² *Вахмистр* — унтер-офицер в кавалерии.

³ *Банк* — карточная азартная игра.

⁴ *Метать* — здесь: держать банк, т. е. вести игру, поставить деньги на кон.

⁵ *Поставить карту* — здесь: принять участие в карточной игре.

— Благодарен. Прикажи-ка лучше отвести мне квартиру.

— Какую тебе квартиру? Оставайся у меня.

— Не могу: я не один.

— Ну, подавай сюда и товарища.

— Я не с товарищем; я... с дамою.

— С дамою? Где же ты её подцепил? Эге, брат! (При сих словах Зурин засвистел так выразительно, что все захохотали, а я совершенно смутился.)

— Ну, — продолжал Зурин, — так и быть. Будет тебе квартира. А жаль... Мы бы попиروвали по-старинному... Гей! малой! Да что ж сюда не ведут кумушку-то Пугачёва? или она упрямится? Сказать ей, чтоб она не боялась: барин-де прекрасный, ничем не обидит, да хорошенько её в шею.

— Что ты это? — сказал я Зурину. — Какая кумушка Пугачёва? Это дочь покойного капитана Миронова. Я вывез её из плена и теперь провожаю до деревни батюшкиной, где и оставляю её.

— Как! Так это о тебе мне сейчас докладывали? Помилуй! что же это значит?

— После всё расскажу. А теперь, ради Бога, успокой бедную девушку, которую гусары твои перепугали.

Зурин тотчас распорядился. Он сам вышел на улицу извиняться перед Марьей Ивановной в невольном недоразумении и приказал вахмистру отвести ей лучшую квартиру в городе. Я остался ночевать у него.

Мы отужинали, и, когда остались вдвоём, я рассказал ему свои похождения. Зурин слушал меня с большим вниманием. Когда я кончил, он покачал головою и сказал: «Всё это, брат, хорошо; одно не хорошо: зачем тебя чёрт несёт жениться? Я, честный офицер, не захочу тебя обманывать: поверь же ты мне, что женитьба блажь. Ну, куда тебе возиться с женою да нянчиться с ребятишками? Эй, плюнь. Послушай меня: развяжись ты с капитанскою дочкой. Дорога в Симбирск мною очищена и безопасна. Отправь её завтра ж одну к родителям твоим, а сам оставайся у меня в отряде. В Оренбург возвращаться тебе незачем. Попадёшься опять в руки бунтовщикам, так вряд ли от них ещё раз отделаешься. Таким образом любовная дурь пройдёт сама собою, и всё будет ладно».

Хотя я не совсем был с ним согласен, однако ж я чувствовал, что долг чести требовал моего присутствия в войске императрицы.

Я решился последовать совету Зурина: отправить Марью Ивановну в деревню и остаться в его отряде.

Савельич явился меня раздевать; я объявил ему, чтобы на другой же день готов он был ехать в дорогу с Марьей Ивановной. Он было заупрямился. «Что ты, сударь? Как же я тебя-то покину? Кто за тобою будет ходить? Что скажут родители твои?»

Зная упрямство дядьки моего, я вознамерился убедить его лаской и искренностию. «Друг ты мой, Архип Савельич! — сказал я ему. — Не откажи, будь мне благодетелем; в прислуге здесь я нуждаться не стану, а не буду спокоен, если Марья Ивановна поедет в дорогу без тебя. Служа ей, служишь ты и мне, потому что я твёрдо решил, как скоро обстоятельства дозволят, жениться на ней».

Тут Савельич сплеснул руками с видом изумления неопisanного. «Жениться! — повторил он. — Дитя хочет жениться! А что скажет батюшка, а матушка-то что подумает?»

— Согласятся, верно согласятся, — отвечал я, — когда узнают Марью Ивановну. Я надеюсь и на тебя. Батюшка и матушка тебе верят: ты будешь за нас ходатаем¹, не так ли?

Старик был тронут. «Ох, батюшка ты мой Пётр Андреич! — отвечал он. — Хоть раненько задумал ты жениться, да зато Марья Ивановна такая добрая барышня, что грех и пропустить оказию. Ин быть по-твоему! Провожу её, ангела Божия, и рабски буду доносить твоим родителям, что такой невесте не надобно и приданого».

Я благодарил Савельича и лёг спать в одной комнате с Зуриным. Разгорячённый и взволнованный, я разболтался. Зурин сначала со мною разговаривал охотно; но мало-помалу слова его стали реже и бессвязнее; наконец, вместо ответа на какой-то запрос, он захрапел и присвистнул. Я замолчал и вскоре последовал его примеру.

На другой день утром пришёл я к Марье Ивановне. Я сообщил ей свои предположения. Она признала их благоразумие и тотчас со мною согласилась. Отряд Зурина должен был выступить из города в тот же день. Нечего было медлить. Я тут же расстался с Марьей Ивановной, поручив её Савельичу и дав ей письмо к моим родителям. Марья Ивановна заплакала. «Прощайте, Пётр Андреич! — сказала она тихим голосом. — Придётся ли нам увидеться или нет, Бог один это знает; но век не забуду вас; до могилы ты один останешься в моём сердце». Я ничего не мог отвечать. Люди нас окружали. Я не хотел при них предаваться чувствам, которые меня волновали. Наконец она уехала. Я возвратился к Зурину, грустен и молчалив. Он хотел меня

¹ *Ходатай* — заступник, защитник.

развеселить; я думал себя рассеять; мы провели день шумно и буйно и вечером выступили в поход.

Это было в конце февраля. Зима, затруднявшая военные распоряжения, проходила, и наши генералы готовились к дружному содействию. Пугачёв всё ещё стоял под Оренбургом. Между тем около его отряды соединялись и со всех сторон приближались к злодейскому гнезду. Бунтующие деревни при виде наших войск приходили в повиновение; шайки разбойников везде бежали от нас, и всё предвещало скорое и благополучное окончание.

Вскоре князь Голицын, под крепостию Татищевой, разбил Пугачёва, рассеял его толпы, освободил Оренбург и, казалось, нанёс бунту последний и решительный удар. Зурин был в то же время отряжён противу шайки мятежных башкирцев, которые рассеялись прежде, нежели мы их увидали. Весна осадила нас в татарской деревушке. Речки разлились, и дороги стали непроходимы. Мы утешались в нашем бездействии мыслию о скором прекращении скучной и мелочной войны с разбойниками и дикарями.

Но Пугачёв не был пойман. Он явился на сибирских заводах, собрал там новые шайки и снова начал злодействовать. Слух о его успехах снова распространился. Мы узнали о разорении сибирских крепостей. Вскоре весть о взятии Казани и о походе самозванца на Москву встревожила начальников войск, беспечно дремавших в надежде на бессилие презренного бунтовщика. Зурин получил повеление переправиться через Волгу.

Не стану описывать нашего похода и окончания войны. Скажу коротко, что бедствие доходило до крайности. Мы проходили через селения, разорённые бунтовщиками, и поневоле отбирали у бедных жителей то, что успели они спасти. Правление было повсюду прекращено; помещики укрывались по лесам. Шайки разбойников злодействовали повсюду; начальники отдельных отрядов самовластно наказывали и миловали; состояние всего обширного края, где свирепствовал пожар, было ужасно... Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!

Пугачёв бежал, преследуемый Иваном Ивановичем Михельсоном¹. Вскоре узнали мы о совершенном его разбитии. Наконец Зурин получил известие о поимке самозванца, а вместе с тем и повеление остановиться. Война была кончена. Наконец мне можно было ехать к моим родителям! Мысль их обнять, увидеть Марью Ивановну, от которой

¹ *Михельсон Иван Иванович* (1740—1807) — во времена Пугачёвского восстания подполковник, впоследствии генерал. Один из усмирителей Пугачёвского восстания.

«Капитанская дочка».
Художник Д. Шмаринов. 1974 г.

не имел я никакого известия, одушевляла меня восторгом. Я прыгал как ребёнок. Зурин смеялся и говорил, пожимая плечами: «Нет, тебе несдобровать! Женишься — ни за что пропадёшь!»

Но между тем странное чувство отравляло мою радость: мысль о злодее, обрызганном кровию стольких невинных жертв, и о казни, его ожидающей, тревожила меня поневоле. «Емеля, Емеля! — думал я с досадою, — зачем не наткнулся ты на штык или не подвернулся под картечь? Лучше ничего не мог бы ты придумать». Что прикажете делать? Мысль о нём неразлучна была во мне с мыслию о пощаде, данной мне им в одну из ужасных минут его жизни, и об избавлении моей невесты из рук гнусного Швабрина.

Зурин дал мне отпуск. Через несколько дней должен я был опять очутиться посреди моего семейства, увидеть опять мою Марию Ивановну... Вдруг неожиданная гроза меня поразила.

В день, назначенный для выезда, в самую ту минуту, когда готовился я пуститься в дорогу, Зурин вошёл ко мне в избу, держа в руках бумагу, с видом чрезвычайно озабоченным. Что-то кольнуло меня в сердце. Я испугался, сам не зная чего. Он выслал моего денщика и объявил, что имеет до меня дело. «Что такое?» — спросил я с беспокойством. «Маленькая неприятность, — отвечал он, подавая мне бумагу. — Прочитай, что сейчас я получил». Я стал её читать: это был секретный приказ ко всем отдельным начальникам арестовать меня, где бы ни попался, и немедленно отправить под караулом в Казань, в Следственную комиссию, учреждённую по делу Пугачёва.

Бумага чуть не выпала из моих рук. «Делать нечего! — сказал Зурин. — Долг мой повиноваться приказу. Вероятно, слух о твоих дружеских путешествиях с Пугачёвым как-нибудь да дошёл до правительства. Надеюсь, что дело не будет иметь никаких последствий и что ты оправдаешься перед комиссией. Не унывай и отправляйся». Совесть моя была чиста; я суда не боялся; но мысль отсрочить минуту сладкого свидания, может быть, на несколько ещё месяцев устрашала меня. Тележка была готова. Зурин дружески со мною простился. Меня посадили в тележку. Со мною сели два гусара с саблями наголо, и я поехал по большой дороге.

Глава XIV

Суд

Мирская молва —
Морская волна.

Пословица.

Я был уверен, что виною всему было самовольное моё отсутствие из Оренбурга. Я легко мог оправдаться: наездничество не только никогда не было запрещено, но ещё всеми силами было ободряемо. Я мог быть обвинён в излишней запальчивости, а не в ослушании. Но приятельские сношения мои с Пугачёвым могли быть доказаны множеством свидетелей и должны были казаться по крайней мере весьма подозрительными. Во всю дорогу размышлял я о допросах, меня ожидающих, обдумывал свои ответы и решился перед судом объявить сущую правду, полагая сей способ оправдания самым простым, а вместе и самым надёжным.

Я приехал в Казань, опустошённую и погорелую. По улицам, на место домов, лежали груды углей и торчали закоптелые стены без крыш и окон. Таков был след, оставленный Пугачёвым! Меня привез-

ли в крепость, уцелевшую посреди сгоревшего города. Гусары сдали меня караульному офицеру. Он велел кликнуть кузнеца. Надели мне на ноги цепи и заковали наглухо. Потом отвели меня в тюрьму и оставили одного в тесной и тёмной конурке, с одними голыми стенами и с окошечком, загороженным железною решёткою.

Таковое начало не предвещало мне ничего доброго. Однако ж я не терял ни бодрости, ни надежды. Я прибегнул к утешению всех скорбящих и, впервые вкусив сладость молитвы, изливаемой из чистого, но растерзанного сердца, спокойно заснул, не заботясь о том, что со мною будет.

На другой день тюремный сторож меня разбудил с объявлением, что меня требуют в комиссию. Два солдата повели меня через двор в комендантский дом, остановились в передней и впустили одного во внутренние комнаты.

Я вошёл в залу довольно обширную. За столом, покрытым бумагами, сидели два человека: пожилой генерал, виду строгого и холодного, и молодой гвардейский капитан, лет двадцати осьми, очень приятной наружности, ловкий и свободный в обращении. У окошка за особым столом сидел секретарь с пером за ухом, наклонясь над бумагой, готовый записывать мои показания. Начался допрос. Меня спросили о моём имени и звании. Генерал осведомился, не сын ли я Андрея Петровича Гринёва? И на ответ мой возразил сурово: «Жаль, что такой почтенный человек имеет такого недостойного сына!» Я спокойно отвечал, что, каковы бы ни были обвинения, тяготеющие на мне, я надеюсь их рассеять чистосердечным объяснением истины. Уверенность моя ему не понравилась. «Ты, брат, востёр, — сказал он мне нахмуясь, — но видали мы и не таких!»

Тогда молодой человек спросил меня: по какому случаю и в какое время вошёл я в службу к Пугачёву и по каким поручениям был я им употреблён?

Я отвечал с негодованием, что я, как офицер и дворянин, ни в какую службу к Пугачёву вступать и никаких поручений от него принять не мог.

— Каким же образом, — возразил мой допросчик, — дворянин и офицер один пощажён самозванцем, между тем как все его товарищи злодейски умерщвлены? Каким образом этот самый офицер и дворянин дружески пирует с бунтовщиками, принимает от главного злодея подарки, шубу, лошадь и полтину денег? Отчего произошла такая странная дружба и на чём она основана, если не на измене или по крайней мере на гнусном и преступном малодушии?

Я был глубоко оскорблён словами гвардейского офицера и с жаром начал своё оправдание. Я рассказал, как началось моё знакомство с Пугачёвым в степи, во время бурана; как при взятии Белогорской крепости он меня узнал и пощадил. Я сказал, что тулуп и лошадь, правда, не посовестился я принять от самозванца; но что Белогорскую крепость защищал я противу злодея до последней крайности. Наконец я сослался и на моего генерала, который мог засвидетельствовать моё усердие во время бедственной оренбургской осады.

Строгий старик взял со стола открытое письмо и стал читать его вслух:

«На запрос вашего превосходительства касательно прапорщика Гринёва, якобы замешанного в нынешнем смятении¹ и вошедшего в сношения с злодеем, службою недозволенные и долгу присяги противные, объяснить имею честь: оный прапорщик Гринёв находился на службе в Оренбурге от начала октября прошлого 1773 года до 24 февраля нынешнего года, в которое число он из города отлучился и с той поры уже в команду мою не являлся. А слышно от перебежчиков, что он был у Пугачёва в слободе и с ним вместе ездил в Белогорскую крепость, в коей прежде находился он на службе; что касается до его поведения, то я могу...» Тут он прервал своё чтение и сказал мне сурово: «Что ты теперь скажешь себе в оправдание?»

Я хотел было продолжать, как начал, и объяснить мою связь с Марьей Ивановной так же искренно, как и всё прочее. Но вдруг почувствовал непреодолимое отвращение. Мне пришло в голову, что если я назову её, то комиссия потребует её к ответу; и мысль впутать её между гнусными извещениями² злодеев и её самую привести на очную с ними ставку — эта ужасная мысль так меня поразила, что я замялся и спутался.

Судьи мои, начинавшие, казалось, выслушивать ответы мои с некоторою благосклонностию, были снова предубеждены противу меня при виде моего смущения. Гвардейский офицер потребовал, чтоб меня поставили на очную ставку с главным доносителем. Генерал велел кликнуть *вчерашнего злодея*. Я с живостию обратился к дверям, ожидая появления моего обвинителя. Через несколько минут загремели цепи, двери отворились, и вошёл — Швабрин. Я изумился его перемене. Он был ужасно худ и бледен. Волоса его, недавно чёрные как смоль, совершенно поседели; длинная борода была всклокочена. Он

¹ *Смятение* — здесь: смута, мятеж, беспорядок.

² *Извёт* (устар.) — донос, клевета.

повторил обвинения свои слабым, но смелым голосом. По его словам, я otrяжён был от Пугачёва в Оренбург шпионом; ежедневно выезжал на перестрелки, дабы передавать письменные известия о всём, что делалось в городе; что, наконец, явно передался самозванцу, разъезжал с ним из крепости в крепость, стараясь всячески губить своих товарищей-изменников, дабы занимать их места и пользоваться наградами, раздаваемыми от самозванца. Я выслушал его молча и был доволен одним: имя Марьи Ивановны не было произнесено гнусным злодеем, оттого ли, что самолюбие его страдало при мысли о той, которая отвергла его с презрением; оттого ли, что в сердце его таилась искра того же чувства, которое и меня заставляло молчать, — как бы то ни было, имя дочери белогорского коменданта не было произнесено в присутствии комиссии. Я утвердился ещё более в моём намерении, и, когда судьи спросили, чем могу опровергнуть показания Швабрина, я ответил, что держусь первого своего объяснения и ничего другого в оправдание себе сказать не могу. Генерал велел нас вывести. Мы вышли вместе. Я спокойно взглянул на Швабрина, но не сказал ему ни слова. Он усмехнулся злобной усмешкою и, приподняв свои цепи, опередил меня и ускорил свои шаги. Меня опять отвели в тюрьму и с тех пор уже к допросу не требовали.

Я не был свидетелем всему, о чём остаётся мне уведомить читателя; но я так часто слышал о том рассказы, что малейшие подробности врезались в мою память и что мне кажется, будто бы я тут же невидимо присутствовал.

Марья Ивановна принята была моими родителями с тем искренним радушием, которое отличало людей старого века. Они видели благодать Божию в том, что имели случай приютить и обласкать бедную сироту. Вскоре они к ней искренне привязались, потому что нельзя было её узнать и не полюбить. Моя любовь уже не казалась батюшке пустой блажью; а матушка только того и желала, чтоб её Петруша женился на милой капитанской дочке.

Слух о моём аресте поразил всё моё семейство. Марья Ивановна так просто рассказала моим родителям о странном знакомстве моём с Пугачёвым, что оно не только не беспокоило их, но ещё заставляло часто смеяться от чистого сердца. Батюшка не хотел верить, чтобы я мог быть замешан в гнусном бунте, коего цель была ниспровержение престола и истребление дворянского рода. Он строго допросил Савельича. Дядька не утаил, что барин бывал в гостях у Емельки Пугачёва и что-де злодей его таки жаловал; но клялся, что ни о какой измене он и не слыхивал. Старики успокоились и с нетерпением стали

ждать благоприятных вестей. Марья Ивановна сильно была встревожена, но молчала, ибо в высшей степени была одарена скромностью и осторожностью.

Прошло несколько недель... Вдруг батюшка получает из Петербурга письмо от нашего родственника князя Б**. Князь писал ему обо мне. После обыкновенного приступа¹ он объявил ему, что подозрения насчёт участия моего в замыслах бунтовщиков, к несчастью, оказались слишком основательными, что примерная казнь должна была бы меня постигнуть, но что государыня, из уважения к заслугам и преклонным летам отца, решила помиловать преступного сына и, избавляя его от позорной казни, повелела только сослать в отдалённый край Сибири на вечное поселение.

Сей неожиданный удар едва не убил отца моего. Он лишился обыкновенной своей твёрдости, и горесть его (обыкновенно немая) изливалась в горьких жалобах. «Как! — повторял он, выходя из себя. — Сын мой участвовал в замыслах Пугачёва! Боже праведный, до чего я дожил! Государыня избавляет его от казни! От этого разве мне легче? Не казнь страшна: пращур² мой умер на Лобном месте³, отстаивая то, что почитал святынею своей совести; отец пострадал вместе с Волынским и Хрущёвым⁴. Но дворянину изменить своей присяге, соединиться с разбойниками, с убийцами, беглыми холопами!.. Стыд и срам нашему роду!..» Испуганная его отчаянием матушка не смела при нём плакать и старалась возвратить ему бодрость, говоря о неверности молвы, о шаткости людского мнения. Отец мой был неутешен.

Марья Ивановна мучилась более всех. Будучи уверена, что я мог оправдаться, когда бы только захотел, она догадывалась об истине и почитала себя виновницею моего несчастья. Она скрывала от всех свои слёзы и страдания и между тем непрестанно думала о средствах, как бы меня спасти.

Однажды вечером батюшка сидел на диване, перевёртывая листы Придворного календаря; но мысли его были далеко, и чтение не производило над ним обыкновенного своего действия. Он насвистывал старинный марш. Матушка молча вязала шерстяную фуфайку, и слёзы изредка капали на её работу. Вдруг Марья Ивановна, тут же

¹ *Приступ* — здесь: вступление.

² *Пращур* — предок.

³ *Лобное место* — возвышение на Красной площади в Москве. По преданию, возле него казнили важных государственных преступников.

⁴ *А. П. Волынский, А. Ф. Хрущёв* — видные государственные деятели XVIII века, сторонники ограничения самодержавия, казнены за «государственную измену».

сидевшая за работой, объявила, что необходимость её заставляет ехать в Петербург и что она просит дать ей способ отправиться. Матушка очень огорчилась. «Зачем тебе в Петербург? — сказала она. — Неужто, Марья Ивановна, хочешь и ты нас покинуть?» Марья Ивановна отвечала, что вся будущая судьба её зависит от этого путешествия, что она едет искать покровительства и помощи у сильных людей, как дочь человека, пострадавшего за свою верность.

Отец мой потупил голову: всякое слово, напоминающее мнимое преступление сына, было ему тягостно и казалось колким упрёком. «Поезжай, матушка! — сказал он ей со вздохом. — Мы твоему счастью помехи сделать не хотим. Дай Бог тебе в женихи доброго человека, не ошельмованного изменника». Он встал и вышел из комнаты.

Марья Ивановна, оставшись наедине с матушкой, отчасти объяснила ей свои предположения. Матушка со слезами обняла её и молила Бога о благополучном конце замышленного дела. Марью Ивановну снарядили, и через несколько дней она отправилась в дорогу с верной Палашей и с верным Савельичем, который, насильственно разлучённый со мною, утешался по крайней мере мыслию, что служит наречённой¹ моей невесте.

Марья Ивановна благополучно прибыла в Софию² и, узнав, что Двор³ находился в то время в Царском Селе, решила тут остановиться. Ей отвели уголок за перегородкой. Жена смотрителя тотчас с нею разговорилась, объявила, что она племянница придворного истопника, и посвятила её во все таинства придворной жизни. Она рассказала, в котором часу государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофей, прогуливалась; какие вельможи находились в то время при ней; что изволила она вчерашний день говорить у себя за столом, кого принимала вечером, — словом, разговор Анны Власьевны стоил нескольких страниц исторических записок и был бы драгоценен для потомства. Марья Ивановна слушала её со вниманием. Они пошли в сад. Анна Власьева рассказала историю каждой аллеи и каждого мостика, и, нагулявшись, они возвратились на станцию очень довольные друг другом.

На другой день рано утром Марья Ивановна проснулась, оделась и тихонько пошла в сад. Утро было прекрасное, солнце освещало вершины лип, пожелтевших уже под свежим дыханием осени. Широкое

¹ Наречённая — объявленная, признанная всеми.

² София — почтовая станция недалеко от Царского Села под Петербургом.

³ Двор — царский двор (царь и приближённые к нему лица).

озеро сияло неподвижно. Проснувшиеся лебеди важно выплывали из-под кустов, осеняющих берег. Марья Ивановна пошла около прекрасного луга, где только что поставлен был памятник в честь недавних побед графа Петра Александровича Румянцева¹. Вдруг белая собачка английской породы залаяла и побежала ей навстречу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. В эту самую минуту раздался приятный женский голос: «Не бойтесь, она не укусит». И Марья Ивановна увидела даму, сидевшую на скамейке противу памятника. Марья Ивановна села на другом конце скамейки. Дама пристально на неё смотрела; а Марья Ивановна, с своей стороны бросив несколько косвенных взглядов, успела рассмотреть её с ног до головы. Она была в белом утреннем платье, в ночном чепце и в душегрейке. Ей казалось лет сорок. Лицо её, полное и румяное, выражало важность и спокойствие, а голубые глаза и лёгкая улыбка имели прелесть неизъяснимую. Дама первая прервала молчание.

— Вы, верно, не здешние? — сказала она.

— Точно так-с: я вчера только приехала из провинции.

— Вы приехали с вашими родными?

— Никак нет-с. Я приехала одна.

— Одна! Но вы так ещё молоды.

— У меня нет ни отца, ни матери.

— Вы здесь, конечно, по каким-нибудь делам?

— Точно так-с. Я приехала подать просьбу государыне.

— Вы сирота: вероятно, жалуетесь на несправедливость и обиду?

— Никак нет-с. Я приехала просить милости, а не правосудия.

— Позвольте спросить, кто вы таковы?

— Я дочь капитана Миронова.

— Капитана Миронова! того самого, что был комендантом в одной из оренбургских крепостей?

— Точно так-с.

Дама, казалось, была тронута. «Извините меня, — сказала она голосом ещё более ласковым, — если я вмешиваюсь в ваши дела; но я бываю при дворе; изъясните мне, в чём состоит ваша просьба, и, может быть, мне удастся вам помочь».

Марья Ивановна встала и почтительно её благодарила. Всё в неизвестной даме невольно привлекало сердце и внушало доверенность. Марья Ивановна вынула из кармана сложенную бумагу и подала её незнакомой своей покровительнице, которая стала читать про себя.

¹ Румянцев Пётр Александрович (1725—1796) — крупный военачальник времён Екатерины II.

Сначала она читала с видом внимательным и благосклонным; но вдруг её лицо переменялось, — и Марья Ивановна, следившая глазами за всеми её движениями, испугалась строгому выражению этого лица, за минуту столь приятному и спокойному.

— Вы просите за Гринёва? — сказала дама с холодным видом. — Императрица не может его простить. Он пристал к самозванцу не из невежества и легковерия, но как безнравственный и вредный негодяй.

— Ах, неправда! — воскликнула Марья Ивановна.

— Как неправда! — возразила дама, вся вспыхнув.

— Неправда, ей-богу, неправда! Я знаю всё, я всё вам расскажу. Он для одной меня подвергался всему, что постигло его. И если он не оправдался перед судом, то разве потому только, что не хотел запутать меня. — Тут она с жаром рассказала всё, что уже известно моему читателю.

Дама выслушала её со вниманием. «Где вы остановились? — спросила она потом; и, услыша, что у Анны Власьевны, промолвила с улыбкой: — А! знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрече. Я надеюсь, что вы недолго будете ждать ответа на ваше письмо».

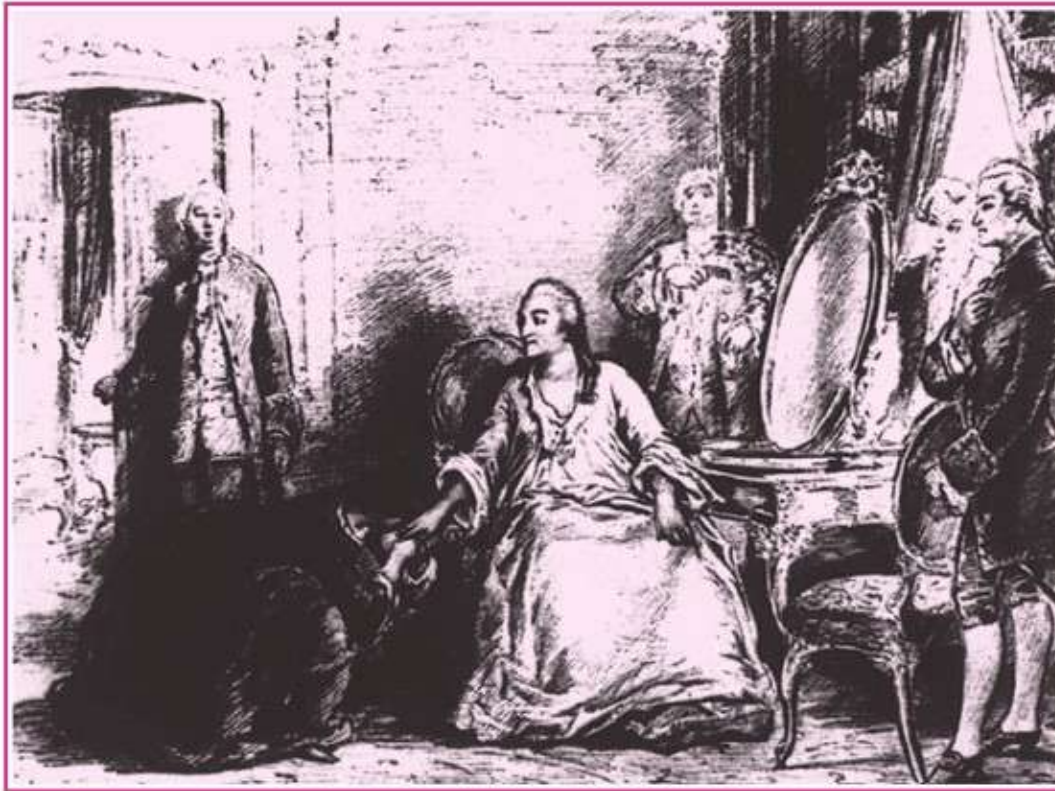
С этим словом она встала и вышла в крытую аллею, а Марья Ивановна возвратилась к Анне Власьевне, исполненная радостной надежды.

Хозяйка побранила её за раннюю осеннюю прогулку, вредную, по её словам, для здоровья молодой девушки. Она принесла самовар и за чашкою чая только было принялась за бесконечные рассказы о дворе, как вдруг придворная карета остановилась у крыльца и камер-лакей¹ вошёл с объявлением, что государыня изволит к себе приглашать девицу Миронову.

Анна Власьевна изумилась и расхлопоталась. «Ахти, Господи! — закричала она. — Государыня требует вас ко двору. Как же это она про вас узнала? Да как же вы, матушка, представитесь к императрице? Вы, я чай, и ступить по-придворному не умеете. Не проводить ли мне вас? Всё-таки я вас хоть в чём-нибудь да могу предостеречь. И как же вам ехать в дорожном платье? Не послать ли к повивальной бабушке за её жёлтым роброном²?» Камер-лакей объявил, что государыне угодно было, чтоб Марья Ивановна ехала одна и в том, в чём её застанут. Делать было нечего: Марья Ивановна села в карету и поехала во дворец, сопровождаемая советами и благословениями Анны Власьевны.

¹ Камер-лакей — придворный слуга.

² Роброн (устар.) — широкое женское платье.

«Капитанская дочка». Маша Миронова у императрицы.
Художник П. Соколов. 1860-е гг.

Марья Ивановна предчувствовала решение нашей судьбы; сердце её сильно билось и замирало. Через несколько минут карета остановилась у дворца. Марья Ивановна с трепетом пошла по лестнице. Двери перед ней отворились настежь. Она прошла длинный ряд пустых великолепных комнат; камер-лакей указывал дорогу. Наконец, подошед к запертым дверям, он объявил, что сейчас об ней доложит, и оставил её одну.

Мысль увидеть императрицу лицом к лицу так устрасала её, что она с трудом могла держаться на ногах. Через минуту двери отворились, и она вошла в уборную¹ государыни.

Императрица сидела за своим туалетом. Несколько придворных окружали её и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково к ней обратилась, и Марья Ивановна узнала в ней ту даму, с которой так откровенно изъяснялась она несколько минут тому назад. Государыня подозвала её и сказала с улыбкой: «Я рада, что могла

¹ Уборная — здесь: комната, где одеваются и приводят себя в порядок (от слова *убраться* — украсить, нарядиться).

сдержать вам своё слово и исполнить вашу просьбу. Дело ваше кончено. Я убеждена в невинности вашего жениха. Вот письмо, которое сами потрудитесь отвезти к будущему свёкру¹».

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакав, упала к ногам императрицы, которая подняла её и поцеловала. Государыня разговорила с нею: «Знаю, что вы не богаты, — сказала она, — но я в долгу перед дочерью капитана Миронова. Не беспокойтесь о будущем. Я беру на себя устроить ваше состояние».

Обласкав бедную сироту, государыня её отпустила. Марья Ивановна уехала в той же придворной карете. Анна Власьевна, нетерпеливо ожидавшая её возвращения, осыпала её вопросами, на которые Марья Ивановна отвечала кое-как. Анна Власьевна хотя и была недовольна её беспамятством, но приписала оное провинциальной застенчивости и извинила великодушно. В тот же день Марья Ивановна, не побоявшись взглянуть на Петербург, обратно поехала в деревню...

Здесь прекращаются записки Петра Андреевича Гринёва. Из семейственных преданий известно, что он был освобождён от заключения в конце 1774 года, по именному повелению², что он присутствовал при казни Пугачёва, который узнал его в толпе и кивнул ему головою, которая через минуту, мёртвая и окровавленная, показана была народу. Вскоре потом Пётр Андреевич женился на Марье Ивановне. Потомство их благоденствует в Симбирской губернии. В тридцати верстах от *** находится село, принадлежащее десятерым помещикам. В одном из барских флигелей показывают собственноручное письмо Екатерины II за стеклом и в рамке. Оно писано к отцу Петра Андреевича и содержит оправдание его сына и похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова. Рукопись Петра Андреевича Гринёва доставлена была нам от одного из его внуков, который узнал, что мы заняты были трудом, относящимся ко временам, описанным его дедом. Мы решились, с разрешения родственников, издать её особо, приискав к каждой главе приличный эпиграф и дозволив себе переменить некоторые собственные имена.

Издатель. 19 окт. 1836.

¹ *Свёкор* — отец мужа.

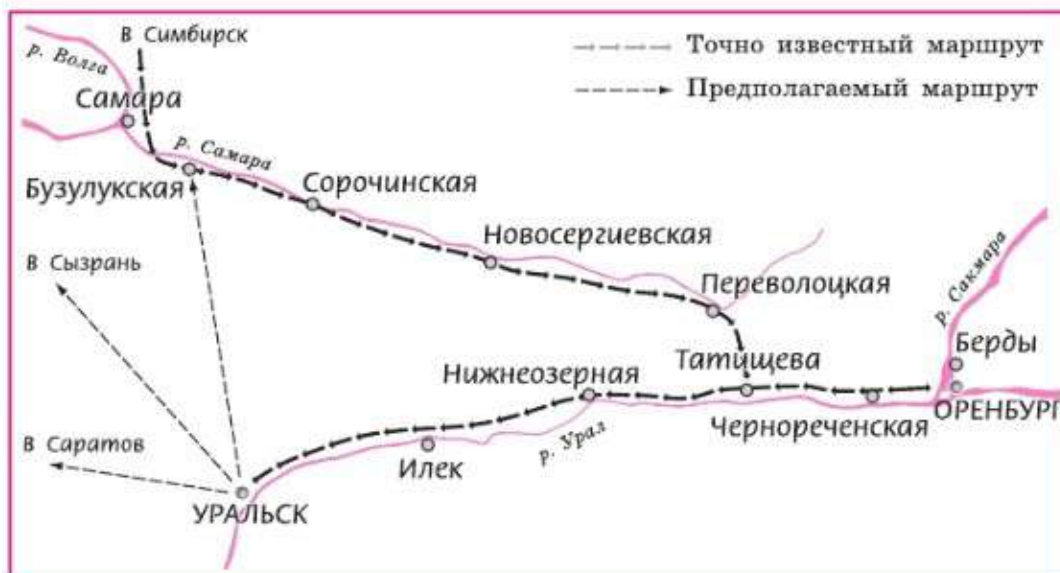
² *Именное повеление* — повеление царя или царицы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ТРУД А. С. ПУШКИНА И РОМАН «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

В 1824 году А. С. Пушкин заинтересовался событиями Пугачёвского бунта. Он попросил брата выслать ему в Михайловское роман «Ложный Пётр III, или Жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачёва». Спустя 8 лет Пушкин составил первый план романа «Капитанская дочка». Так началась работа над замечательным произведением, оказавшим огромное влияние на всю русскую литературу. Роман стал своего рода «учебной книгой» для писателей. Однажды А. Т. Твардовский, прочитав сочинение одного литератора, упрекнул его за неумелость: что, мол, с него взять, если он даже «Капитанскую дочку» Пушкина не читал, с ним и разговаривать-то о литературе не стоит.

Однако тогда, в начале 1830-х годов, Пушкин романа не написал. Он хотел знать о Пугачёве и о его бунте больше, чем было издано в России. Пушкину хотелось живого слова тех старожилов, кто ещё помнил участников восстания, а может быть, и самого вождя. Но, пожалуй, больше всего писателя занимал вопрос о том, почему Пугачёва поддержал «чёрный народ», как всё-таки он решился на бунт.

В феврале 1833 года Пушкин понял, что ему необходимо познакомиться с неопубликованными архивными документами и побывать в местах, где вспыхнуло народное недовольство. С просьбой о разрешении пользоваться материалами военного архива писатель обратился к военному министру графу А. И. Чернышёву. Чтобы не вызвать излишнее подозрение в неблагонадёжности и не получить отказ, Пушкин объяснил свой интерес намерением писать «Историю генералиссимуса князя Италийского графа Суворова-Рымниковского».

Карта-схема путешествия А. С. Пушкина

Суворов, как известно, участвовал в подавлении бунта. Однако Пушкина занимал не полководец, а объявивший себя «мужицким царём» Емельян Пугачёв.

Разрешение на знакомство с архивами Пушкин получил быстро и в конце февраля — начале марта уже держал в руках материалы Секретной экспедиции Военной коллегии Главного штаба. Уже в апреле он приступил к написанию «Истории Пугачёва» и вскоре, буквально спустя несколько недель, вчерне закончил работу. Пушкинисты предполагают, что «История...» задумывалась как введение к роману, однако переросла в самостоятельное исследование, составившее историческую основу будущего романа.

В сентябре Пушкин побывал в местах Пугачёвского бунта — в Нижнем Новгороде, Казани, Симбирске, Оренбурге, Уральске, опрашивал стариков, современников и свидетелей крестьянской войны, записывал их рассказы, предания, песни, собирал материалы в провинциальных архивах.

В октябре поэт приехал в Болдино. Там он написал новое предисловие к «Истории Пугачёва» и, вернувшись в Петербург, обратился к начальнику III отделения Его Императорского Величества канцелярии генерал-адъютанту А. Х. Бенкендорфу с письмом, в котором изложил свою просьбу: «...я думал некогда написать исторический роман, относящийся ко времени Пугачёва, но, нашед множество материалов, я оставил вымысел и написал историю Пугачёвщины. Осмеливаюсь просить через Ваше сиятельство дозволения представить оную на высочайшее рассмотрение».

Император Николай I рукопись прочитал, внёс более 20 поправок, заметил, что название «История Пугачёва» лучше заменить на «Историю Пугачёвского бунта» (с чем Пушкин согласился: «Царское название, признаемся, точнее!»), и не только разрешил печатать книгу, но и расходы по изданию отнёс на свой счёт: Пушкин заимообразно получил ссуду в 20 000 рублей.

В декабре 1834 года «История Пугачёвского бунта» вышла в свет, но встречена была холодно, тираж раскупался плохо. Министр народного просвещения С. С. Уваров «кричал» о ней «как о возмутительном сочинении». В пушкинское время слово «возмутить» имело следующее значение: «волновать, тревожить, беспокоить, побуждать к ропоту, неудовольствию, мятежу, производить восстание».

Что же «возмутило» министра в «Истории Пугачёвского бунта»? Во-первых, то, что имя Емельяна Пугачёва как государственного преступника было предано вечному забвению, а Пушкин назвал бунт его именем и сделал Пугачёва своего рода «героем» истории. Во-вторых, в официальных источниках Пугачёв изображался злодеем, патологическим извергом, тогда как в пушкинском сочинении народ отзывался о вожде бунтовщиков иначе. Пушкинский Пугачёв умный, сметливый, но необразованный, непросвещённый, как тогда говорили, мужик, вставший во главе людей, доведённых до крайности. Некоторые прямо называли его

своим мужицким царём Петром Фёдоровичем. Пушкин не скрыл высказывания в пользу Пугачёва. Он, помня исторические уроки Карамзина, о крестьянском восстании 1773—1774 годов «рассказывал со всею верностью историка». Его исторический труд о Пугачёвском бунте и по сей день не утратил своего значения. В-третьих, Пушкин пришёл к выводу, что весь «чёрный народ» был за Пугачёва, одно дворянство было против. Стало быть, интересы крестьянства и беднейших слоёв народа, включая сельских священников, и интересы дворянства были различны и несовместимы. Это было открытие новой исторической правды, поскольку официальная историография утверждала, что в России нет никаких противоречий, что она едина в своём сплочении вокруг самодержавия и церкви.

Поэт увидел и причины бунта в произволе чиновников, утеснявших казаков, в непродуманных и жестоких действиях правительственной администрации, в отсутствии законов, в закреплении народа, лишённого свободы, беззащитного и бесправного. Особенность пушкинского исторического взгляда состояла и в том, что он смотрел на события крестьянской войны уже после восстания декабристов. Ему было ясно, что опорой самодержавия стали либо выскочки, нарушившие присягу, либо чиновная бюрократия, гонявшаяся за деньгами, поместьями, чинами и далёкая от народа. В это время старинное боярство, вроде рода Пушкиных, хирело, беднело и слабело. Но именно это боярство и дворянство защищали крестьян перед бюрократической властью и было опорой трона. Не случайно Гринёв в «Капитанской дочке» не изменил присяге, остался верным ей, а крепостной крестьянин Савельич не перешёл к Пугачёву, исполнив свой долг и слово, данное барину. Пушкин, конечно, понимал, что крепостное право нужно отменять, но при этом нельзя было оставлять крестьян беззащитными перед чиновной бюрократией. Кстати, этого опасались и сами крестьяне, как впоследствии в своей поэзии отмечал Некрасов.

В свете новых исторических знаний перед Пушкиным во всей остроте встал вопрос о единстве страны, об устранении противоречий внутри её. На какой основе возможно достижение такого единства? Это была главная мысль, волновавшая Пушкина все последние годы его жизни. В сущности, именно разрешению этой идеи посвящена «Капитанская дочка».

Написав «Историю Пугачёвского бунта», Пушкин не упустил «случая, чтобы сделать добро». Научный труд стал основанием исторического романа, в котором сама история призывает обыкновенных, скромных и даже никому не известных людей к участию в ней. Пушкина в первую очередь интересуют люди в роковые моменты истории — их миропонимание, характеры, их представления о вечных ценностях — о Боге, добре и зле, долге, чести, совести, смысле жизни.

Роман «Капитанская дочка» неразрывно связан с «Историей Пугачёвского бунта», хотя чаще всего эти произведения противопоставляют друг другу, не замечая или не видя их внутреннего единства.

В «Истории Пугачёвского бунта» Пушкина интересовала прежде всего «пугачёвщина», т. е. само восстание, а не его инициаторы, вожди и вдохновители. Они обрисованы Пушкиным скупой, в отличие, например, от «Капитанской дочки», где столь выразительны портреты Пугачёва, Хлопуши, Белобородова и даже рядовых участников крестьянской войны. В «Истории Пугачёвского бунта» всё повествование занял размах восстания и как бы «образ» восстания в народном сердце и в народной памяти.

Возмущённая народная стихия, по мысли Пушкина, лишена какой-либо чёткой политической сознательности, хотя её элементы проскальзывают в действиях восставших. В «Капитанской дочке» Пугачёв рассказывает Гринёву притчу об орле и вороне. Смысл её многозначен: с одной стороны, народ возжаждал вольной и яркой жизни, где его силы могли бы развернуться. Однако, с другой стороны, смысл притчи оттеняет и политическую наивность народа, пользующегося моментом. Ощувив свободу, он превращает её в разгул, и она сразу оборачивается своеволием и произволом. Мечта Пугачёва, как признаётся он Гринёву, — «поцарствовать». Пушкинский герой в ответ на притчу Пугачёва резонно замечает: «Но жить убийством и разбоем значит по мне клевать мертвечину».

«Капитанская дочка» Пушкина вобрала в себя богатый материал, освоенный и обобщённый в «Истории Пугачёвского бунта». И это касается самых разнообразных деталей: золочёного «дворца» Пугачёва, портретов мятежников, их реплик, характеристик персонажей, описаний Оренбурга и Казани, предметов быта и обихода, разговоров и поведения. За каждой строкой чувствуется полное погружение в эпоху, в психологию исторических лиц. Но главное всё же в том, что вымышленные герои Пушкина включились в большое историческое движение, определившее их судьбы, заставившее их делать выбор. Они невольно оказываются причастными к истории, слушают её, непосредственно извлекая нравственные уроки. И по воле Пушкина они переживают самые яркие, самые счастливые минуты, каких уже никогда, пожалуй, не будет в их жизни. Немногим выпадает на долю жить в поворотные, крутые моменты истории и быть в самой гуще её роковых событий. Пушкинские герои общаются с главными её участниками, с теми, кто её творит. История прошла через их сердца. Они встречаются с Пугачёвым и Екатериной II, участвуют в боевых действиях и обращаются к ним за помощью.

Следуя исторической истине, Пушкин не привёл Гринёва в стан Пугачёва. Его герой не признал самозванца Петром III. Пушкин знал, что ни один потомственный дворянин из древних фамилий не служил Пугачёву. Лишь Шванвич (один из прототипов Швабрина) оказался изменником, да и то уклонялся от поручений и при первой возможности сбежал и явился с повинной. В повести Швабрин делается предателем по собственной воле из-за своей человеческой

низости. На самом деле он попал в плен. Как бы то ни было, Гринёв Пугачёву не служит, но самозванец его помиловал и даже оказал помощь, вырвав Марию Ивановну из рук Швабрина.

В «Капитанской дочке» исторические события призваны оттенить человеческие качества героев. Это равно относится и к Гринёву, и к Пугачёву, и к второстепенным персонажам. Например, генерал Рейнсдорп в «Истории Пугачёвского бунта» — нерешительный, глуповатый, лишённый военного таланта незадачливый полководец. В «Капитанской дочке» у Андрея Карловича Р. эти качества сохранены, но, кроме них, он ещё и верен старой дружбе, и добр, и способен на сожаление.

Первый план исторического труда заняло крестьянское движение, а в «Капитанской дочке» — Пугачёв. В «Истории Пугачёвского бунта» последовательно описан ход восстания: противостояние лагерей, расслоение внутри каждого из них, действия бунтовщиков и правительственных начальников. Тут — сама история, как она реально совершалась.

Пугачёв нарисован в «Капитанской дочке» куда более живо, чем в «Истории Пугачёвского бунта». «Его видишь, его слышишь», — писал Вяземский. И надо сказать, что это имеет первостепенное значение для художественной мысли Пушкина. Если «Историей Пугачёвского бунта» поэт преследовал практическую цель — указать на необходимость преобразований, то «Капитанской дочкой» он художественно решал более отдалённую, но не менее глубокую гуманистическую проблему: как достичь единства нации, как примирить противоречия и на какой основе это возможно. Оказалось, что почва для сближения «мужицкого царя», повстанца Пугачёва, и дворянина Гринёва есть, но она ещё не в настоящем, а в будущем. Пугачёв и Гринёв — в разных лагерях, но человечность, уважение к личности других людей, к их простым чувствам объединяют пушкинских героев. Пугачёв, следуя народной нравственности, заступает за сироту, он как-то по-отечески сочувствует Гринёву и предлагает даже сыграть свадьбу и попить. А Гринёв, проявляя жалость к замерзающему мужику, предостерегая его от предвидимого печального конца, искренне желает Пугачёву добра, и тот это чувствует и ценит. Так дворянин и враг дворян находят общий язык, между ними на короткий срок устанавливается взаимопонимание, и Пушкину оно особенно дорого. Человечность вожакого в «Капитанской дочке» высвечена ярче, чем в «Истории Пугачёвского бунта». Но не забудем, сколь многим в «Капитанской дочке» поэт был обязан добросовестному и проницательному историку, автору «Истории Пугачёвского бунта».

Но удивительно, что те же самые качества при других обстоятельствах проявляет и императрица Екатерина II. Она тоже не может обидеть сироту. Значит, и у вождя крестьянского бунта, и у грозной самодержицы всероссийской есть нечто общее в нравственных принципах, в моральных понятиях. Стало быть,

эти общечеловеческие принципы могут быть сближены, несмотря на противоположность и несовместимость интересов Екатерины и Пугачёва. Оба персонажа склонны проявить милость к Гринёву.

И тут мы понимаем, что на основе общечеловеческих ценностей можно основать единство не только одного народа, но и всего человечества. Вот каков вселенский масштаб мысли Пушкина! Она простирается в далёкие времена, ещё и ныне не достигнутые человечеством, в такую эру, когда непреложным законом стран и народов станет не противоречие интересов, а общечеловеческое братство, когда принципом политической власти станет милость, вдохновенно воспетая Пушкиным не только в «Капитанской дочке», но и в «Пире Петра Первого», в «Герое», в «Анджело», в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».

В. И. Коровин, В. А. Кожевников

Проверьте себя

1. **Дискуссия.** В чём заключался историзм Пушкина? В чём разница подходов А. С. Пушкина к Пугачёвскому восстанию в «Истории Пугачёвского бунта» и «Капитанской дочке»?
2. Внимательно прочитайте статью об историческом труде Пушкина, составьте её цитатный план и постарайтесь пересказать её содержание.
- 3★. Сопоставьте главы из «Истории Пугачёвского бунта» с текстом «Капитанской дочки». Найдите разницу в отношении автора к Пугачёву и объясните её.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

«Капитанская дочка»

1. Вы прочитали и обсудили роман А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Сейчас прослушали главу «Вожатый» в исполнении Юрия Васильева. На чём сосредоточивает внимание актёр? Какие интонации, логические ударения помогают вам представить характер вожатого?
2. Какие новые впечатления о героях романа появились у вас после прослушивания актёрского чтения?
3. Изменилось ли у вас отношение к героям и их поступкам?
4. Как настраивает музыка на восприятие бурана, как передаёт особое, тревожное состояние героев?
5. Как меняется темп чтения актёра, когда вожатый ведёт разговор с хозяином постоянного двора?
6. Какое впечатление у вас возникает при чтении актёром первого и второго отрывков?
7. Как меняется настроение чтеца при чтении главы «Сирота»?

Размышляем о прочитанном

Глава I. Сержант гвардии

1. Глава называется «Сержант гвардии». О ком рассказывается в этой главе? Какова была семья Гринёва? Какую роль в его детстве играли Савельич и Бопре? Как родители провожали Петрушу на службу и какими словами напутствовал его отец?
2. Как характеризует Гринёва и Савельича эпизод с Зуриным?

Глава II. Вожатый

1. **Публичное выступление.** Почему глава начинается народной песней? Как характеризует Гринёва разговор с Савельичем? Каков характер Савельича? Дорога, буран — расскажите об этом. Какой смысл для дальнейших событий имеет сон Петруши? Опишите портрет вожатого, его таинственный разговор с хозяином. В чём его иносказательность?
2. Как отблагодарил Гринёв вожатого?
3. Чем интересен разговор Гринёва с генералом? Как Гринёв объяснил генералу выражение «держат в ежовых рукавицах»? Каков истинный смысл этого выражения? Проверьте, как объясняется этот оборот во фразеологическом словаре.

Глава III. Крепость

1. **Публичное выступление.** Что представляли собой Белогорская крепость, порядки, заведённые в ней? Чем объяснить такой «семейный» характер отношений между людьми в крепости? Расскажите о её обитателях — Иване Кузмиче, его жене, Швабрине, Марье Ивановне. Какое значение имеет солдатская песня (эпиграф к главе III)?
2. Каковы ваши впечатления о каждом из героев?

Глава IV. Поединок

1. Как проявили себя Гринёв и Швабрин в главе «Поединок»?
2. Что нового вы узнали о них? Какие черты характера стали проявляться в Гринёве?

Глава V. Любовь

1. **Публичное выступление.** Перескажите подробно главу от лица Марьи Ивановны. Расскажите, какие черты характера проявили герои во взаимоотношениях друг с другом. Какой смысл вкладывает автор в народную песню — эпиграф?
2. Что можно сказать о Швабрине?
3. Как вы понимаете слова Гринёва о «благом потрясении»?

Глава VI. Пугачёвщина

1. Опишите губернию, которая «обитаема была множеством полудиких народов». Можно ли считать, что этим описанием Пушкин как бы подготавливает читателя к событиям, которые произойдут в Белогорской крепости?
2. Какие приготовления начались в крепости после получения письма от генерала?

Глава VII. Приступ

1. О чём говорит песня, взятая в качестве эпиграфа к этой главе? Почему так быстро удалось Пугачёву взять крепость?
2. Как вели себя немногочисленные защитники крепости? О чём хочет сказать автор фразой: «Народ повалил на площадь; нас погнали туда же»? Как приняли смерть Иван Кузмич, Иван Игнатьич, Василиса Егоровна?

Глава VIII. Незванный гость

1. В чём смысл эпиграфа к этой главе?
2. Кого Гринёв называет «новобранными изменниками» и почему?
3. Какие настроения пугачёвцев передаёт бурлацкая песня?
4. Каким предстал перед Петрушей военный совет Пугачёва? Почему Пугачёв простил дерзкие и правдивые речи Гринёву?

Глава IX. Разлука

1. Швабрин на службе у Пугачёва. Савельич предъявляет счёт Пугачёву. Прощание с Марьей Ивановной. Прочитайте и прокомментируйте названные эпизоды.
2. Подготовьте близкий к тексту пересказ эпизодов.

Глава X. Осада города

1. Как встретился Гринёв с генералом? Что происходило в городе на военном совете? О каком «подкупательном движении» говорили на совете?
2. Что происходило при осаде города?
3. О чём писала Марья Ивановна?

Глава XI. Мятежная слобода

1. Как держался Гринёв в пугачёвском стане и как вели себя пугачёвцы? Чем интересен разговор Пугачёва и Гринёва?
2. Что значат слова Пугачёва: «Улица моя тесна; воли мне мало»?
3. Какое значение имеет сказка Пугачёва об орле и как отреагировал на неё Гринёв? В чём смысл этого диалога?

Глава XII. Сирота

1. Как в этой главе рассказчик называет Швабрина?
2. Почему Пугачёв решил помиловать Марью Ивановну?

Глава XIII. Арест

Почему Гринёву пришлось расстаться с Марьей Ивановной?

Глава XIV. Суд

1. По чьей вине Гринёв был привлечён к суду и почему оправдан?
2. Как сложилась дальнейшая судьба героев?
3. Подумайте, как происходило взросление героя: от недоросля к человеку достойному и честному. Вспоминаются ли при этом «благие потрясения»?
4. **Дискуссия.** Как относится автор к героям? Подтвердите своё мнение цитатами из текста произведения. Что можно сказать о пушкинском отношении к восстанию, восставшим, Гринёву, Пугачёву, Маше Мироновой?

ПОДВЕДЁМ ИТОГИ

1. Кто главные герои романа? Почему он назван «Капитанская дочка»?
2. Известно, что по России в 1831 году прокатилась волна холерных бунтов, вооружённых выступлений. Об этом знал Пушкин. Роман же посвящён народным выступлениям XVIII века. Исследователи пушкинского творчества считают, что, по мысли Пушкина, истоки настоящего лежали в прошлом России и что там надо было искать и найти ответы на вопросы, которые его волновали. Согласны ли вы с этим суждением? Можно ли в прошлом найти объяснение современным событиям?
3. **Работа в группе.** Приступая к роману, Пушкин изучил документы, манифесты, указы Екатерины II, воспоминания современников Пугачёвского восстания, он писал: «Я прочёл со вниманием всё, что было напечатано о Пугачёве, и сверх того 18 толстых томов разных рукописей, указов, донесений и проч. Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мною описанной, проверяя мёртвые документы словами ещё живых, но престарелых очевидцев...», затем создал научный труд «История Пугачёвского бунта». Найдите на «Карте путешествий А. С. Пушкина» те места, где пришлось побывать поэту, когда он подготавливал материалы для исторической повести о Пугачёве и «Капитанской дочки». Расскажите, что вы об этом знаете.
4. Подготовьте рассказы о действующих лицах романа — Пугачёве, Швабрине, Гринёве, Маше, Савельиче.
5. Вспомните, какой эпиграф предпослан роману. Что хотел сказать этим автор? Каковы тема и идея «Капитанской дочки»? Какова концовка романа «Капитанская дочка» и в чём её смысл?
6. Какие «проверки» устраивает автор Гринёву и Швабрину на честность и на милосердие? В чём смысл четырёх встреч героев? Какие особенности человеческих характеров и человеческого общения они раскрывают?
7. **Дискуссия.** Подняться над жестоким веком, сохранив в себе гуманность, человеческое достоинство и уважение к живой жизни людей, — такой видят главную мысль романа некоторые литературоведы. Согласны ли вы с такой точкой зрения? Можно ли считать, что Пушкин мечтал, чтобы Гринёв соблюдал честь дворянина, Савельич — честь крестьянина и чтобы человечность объединяла все сословия? Какие герои «Капитанской дочки» и когда проявляют сочувствие, сострадание, доброту, честность и т. д.?

Литература и другие виды искусства

Рассмотрите иллюстрации художников А. Бенуа, П. Соколова, С. Герасимова, Д. Шмаринова к роману. Найдите и прочитайте эпизоды из романа, изображённые на рисунках. Какие черты характеров героев романа подчёркивают иллюстраторы?

Творческое задание

Какие вечные проблемы поднимает А. С. Пушкин в этом произведении? Напишите сочинение-эссе на эту тему.

Опыт литературоведческого исследования

1. Сопоставьте отрывки из книги «История Пугачёвского бунта» Пушкина с прочитанным вами романом. Какие документы, описания событий, по вашему мнению, в той или иной степени отражены в тексте «Капитанской дочки» (например, рассказ отца И. А. Крылова, участника этих исторических событий)? Сравните портрет Пугачёва в романе и в «Истории Пугачёвского бунта». В чём сходство и в чём различие? Известный историк В. О. Ключевский признавал, что в «Капитанской дочке» больше истории, чем в «Истории Пугачёвского бунта». Как вы понимаете это высказывание? Что хотел сказать этим историк? Подготовьте развёрнутый письменный ответ на этот вопрос.
2. **Публичное выступление.** Итак, мы выяснили, что внимание к истории для крупного писателя не ограничивается только произведениями, посвящёнными историческим событиям. В любом произведении, прошедшем испытание временем, в той или иной степени автор касается истории, жизни и деятельности людей определённой эпохи, следовательно, отражает историческое время, характеры людей этой эпохи, своеобразие их поступков, взаимоотношений. Согласны ли вы с этим суждением? Постарайтесь на примерах произведений разных жанров одного писателя подтвердить эту точку зрения. Подготовьте сообщение по этой проблеме в письменной или устной форме.

Проект

1. Используя материалы сайта <http://gotourl.ru/15537>, другие ресурсы Интернета и статью в разделе учебника «Литературные места России», подготовьте заочную экскурсию «Пушкин в Оренбурге».
2. **Работа в группе.** Подготовьте и проведите викторину «Пушкин и его родословная», при подготовке используйте материалы книги В. Я. Коровиной, В. П. Журавлева, В. И. Коровина «Читаем, думаем, спорим...» для 8 класса (М.: Просвещение, 2021).

Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ

1814—1841

Предложенные вниманию учащихся стихотворения принадлежат к зрелой поре творчества поэта. Известно, что лирика Лермонтова в послепушкинском развитии поэзии стала событием — она отразила важнейшие перемены в общественном сознании передовой дворянской интеллигенции, которая не мирилась с отсутствием духовной и политической свободы, но после поражения восстания декабристов была лишена возможности идейной борьбы. Признание за личностью абсолютных прав и наряду с этим утрата веры в осуществимость общественного идеала в глухие годы реакции 1830-х годов предопределили протестующий и трагический характер лирики поэта.

Герой зрелой лирики становится ближе к людям и более земным в своих переживаниях. Поэт поворачивается лицом к народной жизни, к крестьянской России и её быту («Родина»), стремится постичь душу обыкновенного человека, открывая в ней тот же трагизм одиночества, который несёт в собственной душе. Вследствие этого и трагедия героя-избранника в значительной степени утрачивает черты былой исключительности и всё более осмысливается как обычная трагедия человека в современной поэту России.

Критика теперь распространяется не только на духовно нищих людей — «светскую чернь», но и на всё «поколение», которое вместе с лирическим героем обречено враждебной действительностью на рабское безмолвие и общественную пассивность. Исключительность лирического героя теперь подвергается сомнению, и он невольно чувствует недоступную ему «правду толпы» («Не верь себе»). Он хочет найти опору своим мятежным настроениям и в истории, и в ходе обычной жизни. Однако эти мотивы не успели зазвучать отчётливо и мощно.

С внутренней эволюцией поэта связаны изменения в тональности и стиле его лирики. Не примиряясь с действительностью, раздумья о ней он часто вы-

ражает теперь не в одном лишь «оглушающем языке» «шумных бурь природы» и «тайных страстей», но и в нарочитой прозаичности разговорной речи, в не-весёлой иронии.

В поздней лирике Лермонтов избегает открытой эмоциональности, становится строже в лирических высказываниях, разнообразнее использует интонационные средства и одновременно лаконичнее передаёт переживания.

Поэт более чуток к духовным процессам, к их «логике». Соединение жанровых форм становится одним из важных путей их обновления. Баллада, например, вбирает признаки романа («Тамара») и песни («Дары Терека»), рассказ сливается с элегией («Бородино»), с посланием («Валерик»), с песней, имеющей фольклорную основу («Казачья колыбельная песня»), и т. д.

Лермонтов был признан преемником Пушкина. В памяти поколений он живёт как страдалец-мятежник и поэт-бунтарь. В поэзии Лермонтова народ чтит духовную неуспокоенность, бескомпромиссность, дерзкое отрицание косной неподвижности бытия, вечную устремлённость к свободе, жажду внутренней цельности и гармонии с миром.

Казачья колыбельная песня

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползёт на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой — старый воин,
Закалён в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.

Сам узнаешь, будет время,
Бранное житьё;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмёшь ружьё.

Я седельце боевое
Шёлком разошью...
Спи, дитя моё родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнёшь рукой...
Сколько горьких слёз украдкой
Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;

«Казачья колыбельная».
Художник М. Клодт

Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...
Спи ж, пока забот не знаешь,
Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся Богу,
Ставь перед собой;
Да, готовясь в бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

Размышляем о прочитанном

1. Что обещает мать своему дитяти?
2. Как окружающие могут испугать малютку?
3. Почему спокойна мать? Кто может защитить их?
4. Какие опасности ждут ребёнка впереди?
5. Какие горести предвидит мать?
6. Как вы понимаете слова: *колыбель, дремлю, закалён в бою, стремя, украдкой?*

Валерик¹

Я к вам пишу случайно, — право,
Не знаю как и для чего.
Я потерял уж это право.
И что скажу вам? — ничего!
Что помню вас? — но, Боже правый,
Вы это знаете давно;
И вам, конечно, всё равно.

И знать вам также нету нужды,
Где я? что я? в какой глуши?
Душою мы друг другу чужды,
Да вряд ли есть родство души.
Страницы прошлого читая,
Их по порядку разбирая
Теперь остывшим умом,

¹ Валерик — приток Сунжи — реки, впадающей в Терек.

Разуверяюсь я во всём.
 Смешно же сердцем лицемерить
 Перед собою столько лет;
 Добро б ещё морочить свет!
 Да и притом что пользы верить
 Тому, чего уж больше нет?..
 Безумно ждать любви заочной?
 В наш век все чувства лишь на срок;
 Но я вас помню — да и точно,
 Я вас никак забыть не мог!

Во-первых, потому, что много
 И долго, долго вас любил,
 Потом страданьем и тревогой
 За дни блаженства заплатил,
 Потом в раскаяньи бесплодном
 Влачил я цепь тяжёлых лет
 И размышлением холодным
 Убил последний жизни цвет.
 С людьми сближаясь осторожно,
 Забыл я шум молодых проказ,
 Любовь, поэзию, — но вас
 Забыть мне было невозможно.

И к мысли этой я привык,
 Мой крест несу я без роптанья:
 То иль другое наказание? —
 Не всё ль одно. Я жизнь постиг.
 Судьбе как турок иль татарин
 За всё я ровно благодарен;
 У Бога счастья не прошу
 И молча зло переношу.
 Быть может, небеса Востока
 Меня с ученьем их пророка
 Невольно сблизили. Притом
 И жизнь всечасно кочевая,
 Труды, заботы ночь и днём,
 Всё, размышлению мешая,
 Приводит в первобытный вид
 Больную душу: сердце спит,

Простора нет воображенью...
 И нет работы голове...
 Зато лежишь в густой траве
 И дремлешь под широкой тенью
 Чинар иль виноградных лоз,
 Кругом белеются палатки;
 Казачьи тощие лошадки
 Стоят рядком, повеса нос;
 У медных пушек спит прислуга,
 Едва дымятся фитили;
 Попарно цепь стоит вдали;
 Штыки горят под солнцем юга.
 Вот разговор о старине
 В палатке ближней слышен мне;
 Как при Ермолове¹ ходили
 В Чечню, в Аварию², к горам;
 Как там дрались, как мы их били,
 Как доставалось и нам.
 И вижу я неподалёку
 У речки, следуя пророку,
 Мирной татарин свой намаз
 Творит, не подымая глаз;
 А вот кружком сидят другие.
 Люблю я цвет их жёлтых лиц,
 Подобный цвету ноговиц³,
 Их шапки, рукава худые,
 Их тёмный и лукавый взор
 И их гортанный разговор.
 Чу — дальний выстрел! прожужжала
 Шальная пуля... славный звук...
 Вот крик — и снова всё вокруг
 Затихло... но жара уж спала,
 Ведут коней на водопой,
 Зашевелилася пехота;
 Вот проскакал один, другой!

¹ *Ермолов Алексей Петрович* (1777—1861) — полководец, дипломат, герой Отечественной войны 1812 года, в 1816—1827 годах — главнокомандующий на Кавказе.

² *Авария* — в ту пору Аварское ханство в Дагестане.

³ *Ноговицы* — род голенищ, застёгивающихся вокруг голени.

Шум, говор: «Где вторая рота?»
 — «Что, вьючить?» — «Что же капитан?»
 — «Повозки выдвигайте живо!»
 «Савельич!» — «Ой ли!» —
 — «Дай огнѣво!» —

Подъѣм ударил барабан,
 Гудит музыка полковая;
 Между колоннами въезжая,
 Звенят орудья. Генерал
 Вперѣд со свитой поскакал...
 Рассыпались в широком поле,
 Как пчѣлы, с гиком казаки;
 Уж показались значки
 Там на опушке — два и боле.
 А вот в чалме один мюрид¹
 В черкеске красной ездит важно,
 Конь светло-серый весь кипит,
 Он машет, кличет — где отважный?
 Кто выдет с ним на смертный бой!..
 Сейчас, смотрите: в шапке чѣрной
 Казак пустился гребенской;
 Винтовку выхватил проворно,
 Уж близко... Выстрел... Лѣгкий дым...
 «Эй вы, станичники, за ним...»
 — «Что? ранен!..» — «Ничего, безделка...»
 И завязалась перестрелка...

Но в этих сшибках удалых
 Забавы много, толку мало.
 Прохладным вечером, бывало,
 Мы любовались на них,
 Без кровожадного волненья,
 Как на трагический балет.
 Зато видал я представленья,
 Каких у вас на сцене нет...

¹ *Мюри́д* — у мусульман: последователь духовного наставника, в данном случае сподвижник Шамиля, возглавлявшего движение горцев Дагестана и Чечни за освобождение их от власти царизма.

Раз — это было под Гихами¹ —
 Мы проходили тёмный лес;
 Огнём дыша, пылал над нами
 Лазурно-яркий свод небес.
 Нам был обещан бой жестокий.
 Из гор Ичкерии² далёкой
 Уже в Чечню на братний зов
 Толпы стекались удальцов.
 Над допотопными лесами
 Мелькали маяки кругом;
 И дым их то вился столпом,
 То расстилался облаками;
 И оживились леса,
 Скликались дико голоса
 Под их зелёными шатрами.
 Едва лишь выбрался обоз
 В поляну, дело началось.
 Чу! в арьергард³ орудья просят,
 Вот ружья из кустов <вы>носят,
 Вот тащат за ноги людей
 И кличут громко лекарей.
 А вот и слева, из опушки,
 Вдруг с гиком кинулись на пушки,
 И градом пуль с вершин деревьев
 Отряд осыпан. Впереди же
 Всё тихо — там между кустов
 Бежал поток. Подходим ближе.
 Пустили несколько гранат.
 Ещё подвинулись; молчат;
 Но вот над брёвнами завала
 Ружьё как будто заблестало;

¹ *Гихи* (чеч.) — река, приток реки Сунжи, и одноимённый аул. До 1845 года на берегах Гихи располагалось много аулов. На пространстве между Гихи и рекой Валерик, представлявшем заболоченную местность, покрытую густым лесом, тоже находились чеченские аулы. Лермонтов, посетив эти места в составе военного отряда осенью 1840 года, упомянул Гихи в стихотворении «Валерик».

² *Ичкерия* — территория Северного Кавказа, находившаяся южнее Терека и Сунжи.

³ *Арьергáрд* (от фр. *arriere* — задний, тыловой и *garde* — стража) — часть, высылаемая от общевойскового соединения для прикрытия отхода главных сил.

Потом мелькнуло шапки две;
 И вновь всё спряталось в траве.
 То было грозное молчанье,
 Не долго длилось оно,
 Но <в> этом странном ожиданье
 Забилося сердце не одно.
 Вдруг залп... Глядим: лежат рядами —
 Что нұжды? — здешние полки,
 Народ испытанный... «В штыки,
 Дружнее!» — раздалось за нами.
 Кровь загорелася в груди!
 Все офицеры впереди...
 Верхом помчался на завалы
 Кто не успел спрыгнұть с коня...
 «Ура!» — и смолкло. «Вон кинжалы,
 В приклады!» — и пошла резня.
 И два часа в струях потока
 Бой длился. Резались жестоко,
 Как звери, молча, с грудью грудь,
 Ручей телами запрудили.
 Хотел воды я зачерпнуть
 (И зной и битва утомили
 Меня)... но мутная волна
 Была тепла, была красна.

На берегу, под тенью дуба,
 Пройдя завалов первый ряд,
 Стоял кружок. Один солдат
 Был на коленях. Мрачно, грубо
 Казалось выражение лиц,
 Но слёзы капали с ресниц,
 Покрытых пылью... На шинели,
 Спиною к дереву, лежал
 Их капитан. Он умирал.
 В груди его едва чернели
 Две ранки; кровь его чуть-чуть
 Сочилась. Но высоко грудь
 И трудно подымалась; взоры
 Бродили страшно, он шептал:
 «Спасите, братцы. Тащат в горы.

Пойдите — ранен генерал...
 Не слышат...» Долго он стонал,
 Но всё слабей, и понемногу
 Затих и душу отдал Богу;
 На ружья опершись, кругом
 Стояли усачи седые...
 И тихо плакали... Потом
 Его остатки боевые
 Накрыли бережно плащом
 И понесли. Тоской томимый,
 Им вслед смотрел <я> недвижимый.
 Меж тем товарищей, друзей
 Со вздохом возле называли;
 Но не нашёл в душе моей
 Я сожаленья, ни печали.
 Уже затихло всё; тела
 Стащили в кучу; кровь текла
 Струёю дымной по камням,
 Её тяжёлым испареньем
 Был полон воздух. Генерал
 Сидел в тени на барабане
 И донесенья принимал.
 Окрестный лес, как бы в тумане,
 Синел в дыму пороховом.
 А там вдали грядой нестройной,
 Но вечно гордой и спокойной,
 Тянулись горы — и Казбек
 Сверкал главой остроконечной.
 И с грустью тайной и сердечной
 Я думал: «Жалкий человек.
 Чего он хочет!.. Небо ясно,
 Под небом места много всем,
 Но беспрестанно и напрасно
 Один враждует он — зачем?»
 Галуб прервал моё мечтанье.
 Ударив по плечу, — он был
 Кунак¹ мой, — я его спросил,
 Как месту этому название?

¹ *Куна́к* — у кавказских горцев: друг, приятель.

«При Валерике. 12 июля 1840 года».

Акварель М. Ю. Лермонтова.

Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург

Он отвечал мне: «Валерик,
А перевести на ваш язык,
Так будет речка смерти: верно,
Дано старинными людьми».
— «А сколько их дралось примерно
Сегодня?» — «Тысяч до семи».
— «А много горцы потеряли?»
— «Как знать? — зачем вы не считали!»
— «Да! будет, — кто-то тут сказал, —
Им в память этот день кровавый!»
Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал.

Но я боюсь вам наскучить,
В забавах света вам смешны
Тревоги дикие войны.
Свой ум вы не привыкли мучить
Тяжёлой думой о конце.
На вашем молодом лице
Следов заботы и печали

Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Как умирают. Дай вам Бог
И не видать: иных тревог
Довольно есть. В самозабвеньи
Не лучше ль кончить жизни путь?
И беспробудным сном заснуть
С мечтой о близком пробужденьи?

Теперь прощайте: если вас
Мой безыскусственный рассказ
Развеселит, займёт хоть малость,
Я буду счастлив. А не так? —
Простите мне его как шалость
И тихо молвите: чудак!..

Размышляем о прочитанном

1. Что означают выражения: *душою... чужды, остынувшим умом, морочить свет?*
2. Кому пишет поэт — другу, любимой? Аргументируйте свой ответ.
3. Почему поэт не может забыть того, кому адресует своё послание?
4. Что рассказывает поэт о старине, о боях, «сшибках удалых»?
5. Почему поэт употребляет выражение «забилось сердце не одно», описывая момент ожидания боя?
6. С какой целью Лермонтов так подробно описывает схватку («в приклады...», «резались жестоко...», «ручей телами запрудили...», «капитан... умирал...», «усачи седые... тихо плакали...»)?
7. Почему поэт осуждает бойню?
8. Как перевёл кунак слово «Валерик»?
9. Почему поэт думает, что не все горюют, что не все свой ум «привыкли мучить тяжёлой думой о конце»?

Позма «Мцыри» (1839). В начале своего творчества Лермонтов убеждён, что история представляет собой арену борьбы свободы и тирании, добра и зла. Однако такой взгляд на историю во второй половине 1830-х годов утрачивает для поэта свою притягательность. Он проникается мыслью, что личное вольнолюбие и личное стремление к свободе при всей их ценности терпят крушение и что причиной катастрофы выступают не личные убеждения и пороки гордых и смело вступающих в борьбу с деспотизмом и его проявлениями героев, а стоящая над ними власть обстоятельств. Она мыслится сначала роковой предначертанностью событий, Божьей волей.

Герой поэмы «Мцыри» чувствует не только свою зависимость от того, что, рождённый в естественной среде, он воспитывался в неволе, в монастыре, и это оставило неизгладимый след в его душе и повлияло на его судьбу, но и зависимость своей участи от высших сил. Лермонтов даёт понять, что движение истории зависит не только от усилий личности, но и от пока ещё неясных, таинственных обстоятельств, которые управляют самой личностью.

Поэма «Мцыри» начинается кратким эпическим зачином, в котором дана предыстория героя. Действие поэмы перенесено в прошлое. Трагическая и мятёжная судьба начинается с того, что Мцыри взят в плен ребёнком. Лермонтов сразу же подчёркивает противоречивость — он «пуглив и дик», «слаб и гибок», но «в нём мучительный недуг / Развил тогда могучий дух / Его отцов».

Могущество внутреннего духа и слабость тела — вот характерное противоречие Мцыри, объясняемое оторванностью от родных мест и неясной тоской по родине. Могучий дух возрос в чужой ему искусственной среде, он питается воспоминаниями и неясными предчувствиями вольной жизни.

Мцыри поставлен в один ряд с природой, временами он чувствует себя диким и вольным зверем. Именно здесь, в столкновении с природой, слабый телом юноша ощутил необыкновенный прилив сил, гармонию телесного и духовного. Природа напрягает душевные силы юноши, даёт ему отдых, утоляет жажду, приносит счастье любви. Эпизод с грузинкой раскрывает духовный мир Мцыри, его жажду счастья, любви, добра, его приверженность прекрасному миру, полноту его желаний и недостижимость для него простого счастья, его принципиальную невозможность. Чувство Мцыри остаётся томлением, тоской, оно овеяно печалью и грустью.

Доверие к жизни и к внутренним силам личности провозглашает и поэтизирует Лермонтов в «Мцыри».

С течением времени Лермонтов перестал изображать, как это было в начале 1830-х годов, своих героев, взятых из истории, носителями современного ему сознания. Он уже не переносил исторические, социальные, психологические понятия, свойственные его времени, в прошедшие исторические эпохи.

Герои Лермонтова думали и говорили так, как они могли думать и говорить в те годы, когда они жили и действовали. Это особенно хорошо видно в стихотворении «Бородино», где передано патриотическое чувство русских людей, в том числе старого солдата-артиллериста, рассказывающего своим языком с присущими ему живыми интонациями о сражении при Бородине. С глубоким сожалением Лермонтов передаёт и своё ощущение: «нынешнее племя» стало мельче, в нём нет богатырей, подобных старым русским воинам, победившим в Отечественную войну 1812 года. Это досадное переживание сменялось, однако, более светлым, в котором сквозила надежда.

Через три года Лермонтов написал знаменитую «Родину», где вновь сказал о богатырстве в России и о любви к ней. Теперь Родина представилась ему

страной, как бы предназначенной для жизни богатырей: бесконечные степи, огромные просторы, широкие, подобные морям реки. Но поэт увидел и другую сторону: печаль, бедность, скромный быт. В этих противоречиях открылась поэту Россия, и, признаваясь в любви к ней, он искренне радовался нехитрому довольству крестьянской жизни, если ему удавалось его заметить. В таком понимании России Лермонтову помог подлинный историзм. Он стал складываться в его творчестве по мере постижения жизни народа в прошлом и настоящем.

Проверьте себя

1. Вспомните, какие произведения на историческую тему, созданные Лермонтовым, вам известны. Расскажите о них.
2. Прочитайте наизусть одно из стихотворных произведений поэта на историческую тему. Расскажите об авторской трактовке исторического события в выбранном вами стихотворении.

Мцыри¹

Вкушая, вкусих мало мёда, и се
аз умираю.

1-я Книга Царств²

1

Немного лет тому назад,
Там, где, сливаясь, шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод;
Но не курится уж под ним
Кадильниц³ благовонный дым,
Не слышно пенье в поздний час

¹ *Мцы́ри* — на грузинском языке значит «неслужащий монах», нечто вроде «послушника». (Прим. Лермонтова.) *Послу́шник* — человек, живущий в монастыре и готовящийся принять монашество.

² «*Вкуша́я, вкусих́ ма́ло ме́да, и се аз умира́ю*» — «Я попробовал немного мёду, и вот я умираю» (слова из Библии). Смысл эпиграфа: не много радостей пришлось испытать герою, и вот он должен умереть.

³ *Кади́льница* — сосуд для благовонных курений во время церковной службы.

Молящих иноков за нас.
 Теперь один старик седой,
 Развалин страж полуживой,
 Людьми и смертью забыт,
 Сметает пыль с могильных плит,
 Которых надпись говорит
 О славе прошлой — и о том,
 Как, удручён своим венцом,
 Такой-то царь, в такой-то год,
 Вручал России свой народ.

И Божья благодать сошла
 На Грузию! она цвела
 С тех пор в тени своих садов,
 Не опасая врагов,
 За гранью дружеских штыков.

2

Однажды русский генерал
 Из гор к Тифлису проезжал;
 Ребёнка пленного он вёз.
 Тот занемог, не перенёс
 Трудов¹ далёкого пути;
 Он был, казалось, лет шести;
 Как серна гор, пуглив и дик
 И слаб и гибок, как тростник.
 Но в нём мучительный недуг
 Развил тогда могучий дух
 Его отцов. Без жалоб он
 Томился, даже слабый стон
 Из детских губ не вылетал,
 Он знаком пищу отвергал
 И тихо, гордо умирал.
 Из жалости один монах
 Больного призрел, и в стенах
 Хранительных остался он,
 Искусством дружеским спасён.
 Но, чужд ребяческих утех,
 Сначала бегал он от всех,

¹ *Труды* — здесь: трудности, мучения.

Бродил безмолвен, одинок,
 Смотрел, вздыхая, на восток,
 Томим неясною тоской
 По стороне своей родной.
 Но после к плену он привык,
 Стал понимать чужой язык,
 Был окрещён святым отцом
 И, с шумным светом незнаком,
 Уже хотел во цвете лет
 Изречь монашеский обет¹,
 Как вдруг однажды он исчез
 Осенней ночью. Тёмный лес
 Тянулся по горам кругом.
 Три дня все поиски по нём
 Напрасны были, но потом
 Его в степи без чувств нашли
 И вновь в обитель принесли.
 Он страшно бледен был и худ
 И слаб, как будто долгий труд,
 Болезнь иль голод испытал.
 Он на допрос не отвечал
 И с каждым днём приметно вял.
 И близок стал его конец;
 Тогда пришёл к нему чернец
 С увещеваньем и мольбой;
 И, гордо выслушав, больной
 Привстал, собрав остаток сил,
 И долго так он говорил:

3

«**Т**ы слушать исповедь мою
 Сюда пришёл, благодарю.
 Всё лучше перед кем-нибудь
 Словами облегчить мне грудь,
 Но людям я не делал зла,
 И потому мои дела
 Немного пользы вам узнать, —
 А душу можно ль рассказать?»

¹ *Обёт* — обещание религиозного характера. *Изречь монашеский обёт* — принять монашество, стать монахом.

«Мцыри».

Художник Л. Пастернак

Я мало жил, и жил в плену.
 Таких две жизни за одну,
 Но только полную тревог,
 Я променял бы, если б мог.
 Я знал одной лишь думы власть,
 Одну — но пламенную страсть;
 Она, как червь, во мне жила,
 Изгрызла душу и сожгла.
 Она мечты мои звала
 От келий душных и молитв
 В тот чудный мир тревог и битв,
 Где в тучах прячутся скалы,
 Где люди вольны, как орлы.
 Я эту страсть во тьме ночной

Вскормил слезами и тоской;
 Её пред небом и землёй
 Я ныне громко признаю
 И о прощенье не молю.

4

Старик! я слышал много раз,
 Что ты меня от смерти спас —
 Зачем?.. Угрюм и одинок,
 Грозой оторванный листок,
 Я вырос в сумрачных стенах,
 Душой — дитя, судьбой — монах.
 Я никому не мог сказать
 Священных слов „отец“ и „мать“.
 Конечно, ты хотел, старик,
 Чтоб я в обители отвык
 От этих сладостных имён, —
 Напрасно: звук их был рождён
 Со мной. Я видел у других
 Отчизну, дом, друзей, родных,
 А у себя не находил
 Не только милых душ — могил!
 Тогда, пустых не тратя слёз,
 В душе я клятву произнёс:
 Хотя на миг когда-нибудь
 Мою пылающую грудь
 Прижать с тоской к груди другой,
 Хоть незнакомой, но родной.
 Увы! теперь мечтанья те
 Погибли в полной красоте,
 И я, как жил, в земле чужой
 Умру рабом и сиротой.

5

Меня могила не страшит:
 Там, говорят, страданье спит
 В холодной вечной тишине;
 Но с жизнью жаль расстаться мне.
 Я молод, молод... Знал ли ты
 Разгульной юности мечты?
 Или не знал, или забыл,

Как ненавидел и любил;
 Как сердце билось живей
 При виде солнца и полей
 С высокой башни угловой,
 Где воздух свеж и где порой
 В глубокой скважине стены,
 Дитя неведомой страны,
 Прижавшись, голубь молодой
 Сидит, испуганный грозой?
 Пускай теперь прекрасный свет
 Тебе постыл: ты слаб, ты сед,
 И от желаний ты отвык.
 Что за нужда? Ты жил, старик!
 Тебе есть в мире что забыть,
 Ты жил, — я также мог бы жить!

6

Ты хочешь знать, что видел я
 На воле? — Пышные поля,
 Холмы, покрытые венцом
 Дерев, разросшихся кругом,
 Шумящих свежее толпой,
 Как братья в пляске круговой.
 Я видел груды тёмных скал,
 Когда поток их разделял,
 И думы их я угадал:
 Мне было свыше то дано!
 Простёрты в воздухе давно
 Объяты каменные их
 И жаждут встречи каждый миг;
 Но дни бегут, бегут года —
 Им не сойтись никогда!
 Я видел горные хребты,
 Причудливые, как мечты,
 Когда в час утренней зари
 Курились, как алтари,
 Их выси в небе голубом,
 И облачко за облачком,
 Покинув тайный свой ночлег,
 К востоку направляло бег —

Как будто белый караван
 Залётных птиц из дальних стран!
 Вдали я видел сквозь туман,
 В снегах, горящих, как алмаз,
 Седой, незыблемый Кавказ;
 И было сердцу моему
 Легко, не знаю почему.
 Мне тайный голос говорил,
 Что некогда и я там жил,
 И стало в памяти моей
 Прошедшее ясней, ясней...

7

И вспомнил я отцовский дом,
 Ущелье наше и кругом
 В тени рассыпанный аул;
 Мне слышался вечерний гул
 Домой бегущих табунов
 И дальний лай знакомых псов.
 Я помнил смуглых стариков,
 При свете лунных вечеров
 Против отцовского крыльца
 Сидевших с важностью лица;
 И блеск оправленных ножен
 Кинжалов длинных... и как сон
 Всё это смутной чередой
 Вдруг пробежало предо мной.
 А мой отец? Он как живой
 В своей одежде боевой
 Являлся мне, и помнил я
 Кольчуги звон, и блеск ружья,
 И гордый непреклонный взор,
 И молодых моих сестёр...
 Лучи их сладостных очей
 И звук их песен и речей
 Над колыбелию моей...
 В ущелье там бежал поток,
 Он шумен был, но неглубок;
 К нему, на золотой песок,
 Играть я в полдень уходил

И взором ласточек следил,
 Когда они перед дождём
 Волны касались крылом.
 И вспомнил я наш мирный дом
 И пред вечерним очагом
 Рассказы долгие о том,
 Как жили люди прежних дней,
 Когда был мир ещё пышней.

8

Ты хочешь знать, что делал я
 На воле? Жил — и жизнь моя
 Без этих трёх блаженных дней
 Была б печальней и мрачней
 Бессильной старости твоей.
 Давным-давно задумал я
 Взглянуть на дальние поля,
 Узнать, прекрасна ли земля,
 Узнать, для воли иль тюрьмы
 На этот свет родимся мы.
 И в час ночной, ужасный час,
 Когда гроза пугала вас,
 Когда, столпясь при алтаре¹,
 Вы ниц² лежали на земле,
 Я убежал. О, я как брат
 Обняться с бурей был бы рад!
 Глазами тучи я следил,
 Рукою молнии ловил...
 Скажи мне, что средь этих стен
 Могли бы дать вы мне взамен
 Той дружбы краткой, но живой
 Меж бурным сердцем и грозой?..

9

Бежал я долго — где, куда?
 Не знаю! Ни одна звезда
 Не озаряла трудный путь.
 Мне было весело вдохнуть

¹ *Алта́рь* — главная часть православной церкви, отделённая иконостасом (стеной с иконами) от общего помещения.

² *Ниц* — ничком.

«Мцыри».

Художник Ф. Константинов. 1957 г.

В мою измученную грудь
 Ночную свежесть тех лесов,
 И только! Много я часов
 Бежал и наконец, устав,
 Прилёг между высоких трав;
 Прислушался: погони нет.
 Гроза утихла. Бледный свет
 Тянулся длинной полосой
 Меж тёмным небом и землёй,
 И различал я, как узор,
 На ней зубцы далёких гор;
 Недвижим, молча я лежал.
 Порой в ущелии шакал
 Кричал и плакал, как дитя,
 И, гладкой чешуёй блестя,
 Змея скользила меж камней;
 Но страх не сжал души моей:
 Я сам, как зверь, был чужд людей
 И полз и прятался, как змей.

10

Внизу глубоко подо мной
 Поток, усиленный грозой,
 Шумел, и шум его глухой
 Сердитых сотне голосов
 Подобился. Хотя без слов,
 Мне внятен был тот разговор,
 Немолчный ропот, вечный спор
 С упрямой грудой камней.
 То вдруг стихал он, то сильней
 Он раздавался в тишине;
 И вот, в туманной вышине
 Запели птички, и восток
 Озолотился; ветерок
 Сырые шевельнул листы;
 Дохнули сонные цветы,
 И, как они, навстречу дню,
 Я поднял голову мою...
 Я осмотрелся; не таю:
 Мне стало страшно; на краю
 Грозящей бездны я лежал,
 Где выл, крутясь, сердитый вал;
 Туда вели ступени скал;
 Но лишь злой дух по ним шагал,
 Когда, низверженный с небес,
 В подземной пропасти исчез¹.

11

Кругом меня цвёл Божий сад;
 Растений радужный наряд
 Хранил следы небесных слёз,
 И кудри виноградных лоз
 Вились, красуясь меж дерёв
 Прозрачной зеленью листов;
 И грозды полные на них,
 Серёг подобье дорогих,
 Висели пышно, и порой
 К ним птиц летал пугливый рой.

¹ Имеется в виду легенда об ангеле, согрешившем перед Богом и за это низвергнутом с небес.

И снова я к земле припал,
 И снова вслушиваться стал
 К волшебным, странным голосам;
 Они шептались по кустам,
 Как будто речь свою вели
 О тайнах неба и земли;
 И все природы голоса
 Сливались тут; не раздался
 В торжественный хваленья час
 Лишь человека гордый глас.
 Всё, что я чувствовал тогда,
 Те думы — им уж нет следа;
 Но я б желал их рассказать,
 Чтоб жить, хоть мысленно, опять.
 В то утро был небесный свод
 Так чист, что ангела полёт
 Прилежный взор следить бы мог;
 Он так прозрачно был глубок,
 Так полон ровной синевой!
 Я в нём глазами и душой
 Тонул, пока полдневный зной
 Мои мечты не разогнал,
 И жаждой я томиться стал.

12

Тогда к потоку с высоты,
 Держась за гибкие кусты,
 С плиты на плиту я, как мог,
 Спускаться начал. Из-под ног
 Сорвавшись, камень иногда
 Катился вниз — за ним бразда
 Дымилась, прах¹ вился столбом;
 Гудя и прыгая, потом
 Он поглощаем был волной;
 И я висел над глубиной,
 Но юность вольная сильна,
 И смерть казалась не страшна!
 Лишь только я с крутых высот

¹ *Прах* (устар.) — здесь: пыль.

Спустился, свежесть горных вод
 Повеяла навстречу мне,
 И жадно я припал к волне.
 Вдруг — голос — лёгкий шум шагов...
 Мгновенно скрывшись меж кустов,
 Невольным трепетом объят,
 Я поднял боязливый взгляд
 И жадно вслушиваться стал:
 И ближе, ближе всё звучал
 Грузинки голос молодой,
 Так безыскусственно живой,
 Так сладко вольный, будто он
 Лишь звуки дружеских имён
 Произносить был приучён.
 Простая песня то была,
 Но в мысль она мне залегла,
 И мне, лишь сумрак настаёт,
 Незримый дух её поёт.

13

Держа кувшин над головой,
 Грузинка узкою тропой
 Сходила к берегу. Порой
 Она скользила меж камней,
 Смеясь неловкости своей.
 И беден был её наряд;
 И шла она легко, назад
 Изгибы длинные чадры¹
 Откинув. Летние жары
 Покрыли тенью золотой
 Лицо и грудь её; и зной
 Дышал от уст её и щёк.
 И мрак очей был так глубок,
 Так полон тайнами любви,
 Что думы пылкие мои
 Смутились. Помню только я
 Кувшина звон, — когда струя
 Вливалась медленно в него,

¹ Чадра́ — лёгкая ткань, которой женщины-мусульманки укрывали голову, лицо и фигуру.

И шорох... больше ничего.
 Когда же я очнулся вновь
 И отлила от сердца кровь,
 Она была уж далеко;
 И шла, хоть тише, — но легко,
 Стройна под ношею своей,
 Как тополь, царь её полей!
 Недалеко, в прохладной мгле,
 Казалось, приросли к скале
 Две сакли дружною четой;
 Над плоской кровлею одной
 Дымок струился голубой.
 Я вижу будто бы теперь,
 Как отперлась тихонько дверь...
 И затворилась опять!..
 Тебе, я знаю, не понять
 Мою тоску, мою печаль;
 И если б мог, — мне было б жаль:
 Воспоминанья тех минут
 Во мне, со мной пускай умрут.

14

Трудами ночи изнурён,
 Я лёг в тени. Отрадный сон
 Сомкнул глаза невольно мне...
 И снова видел я во сне
 Грузинки образ молодой.
 И странной, сладкою тоской
 Опять моя заняла грудь.
 Я долго силился вздохнуть —
 И пробудился. Уж луна
 Вверху сияла, и одна
 Лишь тучка кралася за ней,
 Как за добычею своей,
 Объяты жадные раскрыв.
 Мир тёмн был и молчалив;
 Лишь серебристой бахромой
 Вершины цепи снеговой
 Вдали сверкали предо мной,

Да в берега плескал поток.
 В знакомой сакле огонёк
 То трепетал, то снова гас:
 На небесах в полночный час
 Так гаснет яркая звезда!
 Хотелось мне... но я туда
 Взойти не смел. Я цель одну,
 Пройти в родимую страну,
 Имел в душе, — и превозмог
 Страданье голода, как мог.
 И вот дорогою прямой
 Пустился, робкий и немой.
 Но скоро в глубине лесной
 Из виду горы потерял
 И тут с пути сбиваться стал.

15

Напрасно в бешенстве порой
 Я рвал отчаянной рукой
 Терновник¹, спутанный плющом:
 Всё лес был, вечный лес кругом,
 Страшней и гуще каждый час;
 И миллионом чёрных глаз
 Смотрела ночи темнота
 Сквозь ветви каждого куста...
 Моя кружилась голова;
 Я стал влезать на деревья,
 Но даже на краю небес
 Всё тот же был зубчатый лес.
 Тогда на землю я упал;
 И в исступлении рыдал,
 И грыз сырую грудь земли,
 И слёзы, слёзы потекли
 В неё горючею росой...
 Но, верь мне, помощи людской
 Я не желал... Я был чужой
 Для них навек, как зверь степной;
 И если б хоть минутный крик

¹ *Терновник* — низкий колючий кустарник.

Мне изменил — клянусь, старик,
Я б вырвал слабый мой язык.

16

Ты помнишь детские года:
Слезы не знал я никогда;
Но тут я плакал без стыда.
Кто видеть мог? Лишь тёмный лес
Да месяц, плывший средь небес!
Озарена его лучом,
Покрыта мохом и песком,
Непроницаемой стеной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдруг по ней
Мелькнула тень, и двух огней

Промчались искры... и потом
Какой-то зверь одним прыжком
Из чащи выскочил и лёг,
Играя, навзничь на песок.
То был пустыни вечный гость —
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал;
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц, — и на нём
Шерсть отливалась серебром.
Я ждал, схватив рогатый сук,
Минуту битвы; сердце вдруг
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да, рука судьбы
Меня вела иным путём...
Но нынче я уверен в том,
Что быть бы мог в краю отцов
Не из последних удалцов.

17

Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почуял он, и вой

Протяжный, жалобный, как стон,
Раздался вдруг... и начал он
Сердито лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом прилёг,
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертью грозил...
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.
Надёжный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассек...
Он застонал, как человек,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила из раны кровь
Густой, широкою волной,
Бой закипел, смертельный бой!

«Мцыри». Художник И. Тондзе. 1941 г.

18

Ко мне он кинулся на грудь;
 Но в горло я успел воткнуть
 И там два раза повернуть
 Моё оружие... Он завыл,
 Рванулся из последних сил,
 И мы, сплетясь, как пара змей,
 Обнявшись крепче двух друзей,
 Упали разом, и во мгле
 Бой продолжался на земле.
 И я был страшен в этот миг;
 Как барс пустынный, зол и дик,
 Я пламенел, визжал, как он;
 Как будто сам я был рождён
 В семействе барсов и волков
 Под свежим пологом лесов.
 Казалось, что слова людей
 Забыл я — и в груди моей
 Родился тот ужасный крик,
 Как будто с детства мой язык
 К иному звуку не привык...
 Но враг мой стал изнемогать,
 Метаться, медленней дышать,
 Сдавил меня в последний раз...
 Зрачки его недвижных глаз
 Блеснули грозно — и потом
 Закрылись тихо вечным сном;
 Но с торжествующим врагом
 Он встретил смерть лицом к лицу,
 Как в битве следует бойцу!..

19

Ты видишь на груди моей
 Следы глубокие когтей;
 Ещё они не заросли
 И не закрылись, но земли
 Сырой покров их освежит
 И смерть навеки заживит.
 О них тогда я позабыл,

И, вновь собрав остаток сил,
 Побрёл я в глубине лесной...
 Но тщетно спорил я с судьбой:
 Она смеялась надо мной!

20

Я вышел из лесу. И вот
 Проснулся день, и хоровод
 Светил напутственных исчез
 В его лучах. Туманный лес
 Заговорил. Вдали аул
 Куриться начал. Смутный гул
 В долине с ветром пробежал...
 Я сел и вслушиваться стал;
 Но смолк он вместе с ветерком.
 И кинул взоры я кругом:
 Тот край, казалось, мне знаком.
 И страшно было мне, понять
 Не мог я долго, что опять
 Вернулся я к тюрьме моей;
 Что бесполезно столько дней
 Я тайный замысел ласкал,
 Терпел, томился и страдал,
 И всё зачем?.. Чтоб в цвете лет,
 Едва взглянув на Божий свет,
 При звучном ропоте дубрав
 Блаженство вольности познав,
 Унести в могилу за собой
 Тоску по родине святой,
 Надежд обманутых укор
 И вашей жалости позор!..
 Ещё в сомненье погружён,
 Я думал — это страшный сон...
 Вдруг дальний колокола звон
 Раздался снова в тишине —
 И тут всё ясно стало мне...
 О! я узнал его тотчас!
 Он с детских глаз уже не раз
 Сгонял виденья снов живых

Про милых ближних и родных,
 Про волю дикую степей,
 Про лёгких, бешеных коней,
 Про битвы чудные меж скал,
 Где всех один я побеждал!..
 И слушал я без слёз, без сил.
 Казалось, звон тот выходил
 Из сердца — будто кто-нибудь
 Железом ударял мне в грудь.
 И смутно понял я тогда,
 Что мне на родину следа
 Не проложить уж никогда.

21

Да, заслужил я жребий мой!
 Могучий конь, в степи чужой,
 Плохого сбросив седока,
 На родину издалека
 Найдёт прямой и краткий путь...
 Что я пред ним? Напрасно грудь
 Полна желаньем и тоской:
 То жар бессильный и пустой,
 Игра мечты, болезнь ума.
 На мне печать свою тюрьма
 Оставила... Таков цветок
 Темничный: вырос одинок
 И бледен он меж плит сырых
 И долго листьев молодых
 Не распускал, всё ждал лучей
 Живительных. И много дней
 Прошло, и добрая рука
 Печалью тронулась цветка,
 И был он в сад перенесён,
 В соседство роз. Со всех сторон
 Дышала сладость бытия...
 Но что ж? Едва взошла заря,
 Палящий луч её обжёт
 В тюрьме воспитанный цветок...

22

И как его, палил меня
 Огонь безжалостного дня.
 Напрасно прятал я в траву
 Мою усталую главу:
 Иссохший лист её венцом
 Терновым над моим челом
 Свивался, и в лицо огнём
 Сама земля дышала мне.
 Сверкая быстро в вышине,
 Кружились искры; с белых скал
 Струился пар. Мир Божий спал
 В оцепенении глухом
 Отчаянья тяжёлым сном.
 Хотя бы крикнул коростель,
 Иль стрекозы живая трель
 Послышалась, или ручья
 Ребячий лепет... Лишь змея,
 Сухим бурьяном шелестя,
 Сверкая жёлтою спиной,
 Как будто надписью златой
 Покрытый донизу клинок,
 Браздя рассыпчатый песок,
 Скользила бережно; потом,
 Играя, нежася на нём,
 Тройным свивалася кольцом;
 То, будто вдруг обожжена,
 Металась, прыгала она
 И в дальних пряталась кустах...

23

И было всё на небесах
 Светло и тихо. Сквозь пары
 Вдали чернели две горы.
 Наш монастырь из-за одной
 Сверкал зубчатой стеной.
 Внизу Арагва и Кура,
 Обвив каймой из серебра

Подошвы свежих островов,
 Бежали дружно и легко...
 До них мне было далеко!
 Хотел я встать — передо мной
 Всё закружилось с быстротой;
 Хотел кричать — язык сухой
 Беззвучен и недвижим был...
 Я умирал. Меня томил
 Предсмертный бред. Казалось мне,
 Что я лежу на влажном дне
 Глубокой речки — и была
 Кругом таинственная мгла.
 И, жажду вечную поя,
 Как лёд холодная струя,
 Журча, вливалась мне в грудь...
 И я боялся лишь заснуть, —
 Так было сладко, любо мне...
 А надо мною в вышине
 Волна теснилась к волне,
 И солнце сквозь хрусталь волны,
 Сияло сладостней луны...
 И рыбок пёстрые стада
 В лучах играли иногда.
 И помню я одну из них:
 Она приветливей других
 Ко мне ласкалась. Чешуёй
 Была покрыта золотой
 Её спина. Она вилась
 Над головой моей не раз,
 И взор её зелёных глаз
 Был грустно нежен и глубок...
 И надивиться я не мог:
 Её серебристый голосок
 Мне речи странные шептал,
 И пел, и снова замолкал.

Он говорил: „Дитя моё,
 Останься здесь со мной:
 В воде привольное житьё
 И холод и покой.

*

Я созову моих сестёр:
Мы пляской круговой
Развеселим туманный взор
И дух усталый твой.

*

Усни, постель твоя мягка,
Прозрачен твой покров.
Пройдут года, пройдут века
Под говор чудных снов.

*

О милый мой! не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю как вольную струю,
Люблю как жизнь мою..."

*

И долго, долго слушал я;
И мнилось, звучная струя
Сливалась тихий ропот свой
С словами рыбки золотой.
Тут я забылся. Божий свет
В глазах угас. Безумный бред
Бессилью тела уступил...

24

Так я найдён и поднят был...
Ты остальное знаешь сам.
Я кончил. Верь моим словам
Или не верь, мне всё равно.
Меня печалит лишь одно:
Мой труп холодный и немой
Не будет тлеть в земле родной,
И повесть горьких мук моих
Не призовет меж стен глухих
Внимание скорбное ничьё
На имя тёмное моё.

25

Прощай, отец... дай руку мне:
 Ты чувствуешь, моя в огне...
 Знай, этот пламень с юных дней,
 Таяся, жил в груди моей;
 Но ныне пищи нет ему,
 И он прожѐг свою тюрьму
 И возвратится вновь к Тому,
 Кто всем законной чередой
 Даѐт страданье и покой...
 Но что мне в том? — пускай в раю,
 В святом, заоблачном краю
 Мой дух найдѐт себе приют...
 Увы! — за несколько минут
 Между крутых и тѐмных скал,
 Где я в ребячестве играл,
 Я б рай и вечность променял...

26

Когда я стану умирать,
 И, верь, тебе не долго ждать,
 Ты перенести меня вели
 В наш сад, в то место, где цвели
 Акаций белых два куста...
 Трава меж ними так густа,
 И свежий воздух так душист,
 И так прозрачно-золотист
 Играющий на солнце лист!
 Там положить вели меня.
 Сияньем голубого дня
 Упьюся я в последний раз.
 Оттуда виден и Кавказ!
 Быть может, он с своих высот
 Привет прощальный мне пришлѐт,
 Пришлѐт с прохладным ветерком...
 И близ меня перед концом
 Родной опять раздастся звук!
 И стану думать я, что друг
 Иль брат, склонившись надо мной,

Отёр внимательной рукой
 С лица кончины холодный пот
 И что вполголоса поёт
 Он мне про милую страну...
 И с этой мыслью я засну
 И никого не прокляну!..»

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

«Мцыри»

Не первый год вы знакомитесь с творчеством М. Ю. Лермонтова (стихотворения, поэмы). Назовите произведения поэта, которые вы изучали в 5—7 классах.

1. Какие чувства и настроения Мцыри передаются в актёрском чтении Николаем Лазаревым?
2. Какие интонации преобладают при чтении поэмы: торжественные, грустные, радостные? С какими чувствами это связано?
3. Усиливает ли музыка К. Дебюсси ваши впечатления, возникшие при чтении и прослушивании поэмы?
4. Что вы могли бы добавить к характеристике Мцыри благодаря чтению Николая Лазарева?
5. В чём смысл сравнения жизни Мцыри в монастыре и на воле? Удалось ли это различие продемонстрировать актёру в чтении?
6. Какую роль играют в поэме картины кавказской природы? Какие литературные приёмы помогли автору показать их, а актёру подчеркнуть интонацией?
7. Выучите наизусть и прочитайте выразительно отрывок из поэмы от слов «Ты слушать исповедь мою...» до слов «Бежал я долго...» или другие отрывки из исповеди Мцыри.

НАЧАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О РОМАНТИЗМЕ И РОМАНТИЧЕСКИ-УСЛОВНЫЙ ИСТОРИЗМ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Романтизм — художественное направление в искусстве и литературе большинства стран Европы, в том числе и России, а также в литературе США.

Общей исторической почвой, на которой возник европейский романтизм, явилась переломная эпоха, связанная с Великой французской революцией (1789), с ощущением безграничной свободы личности и одновременно невозможностью в полной мере осуществить эту свободу в реальной действительности. Таким образом, романтизм изначально противоречив и проявился в литературе именно в этой противоречивости — как очарование возможностями личности, ставшей свободной, и как разочарование личности, не способной на деле воспользоваться свободой для полного и гармоничного расцвета.

Земной мир в лице государства, общества, быта и личность в романтизме — враги, и согласие между ними невозможно. Вместе с тем личность может влиять на внешний мир в положительном или отрицательном смысле, так же как внешний мир может влиять на личность. Но в ходе всегда непримиримого конфликта личность чаще всего гибнет, оставаясь верной своим убеждениям. Внешний мир может погубить романтического героя, но не может изменить его душу. Он не властен над внутренним содержанием личности.

Мир и герой резко противопоставлены друг другу. Отсюда возникает основной принцип романтического изображения — контраст, обнажённое и бескомпромиссное столкновение главных героев, которые отстаивают противоположные нравственные ценности. При этом художник-романтик не ставит перед собой задачи точно воспроизвести реальную действительность. Его цель — передать своё отношение к ней, создать свой вымышленный образ мира, чтобы с помощью контраста героя с окружающей жизнью выразить свой идеал и своё неприятие отрицаемого им мира. Стало быть, события, происходящие в романтических произведениях, важны для раскрытия особенностей личности, которая интересует автора. Художник-романтик, в частности Лермонтов, в разнообразных формах стремится воспроизвести трагедию современного человека и своё отношение к неудовлетворяющей и отвергаемой действительности, «где не умеют без боязни ни ненавидеть, ни любить».

Согласно романтизму мир совершенен и прекрасен как замысел и несовершенен как воплощение. Поэтому идеальной страной для романтика выступает небесный мир, находящийся за гранью мира земного. К этому идеальному миру романтик устремлён всей душой, всем сердцем. От тусклого, унылого, скучного «здесь», от дольного мира романтик порывается к чарующему «там», к миру горнему. Так возникает романтическое двоемирие.

Романтический герой неотделим от авторского «я». Именно герой высказывает или выражает своим поведением тайные мысли и чувства автора. Герой романтизма — носитель высшего человеческого нравственного начала, которого лишена действительность. Поэтому для окружающих людей он предстаёт странным. Его странность проступает в портрете (одухотворённая красота, уродство или физическое безобразие, оттеняющее высокую человечность, болезненная бледность, выразительный взгляд необыкновенно умных и пронзительных глаз), в поведении (герой поступает не так, как обычные люди, его поведение выбивается из существующих норм и приличий).

Так образуется целый ряд романтических типов (наивный чудака, детски простодушный и в глазах общества смешной, трагический одиночка и мечтатель, романтический бродяга или разбойник, разочарованный наблюдатель, демоническая личность, испытывающая трагический разлад с действительностью и самим собой, патриот и гражданин, безумный художник, причастный к тайне творчества). Эти романтические герои появляются на фоне особых пейзажей. Природа рисуется романтику вольной стихией, неподвластной человеческому произволу. Поэтому пейзаж всегда таинственный, неопределённый.

Романтический герой — исключительная и часто таинственная личность, которая пребывает обычно в исключительных обстоятельствах. Столкновение внешних событий перенесено во внутренний мир героя, в душе которого происходит борьба добра и зла. В результате такого воспроизведения характера романтизм возвышает значение личности, неисчерпаемой в своих душевных глубинах, открыв её неповторимый внутренний мир.

В согласии с романтическим отношением к действительности складывается романтически-условный историзм Лермонтова. В его творчестве русская и мировая история представлена широко и разнообразно.

Поэт обращается и к прошлому человечества, и к настоящему. Прошрое являлось поэту через фольклор («Песня про... купца Калашникова»), через предания, устные рассказы («Бородино»), настоящее выражалось в запомнившихся и лично пережитых событиях. При этом историзм Лермонтова приобретает сугубо индивидуальную, личную окраску и в этом отношении становится романтически-условным. Так, история Мцыри является эпизодом русско-кавказских отношений (генерал привозит пленного ребёнка в монастырь). В дальнейшем эта история отходит на второй план, и судьба Мцыри осмыслена в исключительно личном и романтически-условном ключе, повествование об исторических событиях уже не играет решающей роли.

1. Расскажите о характерных чертах романтического героя (на примере героя поэмы «Мцыри»).
2. Каковы отличительные черты романтического пейзажа? Приведите примеры романтического описания природы в поэме М. Ю. Лермонтова.

ПОЭМА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «МЦЫРИ» **В ОЦЕНКЕ РУССКОЙ КРИТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ**

В. Г. Белинский: «Можно сказать без преувеличения, что поэт брал цвета у радуги, лучи у солнца, блеск у молнии, грохот у громов, гул у ветров, — что вся природа сама несла и подавала ему материалы, когда писал он эту поэму... Какое разнообразие картин, образов и чувств! Тут и бури духа, и умиление сердца, и вопли отчаяния, и тихие жалобы, и гордое ожесточение, и кроткая грусть, и мрак ночи, и торжественное величие утра, и блеск полудня, и таинственное обаяние вечера!.. Многие положения изумляют своею верно-стью: таково место, где Мцыри описывает своё замирание подле монастыря, когда грудь его пылала предсмертным огнём, когда над усталою головою уже веяли успокоительные сны смерти и носились её фантастические видения.

Картины природы обличают кисть великого мастера: они дышат грандиозностью и роскошным блеском фантастического Кавказа».

Д. Е. Максимов: «Поэма „Мцыри“ — одно из самых поразительных поэтических созданий Лермонтова. В русском и мировом искусстве не часто встречаются произведения, в которых воля и свобода, мечта о родине, прославление земной жизни и борьбы — „мира восторг беспредельный“ — были бы доведены до такой остроты, до такого могучего напряжения, как в этой поэме.

Мцыри — „естественный человек“ в большей степени, чем другие близкие ему персонажи Лермонтова. Мцыри — высокий мятежный герой, ищущий пути из своего заточения на родину, в мир цельного бытия, свободы, борьбы и любви...

Мцыри не только „естественный человек“, сохранивший в себе духовные сокровища своей родины. Помимо того, он пострадавший от цивилизации, заточённый ею в монастырь, и этот факт не безразличен для его характеристики.

...В личности Мцыри живо и убедительно сочетаются черты силы и слабости. В этом „двуначалии“ и заключается основной принцип индивидуализации его образа. Огненная страстность, жизненность, свободолюбие, непреклонная воля

Мцыри — явления „могучего духа“ „его отцов“ — неотделимы в нём от его физической хилости и болезненности — наследства монастырского режима...

Поэма „Мцыри“, в которой рассказывается об уединённых переживаниях кавказского юноши, не является прямым отражением действительности 30-х годов. Тем не менее явленная в „Мцыри“ действительность Кавказа, в целом отнюдь не условная, подлинная, просвечивает скрывающейся за нею русской действительностью, но и ею исчерпывается...

Живой и конкретный образ монастырского послушника, помимо своих ярких локальных черт, близок самому Лермонтову и передовым людям его эпохи — страдающим, непокорным, рвущимся к свободе. Вольные и невольные сопоставления Мцыри с лирическим героем Лермонтова и другими персонажами его творчества и произведений современных ему авторов подтверждают это заключение...

Личность Мцыри не исчерпывается волей, гордостью, страстью. В ней есть что-то ещё: горячее, нежное, трепетное...

Но в душе Мцыри преобладают, определяя его поведение, упругие, мужественные силы. Он полон решимости приблизиться к прекрасному миру.

Мцыри — действенный герой, чуждый обезволивающей мировой скорби и презрения к людям как таковым...»

Размышляем о прочитанном

- 1★. Литературоведы считают, что в поэме «Мцыри» поэт провозглашает и поэтизирует доверие к жизни и внутренним силам личности. Как вы понимаете это утверждение, согласны ли вы с ним? При изложении своей позиции подтвердите её текстом поэмы.
2. Совпало ли ваше впечатление в процессе чтения поэмы «Мцыри» с впечатлениями В. Г. Белинского?
3. Какие мысли литературоведов во взгляде на лермонтовского героя близки друг другу? Что вам показалось особенно важным для создания характеристики Мцыри в их высказываниях?

Литература и другие виды искусства

1. Известны ли вам иллюстрации к поэме? Так ли представлялись зрительно герои и эпизоды из произведения?
2. Рассмотрите иллюстрации к поэме. Удалось ли художникам И. Тоидзе, Л. Пастернаку, Ф. Константинову передать пафос поэмы «Мцыри», характер главного героя?

Учимся читать выразительно

Выберите фрагмент из поэмы для заучивания наизусть (исповедь героя, описание битвы с барсом, начало поэмы — на выбор) и подготовьте его для выразительного чтения в классе.

Творческое задание

Публичное выступление. Составьте план и подготовьте характеристику Мцыри, включите в неё цитаты из текста и высказываний литературоведов для подтверждения своих суждений о герое.

Обогащаем свою речь

Объясните значение слов и словосочетаний и включите их в отзыв о поэме «Мцыри»: *Божья благодать, занемог, могучий дух, отвергать пищу, ребяческих утех, окрестить, обитель, допрос, раб, вечный, ненавидеть, от желаний отвык.*

Проект

Работа в группе. Используя статьи о музее М. Ю. Лермонтова в Москве (раздел «Литературные места России») и ресурсы Интернета, подготовьте заочную экскурсию по музею.

Николай Васильевич ГОГОЛЬ

1809—1852

Н. В. Гоголь с детства испытывал глубокий интерес к истории. Он хорошо знал не только русскую, но и всемирную историю, был сведущ в истории мировой культуры, изобразительного искусства, европейской архитектуры. Любовь к истории и к искусству принимала подчас необычные формы. Гоголь, например, мечтал о том, чтобы в одном из городов отвести улицу, на которой затем разместить образцы архитектуры — от памятников первобытной архитектуры и образцов зодчества Древнего Египта, Древней Греции, Древнего Рима, Средних веков, Возрождения вплоть до архитектурных ансамблей Нового времени.

В собственных сочинениях Гоголь часто обращался к любимой им истории. В сборниках «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород», в «Петербургских повестях», поэме «Мёртвые души» у Гоголя встречаются упоминания о разных исторических событиях. Писатель касается в этих произведениях и царствования Екатерины II, и событий Отечественной войны 1812 года, вспоминает народные песни, предания, исторические анекдоты.

Историческая тема («Тарас Бульба») становится главной в повествовании о Запорожской Сечи. В изложении Гоголя Запорожская Сечь — это особый мир, особая вселенная, со своим укладом, обычаями, отношениями между людьми и в семье — между мужем и женой, детьми и отцом, детьми и матерью.

В основе гоголевского понимания национальной истории лежит представление о том, что история сохраняется в фольклоре, в языке, в народных легендах. Герои легенд — богатыри, сила которых была непомерной.

Но время их прошло. Пропала Запорожская Сечь, не слышно весёлых песен, не смеются девушки и парубки. В центре Миргорода расположилась вечная лужа, а обитатели городка измывались и теперь спорят друг с другом из-за пустяков. Причины Гоголь увидел в том, что современные люди не ис-

полняют свой долг граждан, радеющих о благе Отечества, что они поддались корыстным соблазнам и ради них готовы на обман ближних.

Эту историческую опасность Гоголь видел в России и стремился её предотвратить. Он надеялся смехом потрясти до основания человеческое сердце, чтобы, увидев себя в зеркале юмора, иронии, насмешки, — иногда и сатиры, оно, человеческое сердце, ужаснулось бы тому, что же с ним стало, и, ужаснувшись, затрепетало бы, желая иной, лучшей судьбы.

И тогда человек, думал Гоголь, станет воспитывать сам себя в духе священных Божеских и гражданских обязанностей. Он обратится за помощью к Богу и станет исполнять Его заветы. Когда это произойдёт, в Россию возвратится прежняя мощь, прежнее богатырство, удаль, прежняя ширь и страна вновь обретёт душевное и духовное богатство. Писатель верил, что Россия станет самой просвещённой, самой величественной и самой человеческой страной мира, с которой будут брать пример другие народы и государства.

Проверьте себя

1. Что вы можете сказать об интересе Гоголя к истории? В каких произведениях писателя идёт речь об истории или исторических событиях?
2. В чём видел Гоголь опасность для России? Что необходимо сделать, по его мнению, чтобы возвратились её «прежняя мощь и богатырство»?
- 3★. **Дискуссия.** Можно ли считать, что мысль Гоголя о создании в одном городе специальной улицы, в архитектурном ансамбле которой отражалось бы развитие мировой культуры, в некоторой степени воплощается в жизнь сегодня (например, при создании «Острова мечты» в Москве)? Какой цели служат эти проекты?

О ЗАМЫСЛЕ, НАПИСАНИИ И ПОСТАНОВКЕ «РЕВИЗОРА»

Гоголь мечтал о «комедии со злостью и солью». Он придавал театру исключительно большое общественно-воспитательное значение. Театр представлялся ему «кафедрой, с которой читается разом целой толпе живой урок». Гоголь мечтал о театре, который явился бы «великой школой» для общества и беспощадно карал бы смехом «плевелы»¹ русской действительности. «На сцену их! — восклицает писатель. — Пусть видит их весь народ! Пусть посмеётся им! О, смех великое дело! Ничего более не боится человек так, как смеха».

В октябре 1835 года Гоголь пишет Пушкину: «Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или несмешной, но русский чисто анекдот. Рука дрожит тем временем написать комедию... Сделайте ми-

¹ *Плевёлы* — сорняки; здесь: вредное, губительное, ненужное.

лость, дайте сюжет; духом будет комедия из пяти актов, и клянусь — куда смешнее чёрта!» Впоследствии Гоголь говорил, что мысль о «Ревизоре» ему впервые подсказал Пушкин.

Повсеместно царившее казнокрадство и взяточничество провинциальных властей, их боязнь ревизора из центра — всё это было распространённым явлением в тогдашней России. С негодованием и сарказмом писатель раскрыл всю гниль и мерзость людей, воплощающих собой власть в городе, от которого «хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь». Дикий произвол, взяточничество, казнокрадство, невежество — таковы нравы безвестного города, в который случай заносит Хлестакова.

19 апреля 1836 года на сцене Александринского театра в Петербурге состоялось первое представление «Ревизора». Зал был полон «блистательной публики». Перед самым началом представления в театр прибыл царь с наследником. Вначале в зрительном зале раздавался раскатистый смех. Уже после первого акта, свидетельствует очевидец, недоумение было написано на всех лицах зрителей, сидящих в партере и ложах. Смех становился всё сдержаннее. К концу спектакля недоумение перешло в ярость. Только теперь понял истинный смысл «Ревизора» и Николай I. Выходя из ложи, он заметил:

— Ну и пьеска! Всем досталось, а мне — более всех!

Реакционная критика начала неслыханную свистопляску вокруг имени писателя. Его гениальную комедию стали третировать в печати как «грязное творение», как глупый фарс, недостойный искусства и ничего общего не имеющий с действительностью.

В демократическом лагере комедию Гоголя встретили восторженно. В. В. Стасов рассказывал: «Все были в восторге. Мы наизусть повторяли друг другу... целые сцены, длинные разговоры оттуда...»

25 мая 1836 года «Ревизор» был поставлен в Москве, на сцене Малого театра. Критик Белинский приветствовал в «Ревизоре» «истинно художественное произведение», а впоследствии неумоимо пропагандировал его. Историческую заслугу Гоголя Белинский видел в том, что он осуществил поворот русской драматургии к социальной теме, к изображению реальных процессов русской действительности. Гоголь продолжал дорабатывать пьесу. В окончательном тексте 1842 года появляется знаменитое восклицание городничего: «Чему смеётесь? Над собой смеётесь!» Именно в этом издании впервые был предпослан комедии сатирический эпиграф («На зеркало неча пенять, коли рожа крива»), была изменена и дополнена немая сцена, завершающая комедию.

Гоголь понимал, что успех драматургического произведения зависит во многом от актёра, от того, как правильно и глубоко проникнет он в замысел автора. Писатель не устал разъяснять актёрам, как надлежит играть пьесу, подчёркивал при этом очень важную мысль, что герои, которых они воплоща-

Сцена V действия первой постановки «Ревизора» в Александринском театре. Гравюра по рисунку В. Самойлова

ют, — самые обыкновенные люди, не исключение из своей среды, а самые типичные их представители.

Позднее, в 1846 году, в разгар работы над «Выбранными местами из переписки с друзьями» Гоголь написал «Развязку „Ревизора“». В ней он сообщал, что под провинциальным городом он подразумевал «душевный город» человека, под видом чиновников «бесчинствуют наши страсти», а Хлестаков — это «ветреная светская совесть». Гоголь придал «Ревизору» аллегорическое толкование. «Пёстрая куча толков», вызванная появлением «Ревизора», произвела на Гоголя тягостное впечатление. «Теперь я вижу, — отмечает он в письме к Щепкину, — что значит быть комическим писателем. Малейший признак истины — и против тебя восстают, и не один человек, а целые сословия...» Гоголь принимает решение уехать за границу. Он надеется там отдохнуть, поправить здоровье...

По книге С. Машинского «Гоголь»

Литература и другие виды искусства

1. О каком театре мечтал Гоголь? Когда был поставлен «Ревизор» в театре (в Петербурге, в Москве)? Какова была реакция зрителей и императора? Что изменилось в окончательном варианте 1842 года?
2. Какую оценку пьесе дал В. Г. Белинский? Какую «развязку» впоследствии придумал Н. В. Гоголь к «Ревизору»?

Ревизор

Комедия в пяти действиях

На зеркало неча пенять,
коли рожа крива.

Народная пословица

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Антон Антонович Сквозник-Дмухановский, городничий¹.

Анна Андреевна, жена его.

Марья Антоновна, дочь его.

Лука Лукич Хлопов, смотритель² училищ.

Жена его.

Аммос Фёдорович Ляпкин-Тяпкин, судья.

Артемий Филиппович Земляника, попечитель богоугодных заведений³.

Иван Кузьмич Шпекин, почтмейстер⁴.

Пётр Иванович Бобчинский }
Пётр Иванович Добчинский } городские помещики.

Иван Александрович Хлестаков, чиновник из Петербурга.

Осип, слуга его.

Христиан Иванович Гибнер, уездный лекарь.

Фёдор Андреевич Люлюков }
Иван Лазаревич Растаковский } отставные чиновники,
Степан Иванович Коробкин } почтенные лица в городе.

Степан Ильич Уховёртов, частный пристав⁵.

Свистунов }
Пуговицын } полицейские.
Держиморда }

Абдулин, купец.

Февронья Петровна Пошлёпкина, слесарша.

¹ *Городничий* — начальник уездного города (должность, существовавшая до середины XIX века).

² *Смотритель* — должностное лицо, которому поручался надзор за каким-нибудь учреждением.

³ *Богоугодные заведёния* — больницы, приюты, дома для престарелых (создавались частными лицами, чтобы угодить Богу). *Попечитель* — должностное лицо, руководившее сетью учреждений какого-нибудь ведомства на местах.

⁴ *Почтмейстер* — начальник почтовой конторы (всёгда пересылкой почты и перевозкой пассажиров).

⁵ *Частный пристав* — полицейский чиновник, в ведении которого находилась одна из частей города.

Жена унтер-офицера.
 Мишка, слуга городничего.
 Слуга трактирный.
 Гости и гости, купцы, мещане, просители.

ХАРАКТЕРЫ И КОСТЮМЫ

Замечания для господ актёров

Городничий, уже постаревший на службе и очень неглупый по-своему человек. Хотя и взяточник, но ведёт себя очень солидно; довольно серьёзен, несколько даже резонёр¹; говорит ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жёстки, как у всякого начавшего тяжёлую службу с низших чинов. Переход от страха к радости, от низости к высокомерию довольно быстр, как у человека с грубо развитыми склонностями души. Он одет, по обыкновению, в своём мундире с петлицами и в ботфортах² со шпорами. Волоса на нём стриженные, с проседью.

Анна Андреевна, жена его, провинциальная кокетка, ещё не совсем пожилых лет, воспитанная вполнину на романах и альбомах, вполнину на хлопотах в своей кладовой и девичьей³. Очень любопытна и при случае выказывает тщеславие. Берёт иногда власть над мужем потому только, что он не находится, что отвечать ей; но власть эта распространяется только на мелочи и состоит в выговорах и насмешках. Она четыре раза переодевается в разные платья в продолжение пьесы.

Хлестаков, молодой человек лет двадцати трёх, тоненький, худенький; несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове⁴, — один из тех людей, которых в канцеляриях называют пустейшими. Говорит и действует без всякого соображения. Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли. Речь его отрывиста, и слова вылетают из уст его совершенно неожиданно. Чем более исполняющий эту роль покажет чистосердечия и простоты, тем более он выиграет. Одет по моде.

Осип, слуга, таков, как обыкновенно бывают слуги несколько пожилых лет. Говорит серьёзно, смотрит несколько вниз, резонёр и любит себе самому читать нравоучения для своего барина. Голос его всегда почти ровен, в разговоре с барином принимает суровое, отрыв-

¹ *Резонёр* — человек, любящий пространные рассуждения правоучительного характера.

² *Ботфórты* — высокие сапоги с раструбами выше колен.

³ *Дéвичья* — комната для девушек-служанок.

⁴ *Без царя в голове* — для понимания этого выражения сравните его с пословицей «Свой ум — царь в голове».

вистое и несколько даже грубое выражение. Он умнее своего барина и потому скорее догадывается, но не любит много говорить и молча плут. Костюм его — серый или синий поношенный сюртук.

Бобчинский и Добчинский, оба низенькие, коротенькие, очень любопытные; чрезвычайно похожи друг на друга, оба с небольшими брюшками, оба говорят скороговоркою и чрезвычайно много помогают жестами и руками. Добчинский немножко выше и серьезнее Бобчинского, но Бобчинский развязнее и живее Добчинского.

Ляпкин-Тяпкин, судья, человек, прочитавший пять или шесть книг, и потому несколько вольнодумен. Охотник большой на догадки, и потому каждому слову своему даёт вес. Представляющий его должен всегда сохранять в лице своём значительную мину. Говорит басом, с продолговатой растяжкой, хрипом и сапом, как старинные часы, которые прежде шипят, а потом уже бьют.

Земляника, попечитель богоугодных заведений, очень толстый, неповоротливый и неуклюжий человек, но при всём том проныра и плут. Очень услужлив и суетлив.

Почтмейстер, простодушный до наивности человек.

Прочие роли не требуют особых изъяснений. Оригиналы¹ их всегда почти находятся перед глазами.

Господа актёры особенно должны обратить внимание на последнюю сцену. Последнее произнесённое слово должно произвести электрическое потрясение на всех разом, вдруг. Вся группа должна переменить положение в один миг ока. Звук изумления должен вырваться у всех женщин разом, как будто из одной груди. От несоблюдения этих замечаний может исчезнуть весь эффект.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната в доме городничего.

ЯВЛЕНИЕ I

Городничий, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, судья, частный пристав, лекарь, два квартальных.

Городничий. Я пригласил вас, господа, с тем чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор.

Аммос Фёдорович. Как ревизор?

Артемий Филиппович. Как ревизор?

¹ *Оригина́л* — здесь: подлинник, прототип.

Городничий. Ревизор из Петербурга, инкогнито¹. И ещё с секретным предписанием.

Аммос Фёдорович. Вот те на!

Артемий Филиппович. Вот не было заботы, так подай!

Лука Лукич. Господи Боже! ещё и с секретным предписанием!

Городничий. Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, таких я никогда не видывал: чёрные, неестественной величины! пришли, понюхали — и пошли прочь. Вот я вам прочту письмо, которое получил я от Андрея Ивановича Чмыхова, которого вы, Артемий Филиппович, знаете. Вот что он пишет: «Любезный друг, кум и благодетель (*бормочет вполголоса, пробегая скоро глазами*)... и уведомить тебя». А! Вот: «Спешу, между прочим, уведомить тебя, что приехал чиновник с предписанием осмотреть всю губернию и особенно наш уезд (*значительно поднимает палец вверх*). Я узнал это от самых достоверных людей, хотя он представляет себя частным лицом. Так как я знаю, что за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что плывёт в руки...» (*остановясь*), ну, здесь свои... «то советую тебе взять предосторожность, ибо он может приехать во всякий час, если только уже не приехал и не живёт где-нибудь инкогнито... Вчерашнего дня я...» Ну, тут уж пошли дела семейные: «...сестра Анна Кириловна приехала к нам с своим мужем; Иван Кирилович очень потолстел и всё играет на скрыпке...» — и прочее, и прочее. Так вот какое обстоятельство!

Аммос Фёдорович. Да, обстоятельство такое... необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь недаром.

Лука Лукич. Зачем же, Антон Антонович, отчего это? Зачем к нам ревизор?

Городничий. Зачем! Так уж, видно, судьба! (*Вздыхнув.*) До сих пор, благодарение Богу, подбирались к другим городам; теперь пришла очередь к нашему.

Аммос Фёдорович. Я думаю, Антон Антонович, что здесь тонкая и больше политическая причина. Это значит вот что: Россия... да... хочет вести войну, и министерия-то², вот видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нет ли где измены.

Городничий. Эк куда хватили! Ещё и умный человек! В уездном городе измена! Что он, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь.

¹ *Инкогнито* — тайно.

² *Министерия* — здесь: правительство.

Аммос Фёдорович. Нет, я вам скажу, вы не того... вы не... Начальство имеет тонкие виды: даром что далеко, а оно себе мотает на ус.

Городничий. Мотает или не мотает, а я вас, господа, предупредил¹. Смотрите, по своей части я кое-какие распоряжения сделал, советую и вам. Особенно вам, Артемий Филиппович! Без сомнения, проезжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам богоугодные заведения — и потому вы сделайте так, чтобы всё было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецов, как обыкновенно они ходят по-домашнему.

Артемий Филиппович. Ну, это ещё ничего. Колпаки, пожалуй, можно надеть и чистые.

Городничий. Да, и тоже над каждой кроватью надписать полатыни или на другом каком языке... это уж по вашей части, Христиан Иванович, — всякую болезнь: когда кто заболел, которого дня и числа... Нехорошо, что у вас больные такой крепкий табак курят, что всегда расчихаешься, когда войдёшь. Да и лучше, если б их было меньше: тотчас отнесут к дурному смотрению или к неискусству врача.

Артемий Филиппович. О! Насчёт врачеванья мы с Христианом Ивановичем взяли свои меры: чем ближе к натуре², тем лучше; лекарств дорогих мы не употребляем. Человек простой: если умрёт, то и так умрёт; если выздоровеет, то и так выздоровеет. Да и Христиану Ивановичу затруднительно было б с ними изъясняться: он по-русски ни слова не знает.

Христиан Иванович издаёт звук,
отчасти похожий на букву *и* и несколько на *е*.

Городничий. Вам тоже посоветовал бы, Аммос Фёдорович, обратить внимание на присутственные места³. У вас там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусёнками, которые так и шныряют под ногами. Оно, конечно, домашним хозяйством заводить всякому похвально, и почему ж сторожу и не завести его? только, знаете, в таком месте неприлично... Я и прежде хотел вам это заметить, но всё как-то позабывал.

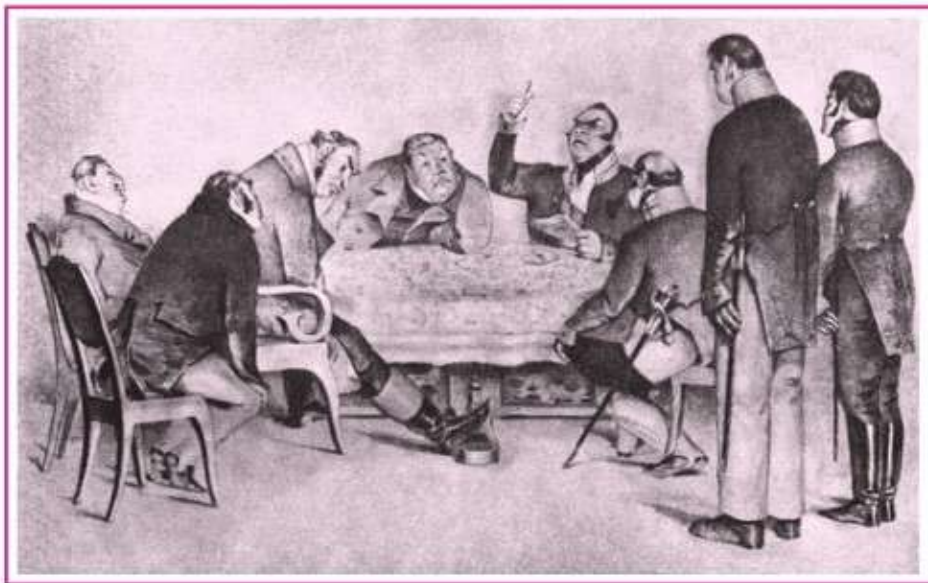
Аммос Фёдорович. А я вот их сегодня же велю всех забрать на кухню. Хотите, приходите обедать.

Городничий. Кроме того, дурно, что у вас высушивается в самом присутствии всякая дрянь и над самым шкапом с бумагами охотничий

¹ *Предувёдомить* — предупредить.

² *Нату́ра* — природа.

³ *Присутственное ме́сто* — казённое учреждение; здесь: уездный суд.

«Ревизор». Действие I, явление 1. Автолитография.
Художник П. Боклевский. 1863 г.

арапник¹. Я знаю, вы любите охоту, но всё на время лучше его принять, а там, как проедет ревизор, пожалуй, опять его можете повесить. Также заседатель ваш... он, конечно, человек сведущий, но от него такой запах, как будто бы он сейчас вышел из винокуренного завода, — это тоже нехорошо. Я хотел давно об этом сказать вам, но был, не помню, чем-то развлечён. Есть против этого средства, если уже это действительно, как он говорит, у него природный запах. Можно ему посоветовать есть лук, или чеснок, или что-нибудь другое. В этом случае может помочь разными медикаментами Христиан Иванович.

Христиан Иванович издаёт тот же звук.

Аммос Фёдорович. Нет, этого уже невозможно выгнать: он говорит, что в детстве мамка его ушибла, и с тех пор от него отдаёт немного водкою.

Городничий. Да я так только заметил вам. Насчёт же внутреннего распоряжения и того, что называет в письме Андрей Иванович грешками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить. Нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим Богом устроено, и волтерьянцы² напрасно против этого говорят.

¹ *Арапник* — ременный кнут.

² *Волтерьянцы* (правильно: *вольтерьянцы*) — последователи великого французского писателя и философа Вольтера, борца против феодального строя. «Волтерьянцами» невежды и реакционеры называли всех свободомыслящих людей, критически относившихся к властям.

Аммос Фёдорович. Что ж вы полагаете, Антон Антонович, грешками? Грешки грешкам — рознь. Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело.

Городничий. Ну, щенками или чем другим — всё взятки.

Аммос Фёдорович. Ну нет, Антон Антонович. А вот, например, если у кого-нибудь шуба стоит пятьсот рублей, да супруге шаль...

Городничий. Ну, а что из того, что вы берёте взятки борзыми щенками? Зато вы в Бога не веруете; вы в церковь никогда не ходите; а я по крайней мере в вере твёрд и каждое воскресенье бываю в церкви. А вы... О, я знаю вас: вы если начнёте говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются.

Аммос Фёдорович. Да ведь сам собою дошёл, собственным умом.

Городничий. Ну, в ином случае много ума хуже, чем бы его совсем не было. Впрочем, я так только упомянул об уездном суде; а по правде сказать, вряд ли кто когда-нибудь заглянет туда: это уж такое завидное место, сам Бог ему покровительствует. А вот вам, Лука Лукич, так, как смотрителю учебных заведений, нужно позаботиться особенно насчёт учителей. Они люди, конечно, учёные и воспитывались в разных коллегиях¹, но имеют очень странные поступки, натурально² неразлучные с учёным званием. Один из них, например, вот этот, что имеет толстое лицо... не вспомню его фамилии, никак не может обойтись без того, чтобы, взошедши на кафедру, не сделать гримасу, вот этак (*делает гримасу*), и потом начнёт рукою из-под галстука утюжить свою бороду. Конечно, если он ученику сделает такую рожу, то оно ещё ничего: может быть, оно там и нужно так, об этом я не могу судить, но вы посудите сами, если он сделает это посетителю, — это может быть очень худо: господин ревизор или другой кто может принять это на свой счёт. Из этого чёрт знает что может произойти.

Лука Лукич. Что ж мне, право, с ним делать? Я уж несколько раз ему говорил. Вот ещё на днях, когда зашёл было в класс наш предводитель³, он скроил такую рожу, какой я никогда ещё не видел. Он-то её сделал от доброго сердца, а мне выговор: зачем вольнодумные мысли внушаются юношеству.

¹ Коллегия — здесь: высшее учебное заведение.

² Натурально (устар.) — естественно.

³ Предводитель — здесь: предводитель дворянства — выборный представитель дворян, ведавший их сословными делами.

Городничий. То же я должен вам заметить и об учителе по исторической части. Он учёная голова — это видно, и сведений нахватал тьму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя. Я раз слушал его: ну, покамест говорил об ассириянах и вавилонянах — ещё ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар, ей-богу! Сбежал с кафедры и что силы есть хватить стулом об пол. Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? от этого убыток казне.

Лука Лукич. Да, он горяч! Я ему это несколько раз уже замечал... Говорит: «Как хотите, для науки я жизни не пощажу».

Городничий. Да, таков уже неизъяснимый закон судеб: умный человек — или пьяница, или рожу такую состроит, что хоть святых выноси.

Лука Лукич. Не приведи Бог служить по учёной части! Всего боишься: всякий мешается, всякому хочется показать, что он тоже умный человек.

Городничий. Это бы ещё ничего, — инкогнито проклятое! Вдруг заглянет: «А, вы здесь, голубчики! А кто, скажет, здесь судья?» — «Ляпкин-Тяпкин». — «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодных заведений?» — «Земляника». — «А подать сюда Землянику!» Вот что худо!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и почтмейстер.

Почтмейстер. Объясните, господа, что, какой чиновник едет? Городничий. А вы разве не слышали?

Почтмейстер. Слышал от Петра Ивановича Бобчинского. Он только что был у меня в почтовой конторе.

Городничий. Ну, что? Как вы думаете об этом?

Почтмейстер. А что думаю? война с турками будет.

Аммос Фёдорович. В одно слово! я сам то же думал.

Городничий. Да, оба пальцем в небо попали!

Почтмейстер. Право, война с турками. Это всё француз гадит.

Городничий. Какая война с турками! Просто нам плохо будет, а не туркам. Это уже известно: у меня письмо.

Почтмейстер. А если так, то не будет войны с турками.

Городничий. Ну что же, как вы, Иван Кузьмич?

Почтмейстер. Да что я? Как вы, Антон Антонович?

Городничий. Да что я? Страху-то нет, а так, немножко... Купечество да гражданство¹ меня смущает. Говорят, что я им солоно пришёлся, а я, вот ей-богу, если и взял с иного, то, право, без всякой несправедливости. Я даже думаю (*берёт его под руку и отводит в сторону*), я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачем же в самом деле к нам ревизор? Послушайте, Иван Кузьмич, нельзя ли вам, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибывает к вам в почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этак немножко распечатать и прочитать: не содержится ли в нём какого-нибудь доношения или просто переписки. Если же нет, можно опять запечатать; впрочем, можно даже и так отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстер. Знаю, знаю... Этому не учите, это я делаю не то чтоб из предосторожности, а больше из любопытства: смерть люблю узнать, что есть нового на свете. Я вам скажу, что это преинтересное чтение: иное письмо с наслаждением прочтёшь: так описываются разные пассажи²... а назидательность³ какая... Лучше, чем в «Московских ведомостях»⁴!

Городничий. Ну что ж, скажите: ничего не начитывали о каком-нибудь чиновнике из Петербурга?

Почтмейстер. Нет, о петербургском ничего нет, а о костромских и саратовских много говорится. Жаль, однако ж, что вы не читаете писем. Есть прекрасные места. Вот недавно один поручик пишет к приятелю и описал бал в самом игривом... очень, очень хорошо: «Жизнь моя, милый друг, течёт, говорит, в эмпириях⁵: барышень много, музыка играет, штандарт⁶ скачет...» С большим, с большим чувством описал. Я нарочно оставил его у себя. Хотите, прочту?

Городничий. Ну, теперь не до того. Так сделайте милость, Иван Кузьмич: если на случай попадётся жалоба или донос, то без всяких рассуждений задерживайте.

Почтмейстер. С большим удовольствием.

Аммос Фёдорович. Смотрите, достанется вам когда-нибудь за это.

¹ Граждáнство (устар.) — население.

² Пассáж — случай, происшествие.

³ Назидáтельность — поучительность.

⁴ «Москóвские вéдомости» — газета, издававшаяся Московским университетом.

⁵ В эмпирéях — в блаженстве (эмпирéй в древнегреч. мифологии — самая высокая часть неба, местопребывание богов).

⁶ Штандáрт (устар.) — военное знамя. Здесь имеется в виду штандарт-юнкер (унтер-офицер из дворян), носивший знамя.

Почтмейстер. Ах, батюшки!

Городничий. Ничего, ничего. Другое дело, если б вы из этого публичное что-нибудь сделали, но ведь это дело семейственное.

Аммос Фёдорович. Да, нехорошее дело заварилось! А я, признаюсь, шёл было к вам, Антон Антонович, с тем, чтобы попотчевать вас собачонкою. Родная сестра тому кобелю, которого вы знаете. Ведь вы слышали, что Чептович с Варховинским затеяли тяжбу, и теперь мне роскошь: травлю зайцев на землях и у того и у другого.

Городничий. Батюшки, не милы мне теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидит в голове. Так и ждёшь, что вот отворится дверь и — шасть¹...

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, Бобчинский и Добчинский,
оба входят, запыхавшись.

Бобчинский. Чрезвычайное происшествие!

Добчинский. Неожданное известие!

Все. Что? что такое?

Добчинский. Непредвиденное дело: приходим в гостиницу...

Бобчинский (*перебивая*). Приходим с Петром Ивановичем в гостиницу...

Добчинский (*перебивая*). Э, позвольте, Пётр Иванович, я расскажу.

Бобчинский. Э, нет, позвольте уж я... позвольте, позвольте... вы уж и слога такого не имеете...

Добчинский. А вы собьётесь и не припомните всего.

Бобчинский. Припомню, ей-богу, припомню. Уж не мешайте, пусть я расскажу, не мешайте! Скажите, господа, сделайте милость, чтоб Пётр Иванович не мешал.

Городничий. Да говорите, ради Бога, что такое? У меня сердце не на месте. Садитесь, господа! Возьмите стулья! Пётр Иванович, вот вам стул!

Все усаживаются вокруг обоих Петров Ивановичей.

Ну, что, что такое?

Бобчинский. Позвольте, позвольте; я всё по порядку. Как только имел я удовольствие выйти от вас после того, как вы изволили смутиться полученным письмом, да-с, — так я тогда же забежал...

¹ *Шасть* (простореч.) — междометие от глагола «шастать». Употребляется для обозначения резкого, стремительного, неожиданного движения.

уж, пожалуйста, не перебивайте, Пётр Иванович! Я уж всё, всё, всё знаю-с. Так я, вот изволите видеть, забежал к Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотил к Растаковскому, а не заставши Растаковского, зашёл вот к Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да, идучи оттуда, встретился с Петром Ивановичем...

Добчинский (перебивая). Возле будки, где продаются пироги.

Бобчинский. Возле будки, где продаются пироги. Да, встретившись с Петром Ивановичем, и говорю ему: «Слышали ли вы о новости-та, которую получил Антон Антонович из достоверного письма?» А Пётр Иванович уже услышали об этом от ключницы¹ вашей Авдотьи, которая, не знаю, за чем-то была послана к Филиппу Антоновичу Почечуеву...

Добчинский (перебивая). За бочонком для французской водки.

Бобчинский (отводя его руки). За бочонком для французской водки. Вот мы пошли с Петром-то Ивановичем к Почечуеву... Уж вы, Пётр Иванович... этого... не перебивайте, пожалуйста, не перебивайте!.. Пошли к Почечуеву, да на дороге Пётр Иванович говорит: «Зайдём, говорит, в трактир. В желудке-то у меня... с утра я ничего не ел, так желудочное трясение...» — да-с, в желудке-то у Петра Ивановича. «А в трактир, говорит, привезли теперь свежей сёмги, так мы закусим». Только что мы в гостиницу, как вдруг молодой человек...

Добчинский (перебивая). Недурной наружности, в партикулярном² платье...

Бобчинский. Недурной наружности, в партикулярном платье, ходит эдак по комнате, и в лице этакое рассуждение... физиономия... поступки, и здесь (*вертит рукою около лба*) много, много всего. Я будто предчувствовал и говорю Петру Ивановичу: «Здесь что-нибудь неспроста-с». Да. А Пётр-то Иванович уж мигнули пальцем и подозвали трактирщика-с, трактирщика Власа; у него жена три недели назад тому родила, и такой пребойкий мальчик, будет так же, как и отец, содержать трактир. Подозвавши Власа, Пётр Иванович и спроси его потихоньку: «Кто, говорит, этот молодой человек?» — а Влас и отвечает на это: «Это», — говорит... Э, не перебивайте, Пётр Иванович, пожалуйста, не перебивайте. Вы не расскажете, ей-богу, не расскажете! вы пришепётываете: у вас, я знаю, один зуб во рту со свистом... «Это, говорит, молодой человек, чиновник, — да-с, — едущий из Петербурга, а по фамилии, говорит, Иван Александрович Хлестаков-с, а едет,

¹ *Ключница* — служанка, ведавшая съестными припасами семьи, хранительница ключей.

² *Партикулярный* — штатский, псевосланный.

говорит, в Саратовскую губернию и, говорит, престранно себя аттестует¹: другую уж неделю живёт, из трактира не едет, забирает всё на счёт и ни копейки не хочет платить». Как сказал он мне это, а меня так вот свыше и вразумило... «Э!» — говорю я Петру Ивановичу...

Добчинский. Нет, Пётр Иванович, это я сказал: «Э!»

Бобчинский. Сначала вы сказали, а потом и я сказал. «Э! — сказали мы с Петром Ивановичем. — А с какой стати сидеть ему здесь, когда дорога ему лежит в Саратовскую губернию?» Да-с. А вот он-то и есть этот чиновник.

Городничий. Кто, какой чиновник?

Бобчинский. Чиновник-та, о котором изволили получить нотацию², — ревизор.

Городничий (*в страхе*). Что вы, Господь с вами! это не он.

Добчинский. Он! и денег не платит, и не едет. Кому же б быть, как не ему? И подорожная³ прописана в Саратов.

Бобчинский. Он, он, ей-богу, он... Такой наблюдательный: всё обсмотрел. Увидел, что мы с Петром-то Ивановичем ели сёмгу, — больше потому, что Пётр Иванович насчёт своего желудка... да, так он и в тарелки к нам заглянул. Меня так и проняло страхом.

Городничий. Господи, помилуй нас, грешных! Где же он там живёт?

Добчинский. В пятом номере, под лестницей.

Бобчинский. В том самом номере, где прошлого года подрались проезжие офицеры.

Городничий. И давно он здесь?

Добчинский. А недели две уж. Приехал на Василья Египтянина⁴.

Городничий. Две недели! (*В сторону.*) Батюшки, сватушки! Выносите, святые угодники! В эти две недели высечена унтер-офицерская жена⁵! Арестантам не выдавали провизии! На улицах кабак, нечистота! Позор! поношение! (*Хватается за голову.*)

Артемий Филиппович. Что ж, Антон Антонович? — ехать парадом в гостиницу.

¹ *Аттестует* — здесь: обнаруживает свой характер, ведёт себя.

² *Нотация* — письменное извещение.

³ *Подорожная* — документ о маршруте и праве пассажира пользоваться определённым количеством почтовых лошадей.

⁴ *Василий Египтянин* — имя выдуманного Гоголем святого. Дни памяти святых приходятся на определённые дни года, и потому употребление имён святых нередко имело календарное значение.

⁵ Телесные наказания жён унтер-офицеров были запрещены.

Аммос Фёдорович. Нет, нет! Вперёд пустить голову¹, духовенство, купечество; вот и в книге «Деяния Иоанна Масона»²...

Городничий. Нет, нет; позвольте уж мне самому. Бывали трудные случаи в жизни, сходили, ещё даже и спасибо получал; авось Бог вынесет и теперь. (*Обращаясь к Бобчинскому.*) Вы говорите, он молодой человек?

Бобчинский. Молодой, лет двадцати трёх или четырёх с небольшим.

Городничий. Тем лучше: молодого скорее пронюхаешь. Беда, если старый чёрт, а молодой весь наверху. Вы, господа, приготовляйтесь по своей части, а я отправлюсь сам или вот хоть с Петром Ивановичем, приватно³, для прогулки, наведаться, не терпят ли проезжающие неприятностей. Эй, Свистунов!

Свистунов. Что угодно?

Городничий. Ступай сейчас за частным приставом; или нет, ты мне нужен. Скажи там кому-нибудь, чтобы как можно поскорее ко мне частного пристава, и приходи сюда.

Квартальный бежит впопыхах.

Артемий Филиппович. Идём, идём, Аммос Фёдорович! В самом деле может случиться беда.

Аммос Фёдорович. Да вам чего бояться? Колпаки чистые надел на больных, да и концы в воду.

Артемий Филиппович. Какое колпаки! Больным велено габерсуп⁴ давать, а у меня по всем коридорам несёт такая капуста, что береги только нос.

Аммос Фёдорович. А я на этот счёт спокоен. В самом деле, кто зайдёт в уездный суд? А если и заглянет в какую-нибудь бумагу, так он жизни не будет рад. Я вот уже пятнадцать лет сижу на судейском стуле, а как загляну в докладную записку — а! только рукой махну. Сам Соломон⁵ не разрешит, что в ней правда, а что неправда. Судья, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ и почтмейстер уходят и в дверях сталкиваются с возвращающимся кварталным.

¹ Голова — городской голова — выборное лицо, ведавшее городским самоуправлением.

² Ио́анн Ма́сон — английский религиозный писатель.

³ Приватно — частным образом.

⁴ Габерсуп — овсяный суп.

⁵ Соломон — иудейский царь, отличавшийся, по библейским преданиям, высокой мудростью.

ЯВЛЕНИЕ IV

Городничий, Бобчинский, Добчинский
и квартальный.

Городничий. Что, дрожки¹ там стоят?

Квартальный. Стоят.

Городничий. Ступай на улицу... или нет, постой! Ступай принеси... Да другие-то где? неужели ты только один? Ведь я приказывал, чтоб и Прохоров был здесь. Где Прохоров?

Квартальный. Прохоров в частном доме², да только к делу не может быть употреблён.

Городничий. Как так?

Квартальный. Да так: привезли его поутру мертвецки. Вот уже два ушата воды вылили, до сих пор не протрезвился.

Городничий (*хватаясь за голову*). Ах, Боже мой, Боже мой! Ступай скорее на улицу! или нет — беги прежде в комнату, слышь! и принеси оттуда шпагу и новую шляпу. Ну, Пётр Иванович, поедem!

Бобчинский. И я, и я... позвольте и мне, Антон Антонович!

Городничий. Нет, нет, Пётр Иванович, нельзя, нельзя! Неловко, да и на дрожках не поместимся.

Бобчинский. Ничего, ничего, я так: петушком, петушком побегу за дрожками. Мне бы только немножко в щёлочку-та, в дверь этак посмотреть, как у него эти поступки...

Городничий (*принимая шпагу, к квартальному*). Беги сейчас, возьми десятских³, да пусть каждый из них возьмёт... Эх шпага как исцарапалась! Проклятый купчишка Абдулин — видит, что у городничего старая шпага, не прислал новой. О, лукавый народ! А так, мошенники, я думаю, там уж просьбы из-под полы и готовят. Пусть каждый возьмёт в руки по улице... чёрт возьми, по улице! — по метле! и вывели бы всю улицу, что идёт к трактиру, и вывели бы чисто. Слышишь! Да смотри: ты! ты! я знаю тебя: ты там кумаешься⁴ да крадёшь в ботфорты серебряные ложечки: смотри, у меня ухо востро!.. Что ты сделал с купцом Черняевым, а? Он тебе на мундир дал два аршина сукна, а ты стянул всю штуку. Смотри! не по чину берёшь! Ступай!

¹ Дрoжки — лёгкий четырёхколёсный экипаж.

² Частным домом в XIX веке назывался полицейский участок.

³ Десятский — служитель при полиции, выбирался из городских жителей (от каждаых десяти домов).

⁴ Кумáешься — от глагола куми́ться — водиться, знаться, вступать в приятельские отношения.

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и частный пристав.

Городничий. А, Степан Ильич! Скажите, ради Бога: куда вы запропастились? На что это похоже?

Частный пристав. Я был тут сейчас за воротами.

Городничий. Ну, слушайте же, Степан Ильич! Чиновник-то из Петербурга приехал. Как вы там распорядились?

Частный пристав. Да так, как вы приказывали. Квартального Пуговицына я послал с десятскими подчищать тротуар.

Городничий. А Держиморда где?

Частный пристав. Держиморда поехал на пожарной трубе¹.

Городничий. А Прохоров пьян?

Частный пристав. Пьян.

Городничий. Как же вы это так допустили?

Частный пристав. Да Бог его знает. Вчерашнего дня случилась за городом драка, — поехал туда для порядка, а возвратился пьян.

Городничий. Послушайте ж, вы сделайте вот что: квартальный Пуговицын... он высокого роста, так пусть стоит для благоустройства на мосту. Да разметать наскоро старый забор, что возле сапожника, и поставить соломенную вежу, чтоб было похоже на планировку. Оно чем больше ломки, тем больше означает деятельность градоправителя. Ах, Боже мой! я и позабыл, что возле того забора навалено на сорок телег всякого сору. Что это за скверный город: только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник или просто забор — чёрт их знает откуда и нанесут всякой дряни! *(Вздыхает.)* Да если приезжий чиновник будет спрашивать службу², довольны ли? — чтобы говорили: «Всем довольны, ваше благородие»; а который будет недоволен, то ему после дам такого неудовольствия... О, ох, хо, хо, х! грешен, во многом грешен. *(Берёт вместо шляпы футляр.)* Дай только, Боже, чтобы сошло с рук поскорее, а там-то я поставлю уж такую свечу, какой ещё никто не ставил: на каждую бестию купца наложу доставить по три пуда воску. О Боже мой, Боже мой! Едем, Пётр Иванович! *(Вместо шляпы хочет надеть бумажный футляр.)*

Частный пристав. Антон Антонович, это коробка, а не шляпа.

¹ *Пожарная труба* — пожарная машина, главную часть которой составляла «заливная труба», т. е. насос.

² *Служба* — здесь: солдаты и низшие полицейские чины.

Городничий (*бросает её*). Коробка так коробка. Чёрт с ней! Да если спросят, отчего не выстроена церковь при богоугодном заведении, на которую назад тому пять лет была ассигнована¹ сумма, то не позабыть сказать, что начала строиться, но сгорела. Я об этом и рапорт представлял. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, сдурю скажет, что она и не начиналась. Да сказать Держиморде, чтобы не слишком давал воли кулакам своим; он для порядка всем ставит фонари под глазами: и правому и виноватому. Едем, едем, Пётр Иванович! (*Уходит и возвращается.*) Да не выпускать солдат на улицу безо всего: эта дрянная гарниз² наденет только сверх рубашки мундир, а внизу ничего нет.

Все уходят.

ЯВЛЕНИЕ VI

Анна Андреевна и Марья Антоновна вбегают на сцену.

Анна Андреевна. Где ж, где ж они? Ах, Боже мой!.. (*Отворяя дверь.*) Муж! Антоша! Антон! (*Говорит скоро.*) А всё ты, а всё за тобой. И пошла копать: «Я булабочку, я косынку»... (*Подбегает к окну и кричит.*) Антон, куда, куда? Что, приехал? ревизор? с усами! с какими усами?

Голос городничего. После, после, матушка!

Анна Андреевна. После? Вот новости, после! Я не хочу после... Мне только одно слово: что он, полковник? А? (*С пренебрежением.*) Уехал! Я тебе вспомню это! А всё эта: «Маменька, маменька, погодите, зашпилю сзади косынку; я сейчас». Вот тебе и сейчас! Вот тебе ничего и не узнали! А всё проклятое кокетство: услышала, что почтмейстер здесь, и давай перед зеркалом жеманиться: и с той стороны, и с этой стороны подойдёт. Воображает, что он за ней волочится, а он просто тебе делает гримасу, когда ты отвернёшься.

Марья Антоновна. Да что ж делать, маменька? всё равно через два часа мы всё узнаем.

Анна Андреевна. Через два часа! покорнейше благодарю. Вот одолжила ответом! Как ты не догадалась сказать, что через месяц ещё лучше можно узнать! (*Свешивается в окно.*) Эй, Авдотья! А? Что, Авдотья, ты слышала, там приехал кто-то?.. Не слышала? Глупая какая! Машет руками? Пусть машет, а ты всё бы таки его расспросила. Не могла этого узнать! В голове чепуха, всё женихи сидят. А?

¹ Ассигновать — выделить (деньги).

² Гарниз — гарнизонные солдаты.

Скоро уехали! да ты бы побежала за дрожками. Ступай, ступай сейчас! Слышишь, побеги, расспроси: куда поехали, да расспроси хорошенько, что за приезжий, каков он, слышишь? Подсмотри в щёлку и узнай всё, и глаза какие: чёрные или нет, и сию же минуту возвращайся назад, слышишь? Скорее, скорее, скорее, скорее! (*Кричит до тех пор, пока не опускается занавес. Так занавес и закрывает их обеих, стоящих у окна.*)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Маленькая комната в гостинице. Постель, стол, чемодан, пустая бутылка, сапоги, платяная щётка и прочее.

ЯВЛЕНИЕ I

Осип лежит на барской постели.

Чёрт побери, есть так хочется, и в животе трескотня такая, как будто бы целый полк затрубил в трубы. Вот, не доедем, да и только, домой! Что ты прикажешь делать? Второй месяц пошёл, как уже из Питера! Профинтил¹ дорогою денежки, голубчик, теперь сидит и хвост подвернул, и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогоны²; нет, вишь ты, нужно в каждом городе показать себя! (*Дразнит его.*) «Эй, Осип, ступай посмотри комнату, лучшую, да обед спроси самый лучший: я не могу есть дурного обеда, мне нужен лучший обед». Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь елистратишка³ простой! С проезжающим знакомится, а потом в картишки, — вот тебе и доигрался! Эх, надоела такая жизнь! Право, на деревне лучше: оно хоть нет публичности⁴, да и заботности меньше, возьмёшь себе бабу, да и лежи весь век на полатах, да ешь пироги. Ну кто ж спорит, конечно, если пойдёт на правду, так житьё в Питере лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная⁵: кеатры, собаки тебе танцуют, и всё что хочешь. Разговаривают все на тонкой деликатности, что разве только дворянству уступит; пойдёшь на Щукин⁶ — купцы тебе кричат: «Почтенный!»; на перевозе в

¹ Профинтить (разг.) — истратить зря.

² Прогонь — плата за проезд на почтовых лошадях.

³ Елистратишка — искажённое регистратор. Имется в виду коллежский регистратор — низший гражданский чин (XIV класса) в царской России.

⁴ Публичность (устар.) — наличие публики, общества.

⁵ Политичный (простореч.) — вежливый, обходительный.

⁶ Щукин (двор) — один из петербургских рынков.

лодке с чиновником сядешь; компании захотел — ступай в лавочку: там тебе кавалер¹ расскажет про лагери и объявит, что всякая звезда значит на небе, так вот как на ладони всё видишь. Старуха офицерша забредёт; горничная иной раз заглянет такая... фу, фу, фу! (*Усмехается и трясёт головою.*) Галантерейное², чёрт возьми, обхождение! Невежливого слова никогда не услышишь; всякой тебе говорит «вы». Наскучило идти — берёшь извозчика и сидишь себе, как барин; а не хочешь заплатить ему — изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнёшь, что тебя никакой дьявол не сыщет. Одно плохо: иной раз славно наешься, а в другой чуть не лопнешь с голоду, как теперь, например. А всё он виноват. Что с ним сделаешь? Батюшка пришлёт денежки; чем бы их попридержать — и куды!.. пошёл кутить: ездит на извозчике, каждый день ты доставай в кеатр билет, а там через неделю, глядь — и посылает на толкучий продавать новый фрак. Иной раз всё до последней рубашки спустит, так что на нём всего останется сертучишка да шинелишка, ей-богу, правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублёв полтора ста ему один фрак станет, а на рынке спустит рублей за двадцать; а о брюках и говорить нечего — нипочём идут. А отчего? оттого, что делом не занимается: вместо того, чтобы в должность, а он идёт гулять по прешпекту³, в картишки играет. Эх, если б узнал это старый барин! Он не посмотрел бы на то, что ты чиновник, а, поднявши рубашонку, таких бы засыпал тебе, что дня б четыре ты почёсывался. Коли служить, так служи. Вот теперь трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатим? (*Со вздохом.*) Ах, Боже ты мой, хоть бы какие-нибудь щи! Кажись, так бы теперь весь свет съел. Стучится: верно, это он идёт. (*Поспешно схватывается с постели.*)

ЯВЛЕНИЕ II

Осип и Хлестаков.

Хлестаков. На, прими это. (*Отдаёт фуражку и тросточку.*) А, опять валялся на кровати?

Осип. Да зачем же бы мне валяться? Не видал я разве кровати, что ли?

Хлестаков. Врёшь, валялся; видишь, вся склочена!

¹ Кавалёр — здесь: бывалый солдат.

² Галантерейный (разг.) — галантный, любезный, вежливый.

³ Прешпéкт — искажённое слово *проспект*.

Осип. Да на что мне она? Не знаю я разве, что такое кровать? У меня есть ноги: я и постою. Зачем мне ваша кровать?

Хлестаков (*ходит по комнате*). Посмотри там в картузе¹ — табаку нет?

Осип. Да где ж ему быть, табаку? Вы четвёртого дня последнее выкурили.

Хлестаков (*ходит и разнообразно сжимает свои губы. Наконец говорит громким и решительным голосом*). Послушай, эй, Осип!

Осип. Чего изволите?

Хлестаков (*громким, но не столь решительным голосом*). Ты ступай туда.

Осип. Куда?

Хлестаков (*голосом вовсе не решительным и не громким, очень близким к просьбе*). Вниз, в буфет... Там скажи... чтобы мне дали пообедать.

Осип. Да нет, я и ходить не хочу.

Хлестаков. Как ты смеешь, дурак?

Осип. Да так, всё равно, хоть и пойду, ничего из этого не будет. Хозяин сказал, что больше не даст обедать.

Хлестаков. Как он смеет не дать? Вот ещё вздор!

Осип. «Ещё, говорит, и к городничему пойду; третью неделю барин денег не платит. Вы-де с барином, говорит, мошенники, и барин твой плут. Мы-де, говорит, таких широмыжников² и подлецов видали».

Хлестаков. А ты уж и рад, скотина, сейчас пересказывать мне всё это.

Осип. Говорит: «Этак всякий приедет, обживётся, задолжается, после и выгнать нельзя. Я, говорит, шутить не буду, я прямо с жалобой, чтоб на съезжую³ да в тюрьму».

Хлестаков. Ну, ну, дурак, полно! Ступай, ступай, скажи ему. Такое грубое животное!

Осип. Да лучше я самого хозяина позову к вам.

Хлестаков. На что ж хозяина? Ты поди сам скажи.

Осип. Да, право, сударь...

Хлестаков. Ну, ступай, чёрт с тобой! позови хозяина.

Осип уходит.

¹ *Картуз* — здесь: бумажный мешочек для табака.

² *Широмыжник* (правильно: *шаромыжник*) — человек, живущий на чужой счёт.

³ *Съезжая* — помещение при полиции для арестованных.

ЯВЛЕНИЕ III

Хлестаков один.

Ужасно как хочется есть! Так немножко прошёлся, думал, не пройдёт ли аппетит, — нет, чёрт возьми, не проходит. Да, если б в Пензе я не покутил, стало бы денег доехать домой. Пехотный капитан сильно поддел меня, штосы удивительно, бестия, срезывает¹. Всего каких-нибудь четверть часа посидел и всё обобрал. А при всём том страх хотелось бы с ним ещё раз сразиться, случай только не привёл встретиться — на всё нужно случай. Какой скверный городишко! В овощенных лавках² ничего не дают в долг. Это уж просто подло. *(Насвистывает сначала из «Роберта»³, потом: «Не шей ты мне, матушка», а наконец ни сё ни то.)* Никто не хочет идти.

ЯВЛЕНИЕ IV

Хлестаков, Осип и трактирный слуга.

Слуга. Хозяин приказал спросить, что вам угодно?

Хлестаков. Здравствуй, братец! Ну, что ты, здоров?

Слуга. Слава Богу.

Хлестаков. Ну, что, как у вас в гостинице? хорошо ли всё идёт?

Слуга. Да, слава Богу, всё хорошо.

Хлестаков. Много проезжающих?

Слуга. Да, достаточно.

Хлестаков. Послушай, любезный, там мне до сих пор обеда не приносят, так, пожалуйста, поторопи, чтоб поскорее, видишь, мне сейчас после обеда нужно кое-чем заняться.

Слуга. Да хозяин сказал, что не будет больше отпускать. Он, никак, хотел идти сегодня жаловаться городничему.

Хлестаков. Да что ж жаловаться? Посуди сам, любезный, как же? ведь мне нужно есть. Этак могу я совсем отоцать. Мне очень есть хочется, я не шутя это говорю.

Слуга. Так-с. Он говорил: «Я ему обедать не дам, покамест он не заплатит мне за прежнее». Таков уж ответ его был.

Хлестаков. Да ты урезонь, уговори его.

Слуга. Да что ж ему такое говорить?

¹ Штосы срезывать — выигрывать в карты (штос — азартная карточная игра).

² Овощенная лавка — мелочная лавка.

³ «Роберт-Дьявол» — название оперы французского композитора Мейербера.

Хлестаков. Ты растолкуй ему сурьёзно, что мне нужно есть. Деньги сами собою... Он думает, что, как ему, мужику, ничего, если не поесть день, так и другим тоже. Вот новости!

Слуга. Пожалуй, я скажу.

ЯВЛЕНИЕ V

Хлестаков один.

Это скверно, однако ж, если он совсем ничего не даст есть. Так хочется, как ещё никогда не хотелось. Разве из платья что-нибудь пустить в оборот? Штаны, что ли, продать? Нет, уж лучше поголодать, да приехать домой в петербургском костюме. Жаль, что Иохим¹ не дал напрокат кареты, а хорошо бы, чёрт побери, приехать домой в карете, подкатить таким чёртом к какому-нибудь соседу-помещику под крыльцо, с фонарями, а Осипа сзади одеть в ливрею². Как бы, я воображаю, все переполошились: «Кто такой, что такое?» А лакей входит (*вытягиваясь и представляя лакея*): «Иван Александрович Хлестаков, из Петербурга, прикажете принять?» Они, пентюхи³, и не знают, что такое значит «прикажете принять». К ним если приедет какой-нибудь гусь-помещик, так и валит, медведь, прямо в гостиную. К дочечке какой-нибудь хорошенькой подойдёшь: «Сударыня, как я...» (*Потирает руки и подшаркивает ножкой.*) Тьфу! (*плюёт*) даже тошнит, так есть хочется...

ЯВЛЕНИЕ VI

Хлестаков, Осип, потом слуга.

Хлестаков. А что?

Осип. Несут обед.

Хлестаков (*прихлопывает в ладоши и слегка подпрыгивает на стуле*). Несут! несут! несут!

Слуга (*с тарелкой и салфеткой*). Хозяин в последний раз уж даёт.

Хлестаков. Ну, хозяин, хозяин... Я плевать на твоего хозяина! Что там такое?

Слуга. Суп и жаркое.

Хлестаков. Как, только два блюда?

¹ *И ó х и м* (правильно: *И ó х и м*) — известный в Петербурге каретный мастер и домовладелец.

² *Ливре́я* — форменная парадная одежда для лакеев, швейцаров, кучеров.

³ *Пéнтюх* (простореч.) — неуклюжий, грубоватый человек.

Слуга. Только-с.

Хлестаков. Вот вздор какой! я этого не принимаю. Ты скажи ему: что это в самом деле такое!.. этого мало.

Слуга. Нет, хозяин говорит, что ещё много.

Хлестаков. А соуса почему нет?

Слуга. Соуса нет.

Хлестаков. Отчего же нет? Я видел сам, проходя мимо кухни, там много готовилось. И в столовой сегодня поутру двое каких-то коротеньких человека ели сёмгу и ещё много кой-чего.

Слуга. Да оно-то есть, пожалуй, да нет.

Хлестаков. Как нет?

Слуга. Да уж нет.

Хлестаков. А сёмга, а рыба, а котлеты?

Слуга. Да это для тех, которые почище-с.

Хлестаков. Ах ты, дурак!

Слуга. Да-с.

Хлестаков. Поросёнок ты скверный... Как же они едят, а я не ем? отчего же я, чёрт возьми, не могу так же? Разве они не такие же проезжающие, как и я?

Слуга. Да уж известно, что не такие.

Хлестаков. Какие же?

Слуга. Обнаковенно какие! они уж известно: они деньги платят.

Хлестаков. Я с тобою, дурак, не хочу рассуждать. *(Наливает суп и ест.)* Что это за суп? Ты просто воды налил в чашку: никакого вкуса нет, только воняет. Я не хочу этого супу, дай мне другого.

Слуга. Мы примем-с. Хозяин сказал, коли не хотите, то и не нужно.

Хлестаков *(защищая руками кушанье)*. Ну, ну, ну... оставь, дурак; ты привык там обращаться с другими: я, брат, не такого рода! со мной не советую... *(Ест.)* Боже мой, какой суп! *(Продолжает есть.)* Я думаю, ещё ни один человек в мире не едал такого супу: какие-то перья плавают вместо масла. *(Режет курицу.)* Ай, ай, ай, какая курица! Дай жаркое!.. Там супу немного осталось, Осип, возьми себе. *(Режет жаркое.)* Что это за жаркое? Это не жаркое.

Слуга. Да что ж такое?

Хлестаков. Чёрт его знает, что такое, только не жаркое. Это топор зажаренный вместо говядины. *(Ест.)* Мошенники, каналы, чем они кормят! и челюсти заболят, если съешь один такой кусок. *(Ковыряет пальцем в зубах.)* Подлецы! совершенно как деревянная кора — ничем вытащить нельзя, и зубы почернеют после этих блюд. Мошенники! *(Вытирает рот салфеткой.)* Больше ничего нет?

Слуга. Нет.

Хлестаков. Канальи! подлецы! и даже хотя бы какой-нибудь соус или пирожное. Бездельники! дерут только с проезжающих.

Слуга убирает и уносит тарелки вместе с Осипом.

ЯВЛЕНИЕ VII

Хлестаков, потом Осип.

Хлестаков. Право, как будто и не ел; только что разохотился. Если бы мелочь, послать бы на рынок и купить хоть сайку.

Осип (*входит*). Там зачем-то городничий приехал, осведомляется и спрашивает о вас.

Хлестаков (*испугавшись*). Вот тебе на! Эка бестия трактирщик, успел уже пожаловаться! Что, если в самом деле он потащит меня в тюрьму? Что ж? если благородным образом, я, пожалуй... нет, нет, не хочу, там в городе таскаются офицеры и народ, а я, как нарочно, задал тону и перемигнулся с одной купеческой дочкой... Нет, не хочу. Да что он? как он смеет, в самом деле? Что я ему, разве купец или ремесленник? (*Бодрится и выпрямляется.*) Да я ему прямо скажу: «Как вы смеете, как вы...»

У дверей вертится ручка, Хлестаков бледнеет и съёживается.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Хлестаков, городничий и Добчинский.

Городничий, вошед, останавливается. Оба в испуге смотрят несколько минут один на другого, выпучив глаза.

Городничий (*немного оправившись и протянув руки по швам*). Желаю здравствовать!

Хлестаков (*кланяется*). Моё почтение!..

Городничий. Извините.

Хлестаков. Ничего.

Городничий. Обязанность моя, как градоначальника здешнего города, заботиться о том, чтобы проезжающим и всем благородным людям никаких притеснений...

Хлестаков (*сначала немного заикается, но к концу речи говорит громко*). Да что ж делать?.. я не виноват... Я, право, заплачу... Мне пришлют из деревни.

Добчинский выглядывает из дверей.

Он больше виноват: говядину мне подаёт такую твёрдую, как бревно; а суп — он чёрт знает чего плеснул туда, я должен был выбросить его за окно. Он меня морит голодом по целым дням... чай такой странный: воняет рыбой, а не чаем. За что ж я... Вот новость!

Городничий (*робея*). Извините, я, право, не виноват. На рынке у меня говядина всегда хорошая. Привозят холмогорские купцы, люди трезвые и поведения хорошего. Я уж не знаю, откуда он берёт такую. А если что не так, то... Позвольте мне предложить вам переехать со мною на другую квартиру.

Хлестаков. Нет, не хочу! Я знаю, что значит на другую квартиру: то есть в тюрьму. Да какое вы имеете право? Да как вы смеее?.. Я служу в Петербурге. (*Бодрится.*) Я, я, я...

Городничий (*в сторону*). О, Господи ты Боже, какой сердитый! Всё узнал, всё рассказали проклятые купцы!

Хлестаков (*храбрысь*). Да вот вы хоть тут со всей своей командой — не пойду! Я прямо к министру! (*Стучит кулаком по столу.*) Что вы? Что вы?

Городничий (*вытянувшись и дрожа всем телом*). Помилуйте, не погубите! Жена, дети маленькие... не сделайте несчастным человеком.

Хлестаков. Нет, я не хочу! Вот ещё! мне какое дело. Оттого, что у вас жена и дети, я должен идти в тюрьму, вот прекрасно!

Бобчинский выглядывает в дверь и в испуге прячется.

Нет, благодарю покорно, не хочу.

Городничий (*дрожа*). По неопытности, ей-богу, по неопытности. Недостаточность состояния. Сами извольте посудить. Казённого жалованья не хватает даже на чай и сахар. Если ж и были какие взятки, то самая малость: к столу что-нибудь да на пару платя. Что же до унтер-офицерской вдовы, занимающейся купечеством, которую я будто бы высек, то это клевета, ей-богу, клевета. Это выдумали злодеи мои, это такой народ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Хлестаков. Да что? мне нет никакого дела до них. (*В размышлении.*) Я не знаю, однако ж, зачем вы говорите о злодеях или о какой-то унтер-офицерской вдове... Унтер-офицерская жена совсем другое, а меня вы не смеее высечь, до этого вам далеко... Вот ещё! смотри ты какой!.. Я заплачу, заплачу деньги, но у меня теперь нет. Я потому и сижу здесь, что у меня нет ни копейки.

Городничий (*в сторону*). О, тонкая штука! Эх куда метнул! какого туману напустил! разбери кто хочет. Не знаешь, с какой стороны

и приняться. Ну да уж попробовать, не куды пошло! Что будет, то будет, попробовать на авось. (*Вслух.*) Если вы точно имеете нужду в деньгах или в чём другом, то я готов служить сию минуту. Моя обязанность помогать проезжающим.

Хлестаков. Дайте, дайте мне займы, я сейчас же расплачусь с трактирщиком. Мне бы только рублей двести или хоть даже и меньше.

Городничий (*поднося бумажки*). Ровно двести рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаков (*принимая деньги*). Покорнейше благодарю; я вам тотчас пришлю их из деревни, у меня это вдруг... Я вижу, вы благородный человек. Теперь другое дело.

Городничий (*в сторону*). Ну, слава Богу! деньги взял. Дело, кажется, пойдёт теперь на лад. Я таки ему вместо двухсот четыреста ввернул.

Хлестаков. Эй, Осип!

Осип входит.

Позови сюда трактирного слугу! (*К городничему и Добчинскому.*) А что ж вы стоите? Сделайте милость, садитесь. (*Добчинскому.*) Садитесь, прошу покорнейше.

Городничий. Ничего, мы и так постоим.

Хлестаков. Сделайте милость, садитесь. Я теперь вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушие, а то, признаюсь, я уж думал, что вы пришли с тем, чтобы меня... (*Добчинскому.*) Садитесь!

Городничий и Добчинский садятся.

Бобчинский выглядывает в дверь и прислушивается.

Городничий (*в сторону*). Нужно быть посмелее. Он хочет, чтобы считали его инкогнитом. Хорошо, подпустим и мы турусы¹: прикинемся, как будто совсем и не знаем, что он за человек. (*Вслух.*) Мы, прохаживаясь по делам должности, вот с Петром Ивановичем Добчинским, здешним помещиком, зашли нарочно в гостиницу, чтобы осведомиться, хорошо ли содержатся проезжающие, потому что я не так, как иной городничий, которому ни до чего дела нет; но я, я, кроме должности, ещё по христианскому человеколюбию хочу, чтоб всякому смертному оказывался хороший приём, — и вот, как будто в награду, случай доставил такое приятное знакомство.

Хлестаков. Я тоже сам очень рад. Без вас я, признаюсь, долго бы просидел здесь: совсем не знал, чем заплатить.

¹ *Турусы* — выдумка, враньё, пустая болтовня.

Городничий (*в сторону*). Да, рассказывай! не знал, чем запла-
тить. (*Вслух.*) Осмелюсь ли спросить, куда и в какие места ехать из-
волите?

Хлестаков. Я еду в Саратовскую губернию, в собственную де-
ревню.

Городничий (*в сторону, с лицом, принимающим ироническое
выражение*). В Саратовскую губернию! А? и не покраснеет! О, да с
ним нужно ухо остро! (*Вслух.*) Благое дело изволили предпринять.
Ведь вот относительно дороги: говорят, с одной стороны, неприятно-
сти насчёт задержки лошадей, а ведь, с другой стороны, развлечение
для ума. Ведь вы, чай, больше для собственного удовольствия едете?

Хлестаков. Нет, батюшка меня требует; рассердился старик, что
до сих пор ничего не выслужил в Петербурге. Он думает, что так вот
приехал, да сейчас тебе Владимира в петлицу¹ и дадут. Нет, я бы по-
слал его самого потолкаться в канцелярию.

Городничий (*в сторону*). Прошу посмотреть, какие пули отлива-
ет! и старика отца приплёл! (*Вслух.*) И на долгое время изволите ехать?

Хлестаков. Право, не знаю. Ведь мой отец упрям и глуп, старый
хрен, как бревно. Я ему прямо скажу: как хотите, я не могу жить без
Петербурга. За что ж, в самом деле, я должен погубить жизнь с му-
жиками? Теперь не те потребности, душа моя жаждет просвещения.

Городничий (*в сторону*). Славно завязал узелок! Врёт, врёт — и
нигде не оборвётся. А ведь какой невзрачный, низенький, кажется —
ногтем бы придавил его. Ну да постой, ты у меня проговоришься.
Я тебя уж заставлю побольше рассказать! (*Вслух.*) Справедливо изво-
лили заметить. Что можно сделать в глуши? Ведь вот хоть бы здесь:
ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалеешь ничего, а на-
града неизвестно ещё когда будет. (*Окидывает глазами комнату.*)
Кажется, эта комната несколько сыра?

Хлестаков. Скверная комната, и клопы такие, каких я нигде
не видывал: как собаки, кусают.

Городничий. Скажите! такой просвещённый гость и терпит, от
кого же? от каких-нибудь негодных клопов, которым бы и на свет не
следовало родиться. Никак, даже темно в этой комнате?

Хлестаков. Да, совсем темно, хозяин завёл обыкновение не от-
пускать свечей. Иногда что-нибудь хочется сделать, почитать или
придёт фантазия сочинить что-нибудь, — не могу: темно, темно.

¹ Владимир в петлице — орден Владимира четвёртой степени, который носили на
груди.

Городничий. Осмелюсь ли просить вас... но нет, я не достоин.
Хлестаков. А что?

Городничий. Нет, нет! не достоин, не достоин!

Хлестаков. Да что ж такое?

Городничий. Я бы дерзнул... У меня в доме есть прекрасная для вас комната, светлая, покойная... Но нет, чувствую сам, это уж слишком большая честь... Не рассердитесь. Ей-богу, от простоты души предложил.

Хлестаков. Напротив, извольте, я с удовольствием, мне гораздо приятнее в приватном доме, чем в этом кабаке.

Городничий. А уж я так буду рад! А уж как жена обрадуется! У меня уж такой нрав: гостеприимство с самого детства; особенно если гость просвещённый человек. Не подумайте, чтобы я говорил это из лести. Нет, не имею этого порока, от полноты души выражаюсь.

Хлестаков. Покорно благодарю. Я сам тоже, я не люблю людей двуличных. Мне очень нравится ваша откровенность и радушие, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовал, как только оказывай мне преданность и уважение, уважение и преданность.

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же и трактирный слуга, сопровождаемый Осипом.

Бобчинский выглядывает в дверь.

Слуга. Изволили спрашивать?

Хлестаков. Да; подай счёт.

Слуга. Я уж давеча подал вам другой счёт.

Хлестаков. Я уж не помню твоих глупых счетов. Говори: сколько там?

Слуга. Вы изволили в первый день спросить обед, а на другой день только закусили сёмги и потом пошли всё в долг брать.

Хлестаков. Дурак, ещё начал высчитывать. Всего сколько следует?

Городничий. Да вы не извольте беспокоиться, он подождёт. *(Слуге.)* Пошёл вон, тебе пришлют.

Хлестаков. В самом деле, и то правда. *(Прячет деньги.)*

Слуга уходит, в дверь выглядывает Бобчинский.

ЯВЛЕНИЕ X

Городничий, Хлестаков, Добчинский.

Городничий. Не угодно ли вам будет осмотреть некоторые заведения в нашем городе, как-то — богоугодные и другие?

Хлестаков. А что там такое?

Городничий. А так, посмотрите, какое у нас течение дел... порядок какой... для путешественника...

Хлестаков. С большим удовольствием, я готов.

Бобчинский выставляет голову в дверь.

Городничий. Также, если будет ваше желание, оттуда в уездное училище, осмотреть порядок, в каком преподаются у нас науки.

Хлестаков. Извольте, извольте.

Городничий. Потом, если пожелаете посетить острог и городские тюрьмы¹, — рассмотрите, как у нас содержатся преступники.

Хлестаков. Да зачем же тюрьмы? Уж лучше мы обсмотрим богоугодные заведения.

Городничий. Как вам угодно. Как вы намерены, в своём экипаже или вместе со мною на дрожках?

Хлестаков. Да я лучше с вами на дрожках поеду.

Городничий (*Добчинскому*). Ну, Пётр Иванович, вам теперь нет места.

Добчинский. Ничего, я так.

Городничий (*тихо Добчинскому*). Слушайте: вы побегите, да бегом во все лопатки и снесите две записки: одну в богоугодное заведение Землянике, а другую жене. (*Хлестакову*.) Осмелюсь ли я попросить позволения написать в вашем присутствии одну строчку к жене, чтоб она приготовилась к принятию почтенного гостя?

Хлестаков. Да зачем же?... А впрочем, тут и чернила, только бумаги — не знаю... Разве на этом счёте?

Городничий. Я здесь напишу. (*Пишет и в то же время говорит про себя*.) А вот посмотрим, как пойдёт дело после фриштика² да бутылки-то толстобрюшки! Да есть у нас губернская мадера: неказиста на вид, а слона повалит с ног. Только бы мне узнать, что он такое и в какой мере нужно его опасаться. (*Написавши, отдаёт Добчинскому, который подходит к двери, но в это время дверь обрывается, и подслушивавший с другой стороны Бобчинский летит вместе с нею на сцену. Все издают восклицание. Бобчинский подымается*.)

Хлестаков. Что? не ушиблись ли вы где-нибудь?

¹ *Острóг* — тюремное здание, где содержались осуждённые преступники. *Тюрьма́* — место заключения подсудимых, уже получивших приговор, но ещё не отправленных на поселение или на каторгу. Характерное преувеличение: в уездном городке есть и острог, и тюрьмы, т. е. царит полицейско-тюремный «порядок».

² *Фри́штик* (нем.) — завтрак.

Бобчинский. Ничего, ничего-с, без всякого-с помешательства, только сверх носа небольшая нашлёпка! Я забегу к Христиану Ивановичу, у него-с есть пластырь такой, так вот оно и пройдёт.

Городничий (*делая Бобчинскому укорительный знак. Хлестакову*). Это-с ничего. Прошу покорнейше, пожалуйста! а слуге вашему я скажу, чтобы перенёс чемодан. (*Осипу.*) Любезнейший, ты перенеси всё ко мне, к городничему, — тебе всякий покажет. Прошу покорнейше! (*Пропускает вперёд Хлестакова и следует за ним, но, оборотившись, говорит с укоризной Бобчинскому.*) Уж и вы! не напли другого места упасть! и растянулся как чёрт знает что такое. (*Уходит; за ним Бобчинский.*)

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ I

Анна Андреевна, Марья Антоновна
стоят у окна в тех же самых положениях.

Анна Андреевна. Ну вот, уже целый час дожидаемся, а всё ты со своим глупым жеманством: совершенно оделась, нет, ещё нужно копаться... Было бы не слушать её вовсе. Экая досада! как нарочно, ни души! как будто вымерло всё.

Марья Антоновна. Да, право, маменька, чрез минуты две всё узнаем. Уж скоро Авдотья должна прийти. (*Всматривается в окно и вскрикивает.*) Ах, маменька, маменька! кто-то идёт, вон в конце улицы.

Анна Андреевна. Где идёт? У тебя вечно какие-нибудь фантазии. Ну да, идёт. Кто ж это идёт? Небольшого роста... во фраке... Кто ж это? а? Это, однако ж, досадно! Кто ж бы это такой был?

Марья Антоновна. Это Добчинский, маменька.

Анна Андреевна. Какой Добчинский? Тебе всегда вдруг вообразится этакое... Совсем не Добчинский. (*Машет платком.*) Эй, вы, ступайте сюда! скорее!

Марья Антоновна. Право, маменька, Добчинский.

Анна Андреевна. Ну вот, нарочно, чтобы только поспорить. Говорят тебе — не Добчинский.

Марья Антоновна. А что? а что, маменька? Видите, что Добчинский.

Анна Андреевна. Ну да, Добчинский, теперь я вижу, — из чего же ты споришь? *(Кричит в окно.)* Скорей, скорей! вы тихо идёте. Ну что, где они? А? Да говорите же оттуда — всё равно. Что? очень строгий? А? А муж, муж? *(Немного отступя от окна, с досадою.)* Такой глупый: до тех пор, пока не войдёт в комнату, ничего не расскажет!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Добчинский.

Анна Андреевна. Ну, скажите, пожалуйста: ну, не совестно ли вам? Я на вас одних полагалась, как на порядочного человека: все вдруг выбежали, и вы туда ж за ними! и я вот ни от кого до сих пор толку не доберусь. Не стыдно ли вам! Я у вас крестила вашего Ванечку и Лизаньку, а вы вот как со мною поступили!

Добчинский. Ей-богу, кумушка, так бежал засвидетельствовать почтение, что не могу духу перевести. Моё почтение, Марья Антоновна!

Марья Антоновна. Здравствуйте, Пётр Иванович!

Анна Андреевна. Ну что? Ну, рассказывайте: что и как там?

Добчинский. Антон Антонович прислал вам записочку.

Анна Андреевна. Ну, да кто он такой? генерал?

Добчинский. Нет, не генерал, а не уступит генералу. Такое образование и важные поступки-с.

Анна Андреевна. А! так это тот самый, о котором было писано мужу.

Добчинский. Настоящий. Я это первый открыл вместе с Петром Ивановичем.

Анна Андреевна. Ну, расскажите: что и как?

Добчинский. Да, слава Богу, всё благополучно. Сначала он принял было Антона Антоновича немного сурово, да-с; сердился и говорил, что и в гостинице всё нехорошо, и к нему не поедет, и что он не хочет сидеть за него в тюрьме; но потом, как узнал невинность Антона Антоновича и как покороче разговорился с ним, тотчас переменял мысли, и, слава Богу, всё пошло хорошо. Они теперь поехали осматривать богоугодные заведения... А то, признаюсь, уже Антон Антонович думали, не было ли тайного доноса; я сам тоже перетрухнул немножко.

Анна Андреевна. Да вам-то чего бояться? Ведь вы не служите.

Добчинский. Да так, знаете, когда вельможа говорит, чувствуешь страх.

Анна Андреевна. Ну, что ж... это всё, однако ж, вздор; расскажите, каков он собою? что, стар или молод?

Добчинский. Молодой, молодой человек; лет двадцати трёх; а говорит совсем так, как старик. «Извольте, говорит, я поеду и туда, и туда»... *(размахивает руками)* — так это всё славно. «Я, говорит, и написать и почитать люблю; но мешает, что в комнате, говорит, немножко темно».

Анна Андреевна. А собою каков он: брюнет или блондин?

Добчинский. Нет, больше шантрет¹, и глаза такие быстрые, как зверки, так в смущенье даже приводят.

Анна Андреевна. Что тут пишет он мне в записке? *(Читает.)* «Спешу тебя уведомить, душенька, что состояние моё было весьма печальное; но, уповая на милосердие Божие, за два солёные огурца особенно и полпорции икры рубль двадцать пять копеек...» *(Останавливается.)* Я ничего не понимаю: к чему же тут солёные огурцы и икра?

Добчинский. А, это Антон Антонович писали на черновой бумаге по скорости: там какой-то счёт был написан.

Анна Андреевна. А, да, точно. *(Продолжает читать.)* «Но, уповая на милосердие Божие, кажется, всё будет к хорошему концу. Приготовь поскорее комнату для важного гостя, ту, что выклеена жёлтыми бумажками; к обеду прибавлять не трудись, потому что закусим в богоугодном заведении у Артемия Филипповича, а вина вели побольше; скажи купцу Абдулину, чтобы прислал самого лучшего, а не то я перерою весь его погреб. Целую, душенька, твою ручку, остаюсь твой: Антон Сквозник-Дмухановский...» Ах, Боже мой! Это, однако ж, нужно поскорей! Эй, кто там? Мишка!

Добчинский *(бежит и кричит в дверь)*. Мишка! Мишка! Мишка!

Мишка входит.

Анна Андреевна. Послушай: беги к купцу Абдулину... постой, я дам тебе записочку. *(Садится к столу, пишет записку и между тем говорит.)* Эту записку ты отдай кучеру Сидору, чтоб он побежал с нею к купцу Абдулину и принёс оттуда вина. А сам поди сейчас прибери эту комнату для гостя. Там поставить кровать, рукомойник и прочее...

Добчинский. Ну, Анна Андреевна, я побегу теперь поскорее посмотреть, как там он обзоревает.

Анна Андреевна. Ступайте, ступайте, я не держу вас.

¹ Шантрёт (устар.) — шатен.

ЯВЛЕНИЕ III

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ну, Машенька, нам нужно теперь заняться туалетом. Он столичная штучка, Боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмелял. Тебе приличнее всего надеть твоё голубое платье с мелкими оборками.

Марья Антоновна. Фи, маменька, голубое! Мне совсем не нравится: и Ляпкина-Тяпкина ходит в голубом, и дочь Земляники тоже в голубом. Нет, лучше я надену цветное.

Анна Андреевна. Цветное!.. Право, говоришь лишь бы только наперекор. Оно тебе будет гораздо лучше, потому что я хочу надеть палевое¹, я очень люблю палевое.

Марья Антоновна. Ах, маменька, вам нейдёт палевое!

Анна Андреевна. Мне палевое нейдёт?

Марья Антоновна. Нейдёт, я что угодно даю — нейдёт: для этого нужно, чтобы глаза были совсем тёмные.

Анна Андреевна. Вот хорошо! а у меня глаза разве не тёмные? самые тёмные. Какой вздор говорит! как же не тёмные, когда я и гадаю про себя всегда на трефовую даму.

Марья Антоновна. Ах, маменька, вы больше червонная дама.

Анна Андреевна. Пустяки, совершенные пустяки! Я никогда не была червонная дама. *(Поспешно уходит вместе с Марьей Антоновной и говорит за сценою.)* Этакое вдруг вообразится! червонная дама! Бог знает что такое!

По уходе их отворяются двери, и Мишка выбрасывает из них сор.

Из других дверей входит Осип с чемоданом на голове.

ЯВЛЕНИЕ IV

Мишка и Осип.

Осип. Куда тут?

Мишка. Сюда, дядюшка, сюда.

Осип. Постой, прежде дай отдохнуть. Ах ты, горемычное житьё! На пустое брюхо всякая ноша кажется тяжела.

Мишка. Что, дядюшка, скажите: скоро будет генерал?

Осип. Какой генерал?

Мишка. Да барин ваш.

Осип. Барин? Да какой он генерал?

¹ Пáлевый — бледно-жёлтый.

Мишка. А разве не генерал?

Осип. Генерал, да только с другой стороны.

Мишка. Что ж это, больше или меньше настоящего генерала?

Осип. Больше.

Мишка. Вишь ты как! то-то у нас сумятицу подняли.

Осип. Послушай, малый: ты, я вижу, проворный парень; приготовь-ка там что-нибудь поесть!

Мишка. Да для вас, дядюшка, ещё ничего не готово. Простого блюда вы не будете кушать, а вот как барин ваш сядет за стол, так и вам того же кушанья отпустят.

Осип. Ну, а простого-то что у вас есть?

Мишка. Щи, каша да пироги.

Осип. Давай их, щи, кашу и пироги! Ничего, всё будем есть. Ну, понесём чемодан! Что, там другой выход есть?

Мишка. Есть.

Оба несут чемодан в боковую комнату.

ЯВЛЕНИЕ V

Квартальные отворяют обе половинки дверей. Входит Хлестаков; за ним городничий, далее попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, Добчинский и Бобчинский с пластырем на носу; городничий указывает квартальным на полу бумажку — они бегут и снимают её, толкая друг друга впопыхах.

Хлестаков. Хорошие заведения. Мне нравится, что у вас показывают проезжающим всё в городе. В других городах мне ничего не показывали.

Городничий. В других городах, осмелюсь доложить вам, градоправители и чиновники больше заботятся о своей, то есть, пользе; а здесь, можно сказать, нет другого помышления, кроме того, чтобы благочинием¹ и бдительностью заслужить внимание начальства.

Хлестаков. Завтрак был очень хорош; я совсем объелся. Что, у вас каждый день бывает такой?

Городничий. Нарочно для такого приятного гостя.

Хлестаков. Я люблю поесть. Ведь на то живёшь, чтобы срывать цветы удовольствия. Как называлась эта рыба?

Артемий Филиппович (подбегая). Лабардан-с².

¹ *Благочиние* — здесь: соблюдение приличий, порядка.

² *Лабардан* — свежеспросоленная треска.

Хлестаков. Очень вкусная. Где это мы завтракали? в больнице, что ли?

Артемий Филиппович. Так точно-с, в богоугодном заведении.

Хлестаков. Помню, помню, там стояли кровати. А больные выздоровели? там их, кажется, немного.

Артемий Филиппович. Человек десять осталось, не больше, а прочие все выздоровели. Это уж так устроено, такой порядок. С тех пор как я принял начальство, — может быть, вам покажется даже невероятным, — все, как мухи, выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет, как уже здоров, и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком.

Городничий. Уж на что, осмелюсь доложить вам, головоломна обязанность градоначальника! Столько лежит всяких дел, относительно одной чистоты, починки, поправки... словом, наиумнейший человек пришёл бы в затруднение, но, благодарение Богу, всё идёт благополучно. Иной городничий, конечно, радел бы о своих выгодах; но, верите ли, что, даже когда ложишься спать, всё думаешь: «Господи Боже ты мой, как бы так устроить, чтобы начальство увидело мою ревность¹ и было довольно...» Наградит ли оно или нет, конечно, в его воле, по крайней мере, я буду спокоен в сердце. Когда в городе во всём порядок, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяниц мало... то чего ж мне больше? ей-ей, и почестей никаких не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но пред добродетелью всё прах и суета.

Артемий Филиппович *(в сторону)*. Эка, бездельник, как расписывает! Дал же Бог такой дар!

Хлестаков. Это правда. Я, признаюсь, сам люблю иногда заумствоваться: иной раз прозой, а в другой и стихи выкинутся.

Бобчинский *(Добчинскому)*. Справедливо, всё справедливо, Пётр Иванович! Замечания такие... видно, что наукам учился.

Хлестаков. Скажите, пожалуйста, нет ли у вас каких-нибудь развлечений, обществ, где бы можно было, например, поиграть в карты?

Городничий *(в сторону)*. Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают! *(Вслух.)* Боже сохрани! здесь и слуху нет о таких обществах. Я карт и в руки никогда не брал; даже не знаю, как играть в эти карты. Смотреть никогда не мог на них равнодушно, и если случится увидеть этак какого-нибудь бубнового короля или что-

¹ Ревность — здесь: старание.

нибудь другое, то такое омерзение нападает, что просто плюнешь. Раз как-то случилось, забавляя детей, выстроил будку из карт, да после того всю ночь снились, проклятые. Бог с ними, как можно, чтобы такое драгоценное время убивать на них?

Лука Лукич (*в сторону*). А у меня, подлец, выпонтировал¹ вчера сто рублей.

Городничий. Лучше ж я употребляю это время на пользу государственную.

Хлестаков. Ну, нет, вы напрасно, однако же... Всё зависит от той стороны, с которой кто смотрит на вещь. Если, например, забастуешь², тогда как нужно гнуть от трёх углов³... ну, тогда конечно... Нет, не говорите, иногда очень заманчиво поиграть.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий. Осмелюсь представить семейство моё: жена и дочь.

Хлестаков (*раскланиваясь*). Как я счастлив, сударыня, что имею в своём роде удовольствие вас видеть.

Анна Андреевна. Нам ещё более приятно видеть такую особу.

Хлестаков (*рисуюсь*). Помилуйте, сударыня, совершенно напротив: мне ещё приятнее.

Анна Андреевна. Как можно-с! вы это так изволите говорить, для комплимента. Прошу покорно садиться.

Хлестаков. Возле вас стоять уже есть счастье; впрочем, если вы так уж непременно хотите, я сяду. Как я счастлив, что наконец сию возле вас.

Анна Андреевна. Помилуйте, я никак не смею принять на свой счёт... Я думаю, вам после столицы вояжировка⁴ показалась очень неприятною.

Хлестаков. Чрезвычайно неприятна. Привыкши жить, *сomprenez-vous*⁵, в свете и вдруг очутиться в дороге: грязные трактиры, мрак невежества... Если б, признаюсь, не такой случай, который меня... (*посматривает на Анну Андреевну и рисуется перед ней*) так вознаградил за всё...

¹ *Выпонтировать* — выиграть в карточной игре.

² *Забастовать* — здесь: перестать увеличивать ставку в игре в банк.

³ *Гнуть от трёх углов* — втрое увеличивать ставку в карточной игре.

⁴ *Вояжировка* — путешествие.

⁵ Вы понимаете (фр.).

Анна Андреевна. В самом деле, как вам должно быть неприятно. Хлестаков. Впрочем, сударыня, в эту минуту мне очень приятно.

Анна Андреевна. Как можно-с, вы делаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Хлестаков. Отчего же не заслуживаете? Вы, сударыня, заслуживаете.

Анна Андреевна. Я живу в деревне...

Хлестаков. Да, деревня, впрочем, тоже имеет свои пригорки, ручейки... Ну, конечно, кто же сравнит с Петербургом! Эх, Петербург! что за жизнь, право! Вы, может быть, думаете, что я только переписываю: нет, начальник отделения со мной на дружеской ноге. Этак ударит по плечу: «Приходи, братец, обедать!» Я только на две минуты захожу в департамент¹, с тем только, чтобы сказать: «это вот так, это вот так!», а там уж чиновник для письма, такая крыса, пером только — тр, тр... пошёл писать. Хотели было даже меня коллежским асессором² сделать, да, думаю, зачем. И сторож летит ещё на лестнице за мною со щёткою: «Позвольте, Иван Александрович, я вам, говорит, сапоги почищу». (*Городничему.*) Что вы, господа, стоите? пожалуйста-ста, садитесь!

Городничий. Чин такой, что ещё можно постоять.

Артемий Филиппович. Мы постоим.

Лука Лукич. Не извольте беспокоиться!

Хлестаков. Без чинов, прошу садиться.

} (*Вместе.*)

Городничий и все садятся.

Я не люблю церемоний. Напротив, я даже стараюсь, стараюсь проскользнуть незаметно. Но никак нельзя скрыться, никак нельзя! Только выйду куда-нибудь, уж и говорят: «Вон, говорят, Иван Александрович идёт!» А один раз меня приняли даже за главнокомандующего. Солдаты выскочили из гауптвахты³ и сделали ружьём. После уж офицер, который мне очень знаком, говорит мне: «Ну, братец, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующего».

Анна Андреевна. Скажите как!

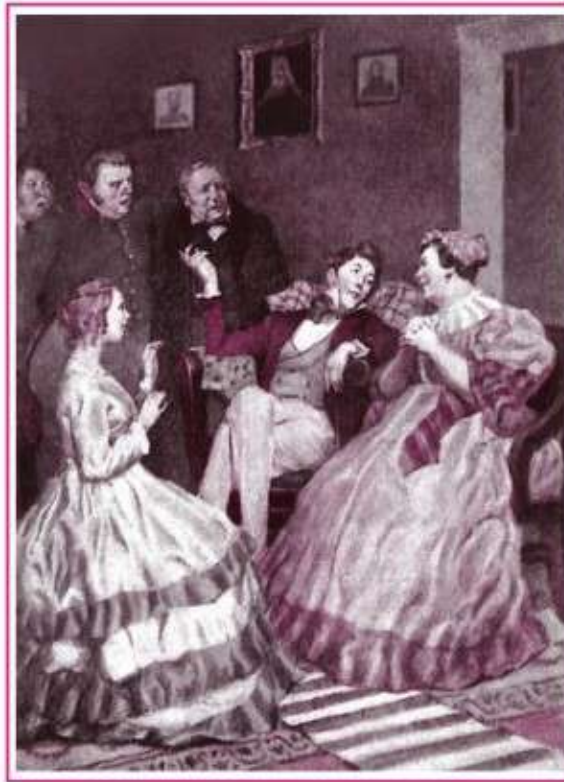
Хлестаков. С хорошенькими актрисами знаком. Я ведь тоже разные водевильчики⁴... Литераторов часто вижу. С Пушкиным на

¹ *Департа́мент* — отдел министерства.

² *Колле́жский асе́ссор* — гражданский чин VIII класса.

³ *Гауптва́хта* — помещение для караула.

⁴ *Водеви́ль* — небольшая пьеса с пением куплетов.

«Ревизор». Хлестаков рассказывает.
Художник А. Константиновский. 1950 г.

дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: «Ну, что, брат Пушкин?» — «Да так, брат, — отвечает, бывало, — так как-то всё...» Большой оригинал¹.

Анна Андреевна. Так вы и пишете? Как это, должно быть, приятно сочинителю! Вы, верно, и в журналы помещаете?

Хлестаков. Да, и в журналы помещаю. Моих, впрочем, много есть сочинений. «Женитьба Фигаро»², «Роберт-Дьявол», «Норма»³. Уж и названий даже не помню. И всё случаем: я не хотел писать, но театральная дирекция говорит: «Пожалуйста, братец, напиши что-нибудь». Думаю себе: «Пожалуй, изволь, братец!» И тут же в один вечер, кажется, всё написал, всех изумил. У меня лёгкость необыкновенная в мыслях. Всё это, что было под именем барона Брамбеуса⁴, «Фрегат Надежды»⁵ и «Московский телеграф»⁶... всё это я написал.

¹ *Оригина́л* — здесь: своеобразный, ни на кого не похожий человек.

² «*Же́нитьба Фига́ро*» — комедия французского драматурга Бомарше.

³ «*Но́рма*» — опера итальянского композитора Беллини.

⁴ *Ба́рон Бра́мбеус* — псевдоним русского журналиста О. И. Сенковского.

⁵ «*Фрега́т „Наде́жда“*» — повесть Марлинского (А. А. Бестужева).

⁶ «*Моско́вский телегра́ф*» — журнал, издававшийся в 1825—1834 годах.

Анна Андреевна. Скажите, так это вы были Брамбеус?

Хлестаков. Как же, я им всем поправляю статьи. Мне Смирдин¹ даёт за это сорок тысяч.

Анна Андреевна. Так, верно, и «Юрий Милославский»² ваше сочинение?

Хлестаков. Да, это моё сочинение.

Анна Андреевна. Я сейчас догадалась.

Марья Антоновна. Ах, маменька, там написано, что это господина Загоскина сочинение.

Анна Андреевна. Ну вот: я и знала, что даже здесь будешь спорить.

Хлестаков. Ах да, это правда, это точно Загоскина; а есть другой «Юрий Милославский», так тот уж мой.

Анна Андреевна. Ну, это, верно, я ваш читала. Как хорошо написано!

Хлестаков. Я, признаюсь, литературой существую. У меня дом первый в Петербурге. Так уж и известен: дом Ивана Александровича. (*Обращаясь ко всем.*) Сделайте милость, господа, если будете в Петербурге, прошу, прошу ко мне. Я ведь тоже балы даю.

Анна Андреевна. Я думаю, с каким там вкусом и великолепием даются балы!

Хлестаков. Просто не говорите. На столе, например, арбуз — в семьсот рублей арбуз. Суп в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа, откроют крышку — пар, которому подобного нельзя отыскать в природе. Я всякий день на балах. Там у нас и вист³ свой составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я. И уж так уморишься, играя, что просто ни на что не похоже. Как взбежишь по лестнице к себе на четвёртый этаж, скажешь только кухарке: «На, Маврушка, шинель...» Что ж я вру — я и позабыл, что живу в бельэтаже. У меня одна лестница стоит... А любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я ещё не проснулся. Графы и князья толкуются и жужжат там, как шмели, только и слышно: ж... ж... ж... Иной раз и министр...

Городничий и прочие с робостью встают со своих стульев.

¹ Смирдин Александр Филиппович — известный петербургский книгопродавец и издатель.

² «Юрий Милославский» — роман М. П. Загоскина.

³ Вист — карточная игра между четырьмя партнёрами.

Мне даже на пакетах пишут: «Ваше превосходительство»¹. Один раз я даже управлял департаментом. И странно: директор уехал — куда уехал, неизвестно. Ну, натурально, пошли толки: как, что, кому занять место? Многие из генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало, — нет, мудрёно. Кажется, и легко на вид, а расмотришь — просто чёрт возьми; после, видят, нечего делать, — ко мне. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров! Каково положение? — я спрашиваю. «Иван Александрович, ступайте департаментом управлять!» Я, признаюсь, немного смутился, вышел в халате, хотел отказаться, но думаю: дойдёт до государя; ну да и послужной список тоже... «Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю, говорю, так и быть, говорю, я принимаю, только уж у меня: ни, ни, ни! Уж у меня ухо остро! уж я...» И точно: бывало, как прохожу через департамент, — просто землетрясение, всё дрожит и трясётся, как лист.

Городничий и прочие трясутся от страха, Хлестаков горячится сильнее.

О! я шутить не люблю; я им всем задал острастку. Меня сам государственный совет² боится. Да что, в самом деле? Я такой! я не посмотрю ни на кого... я говорю всем: «Я сам себя знаю, сам». Я везде, везде. Во дворец всякий день езжу. Меня завтра же произведут сейчас в фельдмарш... *(Поскальзывается и чуть-чуть не шлёпается на пол, но с почтеньем поддерживается чиновниками.)*

Городничий *(подходя и трясясь всем телом, силится выговорить)*. А ва-ва-ва... ва...

Хлестаков *(быстрым отрывистым голосом)*. Что такое?

Городничий. А ва-ва-ва-ва... ва...

Хлестаков *(таким же голосом)*. Не разберу ничего, всё вздор.

Городничий. Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?... вот и комната, и всё, что нужно.

Хлестаков. Вздор — отдохнуть. Извольте, я готов отдохнуть. Завтрак у вас, господа, хорош... я доволен, я доволен. *(С декламацией.)* Лабардан! лабардан! *(Входит в боковую комнату, за ним городничий.)*

¹ *Ваше превосходительство* — обращение в царской России к высшим чинам (III—IV классов — генерал-лейтенантам, генерал-майорам или тайным советникам и действительным статским советникам).

² *Государственный совет* — высший законосовещательный орган в России XIX века.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, кроме Хлестакова и городничего.

Бобчинский (*Добчинскому*). Вот это, Пётр Иванович, человек-то. Вот оно, что значит человек! В жисть не был в присутствии такой важной персоны, чуть не умер со страху. Как вы думаете, Пётр Иванович, кто он такой в рассуждении чина?

Добчинский. Я думаю, чуть ли не генерал.

Бобчинский. А я так думаю, что генерал-то ему и в подмётки не станет! а когда генерал, то уж разве сам генералиссимус. Слышали: государственный-то совет как прижал? Пойдём расскажем поскорее Аммосу Фёдоровичу и Коробкину. Прощайте, Анна Андреевна!

Добчинский. Прощайте, кумушка!

Оба уходят.

Артемий Филиппович (*Луке Лукичу*). Страшно просто; а отчего, и сам не знаешь. А мы даже и не в мундирах. Ну что, как проспится да в Петербург махнёт донесение? (*Уходит в задумчивости вместе с зрителем училищ, произнеся:*) Прощайте, сударыня.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ах, какой приятный!

Марья Антоновна. Ах, милашка!

Анна Андреевна. Но только какое тонкое обращение! сейчас можно увидеть столичную штучку. Приёмы и всё это такое... Ах, как хорошо! я страх люблю таких молодых людей! я просто без памяти. Я, однако ж, ему очень понравилась: я заметила — всё на меня поглядывал.

Марья Антоновна. Ах, маменька, он на меня глядел!

Анна Андреевна. Пожалуйста, с своим вздором подальше! Это здесь вовсе неуместно.

Марья Антоновна. Нет, маменька, право!

Анна Андреевна. Ну вот! Боже сохрани, чтобы не поспорить! нельзя, да и полно! Где ему смотреть на тебя? И с какой стати ему смотреть на тебя?

Марья Антоновна. Право, маменька, всё смотрел. И как начал говорить о литературе, то взглянул на меня, и потом, когда рассказывал, как играл в вист с посланниками, и тогда посмотрел на меня.

Анна Андреевна. Ну, может быть, один какой-нибудь раз, да и то так уж, лишь бы только. «А, — говорит себе, — дай уж посмотрю на неё!»

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же и городничий.

Городничий (*входит на цыпочках*). Чш... ш...

Анна Андреевна. Что?

Городничий. И не рад, что напоил. Ну что, если хоть одна половина из того, что он говорил, правда? (*Задумывается.*) Да как же и не быть правде? Подгулявши, человек всё несёт наружу: что на сердце, то и на языке. Конечно, прилгнул немного. Да ведь не прилгнувши не говорится никакая речь. С министрами играет и во дворец ездит... Так вот, право, чем больше думаешь... чёрт его знает, не знаешь, что и делается в голове, просто как будто или стоишь на какой-нибудь колокольне, или тебя хотят повесить.

Анна Андреевна. А я никакой совершенно не ощутила робости; я просто видела в нём образованного, светского, высшего тона человека, а о чинах его мне и нужды нет.

Городничий. Ну, уж вы — женщины! Всё кончено, одного этого слова достаточно! Вам всё — финтирлюшки¹! Вдруг брякнут ни из того ни из другого словцо. Вас посекут, да и только, а мужа и поминай как звали. Ты, душа моя, обращалась с ним так свободно, как будто с каким-нибудь Добчинским.

Анна Андреевна. Об этом я уж советую вам не беспокоиться. Мы кой-что знаем такое... (*Посматривает на дочь.*)

Городничий (*один*). Ну, уж с вами говорить!.. Эка, в самом деле, оказия! До сих пор не могу очнуться от страха. (*Отворяет дверь и говорит в дверь.*) Мишка! позови квартальных, Свистунова и Держиморду: они тут недалеко где-нибудь за воротами. (*После небольшого молчания.*) Чудно всё завелось теперь на свете: хоть бы народ-то уж был видный, а то худенький, тоненький — как его узнаешь, кто он! Ещё военный всё-таки кажет из себя, а как наденет фрачишку — ну точно муха с подрезанными крыльями. А ведь долго крепился давеча в трактире, заламливал такие аллегии и екивоки², что, кажись, век бы не добился толку. А вот наконец и подался. Да ещё и наговорил больше, чем нужно. Видно, что человек молодой.

¹ Финтирлюшка (*финтифлюшка*) — глупость, пустяк.

² Екиво́к (*экиво́к*) — двусмысленность, намёк.

ЯВЛЕНИЕ X

Те же и Осип, все бегут к нему навстречу, кивая пальцами.

Анна Андреевна. Подойди сюда, любезный!

Городничий. Чш!.. что? что? спит?

Осип. Нет ещё, немножко потягивается.

Анна Андреевна. Послушай, как тебя зовут?

Осип. Осип, сударыня.

Городничий (*жене и дочери*). Полно, полно вам! (*Осипу.*) Ну что, друг, тебя накормили хорошо?

Осип. Накормили, покорнейше благодарю; хорошо накормили.

Анна Андреевна. Ну что, скажи: к твоему барину слишком, я думаю, много ездит графов и князей?

Осип (*в сторону*). А что говорить? Коли теперь накормили хорошо, значит, после ещё лучше накормят. (*Вслух.*) Да, бывают и графы.

Марья Антоновна. Душенька Осип, какой твой барин хорошенький!

Анна Андреевна. А что, скажи, пожалуйста, Осип, как он...

Городничий. Да перестаньте, пожалуйста! Вы такими пустыми речами только мне мешаете. Ну что, друг?..

Анна Андреевна. А чин какой на твоём барине?

Осип. Чин обыкновенно какой.

Городничий. Ах, Боже мой, вы всё с своими глупыми расспросами! Не дадите ни слова поговорить о деле. Ну что, друг, как твой барин?.. строг? любит этак распека́ть или нет?

Осип. Да, порядок любит. Уж ему чтобы всё было в исправности.

Городничий. А мне очень нравится твоё лицо. Друг, ты должен быть хороший человек. Ну что...

Анна Андреевна. Послушай, Осип, а как барин твой там, в мундире ходит, или...

Городничий. Полно вам, право, трещотки какие! Здесь нужная вещь. Дело идёт о жизни человека... (*К Осипу.*) Ну что, друг, право, мне ты очень нравишься. В дороге не мешает, знаешь, чайку выпить лишний стаканчик; оно теперь холодновато. Так вот тебе пара целковиков на чай.

Осип (*принимая деньги*). А покорнейше благодарю, сударь! Дай вам Бог всякого здоровья; бедный человек, помогли ему.

Городничий. Хорошо, хорошо, я и сам рад. А что, друг...

Анна Андреевна. Послушай, Осип, а какие глаза больше всего нравятся твоему барину?..

Марья Антоновна. Осип, душенька! какой миленький носик у твоего барина!

Городничий. Да постойте, дайте мне! (*К Осипу.*) А что, друг, скажи, пожалуйста: на что больше барин твой обращает внимание, то есть что ему в дороге больше нравится?

Осип. Любит он, по рассмотрению, что как придётся. Больше всего любит, чтобы его приняли хорошо, угощение чтоб было хорошее.

Городничий. Хорошее?

Осип. Да, хорошее. Вот уж на что я, крепостной человек, но и то смотрит, чтобы и мне было хорошо. Ей-богу! бывало, заедем куда-нибудь: «Что, Осип, хорошо тебя угостили?» — «Плохо, ваше высокоблагородие!» — «Э, говорит, это, Осип, нехороший хозяин. Ты, говорит, напомни мне, как приеду». — «А, — думаю себе (*махнув рукою*), — Бог с ним! я человек простой».

Городничий. Хорошо, хорошо, и дело ты говоришь. Там я тебе дал на чай, так вот ещё сверх того на баранки.

Осип. За что жалуете, ваше высокоблагородие? (*Прячет деньги.*) Разве уж выпью за ваше здоровье.

Анна Андреевна. Приходи, Осип, ко мне, тоже получишь.

Марья Антоновна. Осип, душенька, поцелуй своего барина!

Слышен из другой комнаты небольшой кашель Хлестакова.

Городничий. Чш! (*Поднимается на цыпочки; вся сцена вполголоса.*) Боже вас сохрани шуметь! идите себе! полно уж вам...

Анна Андреевна. Пойдём, Машенька! Я тебе скажу, что я заметила у гостя такое, что нам вдвоём только можно сказать.

Городничий. О, уж там наговорят! Я думаю, поди только да послушай! и уши потом заткнёшь. (*Обращаясь к Осипу.*) Ну, друг...

ЯВЛЕНИЕ XI

Те же, Держиморда и Свистунов.

Городничий. Чш! экие косолапые медведи — стучат сапогами! Так и валится, как будто сорок пуд сбрасывает кто-нибудь с телеги! Где вас чёрт таскает?

Держиморда. Был по приказанию...

Городничий. Чш! (*Закрывает ему рот.*) Эх как каркнула ворона! (*Дразнит его.*) Был по приказанию! Как из бочки, так рычит! (*К Осипу.*) Ну, друг, ты ступай, приготавливай там, что нужно для барина. Всё, что ни есть в доме, требуй.

Осип уходит.

А вы — стоять на крыльце, и ни с места! И никого не впускать в дом стороннего, особенно купцов! Если хоть одного из них впустите, то... Только увидите, что идёт кто-нибудь с просьбою, а хоть и не с просьбою, да похож на такого человека, что хочет подать на меня просьбу, взашей так прямо и толкайте! так его! хорошенько! (*Показывает ногою.*) Слышите? Чш... Чш... (*Уходит на цыпочках вслед за квартальными.*)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Та же комната в доме городничего.

ЯВЛЕНИЕ I

Входят осторожно, почти на цыпочках: Аммос Фёдорович, Артемий Филиппович, почтмейстер, Лука Лукич, Добчинский и Бобчинский, в полном параде и мундирах.

Вся сцена происходит вполголоса.

Аммос Фёдорович (*строит всех полукружием*). Ради Бога, господа, скорее в кружок, да побольше порядку! Бог с ним: и во дворец ездит, и государственный совет распекает! Стройтесь! На военную ногу, непременно на военную ногу! Вы, Пётр Иванович, забегите с этой стороны, а вы, Пётр Иванович, станьте вот тут.

Оба Петра Ивановича забегают на цыпочках.

Артемий Филиппович. Воля ваша, Аммос Фёдорович, нам нужно бы кое-что предпринять.

Аммос Фёдорович. А что именно?

Артемий Филиппович. Ну, известно что.

Аммос Фёдорович. Подсунуть?

Артемий Филиппович. Ну да, хоть и подсунуть.

Аммос Фёдорович. Опасно, чёрт возьми, раскричится: государственный человек. А разве в виде приношения со стороны дворянства на какой-нибудь памятник?

Почтмейстер. Или же: «вот, мол, пришли по почте деньги, неизвестно кому принадлежащие».

Артемий Филиппович. Смотрите, чтоб он вас по почте не отправил куда-нибудь подальше. Слушайте: эти дела не так делаются в благоустроенном государстве. Зачем нас здесь целый эскадрон? Представляться нужно поодиночке, да между четырёх глаз и того... как там следует — чтобы и уши не слыхали! Вот как в обществе благоустроенном делается! Ну вот вы, Аммос Фёдорович, первый и начните.

Аммос Фёдорович. Так лучше ж вы: в вашем заведении высокий посетитель вкусил хлеба.

Артемий Филиппович. Так уж лучше Луке Лукичу, как просветителю юношества.

Лука Лукич. Не могу, не могу, господа! Я, признаюсь, так воспитан, что, заговори со мною одним чином кто-нибудь повыше, у меня просто и души нет, и язык, как в грязь, завязнул. Нет, господа, увольте, право, увольте!

Артемий Филиппович. Да, Аммос Фёдорович, кроме вас, некому. У вас что ни слово, то Цицерон с языка слетел.

Аммос Фёдорович. Что вы! что вы: Цицерон! Смотрите, что выдумали! Что иной раз увлечёшься, говоря о домашней своре или гончей ищейке...

Все (*пристают к нему*). Нет, вы не только о собаках, вы и о столпотворении¹... Нет, Аммос Фёдорович, не оставляйте нас, будьте отцом нашим!.. Нет, Аммос Фёдорович!

Аммос Фёдорович. Отвяжитесь, господа!

В это время слышны шаги и откашливание в комнате Хлестакова.

Все спешат наперерыв к дверям, толпятся и стараются выйти, что происходит не без того, чтобы не притиснули кое-кого.

Раздаются вполголоса восклицания:

Голос Бобчинского. Ой! Пётр Иванович! Пётр Иванович! наступили на ногу!

Голос Земляники. Отпустите, господа, хоть душу на покаяние — совсем прижали!

Выватываются несколько восклицаний «ай! ай!», наконец все выпираются, и комната остаётся пуста.

ЯВЛЕНИЕ II

Хлестаков один, выходит с заспанными глазами.

Я, кажется, всхрапнул порядком. Откуда они набрали таких тюфяков и перин? даже вспотел. Кажется, они вчера мне подсунули чего-то за завтраком: в голове до сих пор стучит. Здесь, как я вижу, можно с приятностию проводить время. Я люблю радушие, и мне, признаюсь, больше нравится, если мне угождают от чистого сердца, а не то чтобы из интереса. А дочка городничего очень недурна, да и матушка такая, что ещё можно бы... Нет, я не знаю, а мне, право, нравится такая жизнь.

¹ *Столпотворение* — смешение языков, происшедшее, по библейским преданиям, с жителями Вавилона в наказание за то, что они пытались построить башню до неба.

ЯВЛЕНИЕ III

Хлестаков и Аммос Фёдорович.

Аммос Фёдорович (*входя и останавливаясь, про себя*). Боже, Боже! вынеси благополучно! так вот коленки и ломает. (*Вслух, вытянувшись и придерживая рукою шпагу.*) Имею честь представиться: судья здешнего уездного суда, коллежский ассессор Ляпкин-Тяпкин.

Хлестаков. Прошу садиться. Так вы здесь судья?

Аммос Фёдорович. С восьмьсот шестнадцатого был избран на трёхлетие по воле дворянства и продолжал должность до сего времени.

Хлестаков. А выгодно, однако же, быть судьёю?

Аммос Фёдорович. За три трёхлетия представлен к Владимиру четвёртой степени с одобрения со стороны начальства. (*В сторону.*) А деньги в кулаке, да кулак-то весь в огне.

Хлестаков. А мне нравится Владимир. Вот Анна третьей степени¹ уже не так.

Аммос Фёдорович (*высовывая понемногу вперёд сжатый кулак. В сторону*). Господи Боже! не знаю, где сижу. Точно горячие угли под тобою.

Хлестаков. Что это у вас в руке?

Аммос Фёдорович (*потерявшись и роняя на пол ассигнации*). Ничего-с.

Хлестаков. Как ничего? Я вижу, деньги упали.

Аммос Фёдорович (*дрожа всем телом*). Никак нет-с. (*В сторону.*) О Боже! вот уж я и под судом! и тележку подвезли схватить меня!

Хлестаков (*подымая*). Да, это деньги.

Аммос Фёдорович (*в сторону*). Ну, всё кончено — пропал! Пропал!

Хлестаков. Знаете ли что? дайте их мне взаймы.

Аммос Фёдорович (*поспешно*). Как же-с, как же-с... с большим удовольствием. (*В сторону.*) Ну, смелее, смелее! Вывози, Пресвятая Матерь!

Хлестаков. Я, знаете, в дороге издержался: то да сё... Впрочем, я вам из деревни сейчас их пришлю.

¹ *Владимир четвёртой степени* — орден Святого равноапостольного князя Владимира; государственная награда Российской империи. Орден Владимира четвёртой степени был значительно выше ордена Анны третьей степени.

Аммос Фёдорович. Помилуйте! как можно! и без того это такая честь... Конечно, слабыми моими силами, рвением и усердием к начальству... постараюсь заслужить... (*Приподымается со стула, вытянувшись и руки по швам.*) Не смею более беспокоить своим присутствием. Не будет ли какого приказанья?

Хлестаков. Какого приказанья?

Аммос Фёдорович. Я разумею, не дадите ли какого приказанья здешнему уездному суду?

Хлестаков. Зачем же? Ведь мне никакой нет теперь в нём надобности; нет, ничего. Покорнейше благодарю.

Аммос Фёдорович (*раскланиваясь и уходя, в сторону*). Ну, город наш!

Хлестаков (*по уходе его*). Судья — хороший человек!

ЯВЛЕНИЕ IV

Хлестаков и почтмейстер, входит вытянувшись, в мундире, придерживая шпагу.

Почтмейстер. Имею честь представиться: почтмейстер, надворный советник¹ Шпекин.

Хлестаков. А, милости просим! Я очень люблю приятное общество. Садитесь. Ведь вы здесь всегда живёте?

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. А мне нравится здешний городок. Конечно, не так многолюдно — ну что ж! Ведь это не столица. Не правда ли, ведь это не столица?

Почтмейстер. Совершенная правда.

Хлестаков. Ведь это только в столице бонтон² и нет провинциальных гусей. Как ваше мнение, не так ли?

Почтмейстер. Так точно-с. (*В сторону.*) А он, однако ж, ничуть не горд: обо всём расспрашивает.

Хлестаков. А ведь, однако ж, признайтесь, ведь и в маленьком городке можно прожить счастливо?

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. По моему мнению, что нужно? Нужно только, чтобы тебя уважали, любили искренно, — не правда ли?

Почтмейстер. Совершенно справедливо.

¹ Надворный советник — гражданский чин VII класса.

² Хороший тон, светская учтивость (от фр. *bon ton*).

Хлестаков. Я, признаюсь, рад, что вы одного мнения со мною. Меня, конечно, назовут странным, но уж у меня такой характер. *(Глядя в глаза ему, говорит про себя.)* А попрошу-ка я у этого почтмейстера займы. *(Вслух.)* Какой странный со мной случай: в дороге совершенно издержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей займы?

Почтмейстер. Почему же? почту за величайшее счастье. Вот-с, извольте. От души готов служить.

Хлестаков. Очень благодарен. А я, признаюсь, смерть не люблю отказывать себе в дороге, да и к чему? Не так ли?

Почтмейстер. Так точно-с. *(Встаёт, вытягивается и придерживает шпагу.)* Не смею долее беспокоить своим присутствием... Не будет ли какого замечания по части почтового управления?

Хлестаков. Нет, ничего.

Почтмейстер раскланивается и уходит.

(Раскуривая сигарку.) Почтмейстер, мне кажется, тоже очень хороший человек; по крайней мере, услужлив. Я люблю таких людей.

ЯВЛЕНИЕ V

Хлестаков и Лука Лукич, который почти выталкивается из дверей.

Сзади его слышен голос почти вслух: «Чего робеешь?»

Лука Лукич *(вытягиваясь не без трепета и придерживая шпагу)*. Имею честь представиться: смотритель училищ, титулярный советник¹ Хлопов.

Хлестаков. А, милости просим! Садитесь, садитесь! Не хотите ли сигарку? *(Подает ему сигару.)*

Лука Лукич *(про себя, в нерешимости)*. Вот тебе раз! Уж этого я никак не предполагал. Брать или не брать?

Хлестаков. Возьмите, возьмите; это порядочная сигарка. Конечно, не то, что в Петербурге. Там, батюшка, я курил сигарочки по двадцати пяти рублей сотенка, — просто ручки себе потом поцелуешь, как выкуришь. Вот огонь, закурите. *(Подает ему свечу.)*

Лука Лукич пробует закурить и весь дрожит.

Да не с того конца!

Лука Лукич *(от испуга выронил сигару, плюнул и, махнув рукою, про себя)*. Чёрт поberi всё! сгубила проклятая робость!

¹ Титулярный советник — гражданский чин IX класса.

Хлестаков. Вы, как я вижу, не охотник до сигарок. А я признаюсь: это моя слабость. Вот ещё насчёт женского полу, никак не могу быть равнодушен. Как вы? Какие вам больше нравятся, брюнетки или блондинки?

Лука Лукич находится в совершенном недоумении, что сказать.

Нет, скажите откровенно, брюнетки или блондинки?

Лука Лукич. Не смею знать.

Хлестаков. Нет, нет, не отговаривайтесь. Мне хочется узнать непременно ваш вкус.

Лука Лукич. Осмелюсь доложить... *(В сторону.)* Ну и сам не знаю, что говорю!

Хлестаков. А! а! не хотите сказать. Верно, уж какая-нибудь брюнетка сделала вам маленькую заглазочку. Признайтесь, сделала?

Лука Лукич молчит.

А! а! покраснели, видите! видите! Отчего ж вы не говорите?

Лука Лукич. Оробел, ваше бла... преос... сият... *(В сторону.)* Продал проклятый язык! продал!

Хлестаков. Оробели? А в моих глазах, точно, есть что-то такое, что внушает робость. По крайней мере, я знаю, что ни одна женщина не может их выдержать, не так ли?

Лука Лукич. Так точно-с.

Хлестаков. Вот со мной престранный случай: в дороге совсем издержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей займа?

Лука Лукич *(хватаясь за карманы, про себя)*. Вот те штука, если нет? Есть, есть! *(Вынимает и подаёт, дрожа, ассигнации.)*

Хлестаков. Покорнейше благодарю.

Лука Лукич *(вытягиваясь и придерживая шпагу)*. Не смею далее беспокоить присутствием...

Хлестаков. Прощайте.

Лука Лукич *(летит вон почти бегом и говорит в сторону)*. Ну, слава Богу! авось не заглянет в классы!

ЯВЛЕНИЕ VI

Хлестаков и Артемий Филиппович, вытянувшись и придерживая шпагу.

Артемий Филиппович. Имею честь представиться: попечитель богоугодных заведений надворный советник Земляника.

Хлестаков. Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Артемий Филиппович. Имел честь сопровождать вас и принимать лично во вверенных моему смотрению богоугодных заведениях.

Хлестаков. А, да, помню. Вы очень хорошо угостили завтраком.

Артемий Филиппович. Рад стараться на службу отечеству.

Хлестаков. Я — признаюсь, это моя слабость — люблю хорошую кухню. Скажите, пожалуйста, мне кажется, как будто бы вчера вы были немножко ниже ростом, не правда ли?

Артемий Филиппович. Очень может быть. *(Помолчав.)* Могу сказать, что не жалею ничего и ревностно исполняю службу. *(Придвигается ближе с своим стулом и говорит вполголоса.)* Вот здешний почтмейстер совершенно ничего не делает: все дела в большом запущении, посылки задерживаются... извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, который только что был перед моим приходом, ездит только за зайцами, в присутственных местах держит собак и поведения, — если признаться перед вами, — конечно, для пользы отечества я должен это сделать, хотя он мне родня и приятель, — поведения самого предосудительного. Здесь есть один помещик, Добчинский, которого вы изволили видеть, и как только этот Добчинский куда-нибудь выйдет из дому, то он там уж и сидит у жены его, я присягнуть готов... и нарочно посмотрите на детей: ни одно из них не похоже на Добчинского; но все, даже девочка маленькая, как вылитый судья.

Хлестаков. Скажите, пожалуйста! а я никак этого не думал.

Артемий Филиппович. Вот и смотритель здешнего училища. Я не знаю, как могло начальство поверить ему такую должность. Он хуже, чем якобинец¹, и такие внушает юношеству неблагонамеренные правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я всё это изложу лучше на бумаге?

Хлестаков. Хорошо, хоть на бумаге. Мне очень будет приятно. Я, знаете, этак люблю в скучное время прочесть что-нибудь забавное... Как ваша фамилия? Я всё позабываю.

Артемий Филиппович. Земляника.

Хлестаков. А, да! Земляника. И что же, скажите, пожалуйста, есть у вас детки?

Артемий Филиппович. Как же-с! пятеро; двое уже взрослых.

Хлестаков. Скажите, взрослых! А как они... как они того?..

¹ *Якобинец* — революционер времён Великой французской буржуазной революции XVIII века; здесь: вольнодумец, политически неблагонадёжный человек.

«Ревизор». Хлестаков берёт
деньги у Хлопова.

Художник А. Константиновский. 1950 г.

Артемий Филиппович. То есть не изволите ли вы спрашивать, как их зовут?

Хлестаков. Да, как их зовут?

Артемий Филиппович. Николай, Иван, Елизавета, Марья и Перепетуя.

Хлестаков. Это хорошо.

Артемий Филиппович. Не смея беспокоить своим присутствием, отнимать времени, определённого на священные обязанности... *(Раскланивается, с тем чтобы уйти.)*

Хлестаков *(проводя)*. Нет, ничего. Это всё смешно, что вы говорили. Пожалуйста, и в другое тоже время... Я это очень люблю. *(Возвращается и, отворивши дверь, кричит вслед ему.)* Эй вы! как вас! я всё позабываю, как ваше имя и отчество.

Артемий Филиппович. Артемий Филиппович.

Хлестаков. Сделайте милость, Артемий Филиппович, со мной странный случай: в дороге совершенно издержался. Нет ли у вас денег взаймы рублей четыреста?

Артемий Филиппович. Есть.

Хлестаков. Скажите, как кстати. Покорнейше вас благодарю.

ЯВЛЕНИЕ VII

Хлестаков, Бобчинский и Добчинский.

Бобчинский. Имею честь представиться: житель здешнего города, Пётр Иванов сын Бобчинский.

Добчинский. Помещик Пётр Иванов сын Добчинский.

Хлестаков. А, да я уж вас видел. Вы, кажется, тогда упали; что, как ваш нос?

Бобчинский. Слава Богу! Не извольте беспокоиться: присох, теперь совсем присох.

Хлестаков. Хорошо, что присох. Я рад... *(Вдруг и отрывисто.)* Денег нет у вас?

Бобчинский. Денег? как денег?

Хлестаков. В займы рублей тысячу.

Бобчинский. Такой суммы, ей-богу, нет. А нет ли у вас, Пётр Иванович?

Добчинский. При мне-с не имеется, потому что деньги мои, если изволите знать, положены в приказ общественного призрения¹.

Хлестаков. Да, ну если тысячи нет, так рублей сто.

Бобчинский *(шаря в карманах)*. У вас, Пётр Иванович, нет ста рублей? У меня всего сорок ассигнациями.

Добчинский *(смотря в бумажник)*. Двадцать пять рублей всего.

Бобчинский. Да вы поищите-ка получше, Пётр Иванович! У вас там, я знаю, в кармане-то с правой стороны прореха, так в прореху-то, верно, как-нибудь запали.

Добчинский. Нет, право, и в прорехе нет.

Хлестаков. Ну всё равно... Я ведь только так. Хорошо, пусть будет шестьдесят пять рублей... это всё равно. *(Принимает деньги.)*

Добчинский. Я осмеливаюсь попросить вас относительно одного очень тонкого обстоятельства.

Хлестаков. А что это?

Добчинский. Дело очень тонкого свойства-с: старший-то сын мой, изволите видеть, рождён мною ещё до брака...

Хлестаков. Да?

¹ Приказ общественного призрения — учреждение, ведавшее больницами, приютами, а также производившее некоторые денежные операции.

Добчинский. То есть оно так только говорится, а рождён мною так совершенно, как бы и в браке, и всё это, как следует, я завершил потом законными-с узами супружества-с. Так я, изволите видеть, хочу, чтобы он теперь уже был совсем, то есть, законным моим сыном-с и назывался бы так, как я: Добчинский-с.

Хлестаков. Хорошо, пусть называется! Это можно.

Добчинский. Я бы и не беспокоил вас, да жаль насчёт способностей. Мальчишка-то этакой... большие надежды подаёт: наизусть стихи разные расскажет и, если где попадёт ножик, сейчас сделает маленькие дрожечки так искусно, как фокусник-с. Вот и Пётр Иванович знает.

Бобчинский. Да, большие способности имеет.

Хлестаков. Хорошо, хорошо: я об этом постараюсь, я буду говорить... я надеюсь... всё это будет сделано, да, да... *(Обращаясь к Бобчинскому.)* Не имеете ли вы чего-нибудь сказать мне?

Бобчинский. Как же, имею очень нижайшую просьбу.

Хлестаков. А что, о чём?

Бобчинский. Я прошу вас покорнейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сенаторам¹ и адмиралам, что вот, ваше сиятельство или превосходительство, живёт в таком-то городе Пётр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живёт Пётр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Бобчинский. Да если этак и государю придётся, то скажите и государю, что вот, мол, ваше императорское величество, в таком-то городе живёт Пётр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Добчинский. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Бобчинский. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Хлестаков. Ничего, ничего! Мне очень приятно. *(Выпроваживает их.)*

ЯВЛЕНИЕ VIII

Хлестаков один.

Здесь много чиновников. Мне кажется, однако ж, они меня принимают за государственного человека. Верно, я вчера им подпустил

¹ *Сенáтор* — член Сената, высшего судебно-административного органа в царской России.

пыли. Экое дурачье! Напишу-ка я обо всём в Петербург к Тряпичкину. Он пописывает статейки, пусть-ка он их общёлкает хорошенько. Эй, Осип, подай мне бумагу и чернила!

Осип выглянул из дверей, произнёсши: «Сейчас».

А уж Тряпичкину, точно, если кто попадёт на зубок, — берегись: отца родного не пощадит для словца, и деньгу тоже любит. Впрочем, чиновники эти добрые люди; это с их стороны хорошая черта, что они мне дали займы. Пересмотрю нарочно, сколько у меня денег. Это от судьи триста. Это от почтмейстера триста, шестьсот, семьсот, восемьсот, какая замасленная бумажка! Восемьсот, девятьсот!.. Ого! за тысячу перевалило... Ну-ка, теперь, капитан, ну-ка, попадись-ка ты мне теперь! Посмотрим, кто кого!

ЯВЛЕНИЕ IX

Хлестаков и Осип с чернилами и бумагою.

Хлестаков. Ну что, видишь, дурак, как меня угощают и принимают? *(Начинает писать.)*

Осип. Да, слава Богу! Только знаете что, Иван Александрович?

Хлестаков *(пишет)*. А что?

Осип. Уезжайте отсюда! Ей-богу, уже пора.

Хлестаков *(пишет)*. Вот вздор! Зачем?

Осип. Да так. Бог с ними со всеми! Погуляли здесь два денька — ну и довольно. Что с ними долго связываться? Плюньте на них! не ровён час, какой-нибудь другой наедет... ей-богу, Иван Александрович! А лошади тут славные — так бы закатали!..

Хлестаков *(пишет)*. Нет, мне ещё хочется пожить здесь. Пусть завтра.

Осип. Да что завтра! Ей-богу, поедem, Иван Александрович! Оно хоть и большая честь вам, да всё, знаете, лучше уехать скорее: ведь вас, право, за кого-то другого приняли... И батюшка будет гневаться, что так замешкались. Так бы, право, закатали славно! А лошадей бы важных здесь дали.

Хлестаков *(пишет)*. Ну хорошо. Отнеси только наперёд это письмо; пожалуй, вместе и подорожную возьми. Да зато, смотри, чтобы лошади хорошие были! Ямщикам скажи, что я буду давать по целковому¹; чтобы так, как фельдъегеря², катили и песни бы пели!.. *(Продолжает писать.)* Воображаю, Тряпичкин умрёт со смеху...

¹ Целковый — то же, что рубль.

² Фельдъегерь — правительственный или военный курьер.

О с и п. Я, сударь, отправлю его с человеком здешним, а сам лучше буду укладываться, чтобы не прошло понапрасну время.

Хлестаков (*пишет*). Хорошо. Принеси только свечу.

О с и п (*выходит и говорит за сценой*). Эй, послушай, брат! Отнесёшь письмо на почту, и скажи почтмейстеру, чтоб он принял без денег, да скажи, чтоб сейчас привели к барину самую лучшую тройку, курьерскую; а прогону, скажи, барин не плотит: прогон, мол, скажи, казённый. Да чтоб всё живее, а не то, мол, барин сердится. Стой, ещё письмо не готово.

Хлестаков (*продолжает писать*). Любопытно знать, где он теперь живёт — в Почтамтской или Гороховой? Он ведь тоже любит часто переезжать с квартиры и недоплачивать. Напишу наудалую в Почтамтскую. (*Свёртывает и надписывает.*)

О с и п приносит свечу. Хлестаков печатает. В это время слышен голос Держиморды: «Куда лезешь, борода? Говорят тебе, никого не велено пускать».

(*Даёт Осипу письмо.*) На, отнеси.

Голоса купцов. Допустите, батюшка! Вы не можете не допустить: мы за делом пришли.

Голос Держиморды. Пошёл, пошёл! Не принимает, спит.

Шум увеличивается.

Хлестаков. Что там такое, Осип? Посмотри, что за шум.

О с и п (*глядя в окно*). Купцы какие-то хотят войти, да не допускает квартальный. Машут бумагами: верно, вас хотят видеть.

Хлестаков (*подходя к окну*). А что вы, любезные?

Голоса купцов. К твоей милости прибегаем. Прикажите, государь, просьбу принять.

Хлестаков. Впустите их, впустите! пусть идут. Осип, скажи им: пусть идут.

О с и п уходит.

(*Принимает из окна просьбы, развёртывает одну из них и читает.*) «Его высокоблагородному Светлости Господину Финансову от купца Абдулина...» Чёрт знает что: и чина такого нет!

ЯВЛЕНИЕ X

Хлестаков и купцы с кузовом вина и сахарными головами.

Хлестаков. А что вы, любезные?

Купцы. Челом бьём вашей милости.

Хлестаков. А что вам угодно?

Купцы. Не погуби, государь! Обижательство терпим совсем понапрасну.

Хлестаков. От кого?

Один из купцов. Да всё от городничего здешнего. Такого городничего никогда ещё, государь, не было. Такие обиды чинит, что описать нельзя. Постоем¹ совсем заморил, хоть в петлю полезай. Не по поступкам поступает. Схватит за бороду, говорит: «Ах ты, татарин!» Ей-богу! Если бы, то есть, чем-нибудь не уважили его, а то мы уж порядок всегда исполняем: что следует на платья супружнице его и дочке — мы против этого не стоим. Нет, вишь ты, ему всего мало. Ей-ей! придёт в лавку и, что ни попадёт, всё берёт. Сукна увидит штуку, говорит: «Э, милый, это хорошее суконце: снеси-ка его ко мне». Ну и несёшь, а в штуке-то будет без мала аршин пятьдесят.

Хлестаков. Неужели? Ах, какой же он мошенник!

Купцы. Ей-богу! такого никто не запомнит городничего. Так всё и припрятываешь в лавке, когда его завидишь. То есть, не то уж говоря, чтоб какую деликатность, всякую дрянь берёт: чернослив такой, что лет уже по семи лежит в бочке, что у меня сиделец² не будет есть, а он целую горсть туда запустит. Именины его бывают на Антона, и уж, кажись, всего нанесёшь, ни в чём не нуждается. Нет, ему ещё подавай: говорит, и на Онуфрия его именины. Что делать? и на Онуфрия несёшь.

Хлестаков. Да это просто разбойник!

Купцы. Ей-ей. А попробуй прекословить, наведёт к тебе в дом целый полк на постой. А если что, велит запереть двери. «Я тебя, говорит, не буду, говорит, подвергать телесному наказанию или пыткой пытать — это, говорит, запрещено законом, а вот ты у меня, любезный, поешь селёдки!»

Хлестаков. Ах, какой мошенник! Да за это просто в Сибирь.

Купцы. Да уж куда милость твоя ни запровадит его — всё будет хорошо, лишь бы, то есть, от нас подальше. Не побрезгай, отец наш, хлебом и солью. Кланяемся тебе сахарцом и кузовком вина.

Хлестаков. Нет, вы этого не думайте: я не беру совсем никаких взяток. Вот если бы вы, например, предложили мне займы рублей триста, — ну тогда совсем другое дело: займы я могу взять.

Купцы. Изволь, отец наш! *(Вынимают деньги.)* Да что триста! уж лучше пятьсот возьми, помоги только.

¹ *Постой* — расквартирование военнослужащих в частных домах.

² *Сиделец* (устар.) — приказчик в магазине, лавке.

Хлестаков. Извольте — займы я ни слова: я возьму.

Купцы (*подносят ему на серебряном подносе деньги*). Уж, пожалуйста, и подносик вместе возьмите.

Хлестаков. Ну и подносик можно.

Купцы (*кланяясь*). Так уж возьмите одним разом и сахарцу.

Хлестаков. О нет: я взятки никаких...

Осип. Ваше высокоблагородие! зачем вы не берёте? Возьмите! в дороге всё пригодится. Давай сюда головы и кулёк! Давай всё, всё пойдёт впрок. Что там? верёвочка? давай и верёвочку! — и верёвочка в дороге пригодится: тележка обломается или что другое, подвязать можно.

Купцы. Так уж сделайте такую милость, ваше сиятельство! Если уже вы, то есть, не поможете в нашей просьбе, то уж не знаем, как и быть: просто хоть в петлю полезай.

Хлестаков. Непременно, непременно! Я постараюсь.

Купцы уходят. Слышен голос женщины: «Нет, ты не смеешь не допустить меня! Я на тебя нажалуюсь ему самому. Ты не толкайся так больно!»

Кто там? (*Подходит к окну*.) А, что ты, матушка?

Голоса двух женщин. Милости твоей, отец, прошу! Повели, государь, выслушать!

Хлестаков (*в окно*). Пропустить её.

ЯВЛЕНИЕ XI

Хлестаков, слесарша и унтер-офицерша.

Слесарша (*кланяясь в ноги*). Милости прошу...

Унтер-офицерша. Милости прошу...

Хлестаков. Да что вы за женщины?

Унтер-офицерша. Унтер-офицерская жена Иванова.

Слесарша. Слесарша, здешняя мещанка, Февронья Петровна Пошлёпкина, отец мой...

Хлестаков. Стой, говори прежде одна. Что тебе нужно?

Слесарша. Милости прошу, на городничего челом бую! Пошли ему Бог всякое зло! Чтоб ни детям его, ни ему, мошеннику, ни дядьям, ни тёткам его ни в чём никакого прибытку не было!

Хлестаков. А что?

Слесарша. Да мужу-то моему приказал забрить лоб в солдаты¹, и очередь-то на нас не припадала, мошенник такой! да и по закону нельзя: он женатый.

Хлестаков. Как же он мог это сделать?

¹ Забрить лоб в солдаты — взять в солдаты.

Слесарша. Сделал, мошенник, сделал; побей Бог его и на том и на этом свете! Чтобы ему, если и тётка есть, то и тётке всякая пакость, и отец если жив у него, то чтоб и он, каналья, окошел или поперхнулся навеки, мошенник такой! Следовало взять сына портного, он же пьянюшка был, да родители богатый подарок дали, так он и присыкнулся к сыну купчихи Пантелеевой, а Пантелеева тоже подослала к супруге полотна три штуки; так он ко мне. «На что, говорит, тебе муж, он уж тебе не годится». Да я-то знаю: годится или не годится, это моё дело, мошенник такой! «Он, говорит, вор; хоть он теперь и не украл, да всё равно, говорит, он украдёт, его и без того на следующий год возьмут в рекруты». Да мне-то каково без мужа, мошенник такой! Я слабый человек, подлец ты такой! чтобы всей родне твоей не довелось видеть света Божьего! А если есть тёща, то чтоб и тёще...

Хлестаков. Хорошо, хорошо. Ну, а ты? (*Выпроваживает старуху.*)

Слесарша (*уходя*). Не забудь, отец наш! Будь милостив!

Унтер-офицерша. На городничего, батюшка, пришла...

Хлестаков. Ну, да что, зачем? говори в коротких словах.

Унтер-офицерша. Высек, батюшка!

Хлестаков. Как?

Унтер-офицерша. По ошибке, отец мой! Бабы-то наши задралась на рынке, а полиция не подоспела, да и схвати меня. Да так отпортывали: два дни сидеть не могла.

Хлестаков. Так что ж теперь делать?

Унтер-офицерша. Да делать-то, конечно, нечего. А за ошибку-то повели ему заплатить штраф. Мне от своего счастья неча отказываться, а деньги бы мне теперь оченьгодились.

Хлестаков. Хорошо, хорошо! Ступайте, ступайте! я распоряжусь.

В окно высовываются руки с просьбами.

Да кто там ещё! (*Подходит к окну.*) Не хочу, не хочу! не нужно, не нужно! (*Отходя.*) Надоели, чёрт возьми! не впускай, Осип!

Осип (*кричит в окно*). Пошли, пошли! Не время, завтра приходите!

Дверь отворяется, и выставляется какая-то фигура во фризовой¹ шинели, с небритою бородою, раздутою губою и перевязанною щекою; за ней в перспективе показывается несколько других.

Пошёл, пошёл! чего лезешь? (*Упирается первому руками в брюхо и выпирается вместе с ним в прихожую, захлопнув за собою дверь.*)

¹ Фриз — толстая, грубая ткань.

ЯВЛЕНИЕ XII

Хлестаков и Марья Антоновна.

Марья Антоновна. Ах!

Хлестаков. Отчего вы так испугались, сударыня?

Марья Антоновна. Нет, я не испугалась.

Хлестаков (*рисуетя*). Помилуйте, сударыня, мне очень приятно, что вы меня приняли за такого человека, который... Осмелюсь ли спросить вас: куда вы намерены были идти?

Марья Антоновна. Право, я никуда не шла.

Хлестаков. Отчего же, например, вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я думала, не здесь ли маменька...

Хлестаков. Нет, мне хотелось бы знать, отчего вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я вам помешала. Вы занимались важными делами.

Хлестаков (*рисуетя*). А ваши глаза лучше, нежели важные дела... Вы никак не можете мне помешать; никаким образом не можете; напротив того, вы можете принести удовольствие.

Марья Антоновна. Вы говорите по-столичному.

Хлестаков. Для такой прекрасной особы, как вы. Осмелюсь ли быть так счастлив, чтобы предложить вам стул? Но нет, вам должно не стул, а трон.

Марья Антоновна. Право, я не знаю... мне так нужно было идти. (*Села.*)

Хлестаков. Какой у вас прекрасный платочек!

Марья Антоновна. Вы насмешники, лишь бы только посмеяться над провинциальными.

Хлестаков. Как бы я желал, сударыня, быть вашим платочком, чтобы обнимать вашу лилейную шейку.

Марья Антоновна. Я совсем не понимаю, о чём вы говорите: какой-то платочек... Сегодня какая странная погода!

Хлестаков. А ваши губки, сударыня, лучше, нежели всякая погода.

Марья Антоновна. Вы всё эдакое говорите... Я бы вас попросила, чтоб вы мне написали лучше на память какие-нибудь стишки в альбом. Вы, верно, их знаете много.

Хлестаков. Для вас, сударыня, всё, что хотите. Требуйте, какие стихи вам.

Марья Антоновна. Какие-нибудь эдакие — хорошие, новые.

Хлестаков. Да что стихи! я много их знаю.

Марья Антоновна. Ну скажите же, какие же вы мне напишете?

Хлестаков. Да к чему же говорить? я и без того их знаю.

Марья Антоновна. Я очень люблю их...

Хлестаков. Да у меня много их всяких. Ну, пожалуй, я вам хоть это: «О ты, что в горести напрасно на Бога ропщешь, человек!..»¹ Ну и другие... теперь не могу припомнить; впрочем, это всё ничего. Я вам лучше вместо этого представлю мою любовь, которая от вашего взгляда... *(Придвигая стул.)*

Марья Антоновна. Любовь! Я не понимаю любовь... я никогда не знала, что за любовь... *(Отдвигает стул.)*

Хлестаков. Отчего ж вы отдвигаете свой стул? нам лучше будет сидеть близко друг к другу.

Марья Антоновна *(отдвигаясь)*. Для чего ж близко? всё равно и далеко.

Хлестаков *(придвигаясь)*. Отчего ж далеко: всё равно и близко.

Марья Антоновна *(отдвигается)*. Да к чему ж это?

Хлестаков *(придвигаясь)*. Да ведь это вам кажется только, что близко; а вы вообразите себе, что далеко. Как бы я был счастлив, сударыня, если б мог прижать вас в свои объятия.

Марья Антоновна *(смотрит в окно)*. Что это там как будто бы полетело? Сорока или какая другая птица?

Хлестаков *(целует её в плечо и смотрит в окно)*. Это сорока.

Марья Антоновна *(встает в негодовании)*. Нет, это уж слишком... Наглость такая!..

Хлестаков *(удерживая её)*. Простите, сударыня: я это сделал от любви, точно от любви.

Марья Антоновна. Вы почитаете меня за такую провинциалку... *(Силится уйти.)*

Хлестаков *(продолжая удерживать её)*. Из любви, право, из любви. Я так только, пошутил, Марья Антоновна, не сердитесь! Я готов на коленках у вас просить прощения. *(Падает на колени.)* Простите же, простите. Вы видите, я на коленях.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Те же и Анна Андреевна.

Анна Андреевна *(увидя Хлестакова на коленях)*. Ах, какой пассаж!

¹ Начальные строки стихотворения М. В. Ломоносова «Ода, выбранная из Иова».

Хлестаков (*вставая*). А, чёрт возьми!

Анна Андреевна (*дочери*). Это что значит, сударыня? Это что за поступки такие?

Марья Антоновна. Я, маменька...

Анна Андреевна. Поди прочь отсюда! слышишь: прочь, прочь! и не смей показываться на глаза.

Марья Антоновна уходит в слезах.

Извините, я, признаюсь, приведена в такое изумление...

Хлестаков (*в сторону*). А она тоже очень аппетитна, очень недурна. (*Бросается на колени.*) Сударыня, вы видите, я сгораю от любви.

Анна Андреевна. Как, вы на коленях? Ах, встаньте, встаньте, здесь пол совсем нечист.

Хлестаков. Нет, на коленях, непременно на коленях, я хочу знать, что такое мне суждено, жизнь или смерть.

Анна Андреевна. Но позвольте, я ещё не понимаю вполне значения слов. Если не ошибаюсь, вы делаете декларацию¹ насчёт моей дочери.

Хлестаков. Нет, я влюблён в вас. Жизнь моя на волоске. Если вы не увенчаете постоянную любовь мою, то я недостоин земного существования. С пламенем в груди прошу руки вашей.

Анна Андреевна. Но позвольте заметить: я в некотором роде... я замужем.

Хлестаков. Это ничего. Для любви нет различия, и Карамзин сказал: «Законы осуждают»². Мы удалимся под сень струй... Руки вашей, руки прошу!

ЯВЛЕНИЕ XIV

Те же и Марья Антоновна, вдруг вбегает.

Марья Антоновна. Маменька, папенька сказал, чтобы вы... (*Увидя Хлестакова на коленях, вскрикивает.*) Ах, какой пассаж!

Анна Андреевна. Ну что ты? к чему? зачем? Что за ветреность такая! Вдруг вбежала, как угорелая кошка. Ну что ты нашла такого удивительного? Ну что тебе вздумалось? Право, как дитя какое-нибудь трёхлетнее. Не похоже, не похоже, совершенно не похоже на то, чтобы ей было восемнадцать лет. Я не знаю, когда ты будешь

¹ Декларация — здесь: предложение.

² «Законы осуждают предмет моей любви» — строчки из песни в повести Н. М. Карамзина «Остров Борнгольм».

благоразумнее, когда ты будешь вести себя, как прилично благовоспитанной девице; когда ты будешь знать, что такое хорошие правила и солидность в поступках.

Марья Антоновна (*сквозь слёзы*). Я, право, маменька, не знала...

Анна Андреевна. У тебя вечно какой-то сквозной ветер разгуливает в голове; ты берёшь пример с дочерей Ляпкина-Тяпкина. Что тебе глядеть на них? Не нужно тебе глядеть на них. Тебе есть примеры другие — перед тобою мать твоя. Вот каким примерам ты должна следовать.

Хлестаков (*схватывая за руку дочь*). Анна Андреевна, не противьтесь нашему благополучию, благословите постоянную любовь!

Анна Андреевна (*с изумлением*). Так вы в неё?..

Хлестаков. Решите: жизнь или смерть?

Анна Андреевна. Ну вот видишь, дура, ну вот видишь: из-за тебя, этакой дряни, гость изволил стоять на коленях; а ты вдруг вбежала, как сумасшедшая. Ну вот, право, стоит, чтобы я нарочно отказала: ты недостойна такого счастья.

Марья Антоновна. Не буду, маменька. Право, вперёд не буду.

ЯВЛЕНИЕ XV

Те же и городничий впопыхах.

Городничий. Ваше превосходительство! не погубите! не погубите! не погубите!

Хлестаков. Что с вами?

Городничий. Там купцы жаловались вашему превосходительству. Честью уверяю, и наполовину нет того, что они говорят. Они сами обманывают и обмеривают народ. Унтер-офицерша нагала вам, будто бы я её высек; она врёт, ей-богу, врёт. Она сама себя высекла.

Хлестаков. Провались унтер-офицерша — мне не до неё.

Городничий. Не верьте, не верьте! это такие лгуны... им вот этакой ребёнок не поверит. Они уж и по всему городу известны за лгунов. А насчёт мошенничества, осмелюсь доложить: это такие мошенники, каких свет не производил.

Анна Андреевна. Знаешь ли ты, какой чести удостоивает нас Иван Александрович? Он просит руки нашей дочери.

Городничий. Куда! куда!.. Рехнулась, матушка! Не извольте гневаться, ваше превосходительство, она немного с придурью, такова же была и мать её.

Хлестаков. Да, я точно прошу руки. Я влюблён.

Городничий. Не могу верить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Да когда говорят тебе?

Хлестаков. Я не шутя вам говорю... Я могу от любви свихнуть с ума.

Городничий. Не смею верить, недостоин такой чести.

Хлестаков. Да. Если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я чёрт знает что готов...

Городничий. Не могу верить: извольте шутить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Ах, какой чурбан в самом деле! ну, когда тебе толкуют.

Городничий. Не могу верить!

Хлестаков. Отдайте, отдайте — я отчаянный человек, я решусь на всё: когда застрелюсь, вас под суд отдадут.

Городничий. Ах, Боже мой! Я, ей-ей, не виноват ни душою, ни телом! Не извольте гневаться! извольте поступать так, как вашей милости угодно! У меня, право, в голове теперь... я и сам не знаю, что делается. Такой дурак теперь сделался, каким ещё никогда не бывал.

Анна Андреевна. Ну, благословляй!

Хлестаков подходит с Марьей Антоновной.

Городничий. Да благословит вас Бог, а я не виноват!

Хлестаков целуется с Марьей Антоновной. Городничий смотрит на них.

Что за чёрт! в самом деле! *(Протирает глаза.)* Целуются! Ах, батюшки, целуются! Точный жених! *(Вскрикивает, подпрыгивая от радости.)* Ай, Антон! Ай, Антон! Ай, городничий! Вона как дело-то пошло!

ЯВЛЕНИЕ XVI

Те же и Осип.

Осип. Лошади готовы.

Хлестаков. А, хорошо... я сейчас.

Городничий. Как-с? Извольте ехать?

Хлестаков. Да, еду.

Городничий. А когда же, то есть... Вы изволили сами намекнуть насчёт, кажется, свадьбы?

Хлестаков. А это на одну минуту только, на один день к дяде — богатый старик; а завтра же и назад.

Городничий. Не смеем никак удерживать, в надежде благополучного возвращения.

Хлестаков. Как же, как же, я вдруг. Прощайте, любовь моя... нет, просто не могу выразить. Прощайте, душенька! (*Целует её ручку.*)

Городничий. Да не нужно ли вам в дорогу чего-нибудь? Вы изволили, кажется, нуждаться в деньгах?

Хлестаков. О нет, к чему это? (*Немного подумав.*) А впрочем, пожалуй.

Городничий. Сколько угодно вам?

Хлестаков. Да вот тогда вы дали двести, то есть не двести, а четыреста: я не хочу воспользоваться вашей ошибкой, — так, пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемьсот.

Городничий. Сейчас! (*Вынимает из бумажника.*) Ещё, как нарочно, самыми новенькими бумажками.

Хлестаков. А, да! (*Берёт и рассматривает ассигнации.*) Это хорошо. Ведь это, говорят, новое счастье, когда новенькими бумажками?

Городничий. Так точно-с.

Хлестаков. Прощайте, Антон Антонович! очень обязан за ваше гостеприимство. Я признаюсь от всего сердца, мне нигде не было такого хорошего приёма. Прощайте, Анна Андреевна! Прощайте, моя душенька, Марья Антоновна!

Выходят.

За сценой.

Голос Хлестакова. Прощайте, ангел души моей, Марья Антоновна.

Голос городничего. Как же это вы? прямо так на перекладной едете?

Голос Хлестакова. Да, я привык уж так. У меня голова болит от рессор.

Голос ямщика. Тпр...

Голос городничего. Так по крайней мере чем-нибудь застлать, хотя бы ковриком. Не прикажете ли, я велю подать коврик?

Голос Хлестакова. Нет, зачем? это пустое; а впрочем, пожалуй, пусть дают коврик.

Голос городничего. Эй, Авдотья! ступай в кладовую: вынь ковёр самый лучший, что по голубому полю, персидский, скорей!

Голос ямщика. Тпр...

Голос городничего. Когда прикажете ожидать вас?

Голос Хлестакова. Завтра или послезавтра.

Голос Осипа. А, это ковёр? давай его сюда, клади вот так! теперь давай-ко с этой стороны сена.

Голос ямщика. Тпр...

Голос Осипа. Вот с этой стороны! сюда! ещё! Хорошо! Славно будет! *(Бьёт рукою по ковру.)* Теперь садитесь, ваше благородие.

Голос Хлестакова. Прощайте, Антон Антонович!

Голос городничего. Прощайте, ваше превосходительство!

Женские голоса. Прощайте, Иван Александрович!

Голос Хлестакова. Прощайте, маменька!

Голос ямщика. Эй вы, залётные!

Колокольчик звенит; занавес опускается.

ДЕСТВИЕ ПЯТОЕ

Та же комната.

ЯВЛЕНИЕ I

Городничий, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий. Что, Анна Андреевна? а? Думала ли ты что-нибудь об этом? Экой богатый приз, канальство! Ну, признайся откровенно: тебе и во сне не виделось — просто из какой-нибудь городничихи и вдруг... фу ты, канальство!.. с каким дьяволом породнилась!

Анна Андреевна. Совсем нет; я давно это знала. Это тебе в диковинку, потому что ты простой человек, никогда не видел порядочных людей.

Городничий. Я сам, матушка, порядочный человек. Однако ж, право, как подумаешь, Анна Андреевна: какие мы с тобой теперь птицы сделались! а, Анна Андреевна? Высокого полёта, чёрт побери! Постой же, теперь же я задам перцу всем этим охотникам подавать просьбы и доносы! Эй, кто там?

Входит квартальный.

А, это ты, Иван Карпович! Призови-ка сюда, брат, купцов. Вот я их, каналий! Так жаловаться на меня! Вишь ты, проклятый иудейский народ! Постойте ж, голубчики! Прежде я вас кормил до усов только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всех, кто только ходил бить челом на меня, и вот этих больше всего писак, писак, которые закручивали им просьбы. Да объяви всем, чтоб знали: что вот, дескать, какую честь Бог послал городничему, что выдаёт дочь свою —

не то чтобы за какого-нибудь простого человека, а за такого, что и на свете ещё не было, что может всё сделать, всё, всё, всё! Всем объяви, чтобы все знали. Кричи во весь народ, валяй в колокола, чёрт возьми! Уж когда торжество, так торжество!

Квартальный уходит.

Так вот как, Анна Андреевна, а? Как же мы теперь, где будем жить? здесь или в Питере?

Анна Андреевна. Натурально, в Петербурге. Как можно здесь оставаться?

Городничий. Ну, в Питере так в Питере; а оно хорошо бы и здесь. Что, ведь, я думаю, уже городничество тогда к чёрту, а, Анна Андреевна?

Анна Андреевна. Натурально, что за городничество!

Городничий. Ведь оно, как ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чин зашибить, потому что он запанибрата со всеми министрами и во дворец ездит; так поэтому может такое производство сделать, что со временем и в генералы влезешь. Как ты думаешь, Анна Андреевна: можно влезть в генералы?

Анна Андреевна. Ещё бы! конечно, можно.

Городничий. А, чёрт возьми, славно быть генералом! Кавалерию¹ повесят тебе через плечо. А какую кавалерию лучше, Анна Андреевна, красную или голубую?

Анна Андреевна. Уж конечно, голубую лучше.

Городничий. Э? вишь, чего захотела! хорошо и красную. Ведь почему хочется быть генералом? — потому что, случится, поедешь куда-нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачут везде вперёд: «Лошадей!» И там на станциях никому не дадут, все дожидаются: все эти титулярные, капитаны, городничие, а ты себе и в ус не дуешь. Обедаешь где-нибудь у губернатора, а там: стой, городничий! Хе, хе, хе! *(Заливается и помирает со смеху.)* Вот что, канальство, заманчиво!

Анна Андреевна. Тебе всё такое грубое нравится. Ты должен помнить, что жизнь нужно совсем переменить, что твои знакомые будут не то что какой-нибудь судья-собачник, с которым ты едешь травить зайцев, или Земляника; напротив, знакомые твои будут с самым тонким обращением: графы и все светские... только я, право,

¹ *Кавалёрия* — здесь: широкая орденская лента, которую носили через плечо при самых высоких орденах (красную — при Станиславе и Анне первой степени, голубую — при Андрее Первозванном).

боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какого в хорошем обществе никогда не услышишь.

Городничий. Что ж? Ведь слово не вредит.

Анна Андреевна. Да хорошо, когда ты был городничим; а там ведь жизнь совершенно другая.

Городничий. Да, там, говорят, есть две рыбицы: ряпушка и корюшка, такие, что только слюнка потечёт, как начнёшь есть.

Анна Андреевна. Ему всё бы только рыбки! Я не иначе хочу, чтоб наш дом был первый в столице и чтоб у меня в комнате такое было амбре¹, чтоб нельзя было войти, и нужно бы только этак за-жмурить глаза. (*Зажмуривает глаза и нюхает.*) Ах, как хорошо!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и купцы.

Городничий. А! Здорово, соколики!

Купцы (*кланяясь*). Здравия желаем, батюшка!

Городничий. Что, голубчики, как поживаете? как товар идёт ваш? Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестии, надувалы морские! жаловаться? Что? много взяли? Вот, думают, так в тюрьму его и засадят!.. Знаете ли вы, семь чертей и одна ведьма вам в зубы, что...

Анна Андреевна. Ах, Боже мой, какие ты, Антоша, слова отпускаешь!..

Городничий (*с неудовольствием*). А, не до слов теперь! Знаете ли, что тот самый чиновник, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что? а? что теперь скажете? Теперь я вас!.. у!.. Обманываете народ... Сделаешь подряд с казною, на сто тысяч надуешь её, поставивши гнилого сукна, да потом пожертвуешь двадцать аршин, да и давай тебе ещё награду за это? Да если б знали, так бы тебе... И брюхо суёт вперёд: он купец; его не тронь. «Мы, говорит, и дворянам не уступим». Да дворянин... ах ты, рожа! дворянин учится наукам; его хоть и секут в школе, да за дело, чтоб он знал полезное. А ты что? начинаешь плутнями, тебя хозяин бьёт за то, что не умеешь обманывать. Ещё мальчишка, «Отче наша»² не знаешь, а уж обмериваешь; а как разопрёт тебе брюхо да набьёшь себе карман, так и заважничал! Фу ты, какая невидаль! Оттого, что ты шестнадцать

¹ Амбре — благоухание.

² «Отче наш» — молитва, которую заучивали ещё в детстве.

«Ревизор». Действие V, явление 2. Автолитография.
Художник П. Боклевский. 1863 г.

самоваров выдуешь в день, так оттого и важничаешь? Да я плевать на твою голову и на твою важность!

Купцы (*кланяясь*). Виноваты, Антон Антонович!

Городничий. Жаловаться? А кто тебе помог сплутовать, когда ты строил мост и написал дерева на двадцать тысяч, тогда как его и на сто рублей не было? Я помог тебе, козлиная борода! Ты позабыл это? Я, показавши это на тебя, мог бы тебя также спровадить в Сибирь. Что скажешь? а?

Один из купцов. Богу виноваты, Антон Антонович. Лукавый попутал. И закаемся вперёд жаловаться. Уж какое хошь удовлетворение, не гневись только!

Городничий. Не гневись! вот ты теперь валяешься у ног моих. Отчего? оттого, что моё взяло, а будь хоть немножко на твоей стороне, так ты бы меня, каналья, втоптал в самую грязь, ещё бы и бревном сверху навалил.

Купцы (*кланяются в ноги*). Не погуби, Антон Антонович!

Городничий. «Не погуби!» Теперь: «не погуби!», а прежде что? Я бы вас... (*Махнув рукой.*) Ну, да Бог простит! полно! Я не памятозлобен; только теперь, смотри, держи ухо востро! Я выдаю дочку не за какого-нибудь простого дворянина. Чтоб поздравление было... понимаешь? не то чтоб отбояриться каким-нибудь балычком или головою сахару... Ну, ступай с Богом!

Купцы уходят.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, Аммос Фёдорович, Артемий Филиппович,
потом Растаковский.

Аммос Фёдорович (*ещё в дверях*). Верить ли слухам, Антон Антонович? к вам привалило необыкновенное счастье?

Артемий Филиппович. Имею честь поздравить с необыкновенным счастьем. Я душевно обрадовался, когда услышал. (*Подходит к ручке Анны Андреевны.*) Анна Андреевна! (*Подходит к ручке Марьи Антоновны.*) Марья Антоновна!

Растаковский (*входит*). Антона Антоновича поздравляю. Да продлит Бог жизнь вашу и новой четы и даст вам потомство многочисленное, внучат и правнучат! Анна Андреевна! (*Подходит к ручке Анны Андреевны.*) Марья Антоновна! (*Подходит к ручке Марьи Антоновны.*)

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, Коробкин с женою, Люлюков.

Коробкин. Имею честь поздравить Антона Антоновича! Анна Андреевна! (*Подходит к ручке Анны Андреевны.*) Марья Антоновна! (*Подходит к её ручке.*)

Жена Коробкина. Душевно поздравляю вас, Анна Андреевна, с новым счастьем.

Люлюков. Имею честь поздравить, Анна Андреевна! (*Подходит к ручке и потом, обратившись к зрителям, щёлкает языком с видом удаљства.*) Марья Антоновна! Имею честь поздравить. (*Подходит к её ручке и обращается к зрителям с тем же удаљством.*)

ЯВЛЕНИЕ V

Множество гостей в сюртуках и фраках подходят сначала к ручке Анны Андреевны, говоря: «Анна Андреевна», потом к Марье Антоновне, говоря: «Марья Антоновна!» Бобчинский и Добчинский проталкиваются.

Бобчинский. Имею честь поздравить!

Добчинский. Антон Антонович! имею честь поздравить!

Бобчинский. С благополучным происшествием!

Добчинский. Анна Андреевна!

Бобчинский. Анна Андреевна!

Оба подходят в одно время и сталкиваются лбами.

Добчинский. Марья Антоновна! (*Подходит к ручке.*) Честь имею поздравить. Вы будете в большом, большом счастье, в золотом

платье ходить и деликатные разные супы кушать, очень забавно будете проводить время.

Бобчинский (*перебивая*). Марья Антоновна, имею честь поздравить! Дай вам Бог всякого богатства, червонцев и сынка-с этакого маленького, вон энтакого-с (*показывает рукою*), чтоб можно было на ладонку посадить, да-с! Всё будет мальчишка кричать: уа! уа! уа!

ЯВЛЕНИЕ VI

Ещё несколько гостей, подходящих к ручкам,

Лука Лукич с женою.

Лука Лукич. Имею честь.

Жена Луки Лукича (*бежит вперёд*). Поздравляю вас, Анна Андреевна! (*Целуются.*) А я так, право, обрадовалась; говорят мне: «Анна Андреевна выдаёт дочку». — «Ах, Боже мой!» — думаю себе, и так обрадовалась, что говорю мужу: «Послушай, Луканчик, вот какое счастье Анне Андреевне!» «Ну, — думаю себе, — слава Богу!» И говорю ему: «Я так восхищена, что сгораю нетерпением изъяснить лично Анне Андреевне...» «Ах, Боже мой, — думаю себе, — Анна Андреевна именно ожидала хорошей партии для своей дочери, а вот теперь такая судьба: именно так сделалось, как она хотела», и так, право, обрадовалась, что не могла говорить. Плачу, плачу, вот просто рыдаю. Уж Лука Лукич говорит: «Отчего ты, Настенька, рыдаешь?» — «Луканчик, говорю, я и сама не знаю, слёзы так вот рекой и льются».

Городничий. Покорнейше прошу садиться, господа! Эй, Мишка! принеси сюда побольше стульев!

Гости садятся.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, частный пристав и квартальные.

Частный пристав. Имею честь поздравить вас, ваше высокоблагородие, и пожелать благоденствия на многие лета!

Городничий. Спасибо, спасибо! Прошу садиться, господа!

Гости усаживаются.

Аммос Фёдорович. Но скажите, пожалуйста, Антон Антонович, каким образом всё это началось: постепенный ход всего дела.

Городничий. Ход дела чрезвычайный: изволил собственноручно сделать предложение.

Анна Андреевна. Очень почтительным и самым тонким образом. Всё чрезвычайно хорошо говорил. Говорит: «Я, Анна Андреевна, из одного только уважения к вашим достоинствам...» И такой пре-

красный, воспитанный человек, самых благороднейших правил! «Мне, верите ли, Анна Андреевна, мне жизнь — копейка, я только потому, что уважаю ваши редкие качества».

Марья Антоновна. Ах, маменька! Ведь это он мне говорил.

Анна Андреевна. Перестань, ты ничего не знаешь и не в своё дело не мешайся! «Я, Анна Андреевна, изумляюсь...» В таких лестных рассыпался словах... И когда я хотела сказать: «Мы никак не смеем надеяться на такую честь», — он вдруг упал на колени и таким самым благороднейшим образом: «Анна Андреевна! не сделайте меня несчастнейшим! согласитесь отвечать моим чувствам, не то я смертью окончу жизнь свою».

Марья Антоновна. Право, маменька, он обо мне это говорил.

Анна Андреевна. Да, конечно... и об тебе было, я ничего этого не отвергаю.

Городничий. И так даже напугал: говорил, что застрелится. «Застрелюсь, застрелюсь!» — говорит.

Многие из гостей. Скажите пожалуйста!

Аммос Фёдорович. Экая штука!

Лука Лукич. Вот подлинно, судьба уж так вела.

Артемий Филиппович. Не судьба, батюшка, судьба — индейка, заслуги привели к тому. *(В сторону.)* Этакой свинье лезет всегда в рот счастье!

Аммос Фёдорович. Я, пожалуй, Антон Антонович, продам вам того кобелька, которого торговали.

Городничий. Нет, мне теперь не до кобельков.

Аммос Фёдорович. Ну, не хотите, на другой собаке сойдёмся.

Жена Коробкина. Ах, как, Анна Андреевна, я рада вашему счастью! вы не можете себе представить.

Коробкин. Где ж теперь, позвольте узнать, находится именитый гость? Я слышал, что он уехал зачем-то.

Городничий. Да, он отправился на один день по весьма важному делу.

Анна Андреевна. К своему дяде, чтоб испросить благословения.

Городничий. Испросить благословения; но завтра же... *(Чихает.)*

Поздравления сливаются в один гул.

Много благодарен! Но завтра же и назад... *(Чихает.)*

Поздравительный гул; слышнее других голоса:

Частного пристава. Здравия желаем, ваше высокоблагородие!

Бобчинского. Сто лет и куль червонцев!

Добчинского. Продли Бог на сорок сороков!

Артемия Филипповича. Чтоб ты пропал!

Жена Коробкина. Чёрт тебя поberi!

Городничий. Покорнейше благодарю! И вам того ж желаю.

Анна Андреевна. Мы теперь в Петербурге намерены жить.

А здесь, признаюсь, такой воздух... деревенский уж слишком!.. признаюсь, большая неприятность... Вот и муж мой... он там получит генеральский чин.

Городничий. Да, признаюсь, господа, я, чёрт возьми, очень хочу быть генералом.

Лука Лукич. И дай Бог получить.

Растаковский. От человека невозможно, а от Бога всё возможно.

Аммос Фёдорович. Большому кораблю — большое плавание.

Артемий Филиппович. По заслугам и честь.

Аммос Фёдорович *(в сторону)*. Вот выкинет штуку, когда в самом деле сделается генералом! Вот уж кому пристало генеральство, как корове седло! Ну, брат, нет, до этого ещё далека песня. Тут и почище тебя есть, а до сих пор ещё не генералы.

Артемий Филиппович *(в сторону)*. Эка, чёрт возьми, уж и в генералы лезет! Чего доброго, может, и будет генералом. Ведь у него важности, лукавый не взял бы его, довольно. *(Обращаясь к нему.)* Тогда, Антон Антонович, и нас не позабудьте.

Аммос Фёдорович. И если что случится: например, какая-нибудь надобность по делам, не оставьте покровительством!

Коробкин. В следующем году повезу сына в столицу на пользу государства, так, сделайте милость, окажите ему вашу протекцию, место отца заступите сиротке.

Городничий. Я готов с своей стороны, готов стараться.

Анна Андреевна. Ты, Антоша, всегда готов обещать. Во-первых, тебе не будет времени думать об этом. И как можно и с какой стати себя обременять такими обещаниями?

Городничий. Почему ж, душа моя: иногда можно.

Анна Андреевна. Можно, конечно, да ведь не всякой же мелюзге оказывать покровительство.

Жена Коробкина. Вы слышали, как она трактует¹ нас?

Гостья. Да, она такова всегда была; я её знаю: посади её за стол, она и ноги свои...

¹ *Трактовать* — здесь: оценивать (жена Коробкина употребляет это слово, чтобы подчеркнуть свою «образованность»).

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и почтмейстер впоыхах, с распечатанным письмом в руке.

Почтмейстер. Удивительное дело, господа! Чиновник, которого мы приняли за ревизора, был не ревизор.

Все. Как не ревизор?

Почтмейстер. Совсем не ревизор, я узнал это из письма.

Городничий. Что вы? что вы? из какого письма?

Почтмейстер. Да из собственного его письма. Приносят ко мне на почту письмо. Взглянул на адрес — вижу: «в Почтамтскую улицу». Я так и обомлел. «Ну, — думаю себе, — верно, нашёл беспорядки по почтовой части и уведомляет начальство». Взял да и распечатал.

Городничий. Как же вы?..

Почтмейстер. Сам не знаю: неестественная сила побудила. Призвал было уж курьера с тем, чтобы отправить его с эштафетой¹; но любопытство такое одолело, какого ещё никогда не чувствовал. Не могу, не могу, слышу, что не могу! тянет, так вот и тянет! В одном ухе так вот и слышу: «Эй, не распечатывай! пропадёшь, как курица»; а в другом словно бес какой шепчет: «Распечатай, распечатай, распечатай!» И как придавил сургуч — по жилам огонь, а распечатал — мороз, ей-богу, мороз. И руки дрожат, и всё помутилось.

Городничий. Да как же вы осмелились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстер. В том-то и штука, что он не уполномоченный и не особа!

Городничий. Что ж он, по-вашему, такое?

Почтмейстер. Ни сё ни то: чёрт знает что такое!

Городничий (*запальчиво*). Как ни сё ни то? Как вы смеее называть его ни тем ни сем, да ещё чёрт знает чем? Я вас под арест...

Почтмейстер. Кто? вы?

Городничий. Да, я!

Почтмейстер. Коротки руки!

Городничий. Знаете ли, что он женится на моей дочери, что я сам буду вельможа, что я в самую Сибирь законопачу?

Почтмейстер. Эх, Антон Антонович! что Сибирь? далеко Сибирь. Вот лучше я вам прочту. Господа! позвольте прочитать письмо?

Все. Читайте, читайте!

Почтмейстер (*читает*). «Спешу уведомить тебя, душа Тряпичкин, какие со мной чудеса. На дороге обчистил меня кругом пехотный

¹ Эштафёта (искажён. эстафёта) — здесь: срочная почта.

капитан, так что трактирщик хотел уже было посадить в тюрьму; как вдруг, по моей петербургской физиономии и по костюму, весь город принял меня за генерал-губернатора. И я теперь живу у городничего, жуирую¹, волочусь напропалую за его женой и дочкой; не решился только, с которой начать; думаю, прежде с матушки, потому что, кажется, готова сейчас на все услуги. Помнишь, как мы с тобой бедствовали, обедали нашенрамыжку и как один раз было кондитер схватил меня за воротник по поводу съеденных пирожков на счёт доходов аглицкого короля; теперь совсем другой оборот. Все мне дают займы сколько угодно. Оригиналы страшные. От смеху ты бы умер. Ты, я знаю, пишешь статейки: помести их в свою литературу. Во-первых: городничий — глуп, как сивый мерин...»

Городничий. Не может быть! там нет этого.

Почтмейстер (*показывает письмо*). Читайте сами.

Городничий (*читает*). «Как сивый мерин». Не может быть! вы это сами написали.

Почтмейстер. Как же бы я стал писать?

Артемий Филиппович. Читайте!

Лука Лукич. Читайте!

Почтмейстер (*продолжая читать*). «Городничий — глуп, как сивый мерин...»

Городничий. О, чёрт возьми! нужно ещё повторять! как будто оно там и без того не стоит.

Почтмейстер (*продолжая читать*). Хм... хм... хм... хм... «сивый мерин. Почтмейстер тоже добрый человек...» (*Оставляя читать*.) Ну, тут обо мне тоже он неприлично выразился.

Городничий. Нет, читайте!

Почтмейстер. Да к чему ж?..

Городничий. Нет, чёрт возьми, когда уж читать, так читать! Читайте всё!

Артемий Филиппович. Позвольте, я прочитаю. (*Надевает очки и читает*.) «Почтмейстер точь-в-точь департаментский сторож Михеев, должно быть, также, подлец, пьёт горькую».

Почтмейстер (*к зрителям*). Ну, скверный мальчишка, которого надо высечь; больше ничего!

Артемий Филиппович (*продолжая читать*). «Надзиратель над богоугодным заведе... и... и... и...» (*Заикается*.)

Коробкин. А что ж вы остановились?

¹ Жу́ровать — развлекаться, вести весёлую жизнь.

Артемий Филиппович. Да нечёткое перо... впрочем, видно, что негодяй.

Коробкин. Дайте мне! Вот у меня, я думаю, получше глаза. (*Берёт письмо.*)

Артемий Филиппович (*не давая письма*). Нет, это место можно пропустить, а там дальше разборчиво.

Коробкин. Да позвольте, уж я знаю.

Артемий Филиппович. Прочитать я и сам прочитаю: далее, право, всё разборчиво.

Почтмейстер. Нет, всё читайте! ведь прежде всё читано.

Все. Отдайте, Артемий Филиппович, отдайте письмо! (*Коробкину.*) Читайте!

Артемий Филиппович. Сейчас. (*Отдаёт письмо.*) Вот, позвольте... (*Закрывает пальцем.*) Вот отсюда читайте.

Все приступают к нему.

Почтмейстер. Читайте, читайте! вздор, всё читайте!

Коробкин (*читая*). «Надзиратель за богоугодным заведением Земляника — совершенная свинья в ермолке».

Артемий Филиппович (*к зрителям*). И неостроумно! свинья в ермолке! где же свинья бывает в ермолке?

Коробкин (*продолжая читать*). «Смотритель училищ протухнул насквозь луком».

Лука Лукич (*к зрителям*). Ей-богу, и в рот никогда не брал луку.

Аммос Фёдорович (*в сторону*). Слава Богу, хоть, по крайней мере, обо мне нет!

Коробкин (*читает*). «Судья...»

Аммос Фёдорович. Вот тебе на... (*Вслух.*) Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и чёрт ли в нём: дрянь этакую читать.

Лука Лукич. Нет!

Почтмейстер. Нет, читайте!

Артемий Филиппович. Нет уж, читайте!

Коробкин (*продолжает*). «Судья Ляпкин-Тяпкин в сильнейшей степени моветон¹...» (*Останавливается.*) Должно быть, французское слово.

Аммос Фёдорович. А чёрт его знает, что оно значит! Ещё хорошо, если только мошенник, а может быть, и того ещё хуже.

Коробкин (*продолжая читать*). «А впрочем, народ гостеприимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкин. Я сам, по примеру

¹ Здесь: невоспитанный человек (от фр. *mauvais ton* — дурной тон).

твоему, хочу заняться литературой. Скучно, брат, так жить, хочешь наконец пищи для души. Вижу: точно, нужно чем-нибудь высоким заняться. Пиши ко мне в Саратовскую губернию, а оттуда в деревню Подкатиловку. *(Переворачивает письмо и читает адрес.)* Его бла-городию, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, в Санкт-Петербург, в Почтамтскую улицу, в доме под номером девяно-сто седьмым, поворота на двор, в третьем этаже, направо».

Одна из дам. Какой репримант¹ неожиданный!

Городничий. Вот когда зарезал, так зарезал! Убит, убит, со-всем убит! Ничего не вижу. Вижу какие-то свиные рыла вместо лиц, а больше ничего... Воротить, воротить его! *(Машет рукою.)*

Почтмейстер. Куды воротить! Я, как нарочно, приказал смо-трителю дать самую лучшую тройку; чёрт угораздил дать и вперёд предписание.

Жена Коробкина. Вот уж точно, вот беспримерная конфузия!

Аммос Фёдорович. Однако ж, чёрт возьми, господа! он у меня взял триста рублей займа.

Артемий Филиппович. У меня тоже триста рублей.

Почтмейстер *(вздыхает)*. Ох! и у меня триста рублей.

Бобчинский. У нас с Петром Ивановичем шестьдесят пять-с на ассигнации-с, да-с.

Аммос Фёдорович *(в недоумении расставляет руки)*. Как же это, господа? Как это, в самом деле, мы так оплошали?

Городничий *(бьёт себя по лбу)*. Как я?.. нет, как я, старый дурак! Выжил, глупый баран, из ума!.. Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрядчик не мог провести, мошенников над мо-шенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду. Трёх губернаторов обманул! что губерна-торов! *(махнул рукой)* нечего и говорить про губернаторов...

Анна Андреевна. Но это не может быть, Антоша: он обручил-ся с Машенькой...

Городничий *(в сердцах)*. Обручился! Кукиш с маслом — вот тебе обручился! Лезет мне в глаза с обручением!.. *(В исступлении.)* Вот смотрите, смотрите, весь мир, всё христианство, все смотрите, как одурачен городничий! Дурака ему, дурака, старому подлецу! *(Грозит себе самому кулаком.)* Эх ты, толстоносый! Сосульку, тряпку при-нял за важного человека! Вот он теперь по всей дороге заливает коло-кольчиком! Разнесёт по всему свету историю; мало того, что пойдёшь

¹ Здесь: неприятность (от фр. *réprimande* — буквально: выговор).

в посмешище... найдётся щелкопёр¹, бумагомарака, в комедию тебя вставит, вот что обидно, чина, звания не пощадит, и будут все скалить зубы и бить в ладоши. Чему смеётесь? над собой смеётесь!.. Эх вы!.. *(Стучит со злости ногами об пол.)* Я бы всех этих бумагомарак! У, щелкопёры, либералы² проклятые! чёртово семя! Узлом бы вас всех завязал, в муку бы стёр вас всех, да чёрту в подкладку! в шапку туды ему!.. *(Суёт кулаком и бьёт каблуком в пол. После некоторого молчания.)* До сих пор не могу прийти в себя. Вот, подлинно, если Бог хочет наказать, так отнимет прежде разум. Ну что было в этом вертопрахе³ похожего на ревизора? ничего не было! Вот просто ни на полмизинца не было похожего — и вдруг все: ревизор, ревизор! Ну кто первый выпустил, что он ревизор? Отвечайте.

Артемий Филиппович *(расставляя руки)*. Уж как это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туман какой-то ошеломил, чёрт попутал.

Аммос Фёдорович. Да кто выпустил! — вот кто выпустил: эти молодцы! *(Показывает на Добчинского и Бобчинского.)*

Бобчинский. Ей-ей, не я, и не думал...

Добчинский. Я ничего, совсем ничего...

Артемий Филиппович. Конечно, вы!

Лука Лукич. Разумеется. Прибежали как сумасшедшие из трактира: «Приехал, приехал и денег не плотит...» Нашли важную птицу!

Городничий. Натурально, вы! сплетники городские, лгуны проклятые!

Артемий Филиппович. Чтоб вас чёрт побрал с вашим ревизором и рассказами!

Городничий. Только рыскаете по городу да смущаете всех, трещотки проклятые! Сплетни сеете, сороки короткохвостые!

Аммос Фёдорович. Пачкуны проклятые!

Лука Лукич. Колпаки!

Артемий Филиппович. Сморчки короткобрюхие!

Все обступают их.

Бобчинский. Ей-богу, это не я, это Пётр Иванович.

Добчинский. Э, нет, Пётр Иванович, вы ведь первые того...

Бобчинский. А вот и нет; первые-то были вы.

¹ Щелкопёр (устар.) — бумагомаратель, писака, враль.

² Либерал — здесь: свободомыслящий человек.

³ Вертопрах — легкомысленный, встрепанный человек.

«Ревизор». Из немой сцены.
Литография по рисунку неизвестного художника.
30-е годы XIX в.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Те же и жандарм.

Жандарм. Приехавший по именному повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе. Он остановился в гостинице.

Произнесённые слова поражают, как громом, всех.

Звук изумления единодушно излетает из дамских уст, вся группа, вдруг переменивши положение, остаётся в окаменении.

НЕМАЯ СЦЕНА

Городничий посередине в виде столба с распростёртыми руками и закинутою назад головою. По правую сторону его жена и дочь с устремившимся к нему движеньем всего тела; за ними почтмейстер, превратившийся в вопросительный знак, обращённый к зрителям; за ним Лука Лукич, потерявший самым невинным образом; за ним, у самого края сцены, три дамы, гости, прислонившиеся одна к другой с самым сатирическим выражением лиц, относящимся прямо к семейству городничего. По левую сторону городничего: Земляника, наклонивший голову несколько набок, как будто к чему-то прислушивающийся; за ним судья с растопыренными руками, присевший почти до земли и сделавший движение губами, как бы хотел посвистать или произнести: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» За ним Коробкин, обратившийся к зрителям с прищуренным глазом и едким намёком на

городничего; за ним, у самого края сцены, Добчинский и Бобчинский с устремившимися движениями рук друг к другу, разинутыми ртами и выпученными друг на друга глазами. Прочие гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменевшая группа сохраняет такое положение. Занавес опускается.

О НОВИЗНЕ «РЕВИЗОРА»

Исключительная быстрота написания «Ревизора» (всего два месяца) говорит о том, насколько органично совпал новый «сюжет» с творческими устремлениями Гоголя...

В 1909 году, когда отмечалось столетие со дня рождения Гоголя, В. И. Немирович-Данченко опубликовал свою речь «Тайны сценического обаяния Гоголя». Он заметил, что разбор «Ревизора» вызывает у исследователей «радостное изумление». Порождает это чувство не только открытие замечательных художественных достоинств комедии, но и осознание их новизны и оригинальности.

Например, удивительная смелость завязки. В «Ревизоре» завязкой является одна первая фраза: «Я пригласил вас, господа, с тем чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор».

С необычайно смелой завязкой гармонирует и финал пьесы. Этот финал представляет одно из самых замечательных явлений сценической литературы.

Далее Немирович-Данченко видит главную особенность действия «Ревизора» в том, что оно последовательно, от начала до конца, вытекает из характеров — и только из них.

Хлестаков — «самый трудный образ в пьесе»

Гоголь не раз предупреждал: Хлестаков — «самый трудный образ в пьесе». Почему? Потому что, сделавшись виновником всеобщего обмана, Хлестаков никого не обманывал. Он с успехом сыграл роль ревизора, не только не намереваясь её играть, но даже не поняв, что он её играет. Лишь в середине четвёртого действия в голове Хлестакова начинают брезжить смутные догадки, что его принимают за «государственного человека».

Но как раз в непреднамеренности — «сила» Хлестакова... Он спровоцировал всю хитроумную игру городничего и чиновников не хитростью, а чистосердечием...

Страх подготовил почву для обмана. Интересно, что у Хлестакова в противоположность городничему и другим почти совсем нет реплик «в сторону». Такие реплики служили драматургу для передачи внутренней речи персонажа, его тайных намерений. По отношению к Хлестакову этого не требовалось: у него что на уме, то и на языке.

В третьем и четвёртом действиях начинаются головокружительные превращения Хлестакова — воображаемые и реальные. В сцене вранья он министр и поважнее министра — до фельдмаршала включительно. В сцене приёма чиновников он — взяточник. Потом — наречённый жених Марьи Антоновны.

Но во всех случаях — даже в минуту самого невероятного вранья — Хлестаков искренен. Выдумывает Хлестаков с тем же чистосердечием, с каким ранее говорил правду, — и снова чиновники обманываются. Но на этот раз они принимают за истину то, что было вымыслом.

Образ Хлестакова неисчерпаем, таит в себе ошеломляющие неожиданности. Хлестаков «гениален» исключительной лёгкостью и «незаданностью» выдумки. Лживость ли это Хлестакова? Но мы знаем, что он лжёт чистосердечно. Хвастливость? Но он верит сам в то, что говорит. Поневоле приходишь к выводу, что самым точным и всеобъемлющим будет определение, производное от имени самого персонажа, — хлестаковщина.

По книге Ю. Манна «Поэтика Гоголя»

Размышляем о прочитанном

1. Какова тема комедии «Ревизор»? Почему Хлестаков «самый трудный образ в пьесе»?
2. В чём загадка характера Хлестакова? Ю. Манн считает, что «Хлестаков — первое из художественных открытий Гоголя...». Как вы понимаете это суждение? Подготовьте характеристику Хлестакова.
3. Каков образ города в «Ревизоре»? Как строится пирамида этого города (гражданство, купечество, чиновники, городские помещики, городничий)? Как складывается такая же пирамида из женской половины персонажей? Как раскрываются персонажи этой пирамиды?
4. Какую роль играет в системе самодержавно-бюрократического управления страх? Как страх влияет на каждого из персонажей пьесы? Можно ли сказать, что Гоголь замкнул всех единым, общим чувством — страхом?
- 5★. **Дискуссия.** Сравним высказывания литературоведов: Г. Гуковский показал, что в «сцене вранья» Хлестаков говорит то, чего от него ждут; В. Ермилов — что испуг Хлестакова заставил его сыграть роль «ревизора». К какому мнению вы бы присоединились и почему?
- 6★. Н. В. Гоголь огорчился, когда зрителям было лишь смешно во время просмотра спектакля. Почему?
7. Гоголь считал, что в комедии единственное честное, благородное лицо был «смех». Как вы это понимаете? О каком смехе — развлекательном или грозном — он размышлял? Что осмеивает это «честное, благородное лицо»?
8. **Публичное выступление.** Н. В. Гоголь в «Авторской исповеди» писал: «Я никогда ничего не создавал в воображении и не имел этого свойства. У меня только то и

выходило хорошо, что взято было мной из действительности, из данных мне известных. Угадывать человека я мог только тогда, когда мне представлялись самые мельчайшие подробности его внешности. Я никогда не писал портрета, в смысле простой копии. Я создавал портрет, но создавал его вследствие соображения, а не воображения. Чем более вещей принимал я в соображение, тем у меня верней выходило создание». Можете ли подтвердить слова писателя, опираясь на текст его произведений («Ночь перед Рождеством», «Тарас Бульба», «Ревизор»)?

9. Черты художественного историзма Гоголя не оставались неизменными. В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» историзм был тесно связан с фольклором, с народной фантастикой. В дальнейшем Гоголь всё больше погружался «в сор и дрызг» современной жизни. Он прямо вписывал своих героев в быт, который изображал детально и подробно. Этими свойствами отличается и комедия «Ревизор». По мысли Гоголя, в русском обществе исчезла совесть. Души людей утратили её. Наша совесть есть данный нам Богом ревизор души, не тот ложный, которым предстаёт Хлестаков, а настоящий, который как символ появляется в финале комедии. Он невидим, но непременно присущ всем. И когда он обнаруживается, то наступает душевный крах для бесчестных, пошлых и бездушных людей. Смех над ними соединяется с горечью, с убийственной иронией. В таком состоянии оказывается городничий. Подтвердите эти размышления примерами из текста комедии «Ревизор».
10. Какова сценическая история комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»? Как была принята она общественностью и критикой?
11. В чём новизна комедии? Как говорит сам автор о замысле своего произведения? Что относил В. И. Немирович-Данченко к «тайнам сценического обаяния Гоголя»?
12. Известно, что Николай I после первого представления пьесы сказал: «Ну и пьеска! Всем досталось, а мне — более всех!» А Гоголь воскликнул: «Все против меня!» Чем объяснить возмущение пьесой всех сословий?
13. В чём особенности сюжета комедии? Какие стороны интриги опущены или отодвинуты на второй план?

Обогащаем свою речь

1. **Работа в группе.** Воспользовавшись словарём литературоведческих терминов или литературным энциклопедическим словарём, дайте определения терминам: *ремарка, монолог, диалог*. Проиллюстрируйте эти определения примерами из текста комедии.
2. Литературовед *Игорь Золотусский* в статье «Ещё раз о „Ревизоре“» отводит большую роль языку героев и особенно языку Хлестакова: «...Принимая от Бобчинского прошение поведать его величеству о том, „что в таком-то городе проживает Пётр Иванович Бобчинский“, Хлестаков говорит: „Очень хорошо“. Он намекает, что это ему ничего не стоит. С этой свободой не в состоянии состязаться косные языки уездных Цицеронов. Хотя Земляника говорит судье: „У вас что ни слово, то Цицерон с языка слетел“...

Слова в тексте „Ревизора“ играют, скачут, обгоняют одно другое, нагоняют друг друга. В монологе Осипа мы слышим про розги. Потом секут унтер-офицерскую вдову. Затем почтмейстер говорит, что Хлестакова надо высечь. Тема телесного наказания, таким образом, то возникает как явь, то уплывает в юмор. Она как бы иронизирует над темой высших потерь и высшего возмездия.

Слова у Хлестакова то значительные, то уменьшительные. То мелькают в его речи „министр“, „генерал“, „фельдмаршал“, то „губки“, „шейка“, „платочек“, „глазки“, „стишки“. Он то съёживается, то распрямляется. Назвав себя „главнокомандующим“ и „фельдмарш...“ (этого слова Хлестаков не договорил), он побуждает и чиновников именовать себя на военный лад. Они являются к нему на приём в мундирах и об-разуют у его дверей „эскадрон“.

В финале комедии Гоголь возвращает легкомысленное хлестаковское словечко „сейчас“ в виде грозного требования жандарма, обращённого к городничему: „При-ехавший по именному повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе“. Вновь вступает в действие минута, вновь время, как будто ухнувшее в бездну вечности, возвращает себе свой счёт...»

Согласны ли вы с этими наблюдениями над языком Хлестакова?

3. Какие примеры вы могли бы добавить и как развить мысль о языке гоголевской комедии?
4. Проведите наблюдения над фамилиями героев, их языком. Как характеризует героев их поведение и язык?

Проект

Работа в группе. Составьте электронный альбом «Герои комедии „Ревизор“ и их исполнители (из сценической истории и пьесы)».

Литература и другие виды искусства

Рассмотрите иллюстрации художников П. Боклевского, А. Константиновского, В. Самойлова к комедии «Ревизор». Кому из художников, на ваш взгляд, удалось передать атмосферу жизни чиновничества, их взаимоотношения, их портреты? Расскажите об одной из иллюстраций подробнее, сопровождая рассказ цитатами из текста.

Опыт литературоведческого исследования

Какой смысл заключён в немой сцене? Почему она так важна? По-разному её трактовали писатели и литературоведы, критики и просто зрители. В. Белинский подчеркнул её ограниченность, В. Гиппиус считал, что немая сцена выражает идею власти и закона, М. Храпченко видел в ней внешнюю развязку, а подлинной развязкой считал слова городничего: «Чему смеётесь? над собой смеётесь!..»

В. Ермилов видел в немой сцене «парад высеченной подлости». Сам Гоголь говорил, что она выражает идею «закона», при наступлении которого всё «побледнело и потряслось».

Ю. Манн считал, что немая сцена — завершающий аккорд произведения, что в ней всеобщность переживаний героев, цельность человеческой жизни получают пластическое выражение, что Гоголь дал немую сцену как намёк на торжество справедливости, а в результате ощущение тревоги, страха от этой сцены многократно возрастает. Как бы вы рассмотрели эту сцену? Подготовьте устное или письменное рассуждение на эту тему. Проанализируйте подробно одну из сцен пьесы, характер одного из персонажей, немую сцену, начало пьесы и т. д. — на выбор.

Проект

Работа в группе. Составьте электронный альбом «Комедия Н. В. Гоголя „Ревизор“ в иллюстрациях художников» со вступительной статьёй, биографическими справками о художниках, отзывами ваших одноклассников об иллюстрациях.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

«Ревизор»

1. Действие третье, явление VI комедии Н. В. Гоголя читают несколько актёров. Главное в этом действии — самохарактеристика героя. Каков он? О каких качествах натуры героя свидетельствуют рассказы Хлестакова о службе в Петербурге, о знакомствах с первыми лицами государства, министрами, дипломатами, писателями?
2. Можно ли назвать эти рассказы и эту сцену «сценой вранья»? Какие интонации, логические ударения, риторические вопросы, восклицания особенно хорошо звучат в актёрском чтении?
3. Такими ли вы представляли себе интонации персонажей? Какие из них вы услышали в чтении актёров?
4. **Дискуссия.** Кто из актёров, по вашему мнению, заслужил бы похвалу Н. В. Гоголя за точное создание характера персонажа? Почему?
5. Что добавляет к чтению актёров музыка?
6. Как вы теперь, после прослушивания актёрского чтения, воспринимаете комедию «Ревизор» — как сатирическую, юмористическую, смешную, трагическую, грустную?
7. Против чего направлена пьеса Н. В. Гоголя «Ревизор»? Как удалось актёрам обозначить смысл и главные черты «хлестаковщины»?
8. **Работа в группе.** Подготовьте выразительное чтение отрывков по ролям.

Шинель

В департаменте... но лучше не называть, в каком департаменте. Ничего нет сердитее всякого рода департаментов, полков, канцелярий и, словом, всякого рода должностных сословий. Теперь уже всякий частный человек считает в лице своём оскорблённым всё общество. Говорят, весьма недавно поступила просьба от одного капитан-исправника¹, не помню какого-то города, в которой он излагает ясно, что гибнут государственные постановления и что священное имя его произносится решительно всуе, в доказательство приложил к просьбе преогромнейший том какого-то романтического сочинения, где, чрез каждые десять страниц, является капитан-исправник, местами даже совершенно в пьяном виде. Итак, во избежание всяких неприятностей, лучше департамент, о котором идёт дело, мы назовём одним департаментом. Итак, в одном департаменте служил один чиновник; чиновник нельзя сказать чтобы очень замечательный, низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат, с небольшой лысиной на лбу, с морщинами по обеим сторонам щёк и цветом лица, что называется, геморроидальным²... Что ж делать! виноват петербургский климат. Что касается до чина (ибо у нас прежде всего нужно объявить чин), то он был то, что называют вечный титулярный советник³, над которым, как известно, натрунились и наострились вдоволь разные писатели, имеющие похвальное обыкновение налегать на тех, которые не могут кусаться. Фамилия чиновника была Башмакин. Уже по самому имени видно, что она когда-то произошла от башмака; но когда, в какое время и каким образом произошла она от башмака, ничего этого не известно. И отец, и дед, и даже шурин, и все совершенно Башмакины ходили в сапогах, переменяя только раза три в год подмётки. Имя его было Акакий Акакиевич. Может быть, читателю оно покажется несколько странным и выисканным, но можно уверить, что его никак не искали, а что сами собою случились такие обстоятельства, что никак нельзя было дать другого имени, и это произошло именно вот как: родился Акакий Акакиевич против ночи, если только не изменяет память, на 23 марта. Покойница матушка, чиновница и очень хорошая женщина, расположилась, как следует, окрестить ребёнка. Матушка ещё лежала на кровати против дверей, а по правую руку стоял кум,

¹ *Капитан-исправник* — начальник уездной полиции.

² *Геморроидальный* — свойственный людям, страдающим геморроем.

³ *Титулярный советник* — гражданский чин IX класса.

превосходнейший человек, Иван Иванович Ерошкин, служивший столоначальником¹ в сенате, и кума, жена квартального офицера, женщина редких добродетелей, Арина Семёновна Белобрюшкова. Родильнице предоставили на выбор любое из трёх, какое она хочет выбрать: Моккия, Соссия, или назвать ребёнка во имя мученика Хоздазата. «Нет, — подумала покойница, — имена-то всё такие». Чтобы угодить ей, развернули календарь в другом месте; вышли опять три имени: Трифилий, Дула и Варахасий. «Вот это наказание, — проговорила старуха, — какие всё имена; я, право, никогда и не слыхивала таких. Пусть бы ещё Варадат или Варух, а то Трифилий и Варахасий». Ещё перевернули страницу — вышли: Павсикахий и Вахтисий. «Ну, уж я вижу, — сказала старуха, — что, видно, его такая судьба. Уж если так, пусть лучше будет он называться, как и отец его. Отец был Акакий, так пусть и сын будет Акакий». Таким образом и произошёл Акакий Акакиевич. Ребёнка окрестили; причём он заплакал и сделал такую гримасу, как будто бы предчувствовал, что будет титулярный советник. Итак, вот каким образом произошло всё это. Мы привели потому это, чтобы читатель мог сам видеть, что это случилось совершенно по необходимости и другого имени дать было никак невозможно. Когда и в какое время он поступил в департамент и кто определил его, этого никто не мог припомнить. Сколько ни переменилось директоров и всяких начальников, его видели всё на одном и том же месте, в том же положении, в той же самой должности, тем же чиновником для письма; так что потом уверились, что он, видно, так и родился на свет уже совершенно готовым, в вицмундире и с лысиной на голове. В департаменте не оказывалось к нему никакого уважения. Сторожа не только не вставали с мест, когда он проходил, но даже не глядели на него, как будто бы через приёмную пролетела простая муха. Начальники поступали с ним как-то холодно-деспотически. Какой-нибудь помощник столоначальника прямо совал ему под нос бумаги, не сказав даже «перепишите», или: «вот интересное, хорошенькое дельце», или что-нибудь приятное, как употребляется в благовоспитанных службах. И он брал, посмотрев только на бумагу, не глядя, кто ему подложил и имел ли на то право. Он брал и тут же пристраивался писать её. Молодые чиновники подсмеивались и острили над ним, во сколько хватало канцелярского остроумия, рассказывали тут же пред ним разные составленные про него истории, про его хозяйку, семидесятилетнюю старуху, говорили, что она бьёт его,

¹ *Столоначальник* — начальник стола — отделения в учреждении.

спрашивали, когда будет их свадьба, сыпали на голову ему бумажки, называя это снегом. Но ни одного слова не отвечал на это Акакий Акакиевич, как будто бы никого и не было перед ним; это не имело даже влияния на занятия его: среди всех этих доук¹ он не делал ни одной ошибки в письме. Только если уж слишком была невыносима шутка, когда толкали его под руку, мешая заниматься своим делом, он произносил: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» И что-то странное заключалось в словах и в голосе, с каким они были произнесены. В нём слышалось что-то такое преклоняющее на жалость, что один молодой человек, недавно определившийся, который, по примеру других, позволил было себе посмеяться над ним, вдруг остановился, как будто пронзённый, и с тех пор как будто всё переменялось перед ним и показалось в другом виде. Какая-то неестественная сила оттолкнула его от товарищей, с которыми он познакомился, приняв их за приличных, светских людей. И долго потом, среди самых весёлых минут, представлялся ему низенький чиновник с лысинкою на лбу, с своими проникающими словами: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» — и в этих проникающих словах звенели другие слова: «Я брат твой». И закрывал себя рукою бедный молодой человек, и много раз содрогался он потом на веку своём, видя, как много в человеке бесчеловечья, как много скрыто свирепой грубости в утончённой, образованной светскости, и, Боже! даже в том человеке, которого свет признаёт благородным и честным...

Вряд ли где можно было найти человека, который так жил бы в своей должности. Мало сказать: он служил ревностно, — нет, он служил с любовью. Там, в этом переписывании, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир. Наслаждение выражалось на лице его, некоторые буквы у него были фавориты, до которых если он добирался, то был сам не свой: и подсмеивался, и подмигивал, и помогал губами, так что в лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его. Если бы соразмерно его рвению давали ему награды, он, к изумлению своему, может быть, даже попал бы в статские советники; но выслужил он, как выражались остряки, его товарищи, пряжку в петлицу да нажил геморрой в поясницу. Впрочем, нельзя сказать, чтобы не было к нему никакого внимания. Один директор, будучи добрый человек и желая вознаградить его за долгую службу, приказал дать ему что-нибудь поважнее, чем обыкновенное переписыванье; именно из готового уже дела велено было ему сделать какое-то отноше-

¹ *Доу́ка* — надоедливая просьба.

ние в другое присутственное место; дело состояло только в том, чтобы переменить заглавный титул да переменить кое-где глаголы из первого лица в третье. Это задало ему такую работу, что он вспотел совершенно, тёр лоб и наконец сказал: «Нет, лучше дайте я перепишу что-нибудь». С тех пор оставили его навсегда переписывать. Вне этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало! Он не думал вовсе о своём платье: вицмундир у него был не зелёный, а какого-то рыжевато-мучного цвета. Воротничок на нём был узенький, низенький, так что шея его, несмотря на то, что не была длинна, выходя из воротника, казалась необыкновенно длиною, как у тех гипсовых котёнков, болтающих головами, которых носят на головах целыми десятками русские иностранцы. И всегда что-нибудь да прилипало к его вицмундиру: или сенца кусочек, или какая-нибудь ниточка; к тому же он имел особенное искусство, ходя по улице, попевать под окно именно в то самое время, когда из него выбрасывали всякую дрянь, и оттого вечно уносил на своей шляпе арбузные и дынные корки и тому подобный вздор. Ни один раз в жизни не обратил он внимания на то, что делается и происходит всякий день на улице, на что, как известно, всегда посмотрит его же брат, молодой чиновник, простираящий до того проницательность своего бойкого взгляда, что заметит даже, у кого на другой стороне тротуара отпоролась внизу панталон стрёмёшка, — что вызывает всегда лукавую усмешку на лице его.

Но Акакий Акакиевич если и глядел на что, то видел на всём свои чистые, ровным почерком выписанные строки, и только разве если, неизвестно откуда взявшись, лошадиная морда помещалась ему на плечо и напускала ноздрями целый ветер в щёку, тогда только замечал он, что он не на середине строки, а скорее на середине улицы. Приходя домой, он садился тот же час за стол, хлебал наскоро свои щи и ел кусок говядины с луком, вовсе не замечая их вкуса, ел всё это с мухами и со всем тем, что ни посылал Бог на ту пору. Заметивши, что желудок начинал пучиться, вставал из-за стола, вынимал баночку с чернилами и переписывал бумаги, принесённые на дом. Если же таких не случалось, он снимал нарочно, для собственного удовольствия, копию для себя, особенно если бумага была замечательна не по красоте слога, но по адресу к какому-нибудь новому или важному лицу.

Даже в те часы, когда совершенно потухает петербургское серое небо и весь чиновный народ наелся и отобедал, кто как мог, сообразно с получаемым жалованьем и собственной прихотью, — когда всё уже отдохнуло после департаментского скрыпенья перьями, беготни, своих

и чужих необходимых занятий и всего того, что задаёт себе добровольно, больше даже, чем нужно, неугомонный человек, когда чиновники спешат предать наслаждению оставшееся время: кто побойчее, несётся в театр; кто на улицу, определяя его на рассматривание кое-каких шляпёнок; кто на вечер — истратить его в комплиментах какой-нибудь смазливой девушке, звезде небольшого чиновного круга; кто, и это случается чаще всего, идёт просто к своему брату в четвёртый или третий этаж, в две небольшие комнаты с передней или кухней и кое-какими модными претензиями, лампой или иной вещицей, стоившей многих пожертвований, отказов от обедов, гуляний, — словом, даже в то время, когда все чиновники рассеиваются по маленьким квартиркам своих приятелей поиграть в штурмовой вист¹, прихлёбывая чай из стаканов с копеечными сухарями, затягиваясь дымом из длинных чубуков, рассказывая во время сдачи какую-нибудь сплетню, занёсшуюся из высшего общества, от которого никогда и ни в каком состоянии не может отказаться русский человек, или даже, когда не о чем говорить, пересказывая вечный анекдот о коменданте, которому пришли сказать, что подрублен хвост у лошади Фальконетова монумента², — словом, даже тогда, когда все стремятся развлечься, — Акакий Акакиевич не предавался никакому развлечению. Никто не мог сказать, чтобы когда-нибудь видел его на каком-нибудь вечере. Написавшись всласть, он ложился спать, улыбаясь заранее при мысли о завтрашнем дне: что-то Бог пошлёт переписывать завтра. Так протекала мирная жизнь человека, который с четырьмястами жалованья умел быть довольным своим жребием, и дотекла бы, может быть, до глубокой старости, если бы не было разных бедствий, рассыпанных на жизненной дороге не только титулярным, но даже тайным, действительным, надворным³ и всяким советникам, даже и тем, которые не дают никому советов, ни от кого не берут их сами.

Есть в Петербурге сильный враг всех, получающих четыреста рублей в год жалованья или около того. Враг этот не кто другой, как наш северный мороз, хотя, впрочем, и говорят, что он очень здоров. В девятом часу утра, именно в тот час, когда улицы покрываются идущими в департамент, начинает он давать такие сильные и колющие щелчки без разбору по всем носам, что бедные чиновни-

¹ *Вист* — карточная игра.

² Памятник Петру I в Петербурге работы скульптора Фальконё (см. также «Медный всадник» А. С. Пушкина).

³ Здесь Гоголь перечисляет просторечные сокращённые названия чинов в России XIX века.

ки решительно не знают, куда девать их. В это время, когда даже у занимающих высшие должности болит от морозу лоб и слёзы выступают в глазах, бедные титулярные советники иногда бывают беззащитны. Всё спасение состоит в том, чтобы в тощенькой шинелишке перебежать как можно скорее пять-шесть улиц и потом натопаться хорошенько ногами в швейцарской, пока не оттают таким образом все замёрзнувшие на дороге способности и дарованья к должностным отправлениям. Акакий Акакиевич с некоторого времени начал чувствовать, что его как-то особенно сильно стало пропекать в спину и плечо, несмотря на то что он старался перебежать как можно скорее законное пространство. Он подумал наконец, не заключается ли каких грехов в его шинели. Рассмотрев её хорошенько у себя дома, он открыл, что в двух-трёх местах, именно на спине и на плечах, она сделалась точная серпянка: сукно до того истёрлось, что сквозило, и подкладка расползлась. Надобно знать, что шинель Акакия Акакиевича служила тоже предметом насмешек чиновникам; от неё отнимали даже благородное имя шинели и называли её капотом¹. В самом деле, она имела какое-то странное устройство: воротник её уменьшался с каждым годом более и более, ибо служил на подтачиванье других частей её. Подтачиванье не показывало искусства портного и выходило точно мешковато и некрасиво. Увидевши, в чём дело, Акакий Акакиевич решил, что шинель нужно будет снести к Петровичу, портному, жившему где-то в четвёртом этаже по чёрной лестнице, который, несмотря на свой кривой глаз и рябизну по всему лицу, занимался довольно удачно починкой чиновничьих и всяких других панталон и фраков, — разумеется, когда бывал в трезвом состоянии и не питал в голове какого-нибудь другого предприятия. Об этом портном, конечно, не следовало бы много говорить, но так как уже заведено, чтобы в повести характер всякого лица был совершенно означен, то, нечего делать, подавайте нам и Петровича сюда. Сначала он назывался просто Григорий и был крепостным человеком у какого-то барина; Петровичем он начал называться с тех пор, как получил отпускную и стал попивать довольно сильно по всяким праздникам, сначала по большим, а потом, без разбору, по всем церковным, где только стоял в календаре крестик. С этой стороны он был верен дедовским обычаям и, споря с женой, называл её мирскою² женщиной и немкой. Так как

¹ *Капóт* — верхняя мужская или женская одежда в виде халата.

² *Мирскóй* — здесь: обыденный, приземлённый.

мы уже заикнулись про жену, то нужно будет и о ней сказать слова два; но, к сожалению, о ней немного было известно, разве только то, что у Петровича есть жена, носит даже чепчик, а не платок; но красотою, как кажется, она не могла похвастаться; по крайней мере при встрече с нею одни только гвардейские солдаты заглядывали ей под чепчик, моргнувши усом и испутивши какой-то особый голос.

Взбираясь по лестнице, ведшей к Петровичу, которая, надобно отдать справедливость, была вся умащена водой, помоями и проникнута насквозь тем спиртуозным запахом, который ест глаза и, как известно, присутствует неотлучно на всех чёрных лестницах петербургских домов, — взбираясь по лестнице, Акакий Акакиевич уже подумывал о том, сколько запросит Петрович, и мысленно положил не давать больше двух рублей. Дверь была отворена, потому что хозяйка, готовя какую-то рыбу, напустила столько дыму в кухне, что нельзя было видеть даже и самых тараканов. Акакий Акакиевич прошёл через кухню, не замеченный даже самою хозяйкою, и вступил наконец в комнату, где увидел Петровича, сидевшего на широком деревянном некрашеном столе и подвернувшего под себя ноги свои, как турецкий паша. Ноги, по обычаю портных, сидящих за работою, были нагишом. И прежде всего бросился в глаза большой палец, очень известный Акакию Акакиевичу, с каким-то изуродованным ногтем, толстым и крепким, как у черепахи череп. На шее у Петровича висел моток шёлку и ниток, а на коленях была какая-то ветошь. Он уже минуты с три продевал нитку в иглиное ухо, не попадал и потому очень сердился на темноту и даже на самую нитку, ворча вполголоса: «Не лезет, варварка; уела ты меня, шельма этакая!» Акакию Акакиевичу было неприятно, что он пришёл именно в ту минуту, когда Петрович сердился: он любил что-либо заказывать Петровичу тогда, когда последний был уже несколько под куражом, или, как выражалась жена его: «осадили сивухой, одноглазый чёрт». В таком состоянии Петрович обыкновенно очень охотно уступал и соглашался, всякий раз даже кланялся и благодарил. Потом, правда, приходила жена, плачась, что муж-де был пьян и потому дёшево взялся; но гривенник, бывало, один прибавишь, и дело в шляпе. Теперь же Петрович был, казалось, в трезвом состоянии, а потому крут, несговорчив и охотник заламливать чёрт знает какие цены. Акакий Акакиевич смекнул это и хотел было уже, как говорится, на попятный двор, но уж дело было начато. Петрович прищурил на него очень пристально свой единственный глаз, и Акакий Акакиевич невольно выговорил:

— Здравствуй, Петрович!

«Шинель». Акакий Акакиевич у Петровича.
Художник Б. Кустодиев. 1905 г.

— Здравствовать желаю, судырь, — сказал Петрович и покосил свой глаз на руки Акакия Акакиевича, желая высмотреть, какого рода добычу тот нёс.

— А я вот к тебе, Петрович, того...

Нужно знать, что Акакий Акакиевич изъяснялся большею частью предложениями, наречиями и, наконец, такими частицами, которые решительно не имеют никакого значения. Если же дело было очень затруднительно, то он даже имел обыкновение совсем не оканчивать фразы, так что весьма часто, начавши речь словами: «Это, право, совершенно того...», а потом уже и ничего не было, и сам он позабывал, думая, что всё уже выговорил.

— Что ж такое? — сказал Петрович и обсмотрел в то же время своим единственным глазом весь вицмундир его, начиная с воротника до рукавов, спинки, фалд и петлей, — что всё было ему очень знакомо, потому что было собственной его работы. Таков уж обычай у портных: это первое, что он сделает при встрече.

— А я вот того, Петрович... шинель-то, сукно... вот видишь, везде в других местах совсем крепкое, оно немножко запылилось, и кажется, как будто старое, а оно новое, да вот только в одном месте немного

того... на спине, да ещё вот на плече одном немного попротёрлось, да вот на этом плече немножко — видишь, вот и всё. И работы немного...

Петрович взял капот, разложил его сначала на стол, рассматривал долго, покачал головою и полез рукою на окно за круглой табакеркой с портретом какого-то генерала, какого именно — неизвестно, потому что место, где находилось лицо, было проткнуто пальцем и потом заклеено четверугольным лоскуточком бумажки. Понюхав табак, Петрович растопырил капот на руках и рассмотрел его против света и опять покачал головою. Потом обратил его подкладкой вверх и вновь покачал, вновь снял крышку с генералом, заклеенным бумажкой, и, натащивши в нос табак, закрыл, спрятал табакерку и, наконец, сказал:

— Нет, нельзя поправить: худой гардероб!

У Акакия Акакиевича при этих словах ёкнуло сердце.

— Отчего же нельзя, Петрович? — сказал он почти умоляющим голосом ребёнка, — ведь только всего что на плечах поистёрлось, ведь у тебя есть же какие-нибудь кусочки...

— Да кусочки-то можно найти, кусочки найдутся, — сказал Петрович, — да нашить-то нельзя: дело совсем гнилое, тронешь иглой — а вот уж оно и ползёт.

— Пусть ползёт, а ты тотчас заплаточку.

— Да заплаточки не на чем положить, укрепиться ей не за что, поддержка больно велика. Только слава что сукно, а подуи ветер, так разлетится.

— Ну, да уж прикрепи. Как же этак, право, того!..

— Нет, — сказал Петрович решительно, — ничего нельзя сделать. Дело совсем плохое. Уж вы лучше, как придёт зимнее холодное время, наделайте из неё себе онучек, потому что чулок не греет. Это немцы выдумали, чтобы побольше себе денег забирать (Петрович любил при случае кольнуть немцев); а шинель уж, видно, вам придётся новую делать.

При слове «новую» у Акакия Акакиевича затуманило в глазах, и всё, что ни было в комнате, так и пошло пред ним путаться. Он видел ясно одного только генерала с заклеенным бумажкой лицом, находившегося на крышке Петровичевой табакерки.

— Как же новую? — сказал он, всё ещё как будто находясь во сне, — ведь у меня и денег на это нет.

— Да, новую, — сказал с варварским спокойствием Петрович.

— Ну, а если бы пришлось новую, как бы она того...

— То есть что будет стоять?

— Да.

— Да три полсотни с лишком надо будет приложить, — сказал Петрович и сжал при этом значительно губы. Он очень любил сильные эффекты, любил вдруг как-нибудь озадачить совершенно и потом поглядеть искоса, какую озадаченный сделает рожу после таких слов.

— Полтораста рублей за шинель! — вскрикнул бедный Акакий Акакиевич; вскрикнул, может быть, в первый раз отроду, ибо отличался всегда тихостью голоса.

— Да-с, — сказал Петрович, — да ещё какова шинель. Если положить на воротник куницу да пустить капишон на шёлковой подкладке, так и в двести войдёт.

— Петрович, пожалуйста, — говорил Акакий Акакиевич умоляющим голосом, не слыша и не стараясь слышать сказанных Петровичем слов и всех его эффектов, — как-нибудь поправь, чтобы хоть сколько-нибудь ещё послужила.

— Да нет, это выйдет: и работу убивать, и деньги попусту тратить, — сказал Петрович; и Акакий Акакиевич после таких слов вышел совершенно уничтоженный.

А Петрович, по уходе его, долго ещё стоял, значительно сжавши губы и не принимаясь за работу, будучи доволен, что и себя не уронил, да и портного искусства тоже не выдал.

Вышед на улицу, Акакий Акакиевич был как во сне. «Этакое-то дело этакое, — говорил он сам себе, — я, право, и не думал, чтобы оно вышло того... — а потом, после некоторого молчания, прибавил: — Так вот как! наконец вот что вышло, а я, право, совсем и предполагать не мог, чтобы оно было этак». За сим последовало опять долгое молчание, после которого он произнёс: «Так этак-то! вот какое уж, точно никак неожиданное, того... этого бы никак... этакое-то обстоятельство!» Сказавши это, он, вместо того чтобы идти домой, пошёл совершенно в противную сторону, сам того не подозревая. Дорогою задел его всем нечистым своим боком трубочист и вычернил всё плечо ему; целая шапка извести высыпалась на него с верхушки строившегося дома. Он ничего этого не заметил, и потом уже, когда натолкнулся на будочника¹, который, поставя около себя свою алебарду², натряхивал из рожка на мозолистый кулак табаку, тогда только немного очнулся, и то потому, что будочник сказал: «Чего лезешь в самое рыло, разве нет тебе трухтуара³?» Это заставило его оглянуться

¹ *Будочник* — полицейский часовой.

² *Алебарда* — старинное оружие.

³ *Трухтуар* — искажённое *тротуар*.

и поворотить домой. Здесь только он начал собирать мысли, увидел в ясном и настоящем виде своё положение, стал разговаривать с собою уже не отрывисто, но рассудительно и откровенно, как с благоразумным приятелем, с которым можно поговорить о деле самом сердечном и близком. «Ну нет, — сказал Акакий Акакиевич, — теперь с Петровичем нельзя толковать: он теперь того... жена, видно, как-нибудь поколотила его. А вот я лучше приду к нему в воскресный день утром: он после канунешной субботы будет косить глазом и заспавшись, так ему нужно будет опохмелиться, а жена денег не даст, а в это время я ему гривенничек и того, в руку, он и будет сговорчивее и шинель тогда и того...» Так рассудил сам с собою Акакий Акакиевич, ободрил себя и дождался первого воскресенья, и, увидев издали, что жена Петровича куда-то выходила из дому, он прямо к нему. Петрович, точно, после субботы сильно косил глазом, голову держал к полу и был совсем заспавшись; но при всём том, как только узнал, в чём дело, точно как будто его чёрт толкнул. «Нельзя, — сказал, — извольте заказать новую». Акакий Акакиевич тут-то и всунул ему гривенничек. «Благодарствую, судырь, подкреплюсь маленечко за ваше здоровье, — сказал Петрович, — а уж об шинели не извольте беспокоиться: она ни на какую годность не годится. Новую шинель уж я вам сошью на славу, уж на этом постоим».

Акакий Акакиевич ещё было насчёт починки, но Петрович не слышал и сказал: «Уж новую я вам сошью бесприменно, в этом извольте положиться, старание приложим. Можно будет даже так, как пошла мода: воротник будет застёгиваться на серебряные лапки под апплике¹».

Тут-то увидел Акакий Акакиевич, что без новой шинели нельзя обойтись, и поник совершенно духом. Как же, в самом деле, на что, на какие деньги её сделать? Конечно, можно бы отчасти положиться на будущее награждение к празднику, но эти деньги давно уже размещены и распределены вперёд. Требовалось завести новые панталоны, заплатить сапожнику старый долг за приставку новых головок к старым голенищам, да следовало заказать швее три рубахи, да штуки две того белья, которое неприлично называть в печатном слогe, — словом, все деньги совершенно должны были разойтись; и если бы даже директор был так милостив, что вместо сорока рублей наградных определил бы сорок пять или пятьдесят, то всё-таки останется какой-нибудь самый вздор, который в шинельном капитале будет ка-

¹ Аппликé — накладное серебро.

пля в море. Хотя, конечно, он знал, что за Петровичем водилась блажь заломить вдруг чёрт знает какую непомерную цену, так что уж, бывало, сама жена не могла удержаться, чтобы не вскрикнуть: «Что ты с ума сходишь, дурак такой! В другой раз ни за что возьмёт работать, а теперь разнесла его нелёгкая запросить такую цену, какой и сам не стоит». Хотя, конечно, он знал, что Петрович и за восемьдесят рублей возьмётся сделать; однако всё же откуда взять эти восемьдесят рублей? Ещё половину можно бы найти: половина бы отыскалась; может быть, даже немножко и больше; но где взять другую половину?.. Но прежде читателю должно узнать, где взялась первая половина. Акакий Акакиевич имел обыкновение со всякого истрачиваемого рубля откладывать по грошу в небольшой ящичек, запёртый на ключ, с прорезанною в крышке дырочкой для бросания туда денег. По истечении всякого полугода он ревизовал накопившуюся медную сумму и заменял её мелким серебром. Так продолжал он с давних пор, и, таким образом, в продолжение нескольких лет оказалось накопившейся суммы более чем на сорок рублей. Итак, половина была в руках, но где же взять другую половину? Где взять другие сорок рублей? Акакий Акакиевич думал, думал и решил, что нужно будет уменьшить обыкновенные издержки, хотя, по крайней мере, в продолжение одного года; изгнать употребление чаю по вечерам, не зажигать по вечерам свечи, а если что понадобится делать, идти в комнату к хозяйке и работать при её свечке, ходя по улицам, ступать как можно легче и осторожнее по камням и плитам, почти на цыпочках, чтобы таким образом не истереть скоровременно подмёток; как можно реже отдавать прачке мыть бельё, а чтобы не занашивалось, то всякий раз, приходя домой, скидать его и оставаться в одном только демикотоновом халате, очень давнем и щадимом даже самым временем. Надобно сказать правду, что сначала ему было несколько трудно привыкать к таким ограничениям, но потом как-то привыкло и пошло на лад; даже он совершенно приучился голодать по вечерам; но зато он питался духовно,нося в мыслях своих вечную идею будущей шинели. С этих пор как будто самое существование его сделалось как-то полнее, как будто бы он женился, как будто какой-то другой человек присутствовал с ним, как будто он был не один, а какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу, — и подруга эта была не кто другая, как та же шинель на толстой вате, на крепкой подкладке без износу. Он сделался как-то живее, даже твёрже характером, как человек, который уже определил и поставил себе цель. С лица и с поступков его исчезло само собою

сомнение, нерешительность — словом, все колеблющиеся и неопределённые черты. Огонь порою показывался в глазах его, в голове даже мелькали самые дерзкие и отважные мысли: не положить ли точно куницу на воротник? Размышления об этом чуть не навели на него рассеянности. Один раз, переписывая бумагу, он чуть было даже не сделал ошибки, так что почти вслух вскрикнул: «ух!» и перекрестился. В продолжение каждого месяца он хотя один раз навещался к Петровичу, чтобы поговорить о шинели, где лучше купить сукна, и какого цвета, и в какую цену, и хотя несколько озабоченный, но всегда довольный возвращался домой, помышляя, что наконец придёт же время, когда всё это купится и когда шинель будет сделана. Дело пошло даже скорее, чем он ожидал. Противу всякого чаяния, директор назначил Акакию Акакиевичу не сорок или сорок пять, а целых шестьдесят рублей: уж предчувствовал ли он, что Акакию Акакиевичу нужна шинель, или само собой так случилось, но только у него чрез это очутилось лишних двадцать рублей. Это обстоятельство ускорило ход дела. Ещё каких-нибудь два-три месяца небольшого голодания — и у Акакия Акакиевича набралось точно около восьмидесяти рублей. Сердце его, вообще весьма покойное, начало биться. В первый же день он отправился вместе с Петровичем в лавки. Купили сукна очень хорошего — и немудрено, потому что об этом думали ещё за полгода прежде и редкий месяц не заходили в лавки применяться к ценам; зато сам Петрович сказал, что лучше сукна и не бывает. На подкладку выбрали коленкуру¹, но такого добротного и плотного, который, по словам Петровича, был ещё лучше шёлку и даже на вид казистей и глянцеветей. Куницы не купили, потому что была точно дорога; а вместо её выбрали кошку, лучшую, какая только нашлась в лавке, кошку, которую издали можно было всегда принять за куницу. Петрович провозился за шинелью всего две недели, потому что много было стеганья, а иначе она была бы готова раньше. За работу Петрович взял двенадцать рублей — меньше никак нельзя было: всё было решительно шито на шелку, двойным мелким швом, и по всякому шву Петрович потом проходил собственными зубами, вытесняя ими разные фигуры. Это было... трудно сказать, в который именно день, но, вероятно, в день самый торжественнейший в жизни Акакия Акакиевича, когда Петрович принёс наконец шинель. Он принёс её поутру, перед самым тем временем, как нужно было идти в департамент. Никогда бы в другое время не пришлось так кстати шинель,

¹ *Коленкóр* — дешёвая плотная хлопчатобумажная материя.

потому что начинались уже довольно крепкие морозы и, казалось, грозили ещё более усилиться. Петрович явился с шинелью, как следует хорошему портному. В лице его показалось выражение такое значительное, какого Акакий Акакиевич никогда ещё не видал. Казалось, он чувствовал в полной мере, что сделал немалое дело и что вдруг показал в себе бездну, разделяющую портных, которые подставляют только подкладки и переправляют, от тех, которые шьют заново. Он вынул шинель из носового платка, в котором её принёс; платок был только что от прачки; он уже потом свернул его и положил в карман для употребления. Вынув шинель, он весьма гордо посмотрел и, держа в обеих руках, набросил весьма ловко на плеча Акакию Акакиевичу; потом потянул и осадил её сзади рукой книзу; потом драпировал ею Акакия Акакиевича несколько нараспашку. Акакий Акакиевич, как человек в летах, хотел попробовать в рукава; Петрович помог надеть и в рукава, — вышло, что и в рукава была хороша. Словом, оказалось, что шинель была совершенно и как раз впору. Петрович не упустил при сём случае сказать, что он так только, потому что живёт без вывески на небольшой улице и притом давно знает Акакия Акакиевича, потому взял так дёшево; а на Невском проспекте с него бы взяли за одну только работу семьдесят пять рублей. Акакий Акакиевич об этом не хотел рассуждать с Петровичем, да и боялся всех сильных сумм, какими Петрович любил запускать пыль. Он расплатился с ним, поблагодарил и вышел тут же в новой шинели в департамент. Петрович вышел вслед за ним и, оставаясь на улице, долго ещё смотрел издали на шинель и потом пошёл нарочно в сторону, чтобы, обогнув кривым переулком, забежать вновь на улицу и посмотреть ещё раз на свою шинель с другой стороны, то есть прямо в лицо. Между тем Акакий Акакиевич шёл в самом праздничном расположении всех чувств. Он чувствовал всякий миг минуты, что на плечах его новая шинель, и несколько раз даже усмехнулся от внутреннего удовольствия. В самом деле, две выгоды: одно то, что тепло, а другое, что хорошо. Дороги он не заметил вовсе и очутился вдруг в департаменте; в швейцарской он скинул шинель, осмотрел её кругом и поручил в особенный надзор швейцару. Неизвестно, каким образом в департаменте все вдруг узнали, что у Акакия Акакиевича новая шинель и что уже капота более не существует. Все в ту же минуту выбежали в швейцарскую смотреть новую шинель Акакия Акакиевича. Начали поздравлять его, приветствовать, так что тот сначала только улыбался, а потом сделалось ему даже стыдно. Когда же все, приступив к нему, стали говорить, что нужно вспрыснуть но-

вую шинель и что, по крайней мере, он должен задать им всем вечер, Акакий Акакиевич потерялся совершенно, не знал, как ему быть, что такое отвечать и как отговориться. Он уже минут через несколько, весь покрасневшись, начал было уверять довольно простодушно, что это совсем не новая шинель, что это так, что это старая шинель. Наконец один из чиновников, какой-то даже помощник столоначальника, вероятно для того, чтобы показать, что он ничуть не гордец и знает даже с низшими себя, сказал: «Так и быть, я вместо Акакия Акакиевича даю вечер и прошу ко мне сегодня на чай: я же, как нарочно, сегодня именинник». Чиновники, натурально, тут же поздравили помощника столоначальника и приняли с охотой предложение. Акакий Акакиевич начал было отговариваться, но все стали говорить, что неучтиво, что просто стыд и срам, и он уж никак не мог откаться. Впрочем, ему потом сделалось приятно, когда вспомнил, что он будет иметь чрез то случай пройтись даже и ввечеру в новой шинели. Этот весь день был для Акакия Акакиевича точно самый большой торжественный праздник. Он возвратился домой в самом счастливом расположении духа, скинул шинель и повесил её бережно на стене, налюбовавшись ещё раз сукном и подкладкой, и потом нарочно вытащил, для сравнения, прежний капот свой, совершенно расползшийся. Он взглянул на него, и сам даже засмеялся: такая была далёкая разница! И долго ещё потом за обедом он всё усмехался, как только приходило ему на ум положение, в котором находился капот. Пообедал он весело и после обеда уж ничего не писал, никаких бумаг, а так немножко посибаритствовал¹ на постеле, пока не потемнело. Потом, не затягивая дела, оделся, надел на плеча шинель и вышел на улицу. Где именно жил пригласивший чиновник, к сожалению, не можем сказать: память начинает нам сильно изменять, и всё, что ни есть в Петербурге, все улицы и дома слились и смешались так в голове, что весьма трудно достать оттуда что-нибудь в порядочном виде. Как бы то ни было, но верно, по крайней мере, то, что чиновник жил в лучшей части города, — стало быть, очень не близко от Акакия Акакиевича. Сначала надо было Акакию Акакиевичу пройти кое-какие пустынные улицы с тощим освещением, но по мере приближения к квартире чиновника улицы становились живее, населённой и сильнее освещены. Пешеходы стали мелькать чаще, начали попадаться и дамы, красиво одетые, на мужчинах попадались бобровые воротники,

¹ *Сибаритствовать* — вести жизнь сибарита, т. е. человека, предающегося праздности и удовольствиям.

реже встречались ваньки с деревянными решётчатыми своими санками, утыканными позолоченными гвоздочками, — напротив, всё попадались лихачи в малиновых бархатных шапках, с лакированными санками, с медвежьими одеялами, и пролетали улицу, визжа колёсами по снегу, кареты с убранными козлами. Акакий Акакиевич глядел на всё это, как на новость. Он уже несколько лет не выходил по вечерам на улицу. Остановился с любопытством перед освещённым окошком магазина посмотреть на картину, где изображена была какая-то красивая женщина, которая скидала с себя башмак, обнаживши, таким образом, всю ногу, очень недурную; а за спиной её, из дверей другой комнаты, выставил голову какой-то мужчина с бакенбардами и красивой эспаньолкой¹ под губой. Акакий Акакиевич покачул головой и усмехнулся и потом пошёл своею дорогою. Почему он усмехнулся, потому ли, что встретил вещь вовсе не знакомую, но о которой, однако же, всё-таки у каждого сохраняется какое-то чутьё, или подумал он, подобно многим другим чиновникам, следующее: «Ну, уж эти французы! что и говорить, уж ежели захотят что-нибудь того, так уж точно того...» А может быть, даже и этого не подумал — ведь нельзя же залезть в душу человеку и узнать всё, что он ни думает. Наконец достигнул он дома, в котором квартировал помощник столоначальника. Помощник столоначальника жил на большую ногу: на лестнице светил фонарь, квартира была во втором этаже. Вошедши в переднюю, Акакий Акакиевич увидел на полу целые ряды калош. Между ними, посреди комнаты, стоял самовар, шумя и испуская клубами пар. На стенах висели всё шинели да плащи, между которыми некоторые были даже с бобровыми воротниками или с бархатными отворотами. За стеной был слышен шум и говор, которые вдруг сделались ясными и звонкими, когда отворилась дверь и вышел лакей с подносом, уставленным опорожнёнными стаканами, сливочником и корзиною сухарей. Видно, что уж чиновники давно собрались и выпили по первому стакану чая. Акакий Акакиевич, повесивши сам шинель свою, вошёл в комнату, и перед ним мелькнули в одно время свечи, чиновники, трубки, столы для карт, и смутно поразили слух его беглый, со всех сторон подымавшийся разговор и шум передвигаемых стульев. Он остановился весьма неловко среди комнаты, ища и стараясь придумать, что ему сделать. Но его уже заметили, приняли с криком, и все пошли тот же час в переднюю и вновь осмотрели его шинель. Акакий Акакиевич хотя было отчасти и сконфузился, но,

¹ *Эспаньолка* — маленькая остроконечная бородка.

будучи человеком чистосердечным, не мог не порадоваться, видя, как все похвалили шинель. Потом, разумеется, все бросили и его и шинель и обратились, как водится, к столам, назначенным для виста. Всё это: шум, говор и толпа людей, — всё это было как-то чудно Акакию Акакиевичу. Он просто не знал, как ему быть, куда деть руки, ноги и всю фигуру свою; наконец подсел он к игравшим, смотрел в карты, засматривал тому и другому в лица и чрез несколько времени начал зевать, чувствовать, что скучно, тем более что уж давно наступило то время, в которое он, по обыкновению, ложился спать. Он хотел проститься с хозяином, но его не пустили, говоря, что непременно надо выпить в честь обновки по бокалу шампанского. Через час подали ужин, состоявший из винегрета, холодной телятины, паштета, кондитерских пирожков и шампанского. Акакия Акакиевича заставили выпить два бокала, после которых он почувствовал, что в комнате сделалось веселее, однако ж никак не мог позабыть, что уже двенадцать часов и что давно пора домой. Чтобы как-нибудь не вздумал удерживать хозяин, он вышел потихоньку из комнаты, отыскал в передней шинель, которую не без сожаления увидел лежавшею на полу, стряхнул её, снял с неё всякую пушинку, надел на плеча и опустил по лестнице на улицу. На улице всё ещё было светло. Кое-какие мелочные лавчонки, эти бессменные клубы дворовых и всяких людей, были отперты, другие же, которые были заперты, показывали, однако ж, длинную струю света во всю дверную щель, означавшую, что они не лишены ещё общества и, вероятно, дворовые служанки или слуги ещё доканчивают свои толки и разговоры, повергая своих господ в совершенное недоумение насчёт своего местопребывания. Акакий Акакиевич шёл в весёлом расположении духа, даже подбежал было вдруг, неизвестно почему, за какую-то дамою, которая, как молния, прошла мимо и у которой всякая часть тела была исполнена необыкновенного движения. Но, однако ж, он тут же остановился и пошёл опять по-прежнему, очень тихо, подивясь даже сам неизвестно откуда взявшейся рыси. Скоро потянулись перед ним те пустынные улицы, которые даже и днём не так веселы, а тем более вечером. Теперь они сделались ещё глуше и уединённее: фонари стали мелькать реже — масла, как видно, уже меньше отпускалось; пошли деревянные дома, заборы; нигде ни души; сверкал только один снег по улицам, да печально чернели с закрытыми ставнями заснувшие низенькие лачужки. Он приблизился к тому месту, где перерезывалась улица бесконечною площадью с едва видимыми на другой стороне её домами, которая глядела страшною пустынею.

Вдали, Бог знает где, мелькал огонёк в какой-то будке, которая казалась стоявшею на краю света. Весёлость Акакия Акакиевича как-то здесь значительно уменьшилась. Он вступил на площадь не без какой-то невольной боязни, точно как будто сердце его предчувствовало что-то недоброе. Он оглянулся назад и по сторонам: точное море вокруг него. «Нет, лучше и не глядеть», — подумал и шёл, закрыв глаза, и, когда открыл их, чтобы узнать, близко ли конец площади, увидел вдруг, что перед ним стоят почти перед носом какие-то люди с усами, какие именно, уж этого он не мог даже различить. У него затуманило в глазах и забило в груди. «А ведь шинель-то моя!» — сказал один из них громовым голосом, схвативши его за воротник. Акакий Акакиевич хотел было уже закричать «караул», как другой приставил ему к самому рту кулак величиною в чиновничью голову, примолвив: «А вот только крикни!» Акакий Акакиевич чувствовал только, как сняли с него шинель, дали ему пинка коленом, и он упал навзничь в снег и ничего уж больше не чувствовал. Через несколько минут он опомнился и поднялся на ноги, но уж никого не было. Он чувствовал, что в поле холодно и шинели нет, стал кричать, но голос, казалось, и не думал долетать до концов площади. Отчаянный, не уставая кричать, пустился он бежать через площадь прямо к будке, подле которой стоял будочник и, опершись на свою алебарду, глядел, кажется, с любопытством, желая знать, какого чёрта бежит к нему издали и кричит человек. Акакий Акакиевич, прибежав к нему, начал задыхающимся голосом кричать, что он спит и ни за чем не смотрит, не видит, как грабят человека. Будочник отвечал, что он не видал ничего, что видел, как остановили его среди площади какие-то два человека, да думал, что то были его приятели; а что пусть он вместо того, чтобы понапрасну браниться, сходит завтра к надзирателю, так надзиратель отыщет, кто взял шинель. Акакий Акакиевич прибежал домой в совершенном беспорядке: волосы, которые ещё водились у него в небольшом количестве на висках и затылке, совершенно растрепались; бок и грудь и все панталоны были в снегу. Струха, хозяйка квартиры его, услыша страшный стук в дверь, поспешно вскочила с постели и с башмаком на одной только ноге побежала отворять дверь, придерживая на груди своей, из скромности, рукою рубашку; но, отворив, отступила назад, увидя в таком виде Акакия Акакиевича. Когда же рассказал он, в чём дело, она всплеснула руками и сказала, что нужно идти прямо к частному¹, что квар-

¹ Частный — начальник полицейской части.

тальный¹ надует, пообещается и станет водить; а лучше всего идти прямо к частному, что он даже ей знаком, потому что Анна, чухонка², служившая прежде у неё в кухарках, определилась теперь к частному в няньки, что она часто видит его самого, как он проезжает мимо их дома, и что он бывает также всякое воскресенье в церкви, молится, а в то же время весело смотрит на всех, и что, стало быть, по всему видно, должен быть добрый человек. Выслушав такое решение, Акакий Акакиевич печальный побрёл в свою комнату, и как он провёл там ночь, предоставляется судить тому, кто может сколько-нибудь представить себе положение другого. Поутру рано отправился он к частному; но сказали, что спит; он пришёл в десять — сказали опять: спит; он пришёл в одиннадцать часов — сказали: да нет частного дома; он в обеденное время — но писаря в прихожей никак не хотели пустить его и хотели непременно узнать, за каким делом и какая надобность привела и что такое случилось. Так что наконец Акакий Акакиевич раз в жизни захотел показать характер и сказал наотрез, что ему нужно лично видеть самого частного, что они не смеют его не допустить, что он пришёл из департамента за казённым делом, а что вот как он на них пожалуется, так вот тогда они увидят. Против этого писаря ничего не посмели сказать, и один из них пошёл вызвать частного. Частный принял как-то чрезвычайно странно рассказ о грабительстве шинели. Вместо того чтобы обратить внимание на главный пункт дела, он стал расспрашивать Акакия Акакиевича: да почему он так поздно возвращался, да не заходил ли он и не был ли в каком непорядочном доме, так что Акакий Акакиевич сконфузился совершенно и вышел от него, сам не зная, возымеет ли надлежащий ход дело о шинели или нет. Весь этот день он не был в присутствии³ (единственный случай в его жизни). На другой день он явился весь бледный и в старом капоте своём, который сделался ещё плачевнее. Повествование о грабеже шинели, несмотря на то что нашлись такие чиновники, которые не пропустили даже и тут посмеяться над Акакием Акакиевичем, однако же многих тронуло. Решились тут же сделать для него складчину, но собрали самую безделицу, потому что чиновники и без того уже много истратились, подписавшись на директорский портрет и на одну какую-то книгу, по предложению на-

¹ *Квартальный* — полицейский, под надзором которого находилась определённая часть города (квартал).

² *Чухонка* — пренебрежительное название женщины финской национальности в до-революционной России.

³ *Присутствие* — учреждение в России.

чальника отделения, который был приятелем сочинителю, — итак, сумма оказалась самая бездельная. Один кто-то, движимый состраданием, решился по крайней мере помочь Акакию Акакиевичу добрым советом, сказавши, чтоб он пошёл не к квартальному, потому что хоть и может случиться, что квартальный, желая заслужить одобрение начальства, отыщет каким-нибудь образом шинель, но шинель всё-таки останется в полиции, если он не представит законных доказательств, что она принадлежит ему; а лучше всего, чтобы он обратился к одному значительному лицу, что значительное лицо, спишась и снесясь с кем следует, может заставить успешнее идти дело. Нечего делать, Акакий Акакиевич решился идти к значительному лицу. Какая именно и в чём состояла должность значительного лица, это осталось до сих пор неизвестным. Нужно знать, что одно значительное лицо недавно сделался значительным лицом, а до того времени он был незначительным лицом. Впрочем, место его и теперь не почиталось значительным в сравнении с другими, ещё значительнейшими. Но всегда найдётся такой круг людей, для которых незначительное в глазах прочих есть уже значительное. Впрочем, он старался усилить значительность многими другими средствами, именно: завёл, чтобы низшие чиновники встречали его ещё на лестнице, когда он приходил в должность, чтобы к нему являться прямо никто не смел, а чтоб шло всё порядком строжайшим: коллежский регистратор¹ докладывал бы губернскому секретарю, губернский секретарь — титулярному или какому приходилось другому, и чтобы уже, таким образом, доходило дело до него. Так уж на святой Руси всё заражено подражанием, всякий дразнит и корчит своего начальника. Говорят даже, какой-то титулярный советник, когда сделали его правителем какой-то отдельной небольшой канцелярии, тотчас же отгородил себе особенную комнату, назвавши её «комнатой присутствия», и поставил у дверей каких-то капельдинеров с красными воротниками, в галунах, которые брались за ручку дверей и отворяли её всякому приходившему, хотя в «комнате присутствия» насилу мог уставиться обыкновенный письменный стол. Приёмы и обычаи значительного лица были солидны и величественны, но не многосложны. Главным основанием его системы была строгость. «Строгость, строгость и — строгость», — говаривал он обыкновенно и при последнем слове обыкновенно смотрел очень значительно в лицо тому, которому говорил. Хотя, впрочем, этому и не было никакой причины, потому что десяток чиновников, составляв-

¹ *Коллежский регистратор* — низкий гражданский чин в России XIX века.

ших весь правительственный механизм канцелярии, и без того был в надлежащем страхе: завидя его издали, оставлял уже дело и ожидал стоя ввытяжку, пока начальник пройдёт через комнату. Обыкновенный разговор его с низшими отзывался строгостью и состоял почти из трёх фраз: «Как вы смеете? Знаете ли вы, с кем говорите? Понимаете ли, кто стоит перед вами?» Впрочем, он был в душе добрый человек, хорош с товарищами, услужлив, но генеральский чин совершенно сбил его с толку. Получивши генеральский чин, он как-то спутился, сбился с пути и совершенно не знал, как ему быть. Если ему случалось быть с равными себе, он был ещё человек как следует, человек очень порядочный, во многих отношениях даже не глупый человек; но как только случалось ему быть в обществе, где были люди хоть одним чином пониже его, там он был просто хоть из рук вон: молчал, и положение его возбуждало жалость, тем более что он сам даже чувствовал, что мог бы провести время несравненно лучше. В глазах его иногда видно было сильное желание присоединиться к какому-нибудь интересному разговору и кружку, но останавливала его мысль: не будет ли это уж очень много с его стороны, не будет ли фамильярно, и не уронит ли он чрез то своего значения? И вследствие таких рассуждений он оставался вечно в одном и том же молчаливом состоянии, произнося только изредка какие-то односложные звуки, и приобрёл таким образом титул скучнейшего человека. К такому-то значительному лицу явился наш Акакий Акакиевич, и явился во время самое неблагоприятное, весьма некстати для себя, хотя, впрочем, кстати для значительного лица. Значительное лицо находился в своём кабинете и разговорился очень-очень весело с одним недавно приехавшим старинным знакомым и товарищем детства, с которым несколько лет не видался. В это время доложили ему, что пришёл какой-то Башмачкин. Он спросил отрывисто: «Кто такой?» Ему отвечали: «Какой-то чиновник». — «А! может подождать, теперь не время», — сказал значительный человек. Здесь надобно сказать, что значительный человек совершенно прилгнул: ему было время, они давно уже с приятелем переговарили обо всём и уже давно перекладывали разговор весьма длинными молчаниями, слегка только потрепливая друг друга по ляжке и приговаривая: «Так-то, Иван Абрамович!» — «Этак-то, Степан Варламович!» Но при всём том, однако же, велел он чиновнику подождать, чтобы показать приятелю, человеку давно не служившему и зажившемуся дома в деревне, сколько времени чиновники дожидаются у него в передней. Наконец наговорившись, а ещё более намолчавшись вдоволь и выкуривши сигарку в весьма покойных крес-

лах с откидными спинками, он, наконец, как будто вдруг вспомнил и сказал секретарю, остановившемуся у дверей с бумагами для доклада: «Да, ведь там стоит, кажется, чиновник; скажите ему, что он может войти». Увидевши смиренный вид Акакия Акакиевича и его старенький вицмундир, он оборотился к нему вдруг и сказал: «Что вам угодно?» — голосом отрывистым и твёрдым, которому нарочно учился заранее у себя в комнате, в уединении и перед зеркалом, ещё за неделю до получения нынешнего своего места и генеральского чина. Акакий Акакиевич уже заблаговременно почувствовал надлежащую робость, несколько смутился и, как мог, сколько могла позволить ему свобода языка, изъяснил с прибавлением даже чаще, чем в другое время, частиц «того», что была-де шинель совершенно новая, и теперь ограблен бесчеловечным образом, и что он обращается к нему, чтоб он ходатайством своим как-нибудь того, списался бы с господином обер-полицмейстером или другим кем и отыскал шинель. Генералу, неизвестно почему, показалось такое обхождение фамильярным¹.

— Что вы, милостивый государь, — продолжал он отрывисто, — не знаете порядка? куда вы зашли? не знаете, как водятся дела? Об этом вы бы должны были прежде подать просьбу в канцелярию; она пошла бы к столоначальнику, к начальнику отделения, потом передана была бы секретарю, а секретарь доставил бы её уже мне...

— Но, ваше превосходительство, — сказал Акакий Акакиевич, стараясь собрать всю небольшую горсть присутствия духа, какая только в нём была, и чувствуя в то же время, что он вспотел ужасным образом, — я ваше превосходительство осмелился утрудить потому, что секретари того... ненадёжный народ...

— Что, что, что? — сказал значительное лицо. — Откуда вы набрались такого духу? откуда вы мыслей таких набрались? что за буйство такое распространилось между молодыми людьми против начальников и высших!

Значительное лицо, кажется, не заметил, что Акакию Акакиевичу забралось уже за пятьдесят лет. Стало быть, если бы он и мог назваться молодым человеком, то разве только относительно, то есть в отношении к тому, кому уже было семьдесят лет.

— Знаете ли вы, кому это говорите? понимаете ли вы, кто стоит перед вами? понимаете ли вы это, понимаете ли это? я вас спрашиваю.

¹ *Фамильярный* — бесцеремонный, неуместно развязный.

Тут он топнул ногою, возведя голос до такой сильной ноты, что даже и не Акакию Акакиевичу сделалось бы страшно. Акакий Акакиевич так и обмер, пошатнулся, затрясся всем телом и никак не мог стоять, если бы не подбежали тут же сторожа поддержать его, он бы шлёпнулся на пол; его вынесли почти без движения. А значительное лицо, довольный тем, что эффект превзошёл даже ожидание, и совершенно упоённый мыслью, что слово его может лишить даже чувств человека, искоса взглянул на приятеля, чтобы узнать, как он на это смотрит, и не без удовольствия увидел, что приятель его находился в самом неопределённом состоянии и начинал даже с своей стороны сам чувствовать страх.

Как сошёл с лестницы, как вышел на улицу, ничего уж этого не помнил Акакий Акакиевич. Он не слышал ни рук, ни ног. В жизнь свою он не был ещё так сильно распечён генералом, да ещё и чужим. Он шёл по вьюге, свистевшей в улицах, разинув рот, сбиваясь с тротуаров; ветер, по петербургскому обычаю, дул на него со всех четырёх сторон, из всех переулков. Вмиг надуло ему в горло жабу¹, и добрался он домой, не в силах будучи сказать ни одного слова; весь распух и слёг в постель. Так сильно иногда бывает надлежащее распеканье! На другой же день обнаружилась у него сильная горячка. Благодаря великодушному вспомоществованию петербургского климата болезнь пошла быстрее, чем можно было ожидать, и когда явился доктор, то он, пощупавши пульс, ничего не нашёлся сделать, как только прописать припарку, единственно уже для того, чтобы больной не остался без благодетельной помощи медицины; а впрочем, тут же объявил ему чрез полтора суток неперенный капут². После чего обратился к хозяйке и сказал: «А вы, матушка, и времени даром не теряйте, закажите ему теперь же сосновый гроб, потому что дубовый будет для него дорог». Слышал ли Акакий Акакиевич эти произнесённые роковые для него слова, а если и слышал, произвели ли они на него потрясающее действие, пожалел ли он о горемычной своей жизни, — ничего этого не известно, потому что он находился всё время в бреду и жару. Явления, одно другого страннее, представлялись ему беспрестанно: то видел он Петровича и заказывал ему сделать шинель с какими-то западнями для воров, которые чудились ему беспрестанно под кроватью, и он поминутно призывал хозяйку вытащить у него одного вора даже из-под одеяла; то спрашивал, зачем висит перед ним

¹ *Жаба* — ангина.

² *Капút* (нем.) — конец.

старый капот его, что у него есть новая шинель; то чудилось ему, что он стоит перед генералом, выслушивая надлежащее распеканье, и приговаривает: «Винovat, ваше превосходительство!», то, наконец, даже сквернохульничал¹, произнося самые страшные слова, так что старушка хозяйка даже крестилась, отроду не слыхав от него ничего подобного, тем более что слова эти следовали непосредственно за словом «ваше превосходительство». Далее он говорил совершенную бессмыслицу, так что ничего нельзя было понять; можно было только видеть, что беспорядочные слова и мысли ворочались около одной и той же шинели. Наконец бедный Акакий Акакиевич испустил дух. Ни комнаты, ни вещей его не опечатывали, потому что, во-первых, не было наследников, а во-вторых, оставалось очень немного наследства, именно: пучок гусиных перьев, дeсть белой казённой бумаги, три пары носков, две-три пуговицы, оторвавшиеся от панталон, и уже известный читателю капот. Кому всё это досталось, Бог знает: об этом, признаюсь, даже не интересовался рассказывающий сию повесть. Акакия Акакиевича свезли и похоронили. И Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто бы в нём его и никогда не было. Исчезло и скрылось существо, никем не защищённое, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя внимание и естествонаблюдателя, не пропускающего посадить на булавку обыкновенную муху и рассмотреть её в микроскоп; существо, переносившее покорно канцелярские насмешки и без всякого чрезвычайного дела сошедшее в могилу, но для которого всё же таки, хотя перед самым концом жизни, мелькнул светлый гость в виде шинели, ожививший на миг бедную жизнь, и на которое так же потом нестерпимо обрушилось несчастье, как обрушивалось на царей и повелителей мира... Несколько дней после его смерти послан был к нему на квартиру из департамента сторож, с приказанием немедленно явиться: начальник-де требует; но сторож должен был возвратиться ни с чем, давши отчёт, что не может больше прийти, и на запрос «почему?» выразился словами: «Да так, уж он умер, четвёртого дня похоронили». Таким образом узнали в департаменте о смерти Акакия Акакиевича, и на другой день уже на его месте сидел новый чиновник, гораздо выше ростом и выставлявший буквы уже не таким прямым почерком, а гораздо наклоннее и косее.

Но кто бы мог вообразить, что здесь ещё не всё об Акакии Акакиевиче, что суждено ему на несколько дней прожить шумно после

¹ *Сквернохульничал* — то же, что и *сквернословить* — употреблять неприличные слова в речи.

своей смерти, как бы в награду за не примеченную никем жизнь? Но так случилось, и бедная история наша неожиданно принимает фантастическое окончание.

По Петербургу пронеслись вдруг слухи, что у Калинкина моста и далеко подальше стал показываться по ночам мертвец в виде чиновника, ищущего какой-то утащенной шинели, и под видом стащенной шинели сдирающий со всех плеч, не разбирая чина и звания, всякие шинели: на кошках, на бобрах, на вате, енотовые, лисьи, медвежьи шубы — словом, всякого рода меха и кожи, какие только придумали люди для прикрытия собственной. Один из департаментских чиновников видел своими глазами мертвеца и узнал в нём тотчас Акакия Акакиевича; но это внушило ему, однако же, такой страх, что он бросился бежать со всех ног и оттого не мог хорошенько рассмотреть, а видел только, как тот издали погрозил ему пальцем. Со всех сторон поступали беспрестанно жалобы, что спины и плечи, пускай бы ещё только титулярных, а то даже самих тайных советников, подвержены совершенной простуде по причине ночного сдёргивания шинелей. В полиции сделано было распоряжение поймать мертвеца во что бы то ни стало, живого или мёртвого, и наказать его, в пример другим, жесточайшим образом, и в том едва было даже не успели. Именно будочник какого-то квартала в Кирюшкином переулке схватил было уже совершенно мертвеца за ворот на самом месте злодеяния, на покушении сдёргнуть фризовую шинель с какого-то отставного музыканта, свиставшего в своё время на флейте. Схвативши его за ворот, он вызвал своим криком двух других товарищей, которым поручил держать его, а сам полез только на одну минуту за сапог, чтобы вытащить оттуда тавлинку¹ с табаком, освежить на время шесть раз на веку примороженный нос свой; но табак, верно, был такого рода, которого не мог вынести даже и мертвец. Не успел будочник, закрывши пальцем свою правую ноздрю, потянуть левою полгорсти, как мертвец чихнул так сильно, что совершенно забрызгал им всем троим глаза. Покамест они поднесли кулаки протереть их, мертвеца и след пропал, так что они не знали даже, был ли он точно в их руках. С этих пор будочники получили такой страх к мертвецам, что даже опасались хватать и живых, и только издали покрикивали: «Эй, ты, ступай своею дорогою!» — и мертвец-чиновник стал показываться даже за Калинкиным мостом, наводя немалый страх на всех робких людей. Но мы, однако же, совершенно оставили одно значительное лицо, ко-

¹ *Тавлинка* — табакерка из берёсты.

«Шинель». Акакий Акакиевич возвращается с вечера.
Художник Б. Кустодиев, 1905 г.

торый по-настоящему едва ли не был причиною фантастического направления, впрочем, совершенно истинной истории. Прежде всего долг справедливости требует сказать, что одно значительное лицо скоро по уходе бедного, распечённого в пух Акакия Акакиевича почувствовал что-то вроде сожаления. Сострадание было ему не чуждо; его сердцу были доступны многие добрые движения, несмотря на то что чин весьма часто мешал им обнаруживаться. Как только вышел из его кабинета приезжий приятель, он даже задумался о бедном Акакии Акакиевиче. И с этих пор почти всякий день представлялся ему бледный Акакий Акакиевич, не выдержавший должностного распеканья. Мысль о нём до такой степени тревожила его, что неделю спустя он решился даже послать к нему чиновника узнать, что он и как и нельзя ли в самом деле чем помочь ему; и когда донесли ему, что Акакий Акакиевич умер скоропостижно в горячке, он остался даже поражённым, слышал упрёки совести и весь день был не в духе. Желая сколько-нибудь развлечься и позабыть неприятное впечатление, он отправился на вечер к одному из приятелей своих, у которого нашёл порядочное общество, а что всего лучше — все там были почти одного и того же чина, так что он совершенно ничем не мог быть связан. Это имело удивительное действие на душевное его расположение. Он развернулся, сделался приятен в разговоре, любезен — словом, провёл вечер очень приятно. За ужином выпил он стакана два шампанского — средство, как известно, недурно действующее в рас-

суждении весёлости. Шампанское сообщило ему расположение к разным экстренностям, а именно: он решил не ехать ещё домой, а заехать к одной знакомой даме, Каролине Ивановне, даме, кажется, немецкого происхождения, к которой он чувствовал совершенно приятельские отношения. Надобно сказать, что значительное лицо был уже человек немолодой, хороший супруг, почтенный отец семейства. Два сына, из которых один служил уже в канцелярии, и миловидная шестнадцатилетняя дочь с несколько выгнутым, но хорошеньким носиком приходили всякий день целовать его руку, приговаривая: «*bonjour, papa*»¹. Супруга его, ещё женщина свежая и даже ничуть не дурная, давала ему прежде поцеловать свою руку и потом, переворотивши её на другую сторону, целовала его руку. Но значительное лицо, совершенно, впрочем, довольный домашними семейными нежностями, нашёл приличным иметь для дружеских отношений приятельницу в другой части города. Эта приятельница была ничуть не лучше и не моложе жены его; но такие уж задачи бывают на свете, и судить об них не наше дело. Итак, значительное лицо сошёл с лестницы, сел в сани и сказал кучеру: «К Каролине Ивановне», — а сам, закутавшись весьма роскошно в тёплую шинель, оставался в том приятном положении, лучше которого и не выдумаешь для русского человека, то есть когда сам ни о чём не думаешь, а между тем мысли сами лезут в голову, одна другой приятнее, не давая даже труда гоняться за ними и искать их. Полный удовольствия, он слегка припоминал все весёлые места проведённого вечера, все слова, заставившие хохотать небольшой круг; многие из них он даже повторял вполголоса и нашёл, что они всё так же смешны, как и прежде, а потому не мудрено, что и сам посмеивался от души. Изредка мешал ему, однако же, порывистый ветер, который, выхватившись вдруг Бог знает откуда и неведь от какой причины, так и резал в лицо, подбрасывая ему туда клочки снега, хлопуча, как парус, шинельный воротник или вдруг с неестественною силою набрасывая ему его на голову и доставляя, таким образом, вечные хлопоты из него выкарабкиваться. Вдруг почувствовал значительное лицо, что его ухватил кто-то весьма крепко за воротник. Обернувшись, он заметил человека небольшого роста, в старом, поношенном вицмундире и не без ужаса узнал в нём Акакия Акакиевича. Лицо чиновника было бледно, как снег, и глядело совершенным мертвецом. Но ужас значительного лица превзошёл все границы, когда он увидел, что рот мертвеца покривился и, пахнувши

¹ Добрый день, папá (фр.).

на него страшно могилою, произнёс такие речи: «А! так вот ты наконец! наконец я тебя того, поймал за воротник! твоей-то шинели мне и нужно! не похлопотал об моей, да ещё и распёк, — отдавай же теперь свою!» Бедное значительное лицо чуть не умер. Как ни был он характерен в канцелярии и вообще перед низшими, и хотя, взглянувши на один мужественный вид его и фигуру, всякий говорил: «У, какой характер!» — но здесь он, подобно весьма многим, имеющим богатырскую наружность, почувствовал такой страх, что не без причины даже стал опасаться насчёт какого-нибудь болезненного припадка. Он сам даже скинул поскорее с плеч шинель свою и закричал кучеру не своим голосом: «Пошёл во весь дух домой!» Кучер, услышавши голос, который произносится обыкновенно в решительные минуты и даже сопровождается кое-чем гораздо действительнейшим, упрятал на всякий случай голову свою в плечи, замахнулся кнутом и помчался как стрела. Минут в шесть с небольшим значительное лицо уже был перед подъездом своего дома. Бледный, перепуганный и без шинели, вместо того чтобы к Каролине Ивановне, он приехал к себе, доплёлся кое-как до своей комнаты и провёл ночь весьма в большом беспорядке, так что на другой день поутру за чаем дочь ему сказала прямо: «Ты сегодня совсем бледен, папа». Но папа молчал и никому ни слова о том, что с ним случилось, и где он был, и куда хотел ехать. Это происшествие сделало на него сильное впечатление. Он даже гораздо реже стал говорить подчинённым: «Как вы смеете, понимаете ли, кто перед вами?»; если же и произносил, то уж не прежде, как выслушавши сперва, в чём дело. Но ещё более замечательно то, что с этих пор совершенно прекратилось появление чиновника-мертвеца: видно, генеральская шинель пришлась ему совершенно по плечам; по крайней мере, уже не было нигде слышно таких случаев, чтобы сдёргивали с кого шинели. Впрочем, многие деятельные и заботливые люди никак не хотели успокоиться и поговаривали, что в дальних частях города всё ещё показывался чиновник-мертвец. И точно, один коломенский будочник видел собственными глазами, как показалось из-за одного дома привидение; но, будучи по природе своей несколько бессилён, так что один раз обыкновенный взрослый поросёнок, кинувшись из какого-то частного дома, сшиб его с ног, к величайшему смеху стоявших вокруг извозчиков, с которых он вытребовал за такую издёвку по грошу на табак, — итак, будучи бессилён, он не посмел остановить его, а так шёл за ним в темноте до тех пор, пока наконец привидение вдруг оглянулось и, остановясь, спросило: «Тебе чего хочется?» — и показало такой кулак, какого и у живых не найдёшь. Будочник ска-

зал: «Ничего», — да и поворотил тот же час назад. Привидение, однако же, было уже гораздо выше ростом, носило преогромные усы и, направив шаги, как казалось, к Обухову мосту, скрылось совершенно в ночной темноте.

Размышляем о прочитанном

1. Кто главный герой повести «Шинель»? Каков его характер и образ жизни? Что вы могли бы сказать об отношении автора к герою? Против чего направлена повесть и как в ней раскрывается тема возмездия?
2. Подумайте, каким предстаёт Петербург в повести «Шинель». Проиллюстрируйте отрывками из текста, как Гоголь описывает зиму, ветер, выюгу. Почему они получают символическое значение?

Опыт литературоведческого исследования

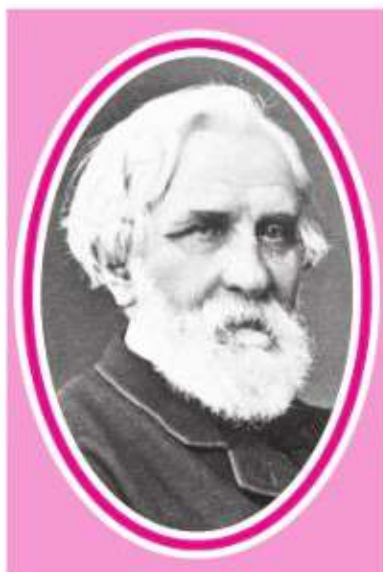
★ В книге «Гоголь в Петербурге» (авторы М. И. Гиллельсон, В. А. Мануйлов, А. Н. Степанов) читаем: «В „Шинели“ и в „Повести о капитане Копейкине“¹ реалистически запечатлён непримиримый социальный контраст Петербурга. Недаром Достоевский писал о последующих русских писателях: „Мы все вышли из „Шинели“ Гоголя“. Тема униженных и оскорблённых, тема забитых и замученных вечной нуждой людей, ютящихся в сырых подвалах петербургских домов, начинает свою родословную в произведениях Пушкина и Гоголя». Как вы понимаете это высказывание учёных? Подтвердите свои мысли примерами из прочитанных произведений или подготовьте собственное рассуждение на эту тему на основе прочитанного (на выбор).

Обогащаем свою речь

Объясните значение слов и словосочетаний и введите их в устное сообщение о Н. В. Гоголе или гоголевских произведениях: *уведомить, инкогнито, представляет себя, врачевание, неприлично, ревизор, человек сведущий, взятки, уволили.*

¹ «Повесть о капитане Копейкине» входит в 10-ю главу поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души». Посредством этой повести автор затрагивает тему взаимоотношений «маленького человека» и верховной власти.

ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

**Иван Сергеевич
Тургенев**

1818—1883

В школьном курсе литературы вы уже неоднократно читали и обсуждали произведения Ивана Сергеевича Тургенева: рассказ «Муму» в пятом классе, «Бежин луг» — в шестом, «Бирюк», «Свидание» и стихотворения в прозе — в седьмом. В восьмом классе мы обратимся к одной из повестей писателя.

Тургенев был мастером психологической прозы: умел убедительно передать тонкие чувства и трудноуловимые душевные движения своих героев. Одним из подобных произведений стала повесть «Первая любовь», которая сейчас предлагается вашему вниманию. Она может представлять интерес художественным и душевным содержанием, потому что герой повести почти что ваш ровесник.

Реальные события, которые легли в основу повести, относятся к началу 1830-х годов. Они близко воспроизводят ситуацию, сложившуюся в этот период в семье Тургеневых и непосредственно коснувшуюся будущего писателя, его матери и отца. И. С. Тургенев долго носил в себе переживания от произошедшей с ним драмы. Он написал и опубликовал повесть лишь в 1860 году, когда его родители уже умерли. По-видимому, он не хотел тревожить их память. Целомудрие останавливало его перо. Всё это свидетельствует о том, что повесть носит отчасти автобиографический характер. Однако её нельзя целиком отнести к мемуарным произведениям, потому что жизненные обстоятельства здесь подверглись воздействию художественного воображения и художественного вымысла.

Повесть «Первая любовь» — глубокое произведение как по степени обрисовки характеров, так и по степени изображения чувств и переживаний её героев и персонажей. Например, некоторые критики восприняли Зинаиду Засекину, одну из главных героинь произведения, «кокетливой, в высшей степени капризной и далеко не нравственной личностью». Сам Тургенев смотрел на свою героиню иначе: «Из всех моих женских типов я более всего доволен Зинаидой в „Первой любви“. В ней мне удалось представить действительное, живое лицо: кокетку по природе, но кокетку действительно привлекательную». Зинаида действительно кокетлива, игрива, но она вовсе не испорченная личность. Её угнетает бедность, но княжна старается быть независимой, свободной и живёт чувствами. И это придаёт драматизм её образу: ради подлинной любви к отцу героя она жертвует и своей судьбой, и юношеской влюблённостью Владимира. В этой коллизии заключена и драма Владимира, чья полудетская влюблённость, «первая любовь», обречена, хотя он этого не понимает, перед силой большой женской любви.

Сложность глубоких душевных переживаний основных героев, в особенности юного Владимира, выражена Тургеневым с той степенью полноты и сочувствия, которая делает повесть писателя и художественно значительной, и в то же время весьма поучительной и полезной.

Авторы учебника надеются, что вопросы и задания, предложенные после текста, помогут вам вникнуть в суть изображённых событий.

Первая любовь

(Отрывки)

Посвящено П. В. Анненкову

Мне было тогда шестнадцать лет. Дело происходило летом 1833 года.

Я жил в Москве у моих родителей. Они нанимали дачу около Калужской заставы, против Нескучного. Я готовился в университет, но работал очень мало и не торопясь.

Никто не стеснял моей свободы. Я делал что хотел, особенно с тех пор, как я расстался с последним моим гувернёром-французом, который никак не мог привыкнуть к мысли, что он упал «как бомба» (*comme un bombe*) в Россию, и с ожесточённым выражением на лице по целым дням валялся на постели. Отец обходился со мной равнодушно-ласково; матушка почти не обращала на меня внимания, хотя у ней, кроме меня, не было детей: другие заботы её поглощали. Мой отец, человек ещё молодой и очень красивый, женился на ней по расчёту; она была старше его десятью годами. Матушка моя вела печальную жизнь: беспрестанно волновалась, ревновала, сердилась — но не

в присутствии отца; она очень его боялась, а он держался строго, холодно, отдалённо... Я не видал человека более изысканно спокойного, самоуверенного и самовластного.

Я никогда не забуду первых недель, проведённых мною на даче. Погода стояла чудесная; мы переехали из города девятого мая, в самый Николин день. Я гулял — то в саду нашей дачи, то по Нескучному, то за заставой; брал с собою какую-нибудь книгу — курс Кайданова¹, например, — но редко её развёртывал, а больше вслух читал стихи, которых знал очень много на память; кровь бродила во мне, и сердце ныло — так сладко и смешно: я всё ждал, робел чего-то и всему дивился и весь был наготове; фантазия играла и носилась быстро вокруг одних и тех же представлений, как на заре стрижи вокруг колокольни; я задумывался, грустил и даже плакал; но и сквозь слёзы и сквозь грусть, навеянную то певучим стихом, то красотой вечера, проступало, как весенняя травка, радостное чувство молодой, закипающей жизни.

У меня была верховая лошадка, я сам её седлал и уезжал один куда-нибудь подальше, пускался вскачь и воображал себя рыцарем на турнире — как весело дул мне в уши ветер! — или, обратив лицо к небу, принимал его сияющий свет и лазурь в развёрстую душу.

Помнится, в то время образ женщины, призрак женской любви почти никогда не возникал определёнными очертаниями в моём уме; но во всём, что я думал, во всём, что я ощущал, таилось полусознанное, стыдливое предчувствие чего-то нового, несказанно сладкого, женского...

Это предчувствие, это ожидание проникло весь мой состав: я дышал им, оно катилось по моим жилам в каждой капле крови... ему было суждено скоро сбыться. <...>

В это мгновенье другая дверь гостиной быстро распахнулась, и на пороге появилась девушка, которую я видел накануне в саду. Она подняла руку, и на лице её мелькнула усмешка.

— А вот и дочь моя, — промолвила княгиня, указав на неё локтем. — Зиночка, сын нашего соседа, господина В. Как вас зовут, позвольте узнать?

— Владимиром, — отвечал я, вставая и пришепётывая от волнения.

— А по батюшке?

— Петровичем. <...>

¹ «Учебная книга всеобщей истории» русского педагога-историка И. К. Кайданова.

Молодая девушка продолжала глядеть на меня с прежней усмешкой, слегка щурясь и склонив голову немного набок.

— Я уже видела мсьё Вольдемара, — начала она. (Серебристый звук её голоса пробежал по мне каким-то сладким холодком.) — Вы мне позволите так называть вас?

— Помилуйте-с, — пролепетал я. <...>

— Вы теперь заняты? — промолвила она, не спуская с меня глаз.

— Никак нет-с.

— Хотите вы мне помочь шерсть распутать? Подите сюда, ко мне.

Она кивнула мне головой и пошла вон из гостиной. Я отправился вслед за ней.

В комнате, куда мы вошли, мебель была немного получше и расставлена с бóльшим вкусом. Впрочем, в это мгновение я почти ничего заметить не мог: я двигался как во сне и ощущал во всём составе своём какое-то до глупости напряжённое благополучие.

Княжна села, достала связку красной шерсти и, указав мне на стул против неё, старательно развязала связку и положила мне её на руки. Всё это она делала молча, с какой-то забавной медлительностью и с той же светлой и лукавой усмешкой на чуть-чуть раскрытых губах. Она начала наматывать шерсть на перегнутую карту и вдруг озарила меня таким ясным и быстрым взглядом, что я невольно потупился. Когда её глаза, большею частью полуприщуренные, открывались во всю величину свою, — её лицо изменялось совершенно: точно свет проливался по нём.

— Что вы подумали обо мне вчера, мсьё Вольдемар? — спросила она погодя немного.

— Я — княжна... я ничего не думал... как я могу... — отвечал я с смущением.

— Послушайте, — возразила она. — Вы меня ещё не знаете; я странная: я хочу, чтоб мне всегда правду говорили. Вам, я слышала, шестнадцать лет, а мне двадцать один: вы видите, я гораздо старше вас, и потому вы всегда должны мне говорить правду... и слушаться меня, — прибавила она. — Глядите на меня — отчего вы на меня не глядите?

Я смутился ещё более, однако поднял на неё глаза. Она улыбнулась, только не прежней, а другой, одобрительной улыбкой.

— Глядите на меня, — промолвила она, ласково понижая голос, — мне это не неприятно... мне ваше лицо нравится; я предчувствую, что мы будем друзьями. А я вам нравлюсь? — прибавила она лукаво.

— Княжна... — начал было я.

— Во-первых, называйте меня Зинаидой Александровной, а во-вторых, что это за привычка у детей (она поправилась) — у молодых людей — не говорить прямо то, что они чувствуют? Это хорошо для взрослых. Ведь я вам нравлюсь?

Хотя мне очень было приятно, что она так откровенно со мной говорила, однако я немного обиделся. Я хотел показать ей, что она имеет дело не с мальчиком, и, приняв по возможности развязный и серьёзный вид, промолвил:

— Конечно, вы очень мне нравитесь, Зинаида Александровна; я не хочу это скрывать. <...>

Мне было хорошо, как рыбе в воде, и я бы век не ушёл из этой комнаты, не покинул бы этого места.

Её веки тихо поднялись, и опять ласково засияли передо мною её светлые глаза — и опять она усмехнулась.

— Как вы на меня смотрите, — медленно проговорила она и погрозила мне пальцем.

Я покраснел... «Она всё понимает, она всё видит, — мелькнуло у меня в голове. — И как ей всего не понимать и не видеть!» <...>

Знакомые шаги раздались за мною: я оглянулся — ко мне своей быстрой и лёгкой походкой шёл отец.

— Это княжна? — спросил он меня.

— Княжна.

— Разве ты её знаешь?

— Я её видел сегодня утром у княгини.

Отец остановился и, круто повернувшись на каблуках, пошёл назад. Поравнявшись с Зинаидой, он вежливо ей поклонился. Она также ему поклонилась, не без некоторого изумления на лице, и опустила книгу. Я видел, как она провожала его глазами. Мой отец всегда одевался очень изящно, своеобразно и просто; но никогда его фигура не показалась мне более стройной, никогда его серая шляпа не сидела красивее на его едва поредевших кудрях.

Я направился было к Зинаиде, но она даже не взглянула на меня, снова приподняла книгу и удалилась. <...>

Игра в фанты продолжалась. Зинаида посадила меня возле себя. Каких не придумывала она штрафов! Ей пришлось, между прочим, представлять «статую» — и она в пьедестал себе выбрала безобразного Нирмацкого, велела ему лечь ничком, да ещё уткнуть лицо в грудь.

Хохот не умолкал ни на мгновение. Мне, уединённо и трезво воспитанному мальчику, выросшему в барском степенном доме, весь этот шум и гам, эта бесцеремонная, почти буйная весёлость, эти небывалые сношения с незнакомыми людьми так и бросились в голову. Я просто опьянел, как от вина. Я стал хохотать и болтать громче других, так что даже старая княгиня, сидевшая в соседней комнате с каким-то приказным от Иверских ворот, позванным для совещания, вышла посмотреть на меня. Но я чувствовал себя до такой степени счастливым, что, как говорится, в ус не дул и в грош не ставил ничьих насмешек и ничьих косых взглядов. Зинаида продолжала оказывать мне предпочтение и не отпускала меня от себя. В одном штрафе мне довелось сидеть с ней рядом, накрывшись одним и тем же шёлковым платком: я должен был сказать ей *свой секрет*. <...> Я молчал. Она улыбалась таинственно и лукаво и наконец шепнула мне: «Ну что же?», а я только краснел, и смеялся, и отворачивался, и едва переводил дух. Фанты наскучили нам, — мы стали играть в верёвочку. Боже мой! какой я почувствовал восторг, когда, зазевавшись, получил от неё сильный и резкий удар по пальцам, и как потом я нарочно старался показывать вид, что зазёвываюсь, а она дразнила меня и не трогала подставляемых рук!

Да то ли мы ещё проделывали в течение этого вечера! Мы и на фортепьяно играли, и пели, и танцевали, и представляли цыганский табор. <...>

Усталый и счастливый до изнеможения, я вышел из флигеля; на прощанье Зинаида мне крепко пожала руку и опять загадочно улыбнулась.

Ночь тяжело и сыро пахнула мне в разгорячённое лицо; казалось, готовилась гроза; чёрные тучи росли и ползли по небу, видимо меняя свои дымные очертания. Ветерок беспокойно содрогался в тёмных деревьях, и где-то далеко за небосклоном, словно про себя, ворчал гром сердито и глухо.

Через заднее крыльцо пробрался я в свою комнату. Дядька мой спал на полу, и мне пришлось перешагнуть через него; он проснулся, увидал меня и доложил, что матушка опять на меня рассердилась и опять хотела послать за мною, но что отец её удержал. (Я никогда не ложился спать, не простившись с матушкой и не испросивши её благословения.) Нечего было делать!

Я сказал дядьке, что разденусь и лягу сам, — и погасил свечку. Но я не разделся и не лёг.

Я присел на стул и долго сидел как очарованный. То, что я ощущал, было так ново и так сладко... Я сидел, чуть-чуть озираясь и не шевелясь, медленно дышал и только по временам то молча смеялся, вспоминая, то внутренне холодел при мысли, что я влюблён, что вот она, вот эта любовь. Лицо Зинаиды тихо плыло передо мною во мраке — плыло и не проплывало; губы её всё так же загадочно улыбались, глаза глядели на меня немного сбоку, вопросительно, задумчиво и нежно... как в то мгновение, когда я расстался с ней. Наконец я встал, на цыпочках подошёл к своей постели и осторожно, не раздеваясь, положил голову на подушку, как бы страшась резким движением потревожить то, чем я был переполнен...

Я лёг, но даже глаз не закрыл. <...>

Странное влияние имел на меня отец — и странные были наши отношения. Он почти не занимался моим воспитанием, но никогда не оскорблял меня; он уважал мою свободу — он даже был, если можно так выразиться, вежлив со мною... Только он не допускал меня до себя. Я любил его, я любовался им, он казался мне образцом мужчины — и, Боже мой, как бы я страстно к нему привязался, если б я постоянно не чувствовал его отклоняющей руки! Зато, когда он хотел, он умел почти мгновенно, одним словом, одним движением возбудить во мне неограниченное доверие к себе. Душа моя раскрывалась — я болтал с ним, как с разумным другом, как с снисходительным наставником... Потом он так же внезапно покидал меня — и рука его опять отклоняла меня, ласково и мягко, но отклоняла.

На него находила иногда весёлость, и тогда он готов был резвиться и шалить со мной, как мальчик (он любил всякое сильное телесное движение); раз — всего только раз! — он приласкал меня с такою нежностью, что я чуть не заплакал... Но и весёлость его и нежность исчезали без следа — и то, что происходило между нами, не давало мне никаких надежд на будущее, точно я всё это во сне видел. Бывало, стану я рассматривать его умное, красивое, светлое лицо... сердце моё задрожит, и всё существо моё устремится к нему... он словно почувствует, что во мне происходит, мимоходом потреплет меня по щеке — и либо уйдёт, либо займётся чем-нибудь, либо вдруг весь застынет, как он один умел застывать, и я тотчас же сожмусь и тоже похолодею. Редкие припадки его расположения ко мне никогда не были вызваны моими безмолвными, но понятными мольбами: они приходили всегда неожиданно. Размышляя впоследствии о характере моего отца, я пришёл к такому заключению, что ему было не до

меня и не до семейной жизни; он любил другое и наслаждался этим другим вполне. «Сам бери, что можешь, а в руки не давайся; самому себе принадлежать — в этом вся штука жизни», — сказал он мне однажды. В другой раз я в качестве молодого демократа пустился в его присутствии рассуждать о свободе (он в тот день был, как я это называл, «добрый»; тогда с ним можно было говорить о чём угодно).

— Свобода, — повторил он, — а знаешь ли ты, что может человеку дать свободу!

— Что?

— Воля, собственная воля, и власть она даст, которая лучше свободы. Умей хотеть — и будешь свободным, и командовать будешь.

Отец мой прежде всего и больше всего хотел жить — и жил... Быть может, он предчувствовал, что ему не придётся долго пользоваться «штукой» жизни: он умер сорока двух лет. <...>

Моя «страсть» началась с того дня. Я, помнится, почувствовал тогда нечто подобное тому, что должен почувствовать человек, поступивший на службу: я уже перестал быть просто молодым мальчиком; я был влюблённый. Я сказал, что с того дня началась моя страсть; я бы мог прибавить, что и страдания мои начались с того же самого дня. Я изнывал в отсутствие Зинаиды: ничего мне на ум не шло, всё из рук валилось, я по целым дням напряжённо думал о ней... Я изнывал... но в её присутствии мне не становилось легче. Я ревновал, я сознавал своё ничтожество, я глупо дулся и глупо раболепствовал — и всё-таки непреодолимая сила влекла меня к ней, и я всякий раз с невольной дрожью счастья переступал порог её комнаты. Сладко быть единственным источником, самовластной и безответной причиной величайших радостей и глубочайшего горя для другого — а я в руках Зинаиды был как мягкий воск. Впрочем, не я один влюбился в неё: все мужчины, посещавшие её дом, были от ней без ума — и она их всех держала на привязи, у своих ног. Её забавляло возбуждать в них то надежды, то опасения, вертеть ими по своей прихоти (это она называла: стукать людей друг о друга) — а они и не думали сопротивляться и охотно покорялись ей. Во всём её существовании, живучем и красивом, была какая-то особенно обаятельная смесь хитрости и беспечности, искусственности и простоты, тишины и резвости; над всем, что она делала, говорила, над каждым её движением носилась тонкая, лёгкая прелесть, во всём сказывалась своеобразная, играющая сила. И лицо её беспрестанно менялось, играло тоже: оно выражало, почти в одно и то же время, — насмешливость, задумчи-

вость и страстность. Разнообразнейшие чувства, лёгкие, быстрые, как тени облаков в солнечный ветреный день, перебегали то и дело по её глазам и губам.

Каждый из её поклонников был ей нужен. <...>

«Я кокетка, я без сердца, я актёрская натура, — сказала она ему [Лушину] однажды в моём присутствии, — а, хорошо! Так подайте ж вашу руку, я воткну в неё булавку, вам будет стыдно этого молодого человека, вам будет больно, а всё-таки вы, господин правдивый человек, извольте смеяться». Лушин покраснел, отворотился, закусил губы, но кончил тем, что подставил руку. Она его уколола, и он точно начал смеяться... и она смеялась, запуская довольно глубоко булавку и заглядывая ему в глаза, которыми он напрасно бегал по сторонам... <...>

— Что вам за охота принимать господина Малевского? — спросил я её однажды.

— А у него такие прекрасные усики, — отвечала она. — Да это не по вашей части.

— Вы не думаете ли, что я его люблю, — сказала она мне в другой раз. — Нет; я таких любить не могу, на которых мне приходится глядеть сверху вниз. Мне надобно такого, который сам бы меня сломил... Да я на такого не наткнулась, Бог милостив! Не попадусь никому в лапы, ни-ни!

— Стало быть, вы никогда не полюбите?

— А вас-то? Разве я вас не люблю? — сказала она и ударила меня по носу концом перчатки.

Да, Зинаида очень потешалась надо мною. В течение трёх недель я её видел каждый день — и чего, чего она со мной не выделяла! <...> Я боялся выдать себя перед матушкой; она очень не благоволила к Зинаиде и неприязненно наблюдала за нами. Отца я не так боялся: он словно не замечал меня, я с ней говорил мало, но как-то особенно умно и значительно. Я перестал работать, читать — я даже перестал гулять по окрестностям, ездить верхом. Как привязанный за ножку жук, я кружился постоянно вокруг любимого флигелька: казалось, остался бы там навсегда... но это было невозможно; матушка ворчала на меня, иногда сама Зинаида меня прогоняла. Тогда я запирался у себя в комнате или уходил на самый конец сада, взбирался на уцелевшую развалину высокой каменной оранжереи и, свесив ноги со стены, выходившей на дорогу, сидел по часам и глядел, глядел, ничего не видя. Возле меня, по запылённой крапиве, лениво

перепархивали белые бабочки; бойкий воробей садился недалеко на полусломанном красном кирпиче и раздражительно чирикал, беспрестанно поворачиваясь всем телом и распутив хвостик; всё ещё недоверчивые вороны изредка каркали, сидя высоко, высоко на обнажённой макушке берёзы; солнце и ветер тихо играли в её жидких ветках; звон колоколов Донского монастыря прилетал по временам, спокойный и унылый — а я сидел, глядел, слухал и наполнялся весь каким-то безымённым ощущением, в котором было всё: и грусть, и радость, и предчувствие будущего, и желание, и страх жизни. Но я тогда ничего этого не понимал и ничего бы не сумел назвать изо всего того, что во мне бродило, или бы назвал это всё одним именем — именем Зинаиды.

А Зинаида всё играла со мной, как кошка с мышью. Она то кокетничала со мной — и я волновался и таял, то она вдруг меня отталкивала — и я не смел приблизиться к ней, не смел взглянуть на неё.

Помнится, она несколько дней сряду была очень холодна со мною, я совсем заробел и, трусливо забегая к ним во флигель, старался держаться около старухи княгини, несмотря на то что она очень бранилась и кричала именно в это время: её вексельные дела шли плохо, и она уже имела два объяснения с квартальным.

Однажды я проходил в саду мимо известного забора — и увидел Зинаиду: подпершись обеими руками, она сидела на траве и не шевелилась. Я хотел было осторожно удалиться, но она внезапно подняла голову и сделала мне повелительный знак. Я замер на месте: я не понял её с первого раза. Она повторила свой знак. Я немедленно перескочил через забор и радостно подбежал к ней; но она остановила меня взглядом и указала мне на дорожку в двух шагах от неё. В смущении, не зная, что делать, я стал на колени на краю дорожки. Она до того была бледна, такая горькая печаль, такая глубокая усталость сказывалась в каждой её черте, что сердце у меня сжалось, и я невольно пробормотал:

— Что с вами?

Зинаида протянула руку, сорвала какую-то травку, укусила её и бросила её прочь, подальше.

— Вы меня очень любите? — спросила она наконец. — Да?

Я ничего не отвечал — да и зачем мне было отвечать?

— Да, — повторила она, по-прежнему глядя на меня. — Это так. Такие же глаза, — прибавила она, задумалась и закрыла лицо руками. — Всё мне опротивело, — прошептала она, — ушла бы я на край

«Первая любовь». Художник Д. Боровский

света, не могу я это вынести, не могу сладить... И что ждёт меня впереди!.. Ах, мне тяжело... Боже мой, как тяжело!

— Отчего? — спросил я робко.

Зинаида мне не отвечала и только пожала плечами. Я продолжал стоять на коленях и с глубоким унынием глядел на неё. Каждое её слово так и врезалось мне в сердце. В это мгновение я, кажется, охотно бы отдал жизнь свою, лишь бы она не горевала. Я глядел на неё — и, всё-таки не понимая, отчего ей было тяжело, живо воображал себе,

как она вдруг, в припадке неудержимой печали, ушла в сад и упала на землю, как подкошенная. Кругом было и светло и зелено; ветер шелестел в листьях деревьев, изредка качая длинную ветку малины над головой Зинаиды. Где-то ворковали голуби — и пчёлы жужжали, низко перелётывая по редкой траве. Сверху ласково синело небо — а мне было так грустно...

— Прочтите мне какие-нибудь стихи, — промолвила вполголоса Зинаида и оперлась на локоть. — Я люблю, когда вы стихи читаете. Вы поёте, но это ничего, это молодо. Прочтите мне «На холмах Грузии». Только сядьте сперва.

Я сел и прочел «На холмах Грузии».

— «Что не любить оно не может», — повторила Зинаида. — Вот чем поэзия хороша: она говорит нам то, чего нет и что не только лучше того, что есть, но даже больше похоже на правду... Что не любить оно не может — и хотело бы, да не может! — Она опять умолкла и вдруг встрепенулась и встала. — Пойдёмте. <...>

Настоящие мои терзания начались с того мгновения. Я ломал себе голову, раздумывал, передумывал — и неотступно, хотя по мере возможности скрытно, наблюдал за Зинаидой. В ней произошла перемена — это было очевидно. Она уходила гулять одна и гуляла долго. Иногда она гостям не показывалась; по целым часам сидела у себя в комнате. Прежде этого за ней не водилось. Я вдруг сделался — или мне показалось, что я сделался — чрезвычайно проницателен. «Не он ли? или уж не он ли?» — спрашивал я самого себя, тревожно перебегая мыслью от одного её поклонника к другому. <...>

Дни проходили. Зинаида становилась всё странней, всё непонятней. Однажды я вошёл к ней и увидел её сидящей на соломенном стуле, с головой, прижатой к острому краю стола. Она выпрямилась... всё лицо её было обито слезами.

— А! вы! — сказала она с жестокой усмешкой. — Подите-ка сюда.

Я подошёл к ней: она положила мне руку на голову и, внезапно ухватив меня за волосы, начала крутить их.

— Больно... — проговорил я наконец.

— А! больно! а мне не больно? не больно? — повторила она.

— Ай — вскрикнула она вдруг, увидав, что выдернула у меня маленькую прядь волос. — Что это я сделала? Бедный мсьё Вольдемар!

Она осторожно расправила вырванные волосы, обмотала их вокруг пальца и свернула их в колечко.

— Я ваши волосы к себе в медальон положу и носить их буду, — сказала она, а у самой на глазах всё блестели слёзы. — Это вас, быть может, утешит немного... а теперь прощайте. <...>

Внизу, по дороге, в лёгком сереньком платье, с розовым зонтиком на плече, поспешно шла Зинаида. Она увидела меня, остановилась и, откинув край соломенной шляпы, подняла на меня свои бархатные глаза.

— Что это вы делаете там, на такой вышине? — спросила она меня с какой-то странной улыбкой. — Вот, — продолжала она, — вы всё уверяете, что вы меня любите, — спрыгните ко мне на дорогу, если вы действительно любите меня.

Не успела Зинаида произнести эти слова, как я уже летел вниз, точно кто подтолкнул меня сзади. В стене было около двух сажен вышины. Я пришёлся о землю ногами, но толчок был так силен, что я не мог удержаться: я упал и на мгновенье лишился сознания. Когда я пришёл в себя, я, не раскрывая глаз, почувствовал возле себя Зинаиду.

— Милый мой мальчик, — говорила она, наклонясь надо мною, и в голосе её звучала встревоженная нежность, — как мог ты это сделать, как мог ты послушаться... Ведь я люблю тебя... встань.

Её грудь дышала возле моей, её руки прикасались моей голове, и вдруг — что случилось со мной тогда! — её мягкие, свежие губы начали покрывать всё моё лицо поцелуями... они коснулись моих губ... Но тут Зинаида, вероятно, догадалась, по выражению моего лица, что я уже пришёл в себя, хотя я всё глаз не раскрывал, — и, быстро приподнявшись, промолвила:

— Ну вставайте, шалун безумный; что это вы лежите в пыли?

Я поднялся.

— Подайте мне мой зонтик, — сказала Зинаида, — вишь, я его куда бросила; да не смотрите на меня так... что за глупости? Вы не ушиблись? чай, обожглись в крапиве? Говорят вам, не смотрите на меня... Да он ничего не понимает, не отвечает, — прибавила она, словно про себя. — Ступайте домой, мсьё Вольдемар, почиститесь, да не смейте идти за мной — а то я рассержусь, и уже больше никогда...

Она не договорила своей речи и проворно удалилась, а я присел на дорогу... ноги меня не держали. Крапива обожгла мне руки, спина ныла, и голова кружилась, но чувство блаженства, которое я испытал

тогда, уже не повторилось в моей жизни. Оно стояло сладкой болью во всех моих членах и разрешилось наконец восторженными прыжками и восклицаниями. Точно: я был ещё ребёнок. <...>

На следующее утро я встал рано, вырезал себе палку и отправился за заставу. Пойду, мол, размыкаю своё горе. День был прекрасный, светлый и не слишком жаркий; весёлый, свежий ветер гулял над землею и в меру шумел и играл, всё шевеля и ничего не тревожа. Я долго бродил по горам, по лесам; я не чувствовал себя счастливым, я вышел из дому с намерением предаться унынию, но молодость, прекрасная погода, свежий воздух, потеха быстрой ходьбы, нега уединённого лежания на густой траве — взяли своё: воспоминание о тех незабвенных словах, о тех поцелуях опять втеснилось мне в душу. Мне приятно было думать, что Зинаида не может, однако, не отдать справедливости моей решимости, моему героизму... «Другие для неё лучше меня, — думал я, — пускай! Зато другие только скажут, что сделают, а я сделал! И то ли я в состоянии ещё сделать для неё!..» Воображение моё заиграло. Я начал представлять себе, как я буду спасать её из рук неприятелей, как я, весь облитый кровью, исторгну её из темницы, как умру у её ног. Я вспомнил картину, висевшую у нас в гостиной: Малек-Аделя, уносящего Матильду¹... <...>

Глухой стук лошадиных копыт раздался за мною. Я оглянулся, невольно остановился и снял фуражку: я увидел моего отца и Зинаиду. Они ехали рядом. Отец говорил ей что-то, перегнувшись к ней всем станом и опершись рукою на шею лошади; он улыбался. Зинаида слушала его молча, строго опустив глаза и сжавши губы. Я сперва увидал их одних; только через несколько мгновений, из-за поворота долины, показался Беловзоров в гусарском мундире с ментиком, на опененном вороном коне. Добрый конь мотал головою, фыркал и плясал: всадник и сдерживал его и шпорил. Я посторонился. Отец подобрал поводья, отклонился от Зинаиды, она медленно подняла на него глаза — и оба поскакали... Беловзоров промчался вслед за ними, гремя саблей. «Он красен как рак, — подумал я, — а она... Отчего она такая бледная? ездил верхом целое утро — и бледная?» <...>

Меня Зинаида избегала: моё появление — я не мог этого не заметить — производило на неё впечатление неприятное. Она неволь-

¹ *Малек Адель* — герой романа французской писательницы М. Коттен «Матильда, или Записки, взятые из истории крестовых походов».

но отворачивалась от меня... невольно; вот что было горько, вот что меня сокрушало! Но делать было нечего — и я старался не попадаться ей на глаза и лишь издали её подкарауливал, что не всегда мне удавалось. Особенно поразила меня происшедшая в ней перемена в один тёплый, тихий вечер. Я сидел на низенькой скамеечке под широким кустом бузины; я любил это местечко: оттуда было видно окно Зинаидиной комнаты. Я сидел; над моей головой в потемневшей листве хлопотливо ворошилась маленькая птичка; серая кошка, вытянув спину, осторожно кралась в сад, и первые жуки тяжело гудели в воздухе, ещё прозрачном, хотя уже не светлом. Я сидел и смотрел на окно — и ждал, не откроется ли оно: точно — оно отворилось, и в нём появилась Зинаида. На ней было белое платье — и сама она, её лицо, плечи, руки были бледны до белизны. Она долго осталась неподвижной и долго глядела неподвижно и прямо из-под сдвинутых бровей. Я и не знал за ней такого взгляда. Потом она стиснула руки, крепко-крепко, поднесла их к губам, ко лбу — и вдруг, раздёрнув пальцы, откинула волосы от ушей, встряхнула ими и, с какой-то решительностью кивнув сверху вниз головой, захлопнула окно.

Дня три спустя она встретила меня в саду. Я хотел уклониться в сторону, но она сама меня остановила.

— Дайте мне руку, — сказала она мне с прежней лаской, — мы давно с вами не болтали.

Я взглянул на неё: глаза её тихо светились и лицо улыбалось, точно сквозь дымку.

— Вы всё ещё нездоровы? — спросил я её.

— Нет, теперь всё прошло, — отвечала она и сорвала небольшую красную розу. — Я немножко устала, но и это пройдёт.

— И вы опять будете такая же, как прежде? — спросил я. Зинаида поднесла розу к лицу — и мне показалось, как будто отблеск ярких лепестков упал ей на щёки.

— Разве я изменилась? — спросила она меня.

— Да, изменились, — ответил я вполголоса.

— Я с вами была холодна — я знаю, — начала Зинаида, — но вы не должны были обращать на это внимания... Я не могла иначе... Ну, да что об этом говорить!

— Вы не хотите, чтоб я любил вас, вот что! — воскликнул я мрачно, с невольным порывом.

— Нет, любите меня — но не так, как прежде.

— Как же?

— Будемте друзьями — вот как! — Зинаида дала мне понюхать розу. — Послушайте, ведь я гораздо старше вас — я могла бы быть вашей тётушкой, право; ну, не тётушкой, старшей сестрой. А вы...

— Я для вас ребёнок, — перебил я её.

— Ну да, ребёнок, но милый, хороший, умный, которого я очень люблю. Знаете ли что? Я вас с нынешнего же дня жалую к себе в пажи; а вы не забывайте, что пажи не должны отлучаться от своих госпож. Вот вам знак вашего нового достоинства, — прибавила она, вдевая розу в петлю моей курточки, — знак нашей к вам милости.

— Я от вас прежде получал другие милости, — пробормотал я.

— А! — промолвила Зинаида и сбоку посмотрела на меня. — Какая у него память! Что ж! я и теперь готова...

И, склонившись ко мне, она напечатлела мне на лоб чистый, спокойный поцелуй.

Я только посмотрел на неё, а она отвернулась и, сказавши: «Ступайте за мной, мой паж», — пошла к флигелю. Я отправился вслед за нею — и всё недоумевал. «Неужели, — думал я, — эта кроткая, рассудительная девушка — та самая Зинаида, которую я знал?» И походка её мне казалась тише — вся её фигура величественнее и стройней...

И Боже мой! с какой новой силой разгоралась во мне любовь! <...>

«Авантюрьерка»¹, — сказала про неё однажды моя мать. Авантюрьерка — она, мой идол, моё божество! Это название жгло меня, я старался уйти от него в подушку, я негодовал — и в то же время, на что бы я не согласился, чего бы я не дал, чтобы только быть тем счастливецом у фонтана!

Кровь во мне разгорелась и расходилась. «Сад... фонтан... — подумал я. Пойду-ка я в сад». Я проворно оделся и выскользнул из дому. Ночь была темна, деревья чуть шептали; с неба падал тихий холодок, от огорода тянуло запахом укропа. Я обошёл все аллеи; лёгкий звук моих шагов меня и смущал и бодрил; я останавливался, ждал и слушал, как стучало моё сердце — крупно и скоро. Наконец, я приблизился к забору и оперся на тонкую жердь. Вдруг — или это мне почудилось? — в нескольких шагах от меня промелькнула женская фигура... Я усиленно устремил взор в темноту — я притаил дыхание. Что это? Шаги ли мне слышатся — или это опять стучит моё сердце? «Кто здесь?» — пролепетал я едва внятно. Что это опять? Подавлен-

¹ От франц. *aventurière* — авантюристка, искательница приключений.

ный ли смех?... или шорох в листьях... или вздох над самым ухом? Мне стало страшно. «Кто здесь?» — повторил я ещё тише.

Воздух заструился на мгновение; по небу сверкнула огненная полоска: звезда покатила. «Зинаида?» — хотел спросить я, но звук замер у меня на губах. И вдруг всё стало глубоко безмолвно кругом, как это часто бывает в середине ночи... Даже кузнечики перестали трещать в деревьях — только окошко где-то звякнуло. Я постоял, постоял и вернулся в свою комнату, к своей простывшей постели. Я чувствовал странное волнение: точно я ходил на свидание — и остался одиноким и прошёл мимо чужого счастья. <...>

Кровь бросилась мне в голову. «А! вот что! — сказал я самому себе, — добро! Стало быть, мои вчерашние предчувствия были справедливы! Стало быть, меня недаром тянуло в сад! Так не бывать же этому!» — воскликнул я громко и ударил кулаком себя в грудь, хотя я, собственно, и не знал — чему не бывать. <...>

Я вернулся к себе в комнату, достал из письменного стола недавно купленный английский ножик, пощупал остриё лезвия и, нахмутив брови, с холодной и сосредоточенной решительностью сунул его себе в карман, точно мне такие дела делать было не в диво и не впервой. Сердце во мне злобно приподнялось и окаменело; я до самой ночи не раздвинул бровей и не разжал губ и то и дело похаживал взад и вперёд, стискивая рукою в кармане разогревшийся нож и заранее приготавливаясь к чему-то страшному. Эти новые, небывалые ощущения до того занимали и даже веселили меня, что собственно о Зинаиде я мало думал. Мне всё мерещились: Алеко, молодой цыган — «Куда, красавец молодой? — Лежи...», а потом: «Ты весь обрызган кровью!.. О, что ты сделал?..» — «Ничего!» С какой жестокой улыбкой я повторял это: ничего! <...>

Пробило одиннадцать часов; я ушёл к себе, но не раздевался, я выжидал полночи; наконец пробил и она. «Пора!» — шепнул я сквозь зубы и, застегнувшись доверху, засучив даже рукава, отправился в сад.

Я уже заранее выбрал себе место, где караулить. На конце сада, там, где забор, разделявший наши и засекинские владения, упирался в общую стену, росла одинокая ель. Стоя под её низкими, густыми ветвями, я мог хорошо видеть, насколько позволяла ночная темнота, что происходило вокруг; тут же вилась дорожка, которая мне всегда казалась таинственной: она змеей проползала под забором, носившим в этом месте следы перелезавших ног, и вела к круглой беседке из

сплошных акаций. Я добрался до ели, прислонился к её стволу и начал караулить.

Ночь стояла такая же тихая, как и накануне; но на небе было меньше туч — и очертанья кустов, даже высоких цветов, яснее виднелись. Первые мгновенья ожидания были томительны, почти страшны. Я на всё решился, я только соображал: как мне поступить? Загреметь ли: «Куда идёшь? Стой! сознайся — или смерть!» — или просто поразить... Каждый звук, каждый шорох и шелест казался мне значительным, необычайным... Я готовился... Я наклонился вперёд... Но прошло полчаса, прошёл час; кровь моя утихала, холодела; сознание, что я напрасно всё это делаю, что я даже несколько смешон, что Малевский подшутил надо мною, — начало прокрадываться мне в душу. Я покинул мою засаду и обошёл весь сад. Как нарочно, нигде не было слышно малейшего шума; всё покоилось; даже собака наша спала, свернувшись в клубочек у калитки. Я взобрался на развалину оранжереи, увидел пред собою далёкое поле, вспомнил встречу с Зинаидой и задумался...

Я вздрогнул... Мне почудился скрип отворявшейся двери, потом лёгкий треск переломанного сучка. Я в два прыжка спустился с развалины — и замер на месте. Быстрые, лёгкие, но осторожные шаги явственно раздавались в саду. Они приближались ко мне. «Вот он... Вот он, наконец!» — промчалось у меня по сердцу. Я судорожно выдернул нож из кармана, судорожно раскрыл его — какие-то красные искры закрутились у меня в глазах, от страха и злости на голове зашевелились волосы... Шаги направлялись прямо на меня — я сгибался, я тянулся им навстречу... Показался человек... Боже мой! это был мой отец! <...>

Слёзы мои хлынули с такой силой, что она испугалась.

— Что с вами? что с вами, Володя? — твердила она и, видя, что я не отвечаю ей и не перестаю плакать, вздумала было поцеловать мою мокрую щёку.

Но я отвернулся от неё и прошептал сквозь рыдания:

— Я всё знаю; зачем же вы играли мною?.. На что вам нужна была моя любовь?

— Я виновата перед вами, Володя... — промолвила Зинаида. — Ах, я очень виновата... — прибавила она и стиснула руки. — Сколько во мне дурного, тёмного, грешного... Но я теперь не играю вами, я вас люблю — вы и не подозреваете, почему и как... Однако что же вы знаете?

Что мог я сказать ей? Она стояла передо мною и глядела на меня — а я принадлежал ей весь, с головы до ног, как только она на меня глядела... Четверть часа спустя я уже бегал с кадетом и с Зинаидой взапуски; я не плакал, я смеялся, хотя набухшие веки от смеха роняли слёзы; у меня на шее, вместо галстучка, была повязана лента Зинаиды, и я закричал от радости, когда мне удалось поймать её за талию. Она делала со мной всё, что хотела. <...>

— Я пришёл с вами проститься, княжна, — отвечал я, — вероятно, навсегда. Вы, может быть, слышали — мы уезжаем.

Зинаида пристально посмотрела на меня.

— Да, я слышала. Спасибо, что пришли. Я уже думала, что не увижу вас. Не поминайте меня лихом. Я иногда мучила вас; но всё-таки я не такая, какою вы меня воображаете.

Она отвернулась и прислонилась к окну.

— Право, я не такая. Я знаю, вы обо мне дурного мнения.

— Я?

— Да, вы... вы.

— Я? — повторил я горестно, и сердце у меня задрожало по-прежнему под влиянием неотразимого, невыразимого обаяния. — Я? Поверьте, Зинаида Александровна, что бы вы ни сделали, как бы вы ни мучили меня, я буду любить и обожать вас до конца дней моих. <...>

Но я напрасно клевету на себя. И тогда, в то легкомысленное молодое время, я не остался глух на печальный голос, воззавший ко мне, на торжественный звук, долетевший до меня из-за могилы. Помнится, несколько дней спустя после того дня, когда я узнал о смерти Зинаиды, я сам, по собственному неотразимому влечению, присутствовал при смерти одной бедной старушки, жившей в одном с нами доме. Покрытая лохмотьями, на жёстких досках, с мешком под головою, она трудно и тяжело кончалась. Вся жизнь её прошла в горькой борьбе с ежедневной нуждою; не видела она радости, не вкушала от мёду счастья — казалось, как бы ей не обрадоваться смерти, её свободе, её покою? А между тем пока её ветхое тело ещё упорствовало, пока грудь ещё мучительно вздымалась под налёгшей на неё леденящей рукою, пока её не покинули последние силы, — старушка всё крестилась и всё шептала: «Господи, отпусти мне грехи мои», — и только с последней искрой сознания исчезло в её глазах выражение страха и ужаса кончины. И помню я, что тут, у одра этой бедной старушки, мне стало страшно за Зинаиду, и захотелось мне помолиться за неё, за отца — и за себя.

Размышляем о прочитанном

1. **Публичное выступление.** Насколько вам показались психологически точными описанные писателем состояния и переживания юного героя? Попробуйте рассказать о том, как зарождались, развивались чувства Владимира к Зинаиде, какие взлёты и падения они претерпевали. Свой ответ подтвердите цитатами из текста повести.
2. Как относилась княжна к окружающим её поклонникам? Какие эпизоды наглядно демонстрируют это отношение?
3. Что вы можете сказать об отношении Зинаиды к герою повести? О чём говорит присвоение ему звания пажа?
4. Зинаида просит Владимира прочитать стихотворение А. С. Пушкина «На холмах Грузии лежит ночная мгла...». Как вы думаете, о каком состоянии Зинаиды свидетельствует эта просьба? Что в пушкинском стихотворении было созвучно с чувствами Зинаиды в тот момент?
5. Изменилось ли отношение Владимира к княжне после того, как он узнал о её любви к отцу?
6. С какими чувствами вспоминает об этой истории герой годы спустя, после смерти и отца, и Зинаиды?

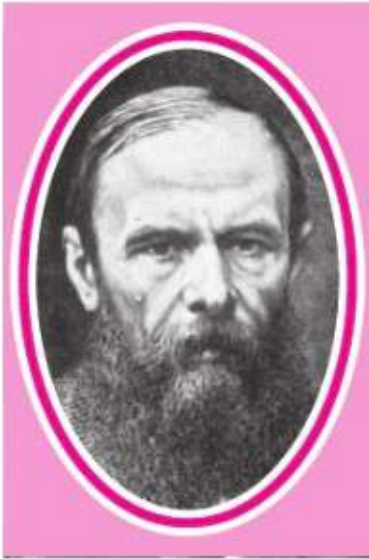
Творческое задание

Работа в группе. Повесть «Первая любовь» неоднократно экранизирована отечественными и зарубежными мастерами кино.

В 1968 году был снят фильм режиссёром В. Ордынским с В. Власовым, И. Печерниковой и И. Смоктуновским в главных ролях.

В 1995 году «Первую любовь» снял Р. Балаян с А. Ищенко, А. Михалковой, А. Баталовым, М. Неёловой.

Постарайтесь посмотреть один из этих фильмов и написать отзыв об игре актёров. Обсудите с одноклассниками ваши отзывы.

Фёдор Михайлович ДОСТОЕВСКИЙ

1821—1881

Фёдор Михайлович Достоевский родился в семье врача больницы для бедных. «Я, — писал Достоевский, — происходил из семейства русского и благочестивого». По словам писателя, он был окружён родительской любовью. В раннем детстве он уже был знаком с Евангелием и — по Карамзину — с русской историей.

Учился Достоевский в московских частных пансионах, затем уехал в Петербург, поступил в Главное инженерное училище, которое готовило военных инженеров. По окончании служил в инженерном департаменте, но через год оставил должность и решил стать литератором.

В 1845 году Ф. М. Достоевский закончил роман «Бедные люди», который принёс автору большой успех. Все заговорили о новом писательском даровании. Писатель познакомился с молодыми талантливыми литераторами — И. С. Тургеневым, Н. А. Некрасовым, которые группировались вокруг критика В. Г. Белинского. Однако уже следующее произведение Достоевского — повесть «Двойник» — вызвало критику Белинского.

Итогом раннего творчества писателя стали необычайно поэтичные и художественно тонкие повести — «Белые ночи» и «Неточка Незванова».

В «**Белых ночах**» выведен молодой герой-мечтатель, впечатлительный, сентиментальный, добрый и необычайно одинокий. Единственный его друг — Петербург. Несмотря на уединение, герой духовно богат. Чтение книг распаляет его фантазию, в его голове благодаря воображению и мечтам возникают романы. Однажды на одной из петербургских улиц он спасает девушку от преследования неизвестного. Незнакомка оказалась сиротой. Настенька по натуре весёлая, жизнерадостная девушка. Герои исповедуются друг другу. Мечтатель рассказывает Настеньке о своих снах, необычных, воображаемых мирах, которые кажутся ему прекраснее действительности. Влюбившись в Настеньку, герой

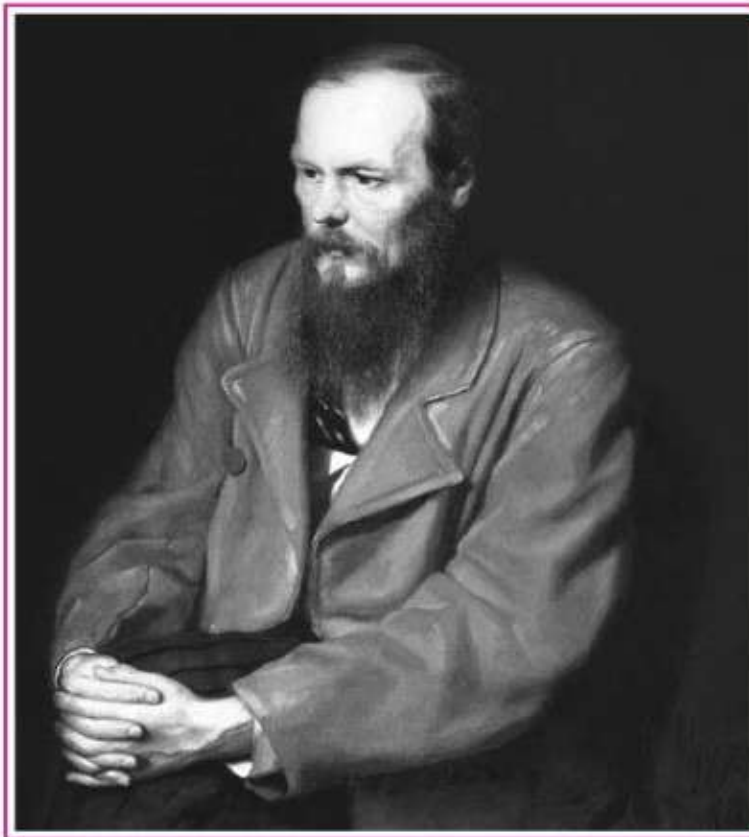
открывает, что живёт он не настоящей жизнью, а выдуманной. Кажется, что душа его устремляется навстречу живой жизни. Но длится это недолго. Настенька и мечтатель решают пожениться, но появляется прежний возлюбленный Настеньки, а мечтатель остаётся один. Он не обижается и благодарит судьбу за подаренное ему счастье. Настя уходит в жизнь, к людям, порывая с уединением. Мечтатель вновь погружается в мир фантазий.

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И СОВРЕМЕННОСТИ

В 1872 году В. Г. Перов написал известный портрет Ф. М. Достоевского. Жена писателя, А. Г. Достоевская, была довольна портретом: художнику удалось уловить «минуту творчества».

Достоевский сидит, казалось бы, спокойно, обхватив сплетёнными пальцами рук колени, «смотрит в себя», и всё же от портрета остаётся впечатление огромной внутренней энергии. Высокий лоб, нахмуренные брови передают духовное напряжение, всё выражение лица говорит о непрерывной деятельности мысли и движении чувства.

Да, уловлена «минута творчества», и Перов великолепно показал, что этим творчеством, раздумьем, исканием писатель охвачен весь.

Ф. М. Достоевский. Художник В. Перов. 1872 г.
Государственная Третьяковская галерея, Москва

Через год Достоевский в «Дневнике писателя» доказывал, что художник должен дать «поболее ходу идее».

«Портретист усаживает, например, субъекта, чтобы снять с него портрет, готовится, вглядывается. Почему он это делает? А потому, что он знает на практике, что человек не всегда на себя похож, а потому и отыскивает „главную идею его физиономии“, тот момент, когда субъект наиболее на себя похож. В умении приискать и захватить этот момент и состоит дар портретиста».

Человек «наиболее на себя похож» тогда, когда всего полнее выражены «главная идея» его личности, своеобразие его представлений, взглядов, целей, характера, образа действий.

Достоевский рано столкнулся с фантастической нуждой, приниженностью и незащищённостью человека. Мариинская больница, где врачевал его отец и где во флигеле жила семья Достоевских, была заведением «для бедных». Отец писателя, М. А. Достоевский, разночинец, выслуживший дворянство, но не наживший богатства, постоянно говорил сыновьям, как вспоминает брат писателя, А. М. Достоевский, что они «должны готовиться пробивать сами себе дорогу, что со смертью его они станут нищими». Над семьёй постоянно витал страх оказаться в сетях нужды, образы которой окружали благополучную пока квартирку лекаря в больничном флигельке.

Стремясь вырваться из-под власти этой угрозы, обеспечить будущее детей, М. А. Достоевский купил в 1831 году небольшое имение в Тульской губернии, под Зарайском. С этим имением были связаны светлые воспоминания — там семья Достоевских проводила летние месяцы, отдыхая на лоне природы от городской жизни.

Оставшись сиротой, без средств, в обстановке муштры, придирок, самодурства в Главном инженерном училище, Ф. М. Достоевский несколько лет отдал делу, которое не любил, наукам, которыми тяготился. В училище, как вспоминает Д. В. Григорович, «над головой каждого висел дамоклов меч строгости, взыскательности самой придирчивой... За самый невинный проступок — растёгнутый воротник или пуговицу — отправляли в карцер или ставили у дверей на часы с ранцем на спине».

Настоящую нужду Достоевский узнал позднее, после смерти отца, окончания Главного инженерного училища и решения выйти в отставку. Для него это было нелёгкое решение. Всей душой он был привязан к литературе. Обучение в Инженерном училище, а потом служба в чертёжном управлении тяготили его. Бросить службу, уйти в отставку, не заняв ещё никакого места в литературном мире, без профессии, без средств — значило проявить решимость и готовность к встрече с большими трудностями неустроенной, необеспеченной жизни. К тому же и его родня, люди, которые хоть немного поддерживали его, не одобряли такого «опрометчивого» шага.

Достоевский сделал выбор. Он часто сидел без рубля; из одной комнаты «от жильцов» переезжал в другую; набирал денег займы, ставя себя в кабальную зависимость от ростовщиков; когда же у него появлялись деньги, тратил их с поразительной быстротой. Он хлебнул унижительной, полуголодной жизни того бедного петербургского служилого люда, мещан, мелких чиновников, тех обитателей углов и чердаков, которые затем и предстанут на страницах его произведений. В словах главного героя романа «Преступление и наказание» Родиона Раскольникова: «Низкие потолки и тесные комнаты душу и ум теснят» — чувствуется пережитое самим автором.

Достоевский увидел остроту социальных контрастов в этом мире — «со всеми жильцами его, сильными и слабыми, со всеми жилищами его, приютами нищих или раззолоченными палатами». Он познал недобрую силу обитателей раззолоченных палат, гнетущую силу денег и власти, служащей деньгам. Позднее, на каторге¹, Достоевский столкнулся с ещё более страшным, бездонным морем страдания и бесправия. Но он почувствовал не только угнетающую тяжесть жизни униженных и оскорблённых, но и духовную силу простых, сердечных людей, которые и в тёмных закоулках столичных трущоб, и за стенами «мёртвого дома» сохранили и разум, и отзывчивость, и веру в человека.

Воспоминания о Достоевском, письма писателя являются своеобразным комментарием к произведениям его, рисуя трагедию «бедных», «маленьких» людей.

Весть о смерти Пушкина дошла до семейства Достоевских вскоре после смерти матери, и А. М. Достоевский рассказывает, что «братья чуть с ума не сходили, услышав об этой смерти и о всех подробностях её. Брат Фёдор в разговоре со старшим братом несколько раз повторял, что ежели бы у нас не было семейного траура, то он просил бы позволения отца носить траур по Пушкину». Пушкин стал спутником писателя — с детских лет до последних дней жизни.

Как говорил Страхов, Достоевский не только воспитался на Пушкине и Гоголе, но и постоянно ими питался.

Доктор Яновский вспоминает, что Пушкина и Гоголя Достоевский *«ставил выше всех и часто, заговорив о том или другом из них, цитировал из их сочинений на память целые сцены или главы. <...> Гоголя Фёдор Михайлович никогда не уставал читать и нередко читал его вслух, объясняя и толкуя до мелочей. Когда же он читал „Мёртвые души“, то почти каждый раз, закрывая книгу, восклицал: „Какой великий учитель для всех русских, а для нашего брата писателя в особенности! Вот так настольная книга! Вы её, батюшка, читайте каждый день понемножку, ну хоть по одной главе, а чи-*

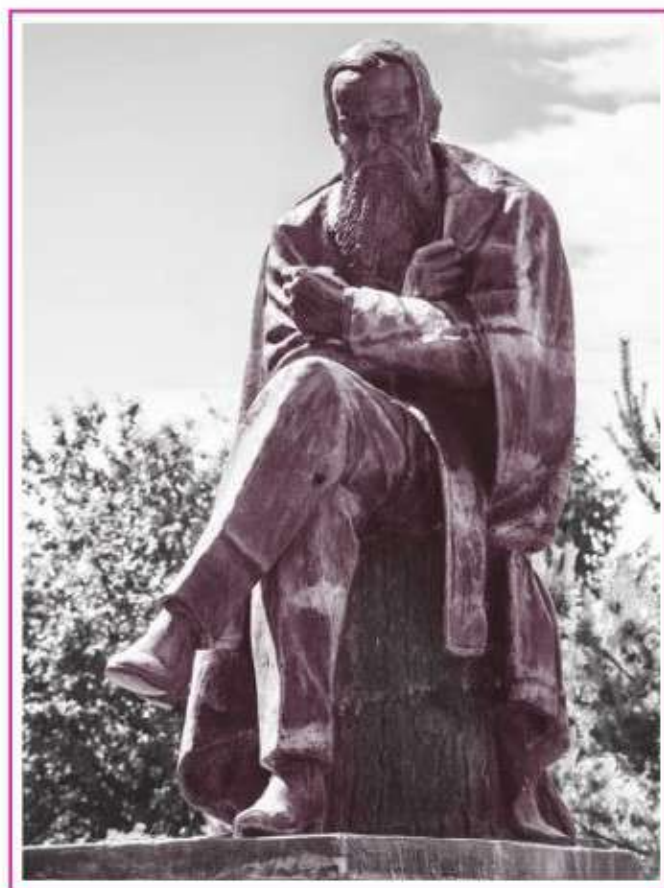
¹ Ф. М. Достоевский был приговорён к каторжным работам за участие в деятельности кружка М. В. Петрашевского, выступавшего за освобождение крестьян с землёй, изменение судебной системы. Писатель провёл на каторге с 1850 по 1854 год.

тайте; ведь у каждого из нас есть и патока Манилова, и дерзость Ноздрёва, и аляповатая неловкость Собакевича, и всякие глупости и пороки“».

Достоевский не раз говорил о глубине проникновения Гоголя в тайны характеров и отношений людей; он восхищался его силой разоблачения пошлости и низости и умением сделать «ужасную трагедию» из пропавшей у чиновника шинели, пробудить любовь к «маленькому человеку». Позднее писатель скажет, что произведения Гоголя «давят ум глубочайшими, непосильными вопросами, вызывают в русском уме самые беспокойные мысли».

Вспоминая годы своего духовного формирования, Достоевский писал о демонах сомнения и отрицания, о Гоголе и Лермонтове, которые сопровождали духовные искания молодых людей того времени.

Пушкин, Гоголь, Лермонтов учили понимать значение будничных трагедий, подстерегавших человека в обыденной жизни, — трагедий, страшных именно своею будничностью и незаметностью, и не мириться с тем злым и уродливым, что окружает человека. Они оказали огромное влияние на формирование Достоевского как гражданина и писателя. Напряжённо всма-

Памятник Ф. М. Достоевскому в Старой Руссе.
Скульптор В. Клыков

триваясь в жизнь своей страны, изучая её не в парадном, а в повседневном обличье, он усваивал опыт родной литературы. Ему случалось, особенно в поздние годы, толковать наследие своих предшественников, выделяя в нём призыв к «смирению», «отказу от гордости». Всё лучшее в творчестве писателя есть развитие и обогащение передовых традиций великой русской литературы.

Знакомые Достоевского, его товарищи по Инженерному училищу рассказывают, что будущий писатель пристально следил и за литературой зарубежной.

Фёдору Михайловичу было девять лет, когда он увидел на сцене шиллеровских «Разбойников», и с этого дня началось его увлечение благородными и романтическими героями Шиллера, сыгравшего такую роль в его духовном самоопределении.

С пристальным интересом читал Достоевский Шекспира, Сервантеса, Гофмана, Диккенса.

Из французских писателей особенно полюбились Достоевскому Бальзак, Жорж Санд и Виктор Гюго. Это подтверждается и собственными свидетельствами писателя: «Бальзак велик!» Узнав о смерти Жорж Санд, Достоевский вспоминал в «Дневнике писателя» за 1876 год:

«Сколько взял этот поэт в своё время моих восторгов, поклонений и сколько дал мне когда-то радостей, счастья!»;

«Я думаю, так же, как и меня, ещё юношу, всех поразила тогда эта целомудренная, высочайшая чистота типов и идеалов и скромная прелесть строгого, сдержанного тона рассказа...».

Близкую ему самому идею «восстановления падшего человека» находил Достоевский в творчестве Гюго.

Великие писатели Запада укрепляли освободительные стремления, веру в человека, помогали лучше и глубже понять человеческое общество, вдохновляли на борьбу против общественной несправедливости.

Пушкин, Гоголь, Шиллер, Жорж Санд укрепили в сознании Достоевского уверенность в значении творчества поэта для народа.

«Я... всегда верил в силу гуманного, эстетически выраженного впечатления, — писал он. — Впечатления мало-помалу накапливаются, пробивают с развитием сердечную кору, проникают в самое сердце и формируют человека. Слово, слово — великое дело!»

Одним из самых любимых поэтических произведений Достоевского был пушкинский «Пророк». Незадолго до смерти писатель читал это стихотворение на пушкинских торжествах в Москве; ему было близко проповедническое понимание назначения писателя:

...обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей... —

эти строки он читал особенно взволнованно и страстно.

«Да вы понимаете ль сами-то... что это вы написали! — воскликнул Белинский при первой же встрече с Достоевским. — Осмыслили ли вы сами-то всю эту страшную правду, на которую вы нам указали?»

В самом деле, картины, созданные Достоевским, имели объективное содержание, которое в полной мере не было ясно и самому автору.

М. Горький определил место его в жизни русского общества:

«Должен был явиться человек, который воплотил бы в своей душе память о всех этих муках людских и отразил эту страшную память, — этот человек Достоевский».

*По статье В. Рюрикова в книге
«Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников»*

Проверьте себя

1. Что возмущало Ф. М. Достоевского и от чего страдал он в юные годы?
2. Какое влияние оказывали на Ф. М. Достоевского русские и зарубежные писатели, по его собственным воспоминаниям?
3. В чём смысл высказываний о Ф. М. Достоевском В. Г. Белинского и М. Горького?

Литература и другие виды искусства

Рассмотрите портрет Ф. М. Достоевского кисти В. Г. Перова. Отвечает ли он требованиям самого портретируемого? Отыскал ли художник «главную идею... физиономии» великого писателя? Подготовьте развёрнутый устный ответ на этот вопрос.

В творческой лаборатории Ф. М. Достоевского

В процессе создания произведения весь центр тяжести Ф. М. Достоевским был перенесён на первоначальные творческие искания. Он был всегда во власти каких-то огромных творческих бурь. Главный творческий процесс заключается в том выборе, какой сделать предстояло мастеру среди множества образов, идей, характеров и других элементов художественного произведения...

Как только первоначальные творческие усилия выясняли для самого Достоевского идейный центр произведения и доминанту художественных мотивов, он принимался за свои «ночные» программы... По этим записям он диктовал

днём стенограммы, а на другой день исправлял подготовленный Анной Григорьевной¹ текст и отдавал ей же для окончательной переписки, а иногда и сам переписывал. Такова была техника его работы.

Ф. М. Достоевский, по свидетельству очевидцев, был великолепный чтец, вдохновенный интерпретатор художественных произведений, и его диктовка представляла нечто вроде театрализованных импровизаций, что вполне отвечало особенностям его поэтики, формам его романов-трагедий, где всё было сценично.

Застенчивый и неразговорчивый в чужом обществе, Достоевский мог, однако, если тема разговора для него была интересной, говорить с увлечением и мастерством и покорять умы, как вдохновенный импровизатор.

Анна Григорьевна была не только его стенографисткой, но и его благодарной и восхищённой слушательницей. Он импровизировал текст, руководствуясь подготовленными планами как сценарием.

Современники писали:

«И этот проникновенный, страстный голос до глубины потрясал нам сердца... Не я одна, весь зал был взволнован. Я помню, как нервно вздрагивал и вздыхал сидевший подле меня незнакомый мне молодой человек, как он краснел и бледнел, судорожно встряхивая головой и сжимая пальцы, как бы с трудом удерживая их от невольных рукоплесканий. И как, наконец, загремели эти рукоплескания...»

«Слово *очарование* даже не вполне выражает впечатление, которое он произвёл. Он как-то скорее околдовал, лишил покоя».

Из книги Г. Чулкова «Как работал Достоевский»

«БЕЛЫЕ НОЧИ»

«Белые ночи» имеют два подзаголовка: *«Сентиментальный роман»* и *«Из Воспоминаний мечтателя»*. Небольшое по объёму произведение названо автором романом, но его внутреннее содержание столь значительно, что вполне правомерно отнести его к этому жанру. Определения «сентиментальный» и «мечтатель» указывают на диалектику сентиментального и романтического начал, которые переплетены в романе. В книге Э. Жияковой «Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского» читаем:

«Герой в „Белых ночах“ вкладывает совершенно конкретный смысл в своё представление о счастье — это идеал братства и сострадания, всеобщего равенства и любви...»

В современном литературоведении «Белые ночи» принято считать повестью.

¹ *Достоевская Анна Григорьевна (урождённая Сниткина)* — жена писателя. Издательница и публикатор творческого наследия мужа.

Белые ночи

Сентиментальный роман

(Из воспоминаний мечтателя)

(В сокращении)

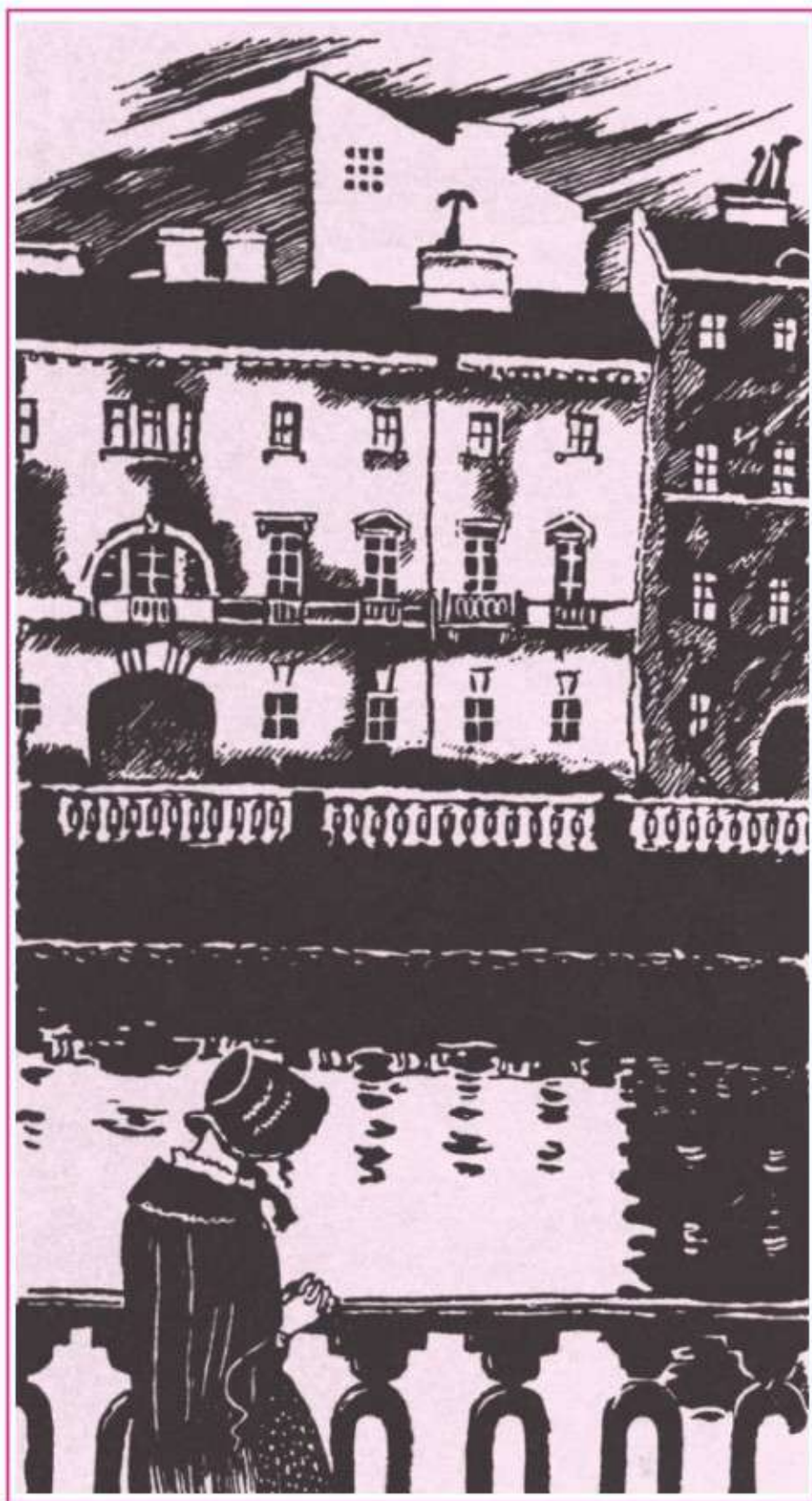
...Иль был он создан для того,
Чтобы побыть хотя мгновенье
В соседстве сердца твоего?..

И. Тургенев

Ночь первая

Была чудная ночь, такая ночь, которая разве только и может быть тогда, когда мы молоды, любезный читатель. Небо было такое звёздное, такое светлое небо, что, взглянув на него, невольно нужно было спросить себя: неужели же могут жить под таким небом разные сердитые и капризные люди? Это тоже молодой вопрос, любезный читатель, очень молодой, но пошли его вам Господь чаще на душу!.. Говоря о капризных и разных сердитых господах, я не мог не припомнить и своего благонаправного поведения во весь этот день. С самого утра меня стала мучить какая-то удивительная тоска. Мне вдруг показалось, что меня, одинокого, все покидают и что все от меня отступаются. Оно, конечно, всякий вправе спросить: кто ж эти все? Потому что вот уже восемь лет, как я живу в Петербурге, и почти ни одного знакомства не умел завести. Но к чему мне знакомства? Мне и без того знаком весь Петербург; вот почему мне и показалось, что меня все покидают, когда весь Петербург поднялся и вдруг уехал на дачу. Мне страшно стало оставаться одному, и целых три дня я бродил по городу в глубокой тоске, решительно не понимая, что со мной делается. Пойду ли на Невский, пойду ли в сад, брожу ли по набережной — ни одного лица из тех, кого привык встречать в том же месте в известный час, целый год. Они, конечно, не знают меня, да я-то их знаю. Я коротко их знаю; я почти изучил их физиономии — и люблюсь на них, когда они веселы, и хандрю, когда они затумянятся.

Я почти свёл дружбу с одним старичком, которого встречаю каждый Божий день, в известный час, на Фонтанке. Физиономия такая важная, задумчивая; всё шепчет под нос и махает левой рукой, а в правой у него длинная сучковатая трость с золотым набалдашником. Даже он заметил меня и принимает во мне душевное участие. Случись, что я не буду в известный час на том же месте Фонтанки, я уверен, что на него нападёт хандра. Вот отчего мы иногда чуть не кланяемся друг с другом, особенно когда оба в хорошем расположе-

«Белые ночи». Художник М. Добужинский

нии духа. Намедни, когда мы не видались целые два дня и на третий день встретились, мы уже было и схватились за шляпы, да благо опомнились вовремя, опустили руки и с участием прошли друг подле друга.

Мне тоже и дома знакомы. Когда я иду, каждый как будто забегает вперёд меня на улицу, глядит на меня во все окна и чуть не говорит: «Здравствуйте; как ваше здоровье? и я, слава Богу, здоров, а ко мне в мае месяце прибавят этаж». Или: «Как ваше здоровье? а меня завтра в починку». Или: «Я чуть не сгорел и притом испугался» и т. д. Из них у меня есть любимцы, есть короткие приятели; один из них намерен лечиться это лето у архитектора. Нарочно буду заходить каждый день, чтоб не залечили как-нибудь, сохрани его Господи!..

Но никогда не забуду истории с одним прехорошеньким светло-розовым домиком. Это был такой миленький каменный домик, так приветливо смотрел на меня, так горделиво смотрел на своих неуклюжих соседей, что моё сердце радовалось, когда мне случалось проходить мимо. Вдруг, на прошлой неделе, я прохожу по улице и, как посмотрел на приятеля — слышу жалобный крик: «А меня красят в жёлтую краску!» Злодеи! варвары! они не пощадили ничего: ни колонн, ни карнизов, и мой приятель пожелтел, как канарейка. У меня чуть не разлилась желчь по этому случаю, и я ещё до сих пор не в силах был повидаться с изуродованным моим бедняком, которого раскрасили под цвет поднебесной империи.

Итак, вы понимаете, читатель, каким образом я знаком со всем Петербургом.

Я уже сказал, что меня целые три дня мучило беспокойство. <...>

Наконец, я только сегодня поутру догадался, в чём дело. Э! да ведь они от меня удирают на дачу! Простите за тривиальное словцо, но мне было не до высокого слога... потому что ведь всё, что только ни было в Петербурге, или переехало, или переезжало на дачу; потому что каждый почтенный господин солидной наружности, нанимавший извозчика, на глазах моих тотчас же обращался в почтенного отца семейства, который после обыденных должностных занятий отправляется налегке в недра своей фамилии, на дачу; потому что у каждого прохожего был теперь уже совершенно особый вид, который чуть-чуть не говорил всякому встречному: «Мы, господа, здесь только так, мимоходом, а вот через два часа мы уедем на дачу». Отворялось ли окно, по которому побарабанили сначала тоненькие, белые, как сахар, пальчики, и высывалась головка хорошенькой девушки, под-

зывавшей разносчика с горшками цветов, — мне тотчас же, тут же представлялось, что эти цветы только так покупаются, то есть вовсе не для того, чтоб наслаждаться весной и цветами в душной городской квартире, а что вот очень скоро все переедут на дачу и цветы с собою увезут. <...>

Казалось, весь Петербург грозил обратиться в пустыню, так что, наконец, мне стало стыдно, обидно и грустно; мне решительно некуда и незачем было ехать на дачу. Я готов был уйти с каждым возом, уехать с каждым господином почтенной наружности, нанимавшим извозчика; но ни один, решительно никто не пригласил меня; словно забыли меня, словно я для них был и в самом деле чужой! <...>

Есть что-то неизъяснимо трогательное в нашей петербургской природе, когда она, с наступлением весны, вдруг выкажет всю мощь свою, все дарованные ей небом силы, опустится, разрядится, упестрится цветами... Как-то невольно напоминает она мне ту девушку, чахлую и хворую, на которую вы смотрите иногда с сожалением, иногда с какою-то сострадательною любовью, иногда же просто не замечаете её, но которая вдруг, на один миг, как-то нечаянно делается неизъяснимо, чудно прекрасною, а вы, поражённый, упоённый, невольно спрашиваете себя: какая сила заставила блистать таким огнём эти грустные, задумчивые глаза? что вызвало кровь на эти бледные, похудевшие щёки? что облило страстью эти нежные черты лица? отчего так вздымается эта грудь? что так внезапно вызвало силу, жизнь и красоту на лицо бедной девушки, заставило его заблестать такой улыбкой, оживиться таким сверкающим, искромётным смехом? Вы смотрите кругом, вы кого-то ищете, вы догадываетесь. <...>

А всё-таки моя ночь была лучше дня! Вот как это было.

<...> Уже пробило десять часов, когда я стал подходить к квартире. Дорога моя шла по набережной канала, на которой в этот час не встретишь живой души. <...>

В сторонке, прислонившись к перилам канала, стояла женщина; облокотившись на решётку, она, по-видимому, очень внимательно смотрела на мутную воду канала. Она была одета в премиленькой жёлтой шляпке и в кокетливой чёрной мантийке. «Это девушка, и непременно брюнетка», — подумал я. Она, кажется, не слыхала шагов моих, даже не шевельнулась, когда я прошёл мимо, затаив дыхание и с сильно забившимся сердцем. «Странно! — подумал я, — верно, она о чём-нибудь очень задумалась», и вдруг я остановился как вкопанный. Мне послышалось глухое рыдание. Да! я не обманулся: девушка плакала, и через минуту ещё и ещё всхлипывание. Боже мой! У меня

сердце сжалось. И как я ни робок с женщинами, но ведь это была такая минута!.. Я воротился, шагнул к ней и непременно бы произнёс: «Сударыня!» — если б только не знал, что это восклицание уже тысячу раз произносилось во всех русских великосветских романах. Это одно и остановило меня. Но покамест я приискивал слово, девушка очнулась, оглянулась, спохватилась, потупилась и скользнула мимо меня по набережной. Я тотчас же пошёл вслед за ней, но она догадалась, оставила набережную, перешла через улицу и пошла по тротуару. Я не посмел перейти через улицу. Сердце моё трепетало, как у пойманной птички. Вдруг один случай пришёл ко мне на помощь.

По той стороне тротуара, недалеко от моей незнакомки, вдруг появился господин во фраке, солидных лет, но нельзя сказать чтоб солидной походки. Он шёл, пошатываясь и осторожно опираясь об стенку. Девушка же шла, словно стрелка, торопливо и робко, как вообще ходят все девушки, которые не хотят, чтоб кто-нибудь вызвался провожать их ночью домой, и, конечно, качавшийся господин ни за что не догнал бы её, если б судьба моя не надоумила его поискать искусственных средств. Вдруг, не сказав никому ни слова, мой господин срывается с места и летит со всех ног, бежит, догоняя мою незнакомку. Она шла как ветер, но колыхавшийся господин настигал, настиг, девушка вскрикнула — и... я благословляю судьбу за превосходную сучковатую палку, которая случилась на этот раз в моей правой руке. Я мигом очутился на той стороне тротуара, мигом незванный господин понял, в чём дело, принял в соображение неотразимый резон, замолчал, отстал и, только когда уже мы были очень далеко, протестовал против меня в довольно энергических терминах. Но до нас едва долетели слова его.

— Дайте мне руку, — сказал я моей незнакомке, — и он не посмеет больше к нам приставать.

Она молча подала мне свою руку, ещё дрожавшую от волнения и испуга. О, незванный господин! как я благословлял тебя в эту минуту! Я мельком взглянул на неё: она была премиленькая и брюнетка — я угадал; на её чёрных ресницах ещё блеснули слезинки недавнего испуга или прежнего горя, — не знаю. Но на губах уже сверкала улыбка. Она тоже взглянула на меня украдкой, слегка покраснела и потупилась.

— Вот видите, зачем же вы тогда отогнали меня? Если б я был тут, ничего бы не случилось...

— Но я вас не знала: я думала, что вы тоже...

— А разве вы теперь меня знаете?

— Немножко. Вот, например, отчего вы дрожите?

— О, вы угадали с первого раза! — отвечал я в восторге, что моя девушка умница: это при красоте никогда не мешает. — Да, вы с первого взгляда угадали, с кем имеете дело. Точно, я робок с женщинами, я в волнение, не спорю, не меньше, как были вы минуту назад, когда этот господин испугал вас... Я в каком-то испуге теперь. Точно сон, а я даже и во сне не гадал, что когда-нибудь буду говорить хоть с какой-нибудь женщиной.

— Как? неужели?

— Да, если рука моя дрожит, то это оттого, что никогда ещё её не обхватывала такая хорошенькая маленькая ручка, как ваша. Я совсем отвык от женщин; то есть я к ним и не привыкал никогда; я ведь один... Я даже не знаю, как говорить с ними. Вот и теперь не знаю — не сказал ли вам какой-нибудь глупости? Скажите мне прямо; предупреждаю вас, я не обидчив...

— Нет, ничего, ничего; напротив. И если уже вы требуете, чтоб я была откровенна, так я вам скажу, что женщинам нравится такая робость; а если вы хотите знать больше, то и мне она тоже нравится, и я не отгоню вас от себя до самого дома.

— Вы сделаете со мной, — начал я, задыхаясь от восторга, — что я тотчас же перестану робеть и тогда — прощай все мои средства!..

— Средства? какие средства, к чему? вот это уж дурно.

— Виноват, не буду, у меня с языка сорвалось; но как же вы хотите, чтоб в такую минуту не было желания...

— Понравиться, что ли?

— Ну да; да будьте, ради Бога, будьте добры. Посудите, кто я! Ведь вот уж мне двадцать шесть лет, а я никого никогда не видал. Ну, как же я могу хорошо говорить, ловко и кстати? Вам же будет выгоднее, когда всё будет открыто, наружу... Я не умею молчать, когда сердце во мне говорит. Ну, да всё равно... Поверите ли, ни одной женщины, никогда, никогда! Никакого знакомства! и только мечтаю каждый день, что наконец-то когда-нибудь я встречу кого-нибудь. Ах, если б вы знали, сколько раз я был влюблён таким образом!..

— Но как же, в кого же?..

— Да ни в кого, в идеал, в ту, которая приснится во сне. Я создаю в мечтах целые романы. О, вы меня не знаете! Правда, нельзя же без того, я встречал двух-трёх женщин, но какие они женщины? это все такие хозяйки, что... Но я вас насмешу, я расскажу вам, что несколько раз думал заговорить, так, запросто, с какой-нибудь аристократкой на улице, разумеется, когда она одна; заговорить, конечно,

робко, почтительно, страстно; сказать, что погибаю один, чтоб она не отгоняла меня, что нет средства узнать хоть какую-нибудь женщину; внушить ей, что даже в обязанностях женщины не отвергнуть робкой мольбы такого несчастного человека, как я. Что, наконец, и всё, чего я требую, состоит в том только, чтоб сказать мне какие-нибудь два слова братские, с участием, не отогнать меня с первого шага, поверить мне на слово, выслушать, что я буду говорить, посмеяться надо мной, если угодно, обнадежить меня, сказать мне два слова, только два слова, потом пусть хоть мы с ней никогда не встречаемся!.. Но вы смеётесь... Впрочем, я для того и говорю...

— Не досадуйте; я смеюсь тому, что вы сами себе враг, и если б вы попробовали, то вам и удалось, может быть, хоть бы и на улице дело было; чем проще, тем лучше... Ни одна добрая женщина, если только она не глупа или особенно не сердита на что-нибудь в эту минуту, не решилась бы отослать вас без этих двух слов, которых вы так робко вымаливаете... Впрочем, что я! конечно, приняла бы вас за сумасшедшего. Я ведь судила по себе. Сама-то я много знаю, как люди на свете живут!

— О, благодарю вас, — закричал я, — вы не знаете, что вы для меня теперь сделали!

— Хорошо, хорошо! Но скажите мне, почему вы узнали, что я такая женщина, с которой... ну, которую вы считали достойной... внимания и дружбы... одним словом, не хозяйка, как вы называете... Почему вы решились подойти ко мне?

— Почему? почему? Но вы были одни, тот господин был слишком смел, теперь ночь: согласитесь сами, что это обязанность...

— Нет, нет, ещё прежде, там, на той стороне. Ведь вы хотели же подойти ко мне?

— Там, на той стороне? Но я, право, не знаю, как отвечать; я боюсь... Знаете ли, я сегодня был счастлив; я шёл, пел; я был за гором; со мной ещё никогда не бывало таких счастливых минут. Вы... мне, может быть, показалось... Ну, простите меня, если я напому: мне показалось, что вы плакали, и я... я не мог слышать это... у меня стеснилось сердце... О Боже мой! Ну, да неужели же я не мог потосковать об вас? Неужели же был грех почувствовать к вам братское сострадание?.. Извините, я сказал сострадание... Ну, да, одним словом, неужели я мог вас обидеть тем, что невольно вздумалось мне к вам подойти?..

— Оставьте, довольно, не говорите... — сказала девушка, потупившись и сжав мою руку. — Я сама виновата, что заговорила об

этом; но я рада, что не ошиблась в вас... но вот уже я дома; мне нужно сюда в переулок; тут два шага... Прощайте, благодарю вас...

— Так неужели же, неужели мы больше никогда не увидимся?.. Неужели это так и останется?

— Видите ли, — сказала, смеясь, девушка, — вы хотели сначала только двух слов, а теперь... Но, впрочем, я вам ничего не скажу... Может быть, встретимся...

— Я приду сюда завтра, — сказал я. — О, простите меня, я уже требую...

— Да, вы нетерпеливы... вы почти требуете...

— Послушайте, послушайте! — прервал я её. — Простите, если я вам скажу опять что-нибудь такое... Но вот что: я не могу не прийти сюда завтра. Я мечтатель; у меня так мало действительной жизни, что я такие минуты, как эту, как теперь, считаю так редко, что не могу не повторять этих минут в мечтаньях. Я промечтаю об вас целую ночь, целую неделю, весь год. Я непременно приду сюда завтра, именно сюда, на это же место, именно в этот час, и буду счастлив, припоминая вчерашнее. Уж это место мне мило. У меня уже есть такие два-три места в Петербурге. Я даже один раз заплакал от воспоминанья, как вы... Почём знать, может быть, и вы, тому назад десять минут, плакали от воспоминанья... Но простите меня, я опять забылся; вы, может быть, когда-нибудь были здесь особенно счастливы...

— Хорошо, — сказала девушка, — я, пожалуй, приду сюда завтра, тоже в десять часов. Вижу, что я уже не могу вам запретить... Вот в чём дело, мне нужно быть здесь; не подумайте, чтоб я вам назначала свидание; я предупреждаю вас, мне нужно быть здесь для себя. Но вот... ну, уж я вам прямо скажу: это будет ничего, если и вы придёте; во-первых, могут быть опять неприятности, как сегодня, но это в сторону... одним словом, мне просто хотелось бы вас видеть... чтоб сказать вам два слова. Только, видите ли, вы не осудите меня теперь? Не подумайте, что я так легко назначаю свидания... Я бы и не назначила, если б... Но пусть это будет моя тайна! Только вперёд уговор...

— Уговор! говорите, скажите, скажите всё заранее; я на всё согласен, на всё готов, — вскричал я в восторге, — я отвечаю за себя — буду послушен, почтителен... вы меня знаете...

— Именно оттого, что знаю вас, и приглашаю вас завтра, — сказала, смеясь, девушка. — Я вас совершенно знаю. Но смотрите приходите с условием: во-первых (только будьте добры, исполните, что я попрошу, — видите ли, я говорю откровенно), не влюбляйтесь в

меня... Это нельзя, уверяю вас. На дружбу я готова, вот вам рука моя... А влюбиться нельзя, прошу вас!

— Клянусь вам, — закричал я, схватив её ручку...

— Полноте, не клянитесь, я ведь знаю, вы способны вспыхнуть, как порох. Не осуждайте меня, если я так говорю. Если б вы знали... У меня тоже никого нет, с кем бы мне можно было слово сказать, у кого бы совета спросить. Конечно, не на улице же искать советников, да вы исключение. Я вас так знаю, как будто уже мы двадцать лет были друзьями... Не правда ли, вы не измените?..

— Увидите... только я не знаю, как уж я доживу хотя сутки.

— Спите крепче; доброй ночи — и помните, что я вам уже вверилась. Но вы так хорошо воскликнули давеча: неужели ж давать отчёт в каждом чувстве, даже в братском сочувствии! Знаете ли, это было так хорошо сказано, что у меня тотчас же мелькнула мысль довериться вам...

— Ради Бога, но в чём? что?

— До завтра. Пусть это будет покамест тайной. Тем лучше для вас; хоть издали будет на роман похоже. Может быть, я вам завтра же скажу, а может быть, нет... Я ещё с вами наперёд поговорю, мы познакомимся лучше...

— О, да я вам завтра же всё расскажу про себя! Но что это? точно чудо со мной совершается... Где я, Боже мой? Ну, скажите, неужели вы недовольны тем, что не рассердились, как бы сделала другая, не отогнали меня в самом начале? Две минуты, и вы сделали меня навсегда счастливым. Да! счастливым; почём знать, может быть, вы меня с собой помирили, разрешили мои сомнения... Может быть, на меня находят такие минуты... Ну, да я вам завтра всё расскажу, вы всё узнаете, всё...

— Хорошо, принимаю; вы и начнёте...

— Согласен.

— До свиданья!

— До свиданья!

И мы расстались. Я ходил всю ночь; я не мог решиться воротиться домой. Я был так счастлив... до завтра! <...>

Ночь третья

Сегодня был день печальный, дождливый, без просвета, точно будущая старость моя. Меня теснят такие странные мысли, такие тёмные ощущения, такие ещё неясные для меня вопросы толпятся в моей

голове, — а как-то нет ни силы, ни хотения их разрешить. Не мне разрешить всё это!

Сегодня мы не увидимся. Вчера, когда мы прощались, облака стали заволакивать небо и подымался туман. Я сказал, что завтра будет дурной день; она не отвечала, она не хотела против себя говорить; для неё этот день и светел и ясен, и ни одна тучка не застелет её счастья.

— Коли будет дождь, мы не увидимся! — сказала она. — Я не приду.

Я думал, что она и не заметила сегодняшнего дождя, а между тем не пришла.

Вчера было наше третье свиданье, наша третья белая ночь...

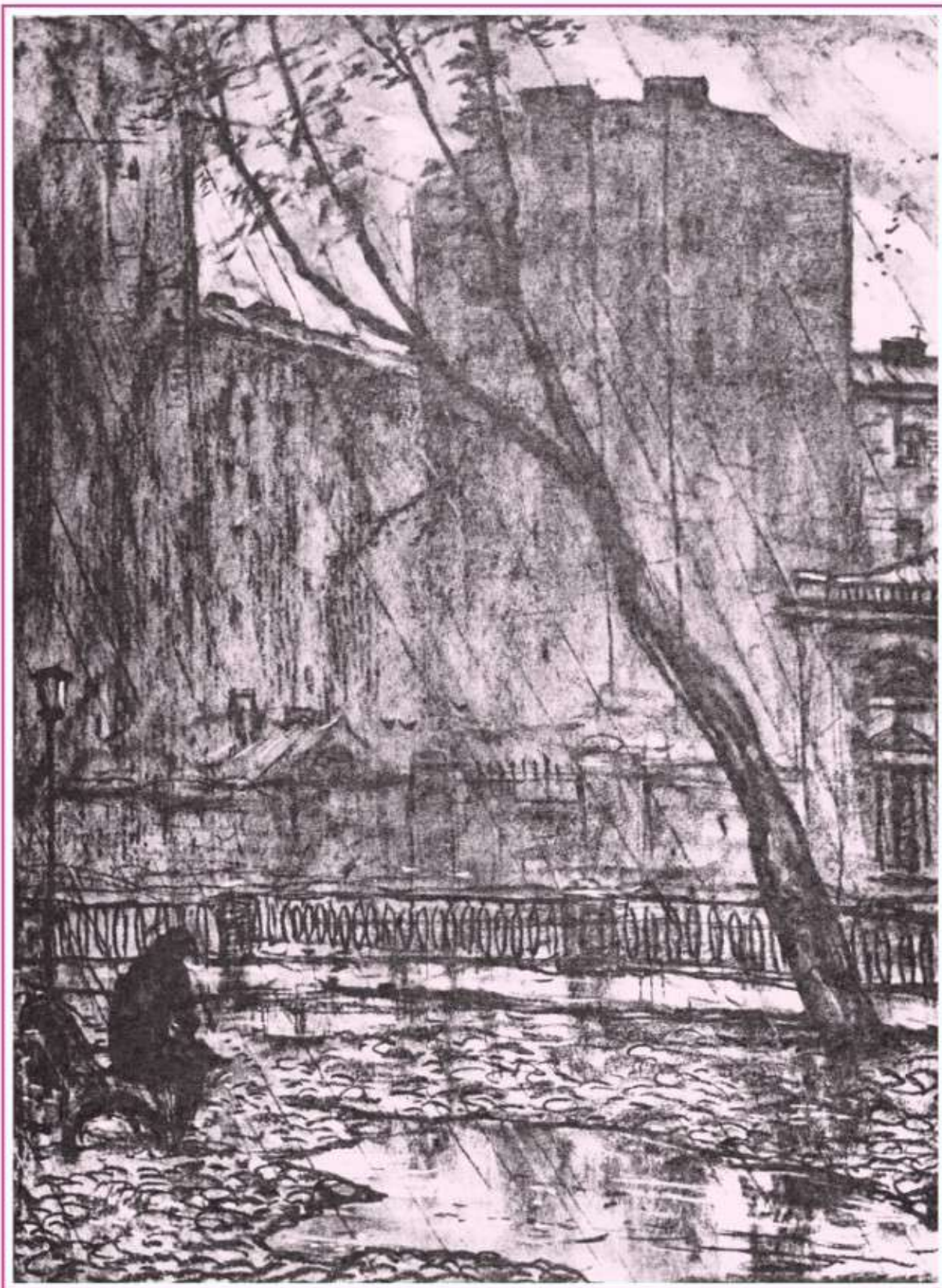
Однако, как радость и счастье делают человека прекрасным! как кипит сердце любовью! Кажется, хочешь излить всё своё сердце в другое сердце, хочешь, чтоб всё было весело, всё смеялось. И как разительна эта радость! Вчера в её словах было столько неги, столько доброты ко мне в сердце... Как она ухаживала за мной, как ласкалась ко мне, как ободряла и нежила моё сердце! О, сколько кокетства от счастья! А я... Я принимал всё за чистую монету; я думал, что она...

Но, Боже мой, как же мог я это думать? как же мог я быть так слеп, когда уже всё взято другим, всё не моё; когда, наконец, даже эта самая нежность её, её забота, её любовь... да, любовь ко мне, — была не что иное, как радость о скором свидании с другим, желание навязать и мне своё счастье?.. Когда он не пришёл, когда мы прождали напрасно, она же нахмурилась, она же заробела и струсилась. Все движения её, все слова её уже стали не так легки, игривы и веселы. И, странное дело, — она удвоила ко мне своё внимание, как будто инстинктивно желая на меня излить то, чего сама желала себе, за что сама боялась, если б оно не сбылось. Моя Настенька так оробела, так перепугалась, что, кажется, поняла наконец, что я люблю её, и сжалилась над моей бедной любовью. Так, когда мы несчастны, мы сильнее чувствуем несчастье других; чувство не разбивается, а сосредоточивается...

Я пришёл к ней с полным сердцем и едва дождался свидания. Я не предчувствовал того, что буду теперь ощущать, не предчувствовал, что всё это не так кончится. Она сияла радостью, она ожидала ответа. Ответ был он сам. Он должен был прийти, прибежать на её зов. Она пришла раньше меня целым часом. Сначала она всему хохотала, вся кому слову моему смеялась. Я начал было говорить и умолк.

— Знаете ли, отчего я так рада? — сказала она, — так рада на вас смотреть? так люблю вас сегодня?

— Ну? — спросил я, и сердце моё задрожало.

«Белые ночи». Дождь. Художник И. Глазунов. 1970 г.

— Я оттого люблю вас, что вы не влюбились в меня. Ведь вот иной, на вашем месте, стал бы беспокоить, приставать, разохался бы, разболелся, а вы такой милый!

Тут она так сжала мою руку, что я чуть не закричал. Она засмеялась.

— Боже! какой вы друг! — начала она через минуту очень серьёзно. — Да вас Бог мне послал! Ну, что бы со мной было, если б вас со мной теперь не было? Какой вы бескорыстный! Как хорошо вы меня любите! Когда я выйду замуж, мы будем очень дружны, больше чем как братья. Я буду вас любить почти так, как его...

Мне стало как-то ужасно грустно в это мгновение; однако ж что-то похожее на смех зашевелилось в душе моей.

— Вы в припадке, — сказал я, — вы трусите; вы думаете, что он не придёт.

— Бог с вами! — отвечала она, — если б я была меньше счастлива, я бы, кажется, заплакала от вашего неверия, от ваших упрёков. Впрочем, вы меня навели на мысль и задали мне долгую думу; но я подумаю после, а теперь признаюсь вам, что правду вы говорите. Да! я как-то сама не своя; я как-то вся в ожидании и чувствую всё как-то слишком легко. Да полноте, оставим про чувства!..

В это время слышались шаги, и в темноте показался прохожий, который шёл к нам навстречу. Мы оба задрожали; она чуть не вскрикнула. Я опустил её руку и сделал жест, как будто хотел отойти. Но мы обманулись: это был не он.

— Чего вы боитесь? Зачем вы бросили мою руку? — сказала она, подавая мне её опять. — Ну, что же? мы встретим его вместе. Я хочу, чтоб он видел, как мы любим друг друга.

— Как мы любим друг друга! — закричал я.

«О Настенька, Настенька! — подумал я, — как этим словом ты много сказала! От такой любви, Настенька, в иной час холодеет на сердце и становится тяжело на душе. Твоя рука холодная, моя горячая как огонь. Какая слепая ты, Настенька!.. О! как несносен счастливый человек в иную минуту! Но я не мог на тебя рассердиться!..»

Наконец сердце моё переполнилось.

— Послушайте, Настенька! — закричал я, — знаете ли, что со мной было весь день?

— Ну что, что такое? рассказывайте скорее! Что ж вы до сих пор всё молчали!

— Во-первых, Настенька, когда я исполнил все ваши комиссии, отдал письмо, был у ваших добрых людей, потом... потом я пришёл домой и лёг спать.

— Только-то? — перебила она засмеявшись.

— Да, почти только-то, — отвечал я скрепя сердце, потому что в глазах моих уже накалились глупые слёзы. — Я проснулся за час до нашего свидания, но как будто и не спал. Не знаю, что было со мною. Я шёл, чтоб вам это всё рассказать, как будто время для меня остановилось, как будто одно ощущение, одно чувство должно было остаться с этого времени во мне навечно, как будто одна минута должна была продолжаться целую вечность и словно вся жизнь остановилась для меня... Когда я проснулся, мне казалось, что какой-то музыкальный мотив, давно знакомый, где-то прежде слышанный, забытый и сладостный, теперь вспоминался мне. Мне казалось, что он всю жизнь просился из души моей, и только теперь...

— Ах, Боже мой, Боже мой! — перебила Настенька, — как же это всё так? Я не понимаю ни слова.

— Ах, Настенька! мне хотелось как-нибудь передать вам это странное впечатление... — начал я жалобным голосом, в котором скрывалась ещё надежда, хотя весьма отдалённая.

— Полноте, перестаньте, полноте! — заговорила она, и в один миг она догадалась, плутовка!

Вдруг она сделалась как-то необыкновенно говорлива, весела, шаловлива. Она взяла меня под руку, смеялась, хотела, чтоб и я тоже смеялся, и каждое смущённое слово моё отзывалось в ней таким звонким, таким долгим смехом... Я начинал сердиться, она вдруг пустилась кокетничать.

— Послушайте, — начала она, — а ведь мне немножко досадно, что вы не влюбились в меня. Разберите-ка после этого человека! Но всё-таки, господин непреклонный, вы не можете не похвалить меня за то, что я такая простая. Я вам всё говорю, всё говорю, какая бы глупость ни промелькнула у меня в голове.

— Слушайте! Это одиннадцать часов, кажется? — сказал я, когда мерный звук колокола загудел с отдалённой городской башни. Она вдруг остановилась, перестала смеяться и начала считать.

— Да, одиннадцать, — сказала она наконец робким, нерешительным голосом. Я тотчас же раскаялся, что напугал её, заставил считать часы, и проклял себя за припадок злости. Мне стало за неё грустно, и я не знал, как искупить своё преступление. Я начал её утешать, выискивать причины его отсутствия, подводить разные до-

воды, доказательства. Никого нельзя было легче обмануть, как её в эту минуту, да и всякий в эту минуту как-то радостно выслушивает хоть какое бы то ни было утешение и рад-рад, коли есть хоть тень оправдания.

— Да и смешное дело, — начал я, всё более и более горячась и любясь на необыкновенную ясность своих доказательств, — да и не мог он прийти; вы и меня обманули и завлекли, Настенька, так что я и времени счёт потерял... Вы только подумайте: он едва мог получить письмо; положим, ему нельзя прийти, положим, он будет отвечать, так письмо придёт не раньше как завтра. Я за ним завтра чем свет схожу и тотчас же дам знать. Предположите, наконец, тысячу вероятностей: ну, его не было дома, когда пришло письмо, и он, может быть, его и до сих пор не читал? Ведь всё может случиться.

— Да, да! — отвечала Настенька, — я и не подумала; конечно, всё может случиться, — продолжала она самым сговорчивым голосом, но в котором, как досадный диссонанс, слышалась какая-то другая, отдалённая мысль. — Вот что вы сделайте, — продолжала она, — вы идите завтра как можно раньше и, если получите что-нибудь, тотчас же дайте мне знать. Вы ведь знаете, где я живу? — И она начала повторять мне свой адрес.

Потом она вдруг стала так нежна, так робка со мною... Она, казалось, слушала внимательно, что я ей говорил; но когда я обратился к ней с каким-то вопросом, она смолчала, смешалась и отворотила от меня головку. Я заглянул ей в глаза — так и есть: она плакала.

— Ну, можно ли, можно ли? Ах, какое вы дитя! Какое ребячество!.. Полноте!

Она попробовала улыбнуться, успокоиться, но подбородок её дрожал и грудь всё ещё колыхалась.

— Я думаю об вас, — сказала она мне после минутного молчания, — вы так добры, что я была бы каменная, если б не чувствовала этого. Знаете ли, что мне пришло теперь в голову? Я вас обоих сравнила. Зачем он — не вы? Зачем он не такой, как вы? Он хуже вас, хоть я и люблю его больше вас.

Я не отвечал ничего. Она, казалось, ждала, чтоб я сказал что-нибудь.

— Конечно, я, может быть, не совсем ещё его понимаю, не совсем его знаю. Знаете, я как будто всегда боялась его; он всегда был такой серьёзный, такой как будто гордый. Конечно, я знаю, что это он только смотрит так, что в сердце его больше, чем в моём, нежности... Я помню, как он посмотрел на меня тогда, как я, помните, пришла

к нему с узелком; но всё-таки я его как-то слишком уважаю, ведь это как будто бы мы и неровня?

— Нет, Настенька, нет, — отвечал я, — это значит, что вы его больше всего на свете любите, и гораздо больше себя самой любите.

— Да, положим, что это так, — отвечала наивная Настенька, — но знаете ли, что мне пришло теперь в голову? Только я теперь не про него буду говорить, а так, вообще; мне уже давно всё это приходило в голову. Послушайте, зачем мы все не так, как бы братья с братьями? Зачем самый лучший человек всегда как будто что-то таит от другого и молчит от него? Зачем прямо, сейчас, не сказать, что есть на сердце, коли знаешь, что не на ветер своё слово скажешь? А то всякий так смотрит, как будто он суровее, чем он есть на самом деле, как будто все боятся оскорбить свои чувства, коли очень скоро выкажут их...

— Ах, Настенька! правду вы говорите; да ведь это происходит от многих причин, — перебил я, сам более чем когда-нибудь в эту минуту стеснявший свои чувства.

— Нет, нет! — отвечала она с глубоким чувством. — Вот вы, например, не таков, как другие! Я, право, не знаю, как бы вам это рассказать, что я чувствую; но мне кажется, вы вот, например... хоть бы теперь... мне кажется, вы чем-то для меня жертвуете, — прибавила она робко, мельком взглянув на меня. — Вы меня простите, если я вам так говорю: я ведь простая девушка; я ведь мало ещё видела на свете и, право, не умею иногда говорить, — прибавила она голосом, дрожащим от какого-то затаённого чувства, и стараясь между тем улыбнуться, — но мне только хотелось сказать вам, что я благодарна, что я тоже всё это чувствую... О, дай вам Бог за это счастья! Вот то, что вы мне насажали тогда о вашем мечтателе, совершенно неправда, то есть, я хочу сказать, совсем до вас не касается. Вы выздоравливаете, вы, право, совсем другой человек, чем как сами себя описали. Если вы когда-нибудь полюбите, то дай вам Бог счастья с нею! А ей я ничего не желаю, потому что она будет счастлива с вами. Я знаю, я сама женщина, и вы должны мне верить, если я вам так говорю...

Она замолкла и крепко пожала руку мне. Я тоже не мог ничего говорить от волнения. Прошло несколько минут.

— Да, видно, что он не придёт сегодня! — сказала она наконец, подняв голову. — Поздно!..

— Он придёт завтра, — сказал я самым уверительным и твёрдым голосом.

— Да, — прибавила она, развеселившись, — я сама теперь вижу, что он придёт только завтра. Ну, так до свиданья! до завтра! Если

будет дождь, я, может быть, не приду. Но послезавтра я приду, непременно приду, что бы со мной ни было; будьте здесь непременно; я хочу вас видеть, я вам всё расскажу.

И потом, когда мы прощались, она подала мне руку и сказала, ясно взглянув на меня:

— Ведь мы теперь навсегда вместе, не правда ли?

О! Настенька, Настенька! Если б ты знала, в каком я теперь одиночестве!

Когда пробило девять часов, я не мог усидеть в комнате, оделся и вышел, несмотря на ненастное время. Я был там, сидел на нашей скамейке. Я было пошёл в их переулок, но мне стало стыдно, и я воротился, не взглянув на их окна, не дойдя двух шагов до их дома. Я пришёл домой в такой тоске, в какой никогда не бывал. Какое сырое, скучное время! Если б была хорошая погода, я бы прогулял там всю ночь...

Но до завтра, до завтра! Завтра она мне всё расскажет.

Однако письма сегодня не было. Но, впрочем, так и должно было быть. Они уже вместе...

Ночь четвёртая

Боже, как всё это кончилось! Чем всё это кончилось! Я пришёл в девять часов. Она была уже там. Я ещё издали заметил её; она стояла, как тогда, в первый раз, облокотясь на перила набережной, и не слыхала, как я подошёл к ней.

— Настенька! — окликнул я её, через силу подавляя своё волнение. Она быстро обернулась ко мне.

— Ну! — сказала она, — ну! поскорее!

Я смотрел на неё в недоумении.

— Ну, где же письмо? Вы принесли письмо? — повторила она, схватившись рукой за перила.

— Нет, у меня нет письма, — сказал я наконец, — разве он ещё не был?

Она страшно побледнела и долгое время смотрела на меня неподвижно. Я разбил последнюю её надежду.

— Ну, Бог с ним! — проговорила она наконец прерывающимся голосом, — Бог с ним, — если он так оставляет меня.

Она опустила глаза, потом хотела взглянуть на меня, но не могла. Ещё несколько минут она пересиливала своё волнение, но вдруг отворотилась, облокотясь на балюстраду набережной, и залилась слезами.

— Полноте, полноте! — заговорил было я, но у меня сил неостало продолжать, на неё глядя, да и что бы я стал говорить?

— Не утешайте меня, — говорила она плача, — не говорите про него, не говорите, что он придёт, что он не бросил меня так жестоко, так бесчеловечно, как он это сделал. За что, за что? Неужели что-нибудь было в моём письме, в этом несчастном письме?..

Тут рыдания пресекли её голос; у меня сердце разрывалось, на неё глядя.

— О, как это бесчеловечно-жестоко! — начала она снова. — И ни строчки, ни строчки! Хоть бы отвечал, что я не нужна ему, что он отвергает меня; а то ни одной строчки в целые три дня! Как легко ему оскорбить, обидеть бедную, беззащитную девушку, которая тем и виновата, что любит его! О, сколько я вытерпела в эти три дня! Боже мой! Боже мой! Как вспомню, что я пришла к нему в первый раз сама, что я перед ним унижалась, плакала, что я вымаливала у него хоть каплю любви... И после этого!.. Послушайте, — заговорила она, обращаясь ко мне, и чёрные глазки её засверкали, — да это не так! Это не может быть так; это ненатурально! Или вы, или я обманулись; может быть, он письма не получал? Может быть, он до сих пор ничего не знает? Как же можно, судите сами, скажите мне, ради Бога, объясните мне, — я этого не могу понять, — как можно так варварски грубо поступить, как он поступил со мною! Ни одного слова! Но к последнему человеку на свете бывают сострадательнее. Может быть, он что-нибудь слышал, может быть, кто-нибудь ему наскзал обо мне? — закричала она, обратившись ко мне с вопросом. — Как, как вы думаете?

— Слушайте, Настенька, я пойду завтра к нему от вашего имени.

— Ну!

— Я спрошу его обо всём, расскажу ему всё.

— Ну, ну!

— Вы напишите письмо. Не говорите нет, Настенька, не говорите нет! Я заставлю его уважать ваш поступок, он всё узнает, и если...

— Нет, мой друг, нет, — перебила она. — Довольно! Больше ни слова, ни одного слова от меня, ни строчки — довольно! Я его не знаю, я не люблю его больше, я его по...за...буду...

Она не договорила.

— Успокойтесь, успокойтесь! Сядьте здесь, Настенька, — сказал я, усаживая её на скамейку.

— Да я спокойна. Полноте! Это так! Это слёзы, это просохнет! Что вы думаете, что я сгублю себя, что я утоплюсь?..

Сердце моё было полно; я хотел было заговорить, но не мог.

— Слушайте! — продолжала она, взяв меня за руку, — скажите: вы бы не так поступили? вы бы не бросили той, которая бы сама к вам пришла, вы бы не бросили ей в глаза бесстыдной насмешки над её слабым, глупым сердцем? Вы поберегли бы её? Вы бы представили себе, что она была одна, что она не умела усмотреть за собой, что она не умела себя уберечь от любви к вам, что она не виновата, что она, наконец, не виновата... что она ничего не сделала!.. О, Боже мой, Боже мой!..

— Настенька! — закричал я наконец, не будучи в силах преодолеть своё волнение, — Настенька! вы терзаете меня! Вы язвите сердце моё, вы убиваете меня, Настенька! Я не могу молчать! Я должен наконец говорить, высказать, что у меня накипело тут, в сердце...

Говоря это, я привстал со скамейки. Она взяла меня за руку и смотрела на меня в удивлении.

— Что с вами? — проговорила она наконец.

— Слушайте! — сказал я решительно. — Слушайте меня, Настенька! Что я буду теперь говорить, всё вздор, всё несбыточно, всё глупо! Я знаю, что этого никогда не может случиться, но не могу же я молчать. Именем того, чем вы теперь страдаете, заранее молю вас, простите меня!..

— Ну, что, что? — говорила она, перестав плакать и пристально смотря на меня, тогда как странное любопытство блистало в её удивлённых глазках, — что с вами?

— Это несбыточно, но я вас люблю, Настенька! вот что! Ну, теперь всё сказано! — сказал я, махнув рукой. — Теперь вы увидите, можете ли вы так говорить со мной, как сейчас говорили, можете ли вы, наконец, слушать то, что я буду вам говорить...

— Ну, что ж, что же? — перебила Настенька, — что ж из этого? Ну, я давно знала, что вы меня любите, но только мне всё казалось, что вы меня так, просто, как-нибудь любите... Ах, Боже мой, Боже мой!

— Сначала было просто, Настенька, а теперь, теперь... я точно так же, как вы, когда вы пришли к нему тогда с вашим узелком. Хуже, чем как вы, Настенька, потому что он тогда никого не любил, а вы любите.

— Что это вы мне говорите! Я, наконец, вас совсем не понимаю. Но послушайте, зачем же это, то есть не зачем, а почему же это вы так, и так вдруг... Боже! я говорю глупости! Но вы... — И Настенька совершенно смешалась. Щёки её вспыхнули; она опустила глаза.

— Что ж делать, Настенька, что ж мне делать? я виноват, я употребил во зло... Но нет же, нет, не виноват я, Настенька; я это слышу, чувствую, потому что моё сердце мне говорит, что я прав, потому что я вас ничем не могу обидеть, ничем оскорбить! Я был друг ваш; ну, вот я и теперь друг; я ничему не изменял. Вот у меня теперь слёзы текут, Настенька. Пусть их текут, пусть текут — они никому не мешают. Они высохнут, Настенька...

— Да сядьте же, сядьте, — сказала она, сажая меня на скамейку, — ох, Боже мой!

— Нет! Настенька, я не сяду; я уже более не могу быть здесь, вы уже меня более не можете видеть; я всё скажу и уйду. Я только хочу сказать, что вы бы никогда не узнали, что я вас люблю. Я бы схоронил свою тайну. Я бы не стал вас терзать теперь, в эту минуту, моим эгоизмом. Нет! но я не мог теперь вытерпеть; вы сами заговорили об этом, вы виноваты, вы во всём виноваты, а я не виноват. Вы не можете прогнать меня от себя...

— Да нет же, нет, я не отгоняю вас, нет! — говорила Настенька, скрывая, как только могла, своё смущение, бедненькая.

— Вы меня не гоните? нет! а я было сам хотел бежать от вас. Я и уйду, только я всё скажу сначала, потому что, когда вы здесь говорили, я не мог усидеть, когда вы здесь плакали, когда вы терзались оттого, ну, оттого (уж я назову это, Настенька), оттого, что вас отвергают, оттого, что оттолкнули вашу любовь, я почувствовал, я услышал, что в моём сердце столько любви для вас, Настенька, столько любви!.. И мне стало так горько, что я не могу помочь вам этой любовью... что сердце разорвалось, и я, я — не мог молчать, я должен был говорить, Настенька, я должен был говорить!..

— Да, да! говорите мне, говорите со мною так! — сказала Настенька с неизъяснимым движением. — Вам, может быть, странно, что я с вами так говорю, но... говорите! я вам после скажу! я вам всё расскажу!

— Вам жаль меня, Настенька; вам просто жаль меня, дружочек мой! Уж что пропало, то пропало! уж что сказано, того не воротишь! Не так ли? Ну, так вы теперь знаете всё. Ну, вот это точка отправления. Ну, хорошо! теперь всё это прекрасно; только послушайте. Когда вы сидели и плакали, я про себя думал (ох, дайте мне сказать, что я думал!), я думал, что (ну, уж конечно, этого не может быть, Настенька), я думал, что вы... я думал, что вы как-нибудь там... ну, совершенно посторонним каким-нибудь образом, уж больше его не любите. Тогда, — я это и вчера и третьего дня уже думал, Настенька, — тогда я бы сделал так, я бы непременно сделал так, что вы бы

меня полюбили: ведь вы сказали, ведь вы сами говорили, Настенька, что вы меня уже почти совсем полюбили. Ну, что ж дальше? Ну, вот почти и всё, что я хотел сказать; остаётся только сказать, что бы тогда было, если б вы меня полюбили, только это, больше ничего! Послушайте же, друг мой, — потому что вы всё-таки мой друг, — я, конечно, человек простой, бедный, такой незначительный, только не в том дело (я как-то всё не про то говорю, это от смущения, Настенька), а только я бы вас так любил, так любил, что если б вы ещё и любили его и продолжали любить того, которого я не знаю, то всё-таки не заметили бы, что моя любовь как-нибудь там для вас тяжела. Вы бы только слышали, вы бы только чувствовали каждую минуту, что подле вас бьётся благодарное, благодарное сердце, горячее сердце, которое за вас... Ох, Настенька, Настенька! что вы со мной сделали!..

— Не плачьте же, я не хочу, чтоб вы плакали, — сказала Настенька, быстро вставая со скамейки, — пойдёте, встаньте, пойдёте со мной, не плачьте же, не плачьте, — говорила она, утирая мои слёзы своим платком, — ну, пойдёте теперь; я вам, может быть, скажу что-нибудь... Да, уж коли теперь он оставил меня, коль он позабыл меня, хотя я ещё и люблю его (не хочу вас обманывать)... но, послушайте, отвечайте мне. Если б я, например, вас полюбила, то есть если б я только... Ох, друг мой, друг мой! как я подумаю, как подумаю, что я вас оскорбляла тогда, что смеялась над вашей любовью, когда вас хвалила за то, что вы не влюбились!.. О, Боже! да как же я этого не предвидела, как я не предвидела, как я была так глупа, но... ну, ну, я решилась, я всё скажу...

— Послушайте, Настенька, знаете что? я уйду от вас, вот что! Просто я вас только мучаю. Вот у вас теперь угрызения совести за то, что вы насмеялись, а я не хочу, да, не хочу, чтоб вы, кроме вашего горя... я, конечно, виноват, Настенька, но прощайте!

— Стойте, выслушайте меня: вы можете ждать?

— Чего ждать, как?

— Я его люблю; но это пройдёт, это должно пройти, это не может не пройти; уж проходит, я слышу... Почём знать, может быть, сегодня же кончится, потому что я его ненавижу, потому что он надо мной насмеялся, тогда как вы плакали здесь вместе со мною, потому что вы не отвергли бы меня, как он, потому что вы любите, а он не любил меня, потому что я вас, наконец, люблю сама... да, люблю! люблю, как вы меня любите; я же ведь сама ещё прежде вам это сказала, вы сами слышали, — потому люблю, что вы лучше его, потому, что вы благороднее его, потому, потому, что он...

Волнение бедняжки было так сильно, что она не закончила, положила свою голову мне на плечо, потом на грудь и горько заплакала. Я утешал, уговаривал её, но она не могла перестать; она всё жала мне руку и говорила между рыданиями: «Подождите, подождите; вот я сейчас перестану! Я вам хочу сказать... вы не думайте, чтоб эти слёзы, — это так, от слабости, подождите, пока пройдёт...» Наконец она перестала, отёрла слёзы, и мы снова пошли. Я было хотел говорить, но она долго ещё всё просила меня подождать. Мы замолчали... Наконец она собралась с духом и начала говорить...

— Вот что, — начала она слабым и дрожащим голосом, но в котором вдруг зазвенело что-то такое, что вонзилось мне прямо в сердце и сладко зануло в нём, — не думайте, что я так непостоянна и ветрена, не думайте, что я могу так легко и скоро позабыть и изменить... Я целый год его любила и Богом клянусь, что никогда, никогда даже мыслью не была ему неверна. Он презрел это; он насмеялся надо мною, — Бог с ним! Но он уязвил меня и оскорбил моё сердце. Я — я не люблю его, потому что я могу любить только то, что великодушно, что понимает меня, что благородно; потому что я сама такова, и он недостоин меня, — ну, Бог с ним! Он лучше сделал, чем когда бы я потом обманулась в своих ожиданиях и узнала, кто он таков... Ну, конечно! Но почём знать, добрый друг мой, — продолжала она, пожимая мне руку, — почём знать, может быть, и вся любовь моя была обман чувств, воображения, может быть, началась она шалостью, пустяками, оттого, что я была под надзором у бабушки? Может быть, я должна любить другого, а не его, не такого человека, другого, который пожалел бы меня и, и... Ну, оставим, оставим это, — перебила Настенька, задыхаясь от волнения, — я вам только хотела сказать... я вам хотела сказать, что если, несмотря на то что я люблю его (нет, любила его), если, несмотря на то, вы ещё скажете... если вы чувствуете, что ваша любовь так велика, что может наконец вытеснить из моего сердца прежнюю... если вы захотите сжалиться надо мною, если вы не захотите меня оставить одну в моей судьбе, без утешения, без надежды, если вы захотите любить меня всегда, как теперь меня любите, то клянусь, что благодарность... что любовь моя будет наконец достойна вашей любви... Возьмёте ли вы теперь мою руку?

— Настенька, — закричал я, задыхаясь от рыданий, — Настенька!.. О Настенька!..

— Ну, довольно, довольно! ну, теперь совершенно довольно! — заговорила она, едва пересиливая себя, — ну, теперь уже всё сказано; не правда ли? так? Ну, и вы счастливы, и я счастлива; ни слова же

об этом больше; подождите; пощадите меня... Говорите о чём-нибудь другом, ради Бога!..

— Да, Настенька, да! довольно об этом, теперь я счастлив, я... Ну, Настенька, ну, заговорим о другом, поскорее, поскорее заговорим; да! я готов...

И мы не знали, что говорить, мы смеялись, мы плакали, мы говорили тысячи слов без связи и мысли; мы то ходили по тротуару, то вдруг возвращались назад и пускались переходить через улицу; потом оставались и опять переходили на набережную; мы были как дети...

— Я теперь живу один, Настенька, — заговорил я, — а завтра... Ну, конечно, я, знаете, Настенька, беден, у меня всего тысяча двести, но это ничего...

— Разумеется, нет, а у бабушки пенсия; так она нас не стеснит. Нужно взять бабушку.

— Конечно, нужно взять бабушку... Только вот Матрёна...

— Ах, да и у нас тоже Фёкла!

— Матрёна добрая, только один недостаток: у ней нет воображения, Настенька, совершенно никакого воображения; но это ничего!..

— Всё равно; они обе могут быть вместе; только вы завтра к нам переезжайте.

— Как это? к вам! — Хорошо, я готов...

— Да, вы наймите у нас. У нас там, наверху, мезонин; он пустой; жилища была, старушка, дворянка, она съехала, и бабушка, я знаю, хочет молодого человека пустить; я говорю: «Зачем же молодого человека?» А она говорит: «Да так, я уже стара, а только ты не подумай, Настенька, что я за него тебя хочу замуж сосватать». Я и догадалась, что это для того...

— Ах, Настенька!..

И оба мы засмеялись.

— Ну, полноте же, полноте. А где же вы живёте? я и забыла.

— Там, у —ского моста, в доме Баранникова.

— Это такой большой дом?

— Да, такой большой дом.

— Ах, знаю, хороший дом; только вы, знаете, бросьте его и переезжайте к нам поскорее...

— Завтра же, Настенька, завтра же; я там немножко должен за квартиру, да это ничего... Я получу скоро жалованье...

— А знаете, я, может быть, буду уроки давать; сама выучусь и буду давать уроки...

— Ну вот и прекрасно... а я скоро награждение получу, Настенька...

— Так вот вы завтра и будете мой жилец...

— Да, и мы поедem в «Севильского цирюльника», потому что его теперь опять дадут скоро.

— Да, поедem, — сказала смеясь Настенька, — нет, лучше мы будем слушать не «Цирюльника», а что-нибудь другое...

— Ну хорошо, что-нибудь другое; конечно, это будет лучше, а то я не подумал...

Говоря это, мы ходили оба как будто в чаду, в тумане, как будто сами не знали, что с нами делается. То останавливались и долго разговаривали на одном месте, то опять пускались ходить и заходили Бог знает куда, и опять смех, опять слёзы... То Настенька вдруг захочет домой, я не смею удерживать и захочу проводить её до самого дома; мы пускаемся в путь и вдруг через четверть часа находим себя на набережной у нашей скамейки. То она вздохнёт, и снова слезинка набежит на глаза; я оробею, похолодею... Но она тут же жмёт мою руку и тащит меня снова ходить, болтать, говорить...

— Пора теперь, пора мне домой; я думаю, очень поздно, — сказала наконец Настенька, — полно нам так ребячиться!

— Да, Настенька, только уж я теперь не засну; я домой не пойду.

— Я тоже, кажется, не засну; только вы проводите меня...

— Непременно!

— Но уж теперь мы непременно дойдём до квартиры.

— Непременно, непременно...

— Честное слово?... потому что ведь нужно же когда-нибудь воротиться домой!

— Честное слово, — отвечал я смеясь... — Ну, пойдёмте!

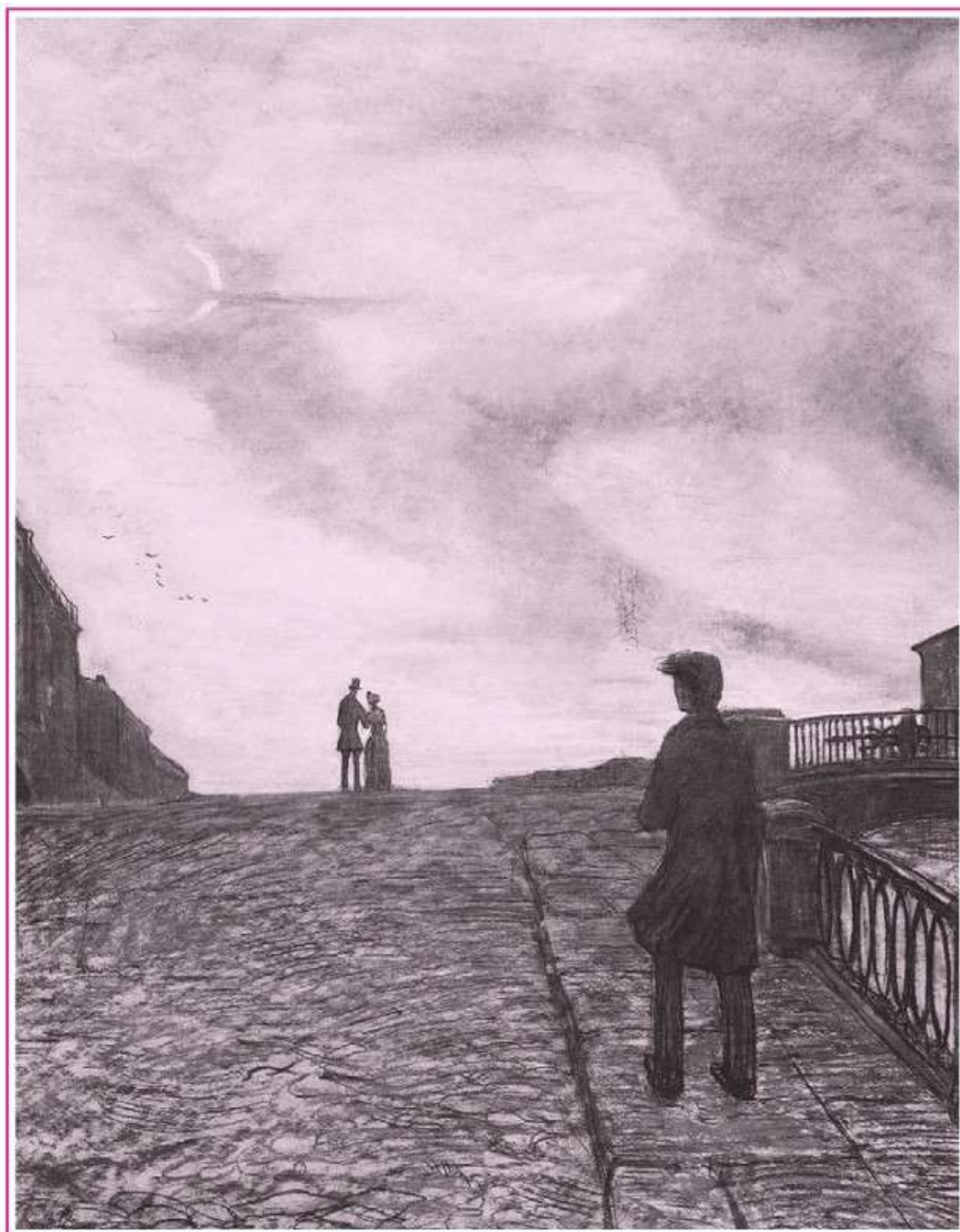
— Пойдёмте.

— Посмотрите на небо, Настенька, посмотрите! Завтра будет чудесный день; какое голубое небо, какая луна! Посмотрите: вот это жёлтое облако теперь застилает её, смотрите, смотрите!.. Нет, оно прошло мимо. Смотрите же, смотрите!..

Но Настенька не смотрела на облако, она стояла молча, как вкопанная; через минуту она стала как-то робко, тесно прижиматься ко мне. Рука её задрожала в моей руке; я поглядел на неё... Она оперлась на меня ещё сильнее. В эту минуту мимо нас прошёл молодой человек. Он вдруг остановился, пристально посмотрел на нас и потом опять сделал несколько шагов. Сердце во мне задрожало...

— Настенька, — сказал я вполголоса, — кто это, Настенька?

— Это он! — отвечала она шёпотом, ещё ближе, ещё трепетнее прижимаясь ко мне... Я едва устоял на ногах.

«Белые ночи». Настенька уходит. Художник И. Глазунов. 1970 г.

— Настенька! Настенька! это ты! — слышался голос за нами, и в ту же минуту молодой человек сделал к нам несколько шагов. Боже, какой крик! как она вздрогнула! как она вырвалась из рук моих и порхнула к нему навстречу!.. Я стоял и смотрел на них как убитый. Но она едва подала ему руку, едва бросилась в его объятия, как вдруг снова обернулась ко мне, очутилась подле меня, как ветер, как молния, и, прежде чем успел я опомниться, обхватила мою шею обеими руками и крепко, горячо поцеловала меня. Потом, не сказав мне ни слова, бросилась снова к нему, взяла его за руки и повлекла его за собою. Я долго стоял и глядел им вслед... Наконец оба они исчезли из глаз моих.

Утро

Мои ночи кончились утром. День был нехороший. Шёл дождь и уныло стучал в мои стёкла; в комнатке было темно, на дворе пасмурно. Голова у меня болела и кружилась; лихорадка прокрадывалась по моим членам.

— Письмо к тебе, батюшка, по городской почте, почтарь принёс, — проговорила надо мною Матрёна.

— Письмо! от кого? — закричал я, вскакивая со стула.

— А не ведаю, батюшка, посмотри, может, там и написано от кого. Я сломал печать. Это от неё!

«О, простите, простите меня! — писала мне Настенька, — на коленях умоляю вас, простите меня! Я обманула и вас и себя. Это был сон, призрак... Я изныла за вас сегодня; простите, простите меня!..

Не обвиняйте меня, потому что я ни в чём не изменилась пред вами; я сказала, что буду любить вас, я и теперь вас люблю, больше чем люблю. О Боже! если б я могла любить вас обоих разом! О, если б вы были он!»

«О, если б он были вы!» — пролетело в моей голове. Я вспомнил твои же слова, Настенька!

«Бог видит, что бы я теперь для вас сделала! Я знаю, что вам тяжело и грустно. Я оскорбила вас, но вы знаете — коли любишь, долго ли помнишь обиду. А вы меня любите!

Благодарю! да! благодарю вас за эту любовь. Потому что в памяти моей она напечатлелась, как сладкий сон, который долго помнишь после пробуждения; потому что я вечно буду помнить тот миг, когда вы так братски открыли мне своё сердце и так великодушно приняли в дар моё, убитое, чтоб его беречь, лелеять, вылечить его... Если

вы простите меня, то память об вас будет возвышена во мне вечным, благодарным чувством к вам, которое никогда не изгладится из души моей... Я буду хранить эту память, буду ей верна, не изменю ей, не изменю своему сердцу: оно слишком постоянно. Оно ещё вчера так скоро воротилось к тому, которому принадлежало навеки.

Мы встретимся, вы придёте к нам, вы нас не оставите, вы будете вечно другом, братом моим... И когда вы увидите меня, вы подадите мне руку... да? вы подадите мне её, вы простили меня, не правда ли? Вы меня любите по-прежнему?

О, любите меня, не оставляйте меня, потому что я вас так люблю в эту минуту, потому что я достойна любви вашей, потому что я заслужу её... друг мой милый! На будущей неделе я выхожу за него. Он воротился влюблённый, он никогда не забывал обо мне... Вы не рассердитесь за то, что я об нём написала. Но я хочу прийти к вам вместе с ним; вы его полюбите, не правда ли?..

Простите же, помните и любите вашу

Настеньку».

Я долго перечитывал это письмо; слёзы просились из глаз моих. Наконец оно выпало у меня из рук, и я закрыл лицо.

— Касатик! а касатик! — начала Матрёна.

— Что, старуха?

— А паутину-то я всю с потолка сняла; теперь хоть женись, гостей созывай, так в ту ж пору...

Я посмотрел на Матрёну... Это была ещё бодрая, молодая старуха, но, не знаю отчего, вдруг она представилась мне с потухшим взглядом, с морщинами на лице, согбенная, дряхлая... Не знаю отчего, мне вдруг представилось, что комната моя постарела так же, как и старуха. Стены и полы облиняли, всё потускнело; паутины развелось ещё больше. Не знаю отчего, когда я взглянул в окно, мне показалось, что дом, стоявший напротив, тоже одряхлел и потускнел в свою очередь, что штукатурка на колоннах облупилась и осыпалась, что карнизы почернели и растрескались и стены из тёмно-жёлтого яркого цвета стали пегие...

Или луч солнца, внезапно выглянув из-за тучи, опять спрятался под дождевое облако, и всё опять потускнело в глазах моих; или, может быть, передо мною мелькнула так неприветно и грустно вся перспектива моего будущего, и я увидел себя таким, как я теперь, ровно через пятнадцать лет, постаревшим, в той же комнате, так же одиноким, с той же Матрёной, которая несколько не поумнела за все эти годы.

Но чтоб я помнил обиду мою, Настенька! Чтоб я нагнал тёмное облако на твоё ясное, безмятежное счастье, чтоб я, горько упрекнув, нагнал тоску на твоё сердце, уязвил его тайным угрызением и заставил его тоскливо биться в минуту блаженства, чтоб я измял хоть один из этих нежных цветков, которые ты вплела в свои чёрные кудри, когда пошла вместе с ним к алтарю... О, никогда, никогда! Да будет ясно твоё небо, да будет светла и безмятежна милая улыбка твоя, да будешь ты благословенна за минуту блаженства и счастья, которое ты дала другому, одинокому, благодарному сердцу!

Боже мой! Целая минута блаженства! Да разве этого мало хоть бы и на всю жизнь человеческую?..

Размышляем о прочитанном

1. Где и когда родился Ф. М. Достоевский? В какой семье? Какое произведение принесло ему первый успех?
2. Какие романы он написал? Какие из них прочитаны вами? Передайте кратко содержание известного вам романа.
3. **Дискуссия.** Дайте характеристику героям повести «Белые ночи» — мечтателю или Настеньке (на выбор). Как вы думаете, сочувствует автор герою, или осуждает его, или осуждает и сочувствует?
4. В чём, по Достоевскому, особая миссия России? На чём сосредоточен писатель в своих произведениях?
5. Что пробудило новый интерес общества к А. С. Пушкину и какую роль сыграл в этом Ф. М. Достоевский?

Творческое задание

Какое впечатление произвели на вас герои «Белых ночей» и какую роль в этом сыграл образ города? Подготовьте устное сообщение на тему «Образ города в повести „Белые ночи“» с примерами из текста.

Литература и другие виды искусства

Отражают ли иллюстрации М. Добужинского, И. Глазунова настроение «Белых ночей» Ф. М. Достоевского? Подготовьте развёрнутый ответ на этот вопрос, приводя цитаты из текста произведения.

Учимся читать выразительно

1. Обратите внимание на слова и словосочетания, характерные для героев «Белых ночей»; объясните их, включите в предложения собственной конструкции: *поверить мне на слово, не отвергнуть робкой мольбы, у меня стеснилось сердце, братское сострадание, непременно приду.*
2. Объясните следующие слова и словосочетания, подберите к ним синонимы: *чудная ночь, любезный читатель, сердитые господа, удивительная тоска, завести знакомство, покидать, изучил их физиономии, в известный час, хандрить, затуманиться, почтенный господин, неизъяснимо-трогательное, сострадательная любовь, затаив дыхание, остановился как вкопанный, неотразимый резон, мельком взглянул, мигом очутился, в энергических терминах, сердце моё трепетало, господин солидных лет, летит со всех ног, срывается с места.*

Литература и другие виды искусства

С чем сравнивает герой петербургскую природу? Удалось ли М. Добужинскому это сравнение подчеркнуть? Какие «краски» используются для этого сравнения писателем и художником?

Творческое задание

Что хотел сказать автор читателю рассуждением своего героя?

«Небо было такое звёздное, такое светлое небо, что, взглянув на него, невольно нужно было спросить себя: неужели же могут жить под таким небом разные сердитые и капризные люди? Это тоже молодой вопрос, любезный читатель, очень молодой, но пошли его Вам Господь чаще на душу!..»

Подготовьте развёрнутый ответ на этот вопрос.

Проект

Работа в группе. Используя материалы сайтов <http://gotourl.ru/12212>, <http://gotourl.ru/12213>, а также другие ресурсы Интернета, подготовьте электронный альбом «„Белые ночи“ Ф. М. Достоевского в иллюстрациях русских художников» со вступительной статьёй и биографическими справками о художниках.

СПРАВОЧНЫЙ РАЗДЕЛ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕСТА РОССИИ

Александр Сергеевич Пушкин

Оренбург

Собирая материал к «Истории Пугачёвского бунта» и «Капитанской дочке», Пушкин предпринял поездку по пугачёвским местам Поволжья и Урала.

Одним из основных пунктов путешествия был Оренбург. В этот город Пушкин приехал 18 сентября 1833 года и остановился у своего давнего знакомого графа В. А. Перовского, военного губернатора Оренбургской губернии (родного брата писателя Антония Погорельского, автора «Чёрной курицы...»). Здесь же поэт встретился с другим своим хорошим знакомым, писателем и врачом Владимиром Ивановичем Далем, который служил в то время в Оренбурге. Даль вызвался познакомить Пушкина с достопримечательностями города и окрестностей, связанными с восстанием Пугачёва; 19 сентября вместе с В. И. Далем Пушкин отправился в Бердскую слободу, находившуюся в семи верстах от Оренбурга, на левом берегу реки Сакмары (ныне в границах города). Во вре-

Оренбург. Большая площадь. *Неизвестный художник. 1830-е гг.*
Государственный литературный музей, Москва

Памятник А. С. Пушкину и В. И. Далю в Оренбурге.
Скульптор Н. Петин

мя осады Оренбурга Берда была столицей бунтовщиков. Отсюда рассылались манифесты, воззвания, «прелестные письма»¹.

Ко времени приезда Пушкина в Берду там ещё был в сохранности «дворец» Пугачёва — изба, при самозванце оклеенная внутри золотой бумагой. Теперь на месте «дворца» стоит памятная стела с мемориальными досками. Пушкин встречался со стариками и старухами, помнившими пугачёвские события, подробно расспрашивал и записывал их воспоминания в записную книжку. Эпизоды рассказов, записанных в Берде, были затем использованы в «Капитанской дочке». Довольный рассказами, Пушкин дал одной из старух-казачек золотой червонец. В. И. Даль вспоминал, что червонец этот «наделал большую суматоху». Бердские старики ездили в Оренбург доложить начальству, что приезжал чужой человек, подбивал под Пугачёва, одаривал золотом...

Утром 20 сентября Пушкин из Оренбурга выехал в Уральск.

Сайт музея: <http://gotourl.ru/15537>

¹ Имеются в виду письма, призывающие, «прельщающие» на сторону бунтовщиков.

Михаил Юрьевич Лермонтов

Москва

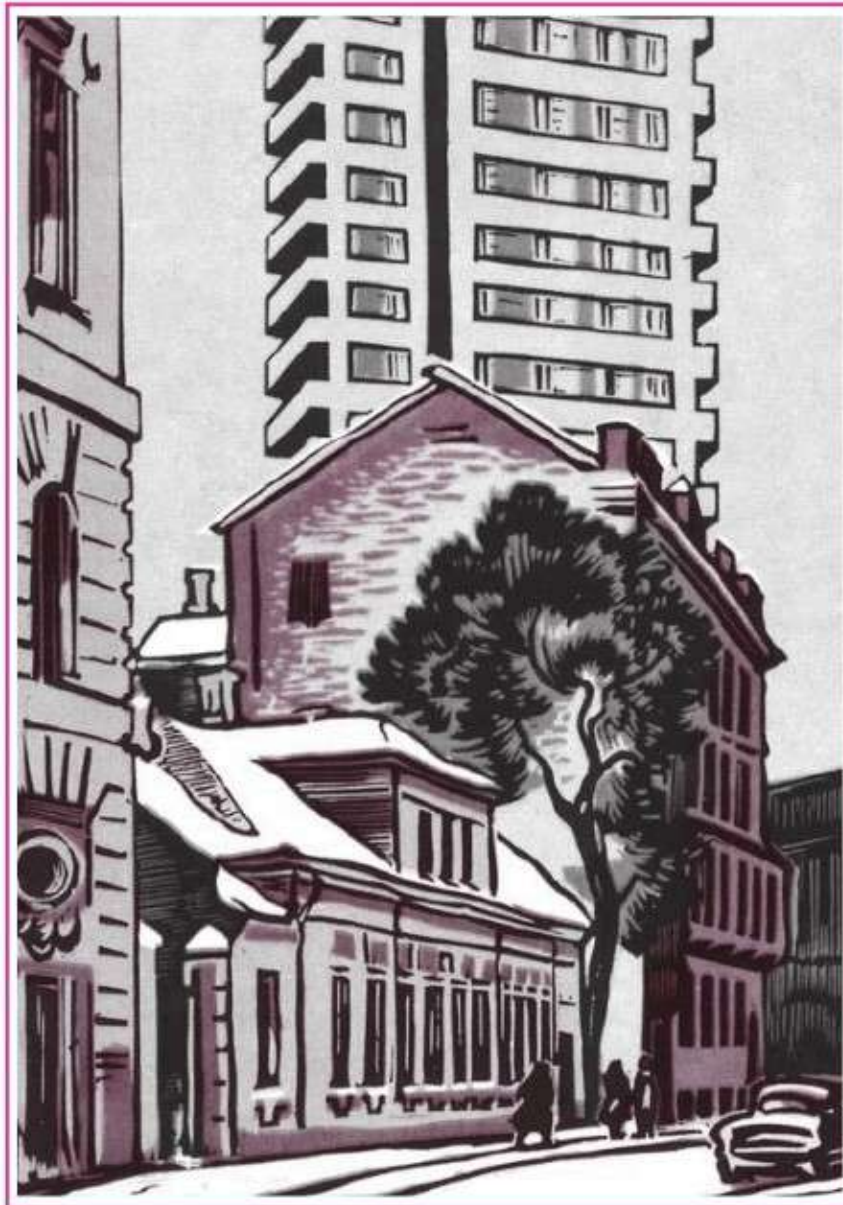
М. Ю. Лермонтов родился в ночь со 2 на 3 октября 1814 года в доме, стоявшем на месте высотного здания (ул. Садовая-Спасская, 21). Этот дом снимала его бабушка Е. А. Арсеньева. Лермонтова грудным ребёнком увезли в село Тарханы Пензенской губернии и вновь привезли в Москву, когда ему было пять лет.

В 1828—1830 годах Лермонтов учился в Благородном пансионе при Московском университете, здание которого находилось на Тверской улице, на том месте, где теперь стоит Центральный телеграф. В пансионе существовало литературное общество, составлялись альманахи и даже ежемесячный журнал, где помещались ранние произведения Лермонтова. В ту пору им были созданы первые поэмы — «Черкесы» и «Кавказский пленник».

В 1829 году Лермонтов вместе с бабушкой переезжает на Малую Молчановку. Уютный одноэтажный деревянный особняк с мезонином, некогда утопавший в зелени, сейчас притулился за многоэтажными зданиями Нового Арбата. Мемориальная доска напоминает, что здесь в 1829—1832 годах жил великий русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов. Об этом нам напоминает бюст поэта, установленный перед домом-музеем в 1994 году (скульптор А. Бурганов, архитектор М. Посохин). Финансировал проект Союз антикваров Москвы, поэтому на постаменте надпись — «Лермонтову — Союз антикваров».

Обстановка этого трепетно-живого музея передаёт атмосферу, в которой рос и формировался поэт. Три комнаты первого этажа — большая и малая гостиные и комната бабушки Лермонтова Е. А. Арсеньевой, залитые в солнечные дни светом, обставлены мебелью 1830-х годов. В мезонин, где жил юный Лермонтов, ведёт внутренняя деревянная лестница. Вот по таким ступеням взбегал он в свою комнату... Сейчас там хранятся рукописи поэта, его библиотека, воссозданная по разработке сотрудников музея, портрет отца.

В этом доме в годы студенчества Лермонтовым было написано около 100 стихотворений, трагедия «Люди и страсти», драма «Станный человек» — во многом автобиографическое произведение, трагедия «Испанцы», поэмы «Исповедь», «Джюлио», «Последний сын вольности». Здесь юноша Лермонтов работал над поэмой «Демон», читал друзьям вольнолюбивые стихи, здесь они обсуждали жгучие вопросы современности.

Дом-музей М. Ю. Лермонтова в Москве.
Улица Малая Молчановка, дом 2.
Художник А. Каримов

Из этого дома Лермонтов уезжает в Петербург. Может быть, именно эти переулки и улицы, прилегающие к Малой Молчановке, он представлял себе, когда 2 сентября 1832 года из Петербурга писал В. А. Лопухиной: «...Москва — моя родина и всегда ею останется. Там я родился, там много страдал и там же был слишком счастлив!»

К. Стародуб

Сайт музея: <http://gotourl.ru/12210>

Николай Васильевич Гоголь

Москва

В 1832 году Гоголь впервые приехал в Москву, где у него было множество друзей. Он часто бывал в старой столице наездами, жил у хороших знакомых. Здесь же, в Белокаменной, он провёл последние четыре года своей жизни.

В Москве жил его земляк — знаменитый актёр Михаил Семёнович Щепкин. Щепкин блистательно сыграл роли в гоголевских пьесах: городничего в «Ревизоре», Подколёсина в «Женитьбе», Утешительного в «Игроках». Критики писали о Сквознике-Дмухановском в исполнении Щепкина: «Кажется, что Гоголь с него списывал своего городничего, а не он выполнял роль, написанную Гоголем». Крепкая дружба связывала великого писателя и знаменитого актёра. Гоголь часто бывал в доме Щепкина в Большом Каретном переулке (дом не сохранился).

Другой московский адрес Гоголя — дом Аксаковых. Именно здесь, у Аксаковых, Гоголь впервые публично читал главы из «Мёртвых душ». Приезжая в Москву, Гоголь неоднократно останавливался в доме профессора Московского университета, известного историка М. П. Погодина (ныне улица Погодинская, на месте домов 10—12). Усадьба Погодина до наших дней не сохранилась. Место усадьбы сегодня мы узнаём по «Погодинской избе», бывшей одним из флигелей усадебного дома, в котором Гоголь жил в 1839—1840, 1841—1842 и 1848 годах. В доме Погодина Гоголь работал над первым томом «Мёртвых душ», повестью «Портрет», закончил новую редакцию «Тараса Бульбы».

«Погодинская изба». Москва, Погодинская улица, дом 12.
Художник А. Каримов

Москва. Никитский бульвар, дом 7, в котором Н. В. Гоголь читал актёрам Малого театра комедию «Ревизор».

Художник А. Каримов

С 1848 по 1852 год Гоголь жил в доме на Никитском бульваре. В этом доме писатель работал над вторым томом «Мёртвых душ». О трагедии, которая произошла в доме № 7 по Никитскому бульвару, М. П. Погодин писал в журнале «Москвитянин». Гоголь в ночь на 12 февраля «...велел открыть трубу как можно тише, чтобы никого не разбудить, и потом подать из шкафа портфель. Когда портфель был принесён, он вынул оттуда связку тетрадей, перевязанных тесёмкой, положил её в печь и зажёл свечой из своих рук». Подготовленный к печати второй том «Мёртвых душ» был сожжён.

Девять дней спустя Гоголь умер. Писателя похоронили на кладбище Свято-Данилова монастыря. В 1931 году прах Гоголя был перенесён на Новодевичье кладбище.

В 1951 году во двор дома на Никитском бульваре был перенесён памятник Н. В. Гоголю работы скульптора Н. А. Андреева (первоначально, в 1909 году, его поставили в начале бульвара). На фасаде дома установлена мемориальная доска. В настоящее время в доме располагается городская библиотека имени Н. В. Гоголя, в которой две комнаты превращены в музей «Мемориальные комнаты Н. В. Гоголя».

Сайт музея: <http://gotourl.ru/15538>

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
----------------	---

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Повесть о житии и о храбрости благородного и великого князя Александра Невского	7
<i>Русская история в картинах</i>	15

ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА

Д. И. Фонвизин	18
«Сатиры смелый властелин»	20
Недоросль. Комедия в пяти действиях. (В сокращении)	21
<i>Фонвизин и классицизм</i>	48

ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

XIX век — золотой век отечественной словесности	53
А. С. Пушкин	58
<i>Стихотворения</i>	60
К Чаадаеву	—
Анчар	62
<i>Маленькие трагедии</i>	66
Моцарт и Сальери	—
<i>Поразмыслим вместе</i>	77
История Пугачёвского бунта. (Отрывки)	82
Капитанская дочка	87
<i>Исторический труд А. С. Пушкина и роман</i> «Капитанская дочка»	183
М. Ю. Лермонтов	193
Казачья колыбельная песня	194
Валерик	196
Мцыри	206
Начальное представление о романтизме и романтически-условный историзм М. Ю. Лермонтова	230
Поэма М. Ю. Лермонтова «Мцыри» в оценке русской критики и литературоведения	232

Н. В. Гоголь	235
<i>О замысле, написании и постановке «Ревизора»</i>	236
Ревизор. Комедия в пяти действиях	239
<i>О новизне «Ревизора»</i>	317
Шинель	322

ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

И. С. Тургенев	351
Первая любовь. (<i>Отрывки</i>)	352
Ф. М. Достоевский	371
<i>Ф. М. Достоевский и современники</i>	372
<i>В творческой лаборатории Ф. М. Достоевского</i>	377
«Белые ночи»	378
Белые ночи. (<i>В сокращении</i>)	379

СПРАВОЧНЫЙ РАЗДЕЛ

Литературные места России	407
А. С. Пушкин.	
Оренбург	—
М. Ю. Лермонтов.	
Москва	409
Николай Васильевич Гоголь.	
Москва	411

Список заимствованных иллюстраций

1. *Бенца А. «Капитанская дочка»* // А. С. Пушкин в русской и советской иллюстрации / Сост. И. П. Врубель, В. Ф. Муленкова. — М.: Книга, 1987. — С. 315. 2. *Боровский Д. «Первая любовь»* // Тургенев И. С. Собрание сочинений. В 12 т. Т. 6. Повести и рассказы 1854—1860 гг. — М.: ГИХЛ, 1955. — Вкл. 4. 3. *Герасимов С. «Капитанская дочка»*. Гринёв и Мама Миронова // Калаушин М. М. Пушкин в портретах и иллюстрациях: Пособие для учителей средней школы. — Л.: Учпедгиз, 1956. — С. 267. 4. *Герасимов С. «Капитанская дочка»*. Пугачёв в Бердской слободе // А. С. Пушкин в изобразительном искусстве. — М.: Изогиз, 1961. — Ил. 146. 5. *Глазунов И. «Белые ночи»*. Дождь; На стенка уходит // Волков О. В. Художник и время. Илья Глазунов. Альбом. — М.: Советская Россия, 1984. — С. 166, 167. 6. *Добужинский М. «Белые ночи»* // Большаков М. В. Декор и орнамент в книге. — М.: Книга, 1990. — С. 140. 7. *Калита Н. «Недоросль»*. Митрофан; Тришка; Простакова; Простаков; Скотинин; Правдин; Милон; Еремеевна; Стародум и Софья // Фонвизин Д. И. Недоросль: Комедия в 5 действиях. — М.: Гослитиздат, 1958. — С. 1—9, 13. 8. *Каримов А. «Погодинская изба»*. «Москва. Погодинская улица, дом 12», «Москва. Улица Малая Молчановка, дом 5», «Москва. Никитский бульвар, дом 7» // Каримов А.: Набор открыток. — М.: Изобразительное искусство, 1978. — Откр. 5, 8, 9. 9. *Константинов Ф. «Мцыри»* // М. Ю. Лермонтов. Картины и рисунки поэта. Иллюстрации к его произведениям. — Л.: Советский художник, 1964. — С. 84. 10. *Константиновский А. «Ревизор»*. Хлестаков рассказывает; Хлестаков берёт деньги у Хлопова // Гоголь Н. В. Ревизор. — М.; Л.: Детгиз, 1952. — С. 56. 11. *Кочергин Н. «Анчар»* // Пушкин А. С. Стихи. — М.: Детская литература, 1983. — С. 11. 12. *Серов В. Везд Александр Певского в Псков после Ледового побоища. 1945 г.* // Лебедев А. К. Владимир Серов. — М.: Искусство, 1984 — Ил. 20 (с. 17). 13. *Шмаринов Д. «Капитанская дочка»* // Пушкин А. С. Дубровский; Капитанская дочка. — М.: Детская литература, 2002. — С. 223.

При подготовке издания использованы материалы

— **музеев:** 1. С. 371. Бобров В. Ф. М. Достоевский. Гравюра по фотографии М. Панова / Государственный Русский музей, Санкт-Петербург. 2. *Титул, обложка, с. 193*. Заряно С. М. Ю. Лермонтов в сюртуке Тенгинского пехотного полка. 1842 (?) г. / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Санкт-Петербург. 3. С. 58. Кипренский О. Портрет А. С. Пушкина. 1827 г. / Государственная Третьяковская галерея, Москва. 4. *Титул, обложка, с. 235*. Моллер Ф. Портрет Н. В. Гоголя. 1841 г. / Государственный литературный музей, Москва. 5. С. 372. Перов В. Портрет Ф. М. Достоевского. 1872 г. / Государственная Третьяковская галерея, Москва. 6. *Титул, обложка*. Райт Т. Портрет А. С. Пушкина. 1836—1837 гг. / Всероссийский музей А. С. Пушкина, Санкт-Петербург. 7. *Титул, обложка, с. 18*. Скотников Е. Д. И. Фонвизин. 1821 г. Гравюра / Государственный музей А. С. Пушкина, Москва.

— **фотобанков:** 1. С. 8. Корин П. Александр Невский. Центральная часть триптиха / © Легион-Медиа. 2. С. 16. Семирадский Г. Эскиз картины «Александр Невский принимает папских легатов» / © РИА Новости. 3. С. 76. Бехтеев В. «Моцарт и Сальери» / © РИА Новости. 4. С. 221. Тоидзе И. «Мцыри» / © РИА Новости. 5. С. 289. Константиновский А. «Ревизор». Хлестаков берёт деньги у Хлопова / © Александр Иосифович / © Легион-Медиа. 6. С. 351. Фотография И. С. Тургенев / © Everett Historical / Shutterstock.com. 7. С. 375. Памятник Ф. М. Достоевскому в Старой Руссе. Скульптор В. Клыков / © Anton_Ivanov / Shutterstock.com. 8. С. 407. Неизвестный художник. Оренбург. Большая площадь. 1830-е гг. / © Neveshkin Nikolay / Shutterstock.com. 9. С. 408. Памятник А. С. Пушкину и В. И. Далю в Оренбурге. Скульптор Н. Петин / © Целоусов Дмитрий Геннадьевич / Фотобанк Лори.

Учебное издание

**Коровина Вера Яновна, Журавлев Виктор Петрович,
Коровин Валентин Иванович**

ЛИТЕРАТУРА

8 класс

Учебник

В двух частях

ЧАСТЬ 1

Центр литературы

Ответственный за выпуск *Е. Н. Бармина*

Редакторы *Е. И. Правоторова, Е. Н. Бармина*

Художественный редактор *Е. В. Дьякова*

Техническое редактирование

и компьютерная вёрстка *О. А. Карповой, И. Ю. Соколовой*

Корректор *Н. А. Смирнова*

Подписано в печать 03.11.2022. Формат 70×90/16. Бумага офсетная. Гарнитура Школьная. Уч.-изд. л. 20,93. Усл. печ. л. 30,33. Тираж экз. Заказ № .

Акционерное общество «Издательство «Просвещение». Российская Федерация, 127473, г. Москва, ул. Краснопролетарская, д. 16, стр. 3, этаж 4, помещение 1.

Адрес электронной почты «Горячей линии» — vopros@prosv.ru.